Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

Зборнік навуковых прац

Выпуск 13

Частка 1
Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2017

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар
А.М. Сендзер
Намеснікі галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан *(частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі)*
А.Я. Будзько *(частка 2. Прыродазнаўчыя навукі)*
Рэдакцыйны савет:
В.Е. Гайдук, К.К. Красоўскі, Л.Г. Лысюк, Б.М. Ляпешка, З.П. Мельнікава, А.Ф. Равінскі
Міжнародны савет:
А.А. Афонін (Расія), В.Р. Бязрогаў (Расія), Ф.Я. Васілюк (Расія), В.А. Главан (Малдова), Марцін Грабэ (Германія), М.М. Громаў (Расія), В.В. Дзікусар (Расія), Андраш Золтан (Венгрыя), Антон Мірановіч (Польшча), В.А. Несцяроўскі (Украіна), Ежы Нікітаровіч (Польшча), Станіслаў Рудальф (Польшча), Б.В. Саліхаў (Расія), В.Р. Самойленка (Украіна), Фелікс Чыжэўскі (Польшча), Антоні Юўка (Польшча), Эдвард Ярмах (Польшча)
Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст *(адказны рэдактар Часткі 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі)*,
Н.С. Ступень *(адказны рэдактар Часткі 2. Прыродазнаўчыя навукі),*
У.В. Амелькін, С.В. Арцёменка, М.А. Багдасараў, В.Ф. Байнёў, В.У. Будкевіч, А.М. Вабішчэвіч, І.Я. Валітава, В.М. Ватыль, П.А. Вадап'янаў, А.М. Вітчанка, А.А. Волчак, Т.А. Гарупа, А.М. Грыгаровіч, А.А. Гужалоўскі, А.Л. Гулевіч, Т.І. Доўнар, М.П. Жыгар, Г.А. Зорын, В.І. Іўчанкаў, М.С. Кавалевіч,Т.А. Кавальчук, Ч.С. Кірвель, У.Л. Клюня, П.П. Крусь, У.У. Лосеў, А.А. Лукашанец, М.І. Ляўчук, В.С. Манахаў, І. П. Мартынаў, А.А. Махнач, А.В. Мацвееў, У.А. Плецюхоў, Я.В. Радына, С.В. Рашэтнікаў, Д.Г. Ротман, В.Ф. Русецкі, А.А. Савіч, У.С. Секяржыцкі, М.М. Сендзер, У.А. Сенькавец, Я.У. Скакун, А.С. Сляповіч, В.А. Сцепановіч, В.І. Сянкевіч, Л.Р. Цітарэнка, М.М. Труш, А.В. Чычурын, І.А. Швед, Я.К. Яловічава, Я.С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: *vesnik@brsu.brest.by*

ISBN 978-985-555-756-3 (ч. 1)
ISBN 978-985-555-755-6

© УА «БрДУ імя А.С. Пушкіна», 2017

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

ЗБОРНІК НАВУКОВЫХ ПРАЦ

2017 • Вып. 13 • Ч. 1

Змест

СТАРОНКІ ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Сендер А.Н. Региональный контекст развития науки в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина 9

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. О смысле идеологии 11

ГІСТОРЫЯ

Бурик Е.А. Специфика приграничного положения восточного Полесья в 1939–1941 гг. 17

Бодак А.Ю. Выборы в местные советы в западных районах БССР в декабре 1940 г. (на примере Ганцевичского района) 23

Свирид А.Н. Институализация государственного управления Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин после окончания Первой мировой войны 31

ФІЛАЛОГІЯ

Мельнікава З.П. Умець жыць духам: этычна-каштоўнаснае мысленне пісьменніка Янкі Брыля і літаратуразнаўцы Уладзіміра Калесніка 39

Швед І.А. Міфасемантыка і функцыянальнасць лебедзя ў беларускім фальклоры 47

Сенкевич В.И. Пафосная демонология и этическая мифология 57

Поўх І.В. Праблема нацыянальнай самасвядомасці ў беларускім і замежным літаратуразнаўстве XX стагоддзя 68

ПРАВА

Пашаев Х.П. О понятии «семья» в российском законодательстве 76

Робак В.А. Ответственность за незаконный оборот оружия по законодательству некоторых стран 81

Доброрез И.А. Актуальные проблемы правового регулирования участия прокурора в рассмотрении судами дел о несостоятельности (банкротстве) 90

Тюнин В.А. Надзорные полномочия прокурора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия 94

Краснобаева Л.А., Тимошенко М.В. Миграционная политика как компонент демографической политики Республики Беларусь 98

Комарова Е.А. Порядок избрания и применения меры пресечения в рамках международного сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь 105

ПСІХАЛОГІЯ

Медведская Е.И. Типология представителей информационных культур: теоретическое моделирование и возможности операционализации 109

Лагонда Г.В. Специфика субъективного благополучия матерей в семьях с различным количеством детей 116

Былинская Н.В. Феномен имплицитных теорий личности в психологической науке 124

ПЕДАГОГІКА

Ковалевич М.С. Гуманистическая модель педагогического сопровождения развития субъектности студентов в профессиональном образовании 132

Александрович Т.В., Галабурда Т.М. Педагогическое сопровождение развития креативных способностей детей старшего дошкольного возраста: теоретические основания и способы решения 144

Займист Г.И., Григорович Е.Н. Академическая адаптация и профессиональная предадаптация первокурсников (опыт юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина) 151

Иванюк Н.В. Лингводидактические основы формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей вуза 159

САЦЫЯЛОГІЯ

Szczepański M. «Dylemat więźnia» w kontekście teorii gier 166

Лысюк А.И. Сенека и современные социальные вызовы 172

Крусь П.П., Соколовская М.Г. Гендерная проблематика в концепции Платона 180

Храмов С.М. Преодоление гендерных стереотипов в Республике Беларусь 188

Жук Г.В. Путь к истине (к 95-летию со дня рождения Александра Зиновьева) 195

ЭКАНОМІКА

Одиноченкова Н.В. Обеспечение стабильного устойчивого развития предприятий промышленности 201

Седель О.Я., Петрукович Д.А. Особенности инновационной политики регионального развития экономики 207

Карлин Н.И., Борисюк Е.В. Государственный долг Украины как основная угроза ее экономической безопасности 216

Ciekanowski Z., Siluk T. Planowanie przeprowadzenia zmiany w organizacji 223

Варакулина М.В. Оценка системы управления персоналом на предприятии: теоретико-методологический аспект 231

Петрукович Д.А., Седель О.Я. Пути повышения конкурентоспособности организации в особых условиях 239

РЭЦЭНЗІІ

Забейворота А.И. Некоторые рассуждения по поводу нового учебника профессора Игоря Понкина «Теория публичного управления» 245

Ministry of education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest state university named after A.S. Pushkin»

Scientific Proceeding

Of Brest University

Collection of Scientific Works

Issue 13

Part 1
The Humanities and Social Sciences

Brest • 2017

Founded 2005

Editor-in-chief
A.N. Sender
Editor-in-chief Deputies
S.A. Marzan *(part 1. The Humanities and Social Sciences*)
A.Ya. Budzko *(part 2. The Natural Sciences)*
Editorial council:
V.E. Gaiduk, K.K. Krasouski, L.G. Lysyuk, B.M. Lyapeshka, Z.P. Melnikava, A.F. Ravinski
International council:
A.A. Afonin (Russia), V.G. Byazrogau (Russia), F.Ya. Vasilyuk (Russia), V.A. Glavan (Moldova), Martin Grabe (Germany), M.M. Gromau (Russia), V.V. Dzikusar (Russia), Andrash Zoltan (Hungary), Anton Miranovich (Poland), V.A. Nestsyarouski (Ukraine), Ezhy Nikitarovich (Poland), Stanislav Rudalf (Poland), B.V. Salikhau (Russia), V.G. Samoilenka (Ukraine), Felix Chyzhewski (Poland), Antoni Yuvka (Poland), Edvard Yarmokh (Poland)
Editorial board:
G.I. Zaimist *(managerial editor part 1. The Humanities and Social Sciences),*
N.S. Stupen *(managerial editor part 2. The Natural Sciences),*
V.V. Amelkin, S.V. Artsyomenka, M.A. Bagdasarau, V.F. Bainyou, V.U. Budkevich, A.M. Vabishchevich, I.Ya. Valitava, V.N. Vatyl, P.A. Vadapyanau, A.N. Vitchanka, A.A. Volchak, T.A. Garupa, A.M. Grygarovich, A.A. Guzhalouski, A.L. Gulevich, T.I. Dounar, M.P. Zygar, G.A. Zoryn, V.I. Iuchankau, M.S. Kavalevich, T.A. Kavalchuk, C.S. Kirvel, U.L. Klyunya, P.P. Krus, V.V. Loseu, A.A. Lukashanets, M.I. Lyauchuk, V.S. Manakhau, Y.F. Martynau, A.A. Makhnach, A.V. Matveev, U.A. Pletsyukhou, Y.V. Radyna, S.V. Rashetnikau, D.G. Rotman, V.F. Rusetski, A.A. Savich, V.S. Sekyarzhytski, N.N. Sender, V.A. Senkavets, E.V. Skakun, E.S. Slyapovich, V.A. Stepanovich, V.I. Senkevich, L.R. Tsitarenka, N.N. Trush, A.V. Chychuryn, I.A. Shved, Y.K. Yalovichava, Y.S. Yaskevich

Publishing house address:
224665, Brest, Bulvar Kosmonavtov,21
tel.: 21-72-07
e-mail: *vesnik@brsu.brest.by*

ISBN 978-985-555-756-3 (p. 1)
ISBN 978-985-555-755-6

© EE «BrSU named after A.S. Pushkin», 2017

Scientific Proceeding

of Brest University

COLLECTION OF SCIENTIFIC WORKS

2017• Issue 13• Part 1

Contents

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Sender A.N. The Regional Context of the Development of Science in the Brest State University named after A.S. Pushkina 9

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. On the Meaning of Ideology 11

HISTORY

Burik E.A. The Specificity of the Cross-Border Situation of the Eastern Polesie in 1939–1941 17

Bodak A.Yu. Elections to Local Advice in the Western Regions of the BSSR in December 1940 (on the Example of the Hantsevich District) 23

Svirid A.N. Institutionalization of Public Administration of Malorita, Velikorita and Oltush Municipalities after the First World War 31

PHILOLOGY

Melnikava Z.P. To be Able to Live by the Spirit: Ethics and Value Thinking of the Writer Yanka Bryl and Literary Critic Uladzimir Kalesnik 39

Shved I.A. Mythosemantics and Functionality of a Swan in the Belarusian Folklore 47

Senkevich V.I. Pathos Demonology and Ethic Mythology 57

Powkh I.V. The National Identity Issue in Belarusian and Foreign Literary Criticism of the 20th Century 68

LAW

Pashaev H.P. About the Concept of «Family» in the Russian Legislation 76

Robak V.A. Responsibility for Illegal Arms Trafficking, under the Legislation of some Countries 81

Dobrorez I.A. Actual Problems of Legal Regulation of Prosecutor Participation in Litigation the Cases of Insolvency (Bankruptcy) by Courts 90

Tyunin V.A. Supervisory Powers of Prosecutor for the Execution of the Laws by the Bodies of Inquiry and Preliminary Investigation 94

Krasnobaeva L.A., Timoshenko M.V. Migration Policy as a Component of the Demographic Policy of the Republic of Belarus 98

Komarova E.A. The Order of Selection and Application of a Measure of Restriction within a Framework of International Cooperation of the Russian Federation and the Republic of Belarus 105

PSYCHOLOGY

Medvedskaya E.I. The Typology of Representatives of Information Cultures: the Theoretical Modeling and Possibilities of Operationalization 109

Lagonda G.V. Specificity of Subjective Well-being of Mothers in Families with Various Number of Children 116

Bylinskaya N.V. The Phenomenon of Implicit Theories of the Person in Psychological Science 124

PEDAGOGICS

Kovalevich M.S. Humanistic Model of Pedagogical Accompaniment of the Development of Subjectivity of Students in Vocational Education 132

Alexandrovich T.V., Galaburda T.M. Pedagogical Accompaniment of the Development of Creative Abilities of Children Under School Age: Theoretical Bases and Ways of Solution 144

Zaimist G.I., Grigorovich E.N. Academic Adaptation and Professional Pre-adaptation of First-Year Students (Experience of Law Department of Brest State University Named after A.S. Pushkin) 151

Ivaniuk N.V. Linguistic and Didactic Formation Basis of Foreign Language Professional Communicative Competence of the Students of Non-Linguistic Specialties 159

SOCIOLOGY

Shchepanski M. «Prisoner's Dilemma» in the Contest of the Game Theory 166

Lysiuk A.I. Seneca and Contemporary Social Challenges 172

Krus P.P., Sokolovskaja M.G. The Problem of Gender Equality in Platon's Conception 180

Chramov S.M. Overcoming Gender Stereotypes in the Republic of Belarus 188

Zhuck G.V. The Way to the Truth (to 95 Anniversary of Alexandr Zinoviev Birth) 195

ECONOMICS

Odinochenkova N.V. Systematic-Comprehensive Modeling of Resource Provision of Stable Sustainable Development of Industrial Enterprises 201

Sedel O.Ya., Petrukovich D.A. Features of Innovative Policy of Regional Development of Economics 207

Karlyn N.I., Borysiuk E.V. National Debt of Ukraine as the Main Threat to its of Economic Security 216

Tsekanovski Z., Silyuk T. Planning to Conduct the Changein the Organization 223

Varakulina M.V. Evaluation of the Personnel Management System at the Enterprise: Theoretic and Methodological Aspect 231

Petrukovich D.A., Sedel O.Ya. Ways to Increase Competitiveness of the Organization in Special Conditions 239

REVIEWS

Zabeivorota A.I. Some Considerations about the New Textbook by Professor Igor Ponkin «The Theory of Public Administration» 245

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ НАУКИ В БРЕСТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Десять лет прошло после I съезда ученых Республики Беларусь. За эти годы мы стали свидетелями больших изменений в экономической и социальной жизни нашей страны. Эти изменения коснулись и развития университетов. Качество образования, получаемого в белорусских университетах, признано не только в нашей стране, но и зарубежными партнерами. Об этом говорит и положительная динамика экспорта образовательных услуг, оказываемых нашей высшей школой.

Вместе с тем остается незыблемой двуединая задача университета – образование молодежи путем приобщения ее к научному поиску. А это возможно, если в университете работают ученые, которые совмещают преподавательскую и научную деятельность, так как наука – это фундамент университета. Образование, основанное на последних достижениях науки, – необходимое условие подготовки качественных специалистов, залог развития экономики. По оценкам экономистов, страна становится конкурентоспособной и достигает позитивного международного имиджа, если инвестиции в науку составляют не менее 2 % ВВП, причем важным является развитие как фундаментальной, так и прикладной науки.

Если говорить об инновационном университете, о котором шла речь на встрече Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с научной общественностью страны в апреле 2017 г., то важнейшей задачей нашего университета является активное участие в инновационной деятельности наряду с Академией наук, а значит, и паритетное соотношение финансирования между университетами и академической наукой.

Развитие науки в университете идет по следующим направлениям:

1. Исследования по фундаментальным наукам. В этом направлении по заданиям БРФФИ проводились и проводятся исследования структур и физических свойств конденсированных сред, физики фундаментальных взаимодействий высоких энергий и экстремальных состояний веществ, исследования по историческим, математическим, биологическим и другим наукам. Такие исследования проводят, например, профессора А.Ф. Ревинский, В.В. Зданович, доцент Т.В. Соколова.

2. Практико-ориентированные исследования. Существенная особенность нашего регионального университета – это исследования, ориентированные на внедрение в производство и социально-экономическую сферу области. Государственная программа инновационного развития страны не изолирована от инициативной деятельности в регионах. Она подпитывается соответствующими проектами регионального характера. Такие исследования проводят профессор М.А. Богдасаров, доценты С.Ф. Бут-Гусаим, Л.В. Леванцевич, старший преподаватель С.Н. Волосюк.

3. Брестский регион – это культурное пограничье с разнообразием языков, культур, народов и религий. Все это расширяет возможности Брестского государственного

университета для проведения широких историко-краеведческих, фольклорных, этнографических, экономических и социологических исследований.

В настоящее время научные разработки ведутся по целому ряду перспективных и востребованных направлений: история и современное состояние традиционных конфессий и неокультов на территории Брестской области; история и культура районов, населенных пунктов, отдельных предприятий, организаций и учреждений Брестской области; историко-краеведческие и археологические изыскания; выявление, научная обработка и издание документов и материалов по истории, культуре, религии Брестской области; изучение проблем приграничного сотрудничества Беларуси с Польшей и Украиной и др. Например, совместно с коллегами из Высшей государственной школы имени Папы Яна Павла II в Бяла-Подляске был реализован проект «Создание трансграничной платформы “Бизнестранс” для поощрения и поддержки сотрудничества между бизнесом и научными учреждениями с целью установления более тесных взаимоотношений».

4. Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина хорошо известен в регионе устоявшимися традициями, научными кадрами, научно-педагогическими школами, открытостью ко всему новому, тому, что предлагает XXI в. Университет прилагает значительные усилия для интеграции в межгосударственное научное сообщество. Реализуются договоры о научном сотрудничестве с 72 высшими учебными заведениями и научными организациями зарубежных стран.

Таким образом, региональный университет классического типа, ориентированный на инновационную деятельность и подготовку национальной элиты, является системообразующим фактором, центром образования, науки и культуры, вокруг которого консолидируется жизнь региона в ее разнообразных проявлениях. Вместе с тем региональный университет классического типа выступает важным инструментом упрочения конкурентных позиций региона и государства в целом.

Научно-инновационная деятельность университета направлена на достижение оптимальных результатов, полученных в процессе проведения фундаментальных и прикладных исследовательских работ. Научные изыскания осуществляются по 67 фундаментальным и прикладным темам, выполняются хоздоговорные темы, научный поиск ведется по программам Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, программам Государственного комитета по науке и технологиям, по темам Министерства образования и др.

К научно-исследовательской работе активно привлекаются студенты. При кафедрах функционируют 155 студенческих научно-исследовательских объединений: 13 научно-исследовательских лабораторий, 104 научно-исследовательские группы, 37 научно-исследовательских кружков. На Республиканский конкурс научных работ студентов в 2014–2016 гг. были представлены 148 работ; из них 120 студенческим научным проектам (81,1 %) была присвоена категория.

Предстоящий съезд ученых в декабре 2017 г. позволит подвести итоги развития науки за 10 лет, наметить задачи по перспективным направлениям инновационного развития в нашей стране.

А.Н. Сендер,
главный редактор,
ректор университета,
доктор педагогических наук,
профессор

УДК 316.75

Б.М. Лепешко
д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by

О СМЫСЛЕ ИДЕОЛОГИИ

Исследуется вопрос о смысле идеологии как культурном, социально-философском феномене. Рассматривается проблема характера идеологических постулатов в зависимости от исторического контекста. Характеризуются такие черты идеологии, как незаконченность, универсальность, типичность, стандартность, вместе с тем демонстрируется ее противоречивый, часто парадоксальный характер. В зависимости от применяемых методологических подходов смысл идеологии связывается либо с формальными признаками, не зависящими от содержания, либо с ценностными предпочтениями социальных групп и структур, включающих государство.

Зачем вообще идеология, в чем ее сокровенный (сакральный) смысл? Какими средствами идеологические постулаты выражались вчера, и каким образом они выражаются сегодня? Меняется ли смысловое содержание идеологии со временем, если говорить о ней как феномене сущностном, глубинном? Нет ли парадоксов в нашем желании понять идеологию и соответствующим образом интерпретировать, приспособить ее к собственным потребностям и пониманию? Меняются ли средства выражения идеологических предпочтений? Понятно, что любой из поставленных вопросов может стать предметом специального анализа, однако, на наш взгляд, пришла пора именно так (в целом) ставить вопросы и пробовать найти на них ответы. Речь не о частностях, а о попытке системного рассмотрения феномена идеологии. Во всяком случае, практика последних десятилетий национального поиска объединяющей идеи, формирования системы представлений идеологического характера призывает именно к этому.

Попробуем первоначально сформулировать некоторые сущностные, основные черты феномена идеологии, обратившись не только к практике осмысления этого явления классического, апробированного характера, но и к достижениям специалистов, работающих в контексте постнеклассической методологии. И первое, в чем едины многие теоретики, – это то, что идеология априори должна носить незаконченный характер. Можно спорить о том, какой принцип является базовым в осмыслении феномена идеологии, но сложно протестовать против «незаконченности» идеологических концептов. Если вспомним, «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса была незаконченным сочинением, и это не случайно. Дело в том, что идеологические концепты до марксистского понимания данного феномена основывались на идее мнимой, искусственной реальности, которая выдается за саму реальность. Маркс же предпринял попытку «перевернуть» пирамиду представлений, в которой основание – материальная жизнь людей, их подлинные интересы, а идеология отражает эту жизнь и эти интересы в системе представлений теоретического характера. «Незаконченность» здесь связана с двумя факторами: понимание жизни как «живого» движения социума, постоянно находящегося в движении, изменении, – и того факта, что отражение интересов того или иного класса не может претендовать на отражение интересов всего общества в целом. Т.е. классовый характер общества предопределяет и наличие нескольких идиологем, в которых отражаются интересы конкретного класса. И этот процесс постоянен, собственно, его постоянство распространяется до той поры, пока классы не перестают существовать и различия между ними не стираются. Западная (немарксистская) идеология основывалась на демократических ценностях, и здесь разброс представлений был достаточно ве-

лик: от силового сдерживания коммунистических стран и соответствующих идиологем (З. Бжезинский, например) до плюралистических идей, связанных наряду с прочими с терпимостью ко многим проявлениям идеологических предпочтений (исключая нацизм, расизм и т.д.).

Парадоксально, но факт: идея принципиальной «незаконченности» идиологем, невозможности выразить в одной форме все разнообразие интересов того или иного общества связана с мыслью об универсальности идеологии. Т.е. любая идеология, формирующаяся в рамках конкретного социума, претендует на всеобщность. Получается, с одной стороны, выражение интересов определенной социальной группы, со стороны другой – претензия на исключительность. Как выразился в привычной для постмодернистов форме Ж. Делез, «смысл – это несуществующая сущность, он поддерживает крайне специфические отношения с нонсенсом» [1, с. 7]. Однако парадоксальность такого рода вовсе не исключает жесткого соперничества за приоритет, более того, идеологиям присуща агрессивность в той мере, в какой на передний план выходит вопрос о власти. В настоящее время (лето 2017 г.) в России одна из влиятельных партий выдвинула идею возвращения к монархическому государственному устройству, смене государственной символики, даже выдвигается мысль о необходимости перекрасить Кремль в белый цвет. Причем эта инициатива приобрела законодательный характер. Ей оппонирует иная влиятельная партия, которая предлагает «остановить белогвардейцев», пока не поздно, поскольку речь идет об атаке на государственные институты и смене конституционного устройства страны. В ходе полемики употребляются отнюдь не парламентские выражения, страсти бушуют нешуточные, но суть очевидна: речь идет не только о голосах потенциальных избирателей в рамках приближающейся президентской кампании 2018 г., но и о понимании собственной исторической и современной правоты, выраженной в идеологической форме. Стоит лишь заметить, что в данном случае речь идет не только об истине, речь идет о столкновении полярных мнений, которые обладают одинаковой сущностью с точки зрения истины. Критерий противоборства связан с идеей власти, и здесь апелляция к ницшеанским мотивам и соответствующей риторике будет вполне уместной.

Р. Барт, один из теоретиков, роль которого в формировании наших современных представлений об идеологии очевидна, отмечал еще одну важную черту рассматриваемой дефиниции. Идеологии принадлежит «натурализующая» функция, что значит: ни одна из них «не любит», когда ее признают таковой. Идеология органична, говорят теоретики, она «вырастает» из сути сложившихся в обществе отношений, отражает глубинные противоречия и отношения, это не продукт абстрактного теоретизирования. Правда, следует заметить, что несколько в ином контексте эту же идею Р. Барта выразили Маркс и Энгельс, которые протестовали против отвлеченных формул предыдущего материализма и идеализма, выдвигая в качестве альтернативы реальный класс и реальные интересы реальных людей. Есть, конечно, и принципиальная разница, поскольку Р. Барт «объединил миф и идеологию, называя их метаязыком» [2, с. 303], отсюда понимание идеологии и как мифической дефиниции. Новаторство Барта заключается не только в указании на мифологизм идеологии, но и в том, что «он дал им семиологическую трактовку, а именно: попытался рассмотреть идеологию как особое знаковое образование» [3, с. 10]. Тем самым, к слову, выводилось за рамки идеологии еще одно важное ее свойство, связанное с насильственным характером, ее агрессивностью, которая традиционно приписывалась «тоталитарным» концептам и от которой, как предполагалось, были свободны концепты «демократические». Это, конечно, может быть рассмотрено в критическом контексте, поскольку вся практика современности, связанная

с продвижением идеологических постулатов западного мира, свидетельствует именно о жестком навязывании тех или иных идеологических стандартов, и национальная практика свидетельствует об этом в полной мере. Может возникнуть вопрос такого порядка: а причем здесь семиология? Ответ может быть следующим: идеология – способ сознательного самообмана. Т.е. идеологические клише заменяют (чаще всего незаметно) подлинные мотивы поведения человека иллюзорными, и важнейшую роль в этом процессе играют три дефиниции: текст, коннотация и собственно идеология. Как отмечал сам Р. Барт, «идеология “отражает”, она не производит» [3, с. 46]. Если же говорить о более практических вещах, то обратим внимание на точку зрения, изложенную в материале ученого из Нижнего Новгорода А.С. Александрова. Семиотику – науку о знаках, – полагает он, необходимо практически применять в сфере права. Он исходит из того, что право – это не действующий закон с раз и навсегда установленным смыслом, а текст, дискурс, совокупность речевых практик. Речь должна идти именно о словах, поскольку правовую реальность представляют текст, речь, язык. С.А. Александров прибегает к такой формуле: «Право – продукт духа человека, а что такое этот дух, как не опыт человека, пропитанный вербализмом?». «Пропитанность вербализмом», очевидно, не лучшее сочетание, но смысл дефиниций, связанных с «речедеятельностью», «судоговорением» передает в полной мере. Вывод С.А. Александрова применительно к уголовному праву такой: «Уголовно-процессуальное право есть текстовое поле, где основным способом познания является разговор (речь)» [4, с. 260], отсюда требование пересмотра оснований уголовного судопроизводства на основе принципов судебной лингвистики. Данный пример показывает, каким образом семиотическая методологическая конструкция может быть применеа в праве. Похожие конструкции и механизмы используются и при обращении к феномену идеологии.

Так, например, важной характеристикой идеологии является и ее типичность, стандартность. В свое время большинство советских людей оперировали готовыми формулами, не пытаясь протестовать даже против очевидных натяжек. Скажем, один из стандартных лозунгов той поры звучал так: «Из всех искусств важнейшим для нас является кино». Как известно, это высказывание В.И. Ленина. Конечно, контекст свидетельствовал не о догматизме, а о динамике, поскольку кино в начале XX в. было самым доступным средством агитации и пропаганды. Но кто и когда об этом задумывался? Индивидуальный опыт играл в данном процессе второстепенную роль – намного важнее была та общая установка, которая призывала считать именно кино важнейшим из искусств. Причем подобная установка была непосредственно связана с призывом к творческому овладению марксистско-ленинской теорией. Но не надо думать, что подобные типологические подходы связаны исключительно с советской эпохой. Если вспомнить известные призывы, в центре которых стояли все те же общие клише о «правах человека», то ситуация будет выглядеть идентичной (в методологическом ключе). Но разве это исключает возможность действительно творческого переосмысления имеющихся идеологических координат? Нет, не исключает. Один из самых известных примеров – полемика патриарха Алексия II в Страсбурге с депутатами Европарламента, критиковавшими главу РПЦ за негативное отношение к однополым бракам, соответствующим манифестациям и т.д. Аргумент депутатов был «убийственным»: если права человека первичны, то почему православная церковь возражает против однополых браков? Ответ был безукоризненным: так в том-то и дело, что права человека не первичны, а вторичны по отношению к религиозным, этическим ценностям. Как только идеологическая пирамида приобретает данный вид, все становится на свои места.

Типичность, стандартность идеологических клише придает идеологии необходимую устойчивость, опора на систему традиционных ценностей освящена историей, менталитетом, выдающимися личностями. Вспомним, насколько священно было имя В.И. Ленина для нас, большинства обществоведов советской поры, насколько несокрушимым выглядел аргумент, если он был «закавычен» и под ним стояла знакомая подпись. Найти в споре, дискуссии незнакомую (мало знакомому) цитату из трудов вождя пролетарской революции означало, что соперник априори повержен. Конечно же, это не лучший способ спора, реликты которого мы наблюдаем и сегодня. Подобная устойчивость сыграла свою важную роль, особенно в эпоху катастрофического характера, скажем, в годы Великой Отечественной войны. Там не было места для сомнений, там все было предельно заострено: или мы, или они. И идеология сыграла в этом процессе свою важнейшую и именно стабилизующую роль. Но ситуация принципиально изменилась, например, в 80–90-е гг. прошлого века, когда возникла острая необходимость не просто в повторении задов конкретной идиологемы, а ее реального развития. Ни творческих, интеллектуальных сил, но активных, целеустремленных людей для этого просто не оказалось. Мы достаточно часто пытались в то время «подогнать» новые реальности под старые клише, которые не вызывали сомнений в их истинности, а надо было все же пересматривать собственно идеологические клише, искать варианты их развития, изменения. Здесь опять мы можем говорить об очередном парадоксе в осмыслении феномена идеологии. С одной стороны, устойчивость идиологем играет важную роль в стабильном развитии социума. С другой стороны, необходимо видеть новые тенденции, «чувствовать» необходимость изменений и поступать в соответствии с ними. Эта тема, тема баланса, равновесия, очевидно, непростая и достаточно часто, как свидетельствует опыт, неразрешимая. Но как сверхзадача, как цель и идеал она существовать может и должна существовать.

В этом контексте обратим внимание на понимание взаимосвязи между категориями «идеология» и «власть». Может ли власть существовать вне идеологии, и что является первичным в рамках такой постановки вопроса? И еще: возможно ли в принципе завоевание власти на основе уже сформированных идеологических предпочтений (скажем, в форме программы), либо идеология может формироваться постфактум, т.е., после того, как власть в той или иной форме завоевана? В зависимости от методологических приоритетов ответов может быть несколько. Скажем, такой: идеология не является универсальной и ясной категорией. Достаточно часто целью становится процесс не формирования идеологических предпочтений, а расшатывания, уничтожения идеологии вообще как оков, сковывающих развитие общества. Здесь на первом месте понимание идеологии как монстра, безраздельно господствующего в культуре, и речь может идти не об его уничтожении (это невозможно), а попытках обмануть его, ускользнуть от него. Здесь могут быть приемлемы любые средства: интерпретационные, семиологические, семантические, текстовые и т.д. [3]. Поэтому базовое отношение к идеологии связано с ее пониманием как иллюзорного сознания, опосредованного миром и отношением к этому миру. Поэтому все равно, как отвечать на поставленные вопросы. Какая разница, идеология появляется постфактум и существовала априори в сознании интеллектуалов или в среде ментальной? Вопрос совершенно в ином: каким образом необходимо интерпретировать идеологию для того, чтобы она не мешала жить, чтобы люди могли освободиться от нее хоть в какой-то степени.

Может быть и иной ответ, стандартизированного характера: идеология есть следствием осознания группой людей ценностей, выраженных в системной форме. В этом случае также возможны различные интерпретационные варианты, хотя их вари-

ативность ограничена заданными идеологическими (ценностными) параметрами. И, что важно, ответы на поставленные вопросы могут также быть двоякими: все зависит от обстоятельств, места и времени. В качестве примера обратимся к теории права. Санкт-петербургский ученый-концептуалист И. Честнов утверждает, что все правовые конструкты являются идеологическими по существу [4, с. 603]. Такого рода положение вещей не может быть признано приемлемым, в связи с чем возникает проблема мер, которые необходимо принять для того, чтобы исправить перекос в отношениях государства, власти и идеологического компонента. Меры указываются: скажем, это предоставление субъекту нормотворчества объективной информации о тенденциях и потребностях правового регулирования определенных общественных отношений, отслеживание эффективности закона и практики его реализации, создание условий для открытости всех уровней власти и т.д. Но все эти меры «отрабатываются» и в рамках классического правопонимания, нормативистской (в частности) теории права. И вопрос о том, как избежать давления идеологических конструктов в рамках развития государства остается открытым. Утверждается, что «знаково-символическое пространство государства определяется политическими мифами и идеологией», но в этом признании нет ничего революционного. Да и ответы затруднены, поскольку неясно, какой вариант юридически значимого поведения будет отобран правовой культурой конкретного социума. Но это означает смысловой тупик, теоретическое движение по кругу. Можно многократно повторять, что методологически мы шагнули от универсализма к «социокультурному контекстуализму», но практически нам это мало что дает. Следует признать, что в теоретическом плане решения проблемы идеологического давления на власть, государство, абсолютизации идеологических конструкций до сих пор не найдено. Вместе с тем некоторые выводы из сказанного сделать все же можно.

И первый из них: необходимо не исключать идеологию из контекста социокультурных отношений, а учиться жить в рамках конкуренции идеологических постулатов. Попытки «зачистить» социум от идеологического давления могут быть рационально объяснены, более того, мало кто сомневается в обоснованности, особой логике такого желания. Но это то же самое, что построить «чистую» теорию права, «чистую» историческую концепцию, вообще любой «чистый» обществоведческий конструкт. Человек всегда будет выражать свое мнение (осознанно или интуитивно) в форме предпочтений идеологического характера. Имре Лакатос методологически эту идею сформулировал так: «Теперь лишь немногие философы или ученые все еще верят, что научное знание является доказательно обоснованным или, по крайней мере, может быть таковым. Столь же немногие осознают, что вместе с этой верой падает и классическая шкала интеллектуальных ценностей, ее надо чем-то заменить – ведь нельзя де довольствоваться вместе с некоторыми логическими эмпирицистами разжиженным идеалом доказательно обоснованной истины, низведенным до «вероятной истины» или «истиной как соглашением» [5, с. 281]. В «переводе» на язык идеологических конструкций эти положения могут быть интерпретированы так: идеология не столько рациональное, сколько иррациональное явление; существуют различные варианты конвенциональных согласований, но суть это меняет мало, поскольку естественное состояние идеологии – соперничество, борьба, но вовсе не конвенция. Вместе с тем сам по себе факт, эмпирическое знание, сопутствующее логическим умствованиям (или предваряющее их), не могут претендовать на истину.

Второе положение может быть связано с пониманием смысла идеологии как средства, механизма для реализации экономико-политических, социокультурных целей. Здесь важен вопрос о том, может ли идеология существовать «сама по себе», изолиро-

ванно, скажем, от интересов тех или иных групп, слоев, страт? Может ли идеология быть «оторванной» от государства, власти, самовыражения элит? Представить это себе сложно, во всяком случае, в рамках практики, жизнедеятельности конкретного социума. Та идеология, которая имеет место вне данных структур, называется совсем иным термином, например, утопией. Маркс и Энгельс далеко не случайно ставили задачу «перевести» учение социализма из сферы утопии в сферу науки. Насколько это удалось, иной вопрос, но задача понятна и обоснованна. Хотя нельзя отрицать и того, что в ряде случаев утопия может трансформироваться в реальные социальные проекты, переживать процесс реинкарнации на основе новых социальных реалий, новой культурной среды. Достаточно часто идеологическое содержание меняет свою суть при обстоятельствах принципиального характера (война, революция, иные катаклизмы масштабного характера). Стоит заметить и следующее: некоторые идеологии сохраняют свое содержание на протяжении длительного времени, причем, что интересно, могут иметь реальное содержание и условия для осуществления в полярных социальных системах. Например, консервативная или либеральная идеология.

И еще одно замечание: сложно сказать, насколько продуктивной окажется идея Р. Барта в понимании идеологии перенести акцент из сферы содержания в сферу формы, сферу знаковую. Сверхзадача такой попытки понятна: речь идет о возможности отнять силу идеологического воздействия на основе понимания того, как устроен идеологический знак. Барт совершенно прав, когда утверждает, что идеологические концепции априори содержат в себе «идеологический обман», но вот в части средств преодоления этого обмана с мыслителем можно спорить. В частности, Барт утверждает, «что нет ничего существующего вне текста», но ведь и сам текст существует в рамках более широкой целостности. Идеология здесь – атом социальности, не более, но и не менее того.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Акад. проект, 2011. – 472 с.
2. Грицанов, А. А. Идеология / А. А. Грицанов // Постмодернизм : энцикл. – Минск : Интерпресссервис, 2001. – 1040 с.
3. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. ; ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. – 3-е изд. – М. : Акад. проект, 2009. – 373 с.
4. Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 840 с.
5. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. – М. : Акад. проект : Трикста, 2008. – 475 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.06.2017

Lepeshko B.M. **On the Meaning of Ideology**

The meaning of ideology as a cultural, social and philosophical phenomenon is explored in the article. The problem of the nature of ideological postulates is examined depending on the historical context. Such features of ideology as incompleteness, universality, typical, standard are characterized. At the same time, its contradictory, often paradoxical character is demonstrated. The meaning of ideology is linked either with formal signs that are independent of content, or with value preferences of social groups and structures that include the state depending on the used methodological approaches.

УДК 94 (476)

Е.А. Бурик
канд. ист. наук, декан исторического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: burik-@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ В 1939–1941 гг.

Статья посвящена проблемам восточного Полесья, расположенного на территории современной Брестской области, как приграничного региона в 1939–1941 гг. Его специфика в данный период постепенно нивелировалась под установленный советский стандарт, что практически удалось сделать в канун Великой Отечественной войны.

Введение

Приграничье – регион, специфический во многих отношениях. Его развитие определяется целым рядом параметров, которые не применимы к регионам внутренним, поэтому их изучение всегда представляет особый интерес для исследователя.

Территория Восточного Полесья применительно к Западной Беларуси охватывала территорию нынешних районов Брестской области: Столинского, Лунинецкого, Пинского, Ганцевичского. Три из этих районов, кроме Пинского, находились в полосе пограничья II Речи Посполитой и СССР. После включения Западной Беларуси в состав БССР приграничный статус районов практически не изменился, потому что, основав и оборудовав новую границу СССР и БССР по реке Западный Буг, руководство страны оставило практически в неизменном виде «старую» границу. Население районов оказалось в своеобразном положении, при котором свободных контактов с Восточной Беларусью еще не было. Пересекать «старую» границу люди могли лишь по спецразрешениям, находясь в командировках или навещая родных, для подтверждения чего требовалось наличие соответствующих документов. Жители старого приграничья продолжали жить как прежде: занимались контрабандой и нелегально переходили границу по различным надобностям. Это представляло для структур власти постоянный источник беспокойства.

Объектом рассмотрения проблем Восточного Полесья в период между 1939 и 1941 гг. в данной статье выступает Ганцевичский район, поскольку архивные документы, освещающие данный период, в наиболее полном объеме сохранились именно по этому району, и он является типичным среди таких же районов Полесья.

Специфика политической жизни

В условиях сложнейшей политической жизни в Западной Беларуси в 1920–1930-х гг. главной опорой руководства II Речи Посполитой могло быть преимущественно польское население, являвшееся на тот момент титульным. Весь межвоенный период количество поляков в регионе постепенно росло. К числу главных причин такого положения можно отнести приграничный статус данного региона: Восточное Полесье примыкало к советско-польской границе. Здесь с 1921 по 1926 г. фактически шла необъявленная война польских властей и красных партизан, а также затягивался процесс демаркации советско-польской границы [1, с. 187]. В этих условиях властям было необходимо как можно плотнее заселить регион лояльными гражданами. Поэтому здесь активно размещали осадников, служащих лесной охраны, представителей чиновничества и интелли-

генции польской национальности. Их отношение к местному населению было различным, но преобладало явное пренебрежение как к туземцам колониальной окраины. События осени 1939 г. внесли здесь существенные изменения.

После включения Западной Беларуси в состав БССР польское население внезапно утеряло свой статус. Начались депортации и аресты. К сожалению, конкретные данные о судьбах польских чиновников, офицеров военных частей, представителей буржуазии и интеллигенции недоступны для исследования, однако достаточно и косвенных свидетельств репрессий. Уже весной 1940 г. в г. Ганцевичи и крупных селах образовался значительный свободный жилой фонд, куда размещали семьи советских работников, направленных сюда из восточных областей БССР и РСФСР. При этом он постоянно пополнялся. Вот слова бывшего директора совхоза «Огаревичи» в сапожной мастерской Ганцевичей: «Вот еще 30 домов под государство, и подобрать сброд. Чистку еще будут делать» (июнь 1940 г.) [2, л. 21]. Осенью 1939 г. был арестован помещик Опацкий, в имении которого и был создан упомянутый совхоз.

Некоторые представители еврейского населения в связи с изменениями в статусе региона начали оживленно общаться по обе стороны границы со своими родственниками и попадали в ситуации, которые могли рассматриваться не только как попытка контрабанды, но и идеологической диверсии. Так, один служащий пострадал за то, что провез мацу своим родственникам, отправившись к ним на побывку на восток БССР. Маца как элемент «контрреволюционный» и в восточных областях практически устраненный могла стать элементом «политического» дела в отношении данного человека.

Отсутствие прямых разрешенных контактов между регионами по обе стороны старой границы приводило к дефициту информации о востоке БССР у «западников» и, соответственно, о западе БССР у «восточников». Это порождало неизбежные слухи, большая часть которых была далека от действительности и вводила слушателей в заблуждение, подрывая политическую стабильность в регионе. Так, начальник местной милиции распространял слухи, что в колхозе д. Сесежево Краснослободского района (восток БССР) «народ забирает себе обратно прямо с поля возы, плуги, бороны» [3, л. 11]. И это наблюдалось в условиях, когда коллективизация в Ганцевичском районе и так проходила с очень большими трудностями.

Среди местного населения оставалось немало людей, так или иначе скомпрометировавших себя сотрудничеством с прежними властями и продолжавших провоцировать недовольство новой властью среди своих односельчан. О таких лицах местные жители говорили: «Они хотели уйти с поляками, но не успели». Из-за них попадали в польские тюрьмы местные жители, например, Марина Ерошеня, которая высказывала недовольство властью.

Некоторые архивные документы свидетельствуют о степени влияния таких людей на местных жителей, содержат анализ неудач в колхозном строительстве в ряде населенных пунктов района. Так, в одном из них говорится о бывших еще царских жандармах, избежавших ареста органами новой власти. Один из них ранее проживал в д. Красная Слобода, другой – в д. Гулевичи на территории Восточной Беларуси. Оба, опасаясь возмездия, бежали сюда из СССР при поляках. Местные активисты (секретарь Рожанского сельсовета Михаил Шумский и член сельсовета Михаил Ярошеня) докладывали в райком партии и про другие «чуждые элементы»: «балаховца» Владимира Занцевича (кстати, тоже из Красной Слободы), который сражался против Красной армии; Филиппа Григорьевича Бриля, «бывшего польского шпиона», который выдавал дефензиве революционеров, «бил палками людей открыто в присутствии других людей

и не давал гулять молодежи»; руководителя Рожанской школы Василия Авдеевича Бобрика, «выведовца»; бывшего солтыса Стефана Ивановича Сечко, его брата Афанасия, тоже «выведовца», который при поляках перешел границу с целью убить одного советского работника, но сам попался в руки НКВД и был расстрелян в урочище Семище. Местные утверждали, что этих людей «все боятся, и их наличие сорвало создание колхоза» [4, л. 11].

Кроме этого, здесь также был выявлен ряд осадников. Один из них имел 300 га леса, много сенокоса, пашни и скота. Как утверждали местные жители, в его доме была «резиденция шпионов». Там некий офицер Василий Юженко неоднократно ходил на территорию СССР, приносил какие-то планы, разрабатывал их и давал задание своим работникам, что нужно делать в плане разведдеятельности. За эту работу поляки устроили Юженко на работу в Барановичский банк. Он же впоследствии женился на дочери упомянутого осадника, а внучки того «повыходили замуж за офицеров польской армии. Их дед прилюдно говорил, что здесь колхозы строить не нужно: в СССР быльняком позарастали поля» [4, л. 4].

К 1941 г. количество лиц, нелояльно относившихся к советской власти, неуклонно сокращалось. Причинами этого были не только репрессивные меры по отношению к таким людям, но и имевшиеся бесспорные успехи новой власти в сфере здравоохранения, образования и других аспектах социальной политики, а также активное вовлечение местного населения, и прежде всего молодежи, в общественную работу. Люди стали ощущать себя субъектами политической жизни и включились в ее дальнейшее строительство.

Проблемы нелегальной торговли

В приграничных регионах помимо официально разрешенных экономических контактов неизбежно появляются контакты теневые. Они обусловливаются дефицитом тех или иных товаров в данной местности или разницей цен на них в соседних государствах. До 1939 г. Ганцевичский район нелегально «поставлял» через «окна» на границе на восток Беларуси дефицитные там ткани и другие промышленные товары. С воссоединением Западной Беларуси и Восточной Беларуси в составе БССР в Ганцевичском районе постепенно начались перебои со снабжением некоторыми товарами. В торговой сети стали дефицитными соль, керосин, спички, галантерея. Вследствие этого здесь появился «черный рынок». Аппарат торговой системы Ганцевичского района был наводнен бывшими крупными частными торговцами и спекулянтами, особенно в Малковичском сельпо [5, л. 33].

К фактам «продуктовой спекуляции» можно отнести торговые операции с мясом, которого не хватало на востоке республики. Его любыми способами перевозили на территорию восточных областей БССР в больших количествах. Иногда такие «торговые операции» выглядели не очень логично. Так, в августе 1940 г. житель д. Еськовичи Денисковичского сельсовета Андрей Максимович Бертош купил в своей деревне лошадь, поменял ее в д. Маково на два быка, которых продал. Поехав с вырученными от продажи деньгами в Клецк (уже восток Беларуси), где купил на базаре кабана, которого забил и продал в своей деревне. Позже он пытался через своего брата Ивана получить у председателя сельсовета Денисени справку о праве на отправку быка на продажу, но председатель, зная сомнительного предпринимателя, такой справки не дал [6, л. 23].

Мясо стало на первых порах главным объектом вывоза из региона. Особо крупные партии периодически изымались пограничниками на «старой» границе. Мясо в за-

падных областях БССР в начале 1940 г. стоило 4 руб. и было очень качественным [7, л. 13]. На Востоке оно, как правило, стоило при продаже с рук в 3 раза дороже. Также среди вывозимых продовольственных товаров были сахар и мука. Жены некоторых партийных работников скупали продукты сразу из нескольких магазинов, в основном, сельпо. В г. Ганцевичи таким образом был выявлен заведующий райпотребсоюзом. Его жена занималась вывозом продовольствия, даже не скрывая данного факта. За это мужа в апреле 1940 г. ждала суровая проработка в райкоме партии, после которой он сделал соответствующие выводы. Его заместитель, также попавшийся на спекуляции, не внял предупреждениям и продолжал вывозить продовольствие. Осенью 1940 г. он был арестован и предан суду [8, с. 148].

Важным фактором распространения спекуляции и контрабанды стало специфическое положение региона, заключавшееся в том, что он оказался в своеобразном «резервате» между двух границ: «старой» и образовавшейся в 1939–1940 гг. Следует обратить внимание, этот «резерват» в августе 1940 г. пополнился за счет включенных в состав СССР республик Прибалтики. Сложившуюся ситуацию сразу использовали те, кто понял открывшиеся перед ними торговые возможности. Попавший в состав СССР в 1939–1940 гг. регион был для Польши отсталой периферией. Но это была европейская периферия с соответствующим уровнем жизни ее обитателей, обилием, качеством и происхождением промышленных товаров в магазинах, отсутствием проблем с продуктами питания, наличием их разнообразия. Пока товарное изобилие присоединенных территорий не прекратилось, происходило интенсивное вымывание оттуда товаров.

Ситуацию для спекулянтов облегчало то, что в регионе с осени 1939 г. был введен новый курс обмена валют: 5 польских злотых теперь обменивались на один советский рубль, хотя ранее курс был диаметрально противоположным. Обладатели советских денег получили возможность скупать промышленные товары в больших количествах [8, с. 147]. В основном ситуация использовалась теми, кто имел право пересекать старую границу регулярно в силу служебного положения, т.е. «восточники» – советские, партийные, хозяйственные и культурные работники, направленные в регион для проведения в жизнь политики новой власти. Основная масса присланных специалистов старалась соответствовать утвержденным правилам поведения для советских работников, направляемых в западные области БССР. Однако немало было и тех, кто свое служебное положение использовал корыстно. Необходимо отметить, что такие работники по решению соответствующих партийных и советских органов часто отправлялись обратно, на Восток, как «компрометирующие советскую власть». Должностные лица, работавшие на территории Ганцевичского района, получали возможность перемещаться по западному региону Беларуси, а с августа 1940 г. география их поездок расширилась в северо-западном направлении, т.е. в Прибалтику.

Документы, иллюстрирующие проблему спекуляции, сохранились плохо в силу того, что основная масса партийных документов была уничтожена в первые дни Великой Отечественной войны. Но документы Ганцевичского райкома партии, чудом уцелевшие в первые дни войны, позволяют представить ситуацию с товарным дефицитом в регионе.

Особый интерес у некоторых работников, приехавших в регион, вызывали промышленные товары [7, л. 9]. Руководство пыталось бороться с этим, однако его доводы доходили не для всех – периодически подвергались серьезным наказаниям чиновники, жены которых скупали ткани в особо крупных количествах. Местные жители комментировали это так: «И все им мало» [6, л. 72]. Источником крупных партий тканей, а так-

же модной одежды долгое время был г. Белосток. Его предприятия обеспечивали соответствующими товарами в регионе сеть магазинов сельпо. Командированные в г. Белосток специалисты, как правило, приобретали там товары в очень крупных размерах как для себя, так и для дальнейшей их реализации. Когда ресурсы Белостока стали иссякать, у спекулянтов открылся новый источник доходов – г. Вильно. Так, один заведующий клубом в Ганцевичском районе систематически отправлялся туда в командировки, где закупал чулки. Впоследствии он их перепродавал в районе по 40 руб. Иногда из г. Вильно он привозил одежду, которую также реализовывал по спекулятивным ценам [8, с. 148]. Также особенной популярностью пользовались привезенные оттуда кожаные пальто.

К весне 1941 г. в Вильно дефицитные товары закончились. Тогда из Прибалтики стали вывозить другие товары, в которых Полесье испытывало нехватку, в частности, обычную писчую бумагу. Лица, командированные туда за бумагой, часто закупали ее в бóльших объемах, чем это было указано в официальных документах [9, л. 26]. После реализации «налево» излишков часть бумаги оставалась в учреждении, потому что лимиты на нее были небольшими, а документооборот возрос. В начале лета 1941 г. для ведения делопроизводства пришлось использовать оборотную сторону старых польских бланков, чего в 1940 г. не наблюдалось.

К лету 1941 г. спекуляция в регионе постепенно исчезала по мере ликвидации источников происхождения дефицитных товаров.

Заключение

Таким образом, основными проблемами изучаемого региона в 1939–1941 гг. стали сложная политическая ситуация, а также наличие условий для занятия населением контрабандой и спекуляцией в крупных масштабах. Сложность политической ситуации заключалась в том, что в межвоенный период Восточное Полесье как приграничный с СССР регион интенсивно заселялся лицами, откровенно враждебными к советской власти. С включением Западной Беларуси в состав БССР данные лица стали представлять внутреннюю угрозу Советскому государству. Поэтому главная задача новой власти состояла в их эффективной нейтрализации.

На момент воссоединения Западной и Восточной Беларуси в составе БССР в данном регионе существовало огромное количество товаров, которые в восточных областях БССР были в дефиците. Это обстоятельство содействовало развитию здесь спекуляции и контрабанды. По мере закрепления в регионе новой власти и перехода местной экономики на установленные на востоке БССР условия и правила постепенно исчезал слой нелояльного населения, а также исчезли источники контрабанды. Регион нивелировался под единые общесоветские стандарты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. – Минск : Экономпресс, 2011. – 416 с.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 27.
3. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 41.
4. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 16.
5. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 5.

6. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 6.
8. Бодак, А. Ю. Проблема спекуляции и контрабанды на Полесье в условиях изменения границ в 1939–1940 гг. / А. Ю. Бодак // Институциональные основы трансграничного предпринимательства = Podstawy instytucjonalne przedsiębiorczości transgranicznej / под ред. Т. Силюк, К. Сверчевской-Петрас, М. Пыры ; Гос. высш. шк. им. Папы Римского Иоанна Павла II, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Бяла-Подляска ; Брест, 2015. – Т. 2. – С. 146–149.
9. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 28.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Burik E.A. **The Specificity of the Cross-Border Situation of the Eastern Polesie in 1939–1941**

The article is devoted to the problems of Eastern Polesie on the territory of the present Brest region as a border region in 1939–1941. Its specificity in this period was gradually leveled to the established Soviet standard, and it was practically possible to do it on the very eve of the Great Patriotic War.

УДК 94 (476)

А.Ю. Бодак
канд. ист. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: bodak1961@yandex.by

ВЫБОРЫ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ В ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ БССР В ДЕКАБРЕ 1940 г. (НА ПРИМЕРЕ ГАНЦЕВИЧСКОГО РАЙОНА)

На основе привлечения документов Государственного Архива Брестской области рассмотрен процесс проведения выборов в местные Советы в западных областях БССР в декабре 1940 г. Им предшествовали выборы в Верховный Совет СССР и БССР в марте 1940 г. Говоря о выборах декабря 1940 г., автор прослеживает существенную разницу в организации и подходах к выбору кандидатур депутатов в сравнении с выборами в марте 1940 г.

В декабре исполняется 75 лет со времени проведения на территории Ганцевичского района первых всенародных выборов в органы местной власти – в местные Советы. В марте 1940 г. население района участвовало в выборах в Верховный Совет СССР и БССР. Однако местные органы власти тогда оказались назначенными: советское руководство не вполне еще доверяло выбору местного населения. К концу года этой уверенности заметно прибыло. Откровенные враги власти уже были отправлены за пределы района по известному адресу, кроме того власть за это время успела дать народу многое из того, что он ожидал. В итоге ее образ у основной массы местных жителей был в основном положительным. Это создавало условия для необходимого узаконивания власти на местном уровне. В декабре 1940 г. в Западной Белоруссии прошли выборы в местные Советы, которые подвели окончательную черту под формированием властных структур в регионе.

10 октября 1940 г. в райцентре была сформирована районная избирательная комиссия по выборам в районный Совет депутатов трудящихся. Ее члены избирались на общих собраниях учреждений или населенных пунктов. От комсомольской организации в нее вошли два «восточника» – Никита Родионович Иванов и Зинаида Иосифовна Дроздова, остальные – местные. Это были Антон Степанович Клевец (от д. Ганцевичи), Маша Фроимовна Бегун (от швейной и сапожной артели), Бронислав Адамович Павловский (от д. Ельно), Юлия Васильевна Мелиховец (от д. Ганцевичи), Татьяна Мартиновна Сосекайло (от колхоза им. Сталина), Михаил Григорьевич Гайцукевич (от совхоза в Огаревичах), Антон Спиридонович Борискевич (от тарно-стружечного завода № 2) [2, л. 195].

18 октября 1940 г. были утверждены кандидатуры для выборов в районный Совет: 33 человека были «восточниками», а остальные – местные жители [2, л. 203]. С 14 по 19 ноября 1940 г. на собраниях трудящихся прошло обсуждение кандидатур в депутаты сельсоветов. На эту тему было проведено 48 собраний, на которых участвовали 12 000 человек, было выдвинуто 290 кандидатур, из которых было 209 мужчин, 78 женщин; по социальному положению: 206 единоличников, 13 колхозников, 16 рабочих, 52 служащих, 3 учителя и 3 врача; по партийности: 260 беспартийных, 11 коммунистов, 16 комсомольцев и 13 бывших членов КПЗБ; по национальности: 263 белоруса, один русский, 10 евреев, 11 поляков, один «венгерец» [так в документе. – *А. Б.*] и один «локтыш» [видимо, латыш. – *А. Б.*] [2, л. 262–263; 5, л. 34]. Перед выборами в Ганцевичский Совет прошли 9 собраний в организациях и одно – граждан поселка. На них

выдвинули 25 кандидатов (из них 6 женщин; по национальности: 8 белорусов, 9 евреев, 5 поляков, один русский, один латыш, один венгр; по партийности: 4 коммуниста, 4 комсомольца, 17 беспартийных; по социальному положению: 7 рабочих, 7 кооперированных кустарей, 11 служащих; по возрасту: 2 человека 18–20 лет, 8 человек 20–30 лет и 15 человек 30–55 лет) [6, л. 146].

Районный отдел НКВД принимал активное участие в контроле за ходом формирования участковых избирательных комиссий. В райцентре по его рекомендации из них «вычистили» 8 человек (все евреи), на которых имелись компрометирующие материалы [7, л. 4]. Кроме того, они же не допустили к работе в этих комиссий по району еще 9 местных жителей [7, л. 2]. Имелись претензии к учительнице-польке Брониславе Афанасьевне Асей, но ее народ отстоял [7, л. 3].

Собрания трудящихся проходили бурно и на них бушевали самые разнообразные эмоции. Выдвиженец Мысливец – директор лесозавода в Мальковичах (в прошлом рабочий этого же завода) – высказывал благодарность людям за право участвовать в выборах. В Денисковичах выдвиженка-единоличница Ульяна Лукьяновна Денисеня заявила: «Раз мне избиратели доверили, то я постараюсь оправдать это большое доверие, не жалея своих сил». В д. Нач Локтышевского сельсовета Михаил Антонович Лыгановский и Михаил Миклюк говорили: «Мы в местные органы должны избрать людей, которые будут бороться за дело Ленина – Сталина» [5, л. 33].

Имели место и инциденты. Так, в д. Задубье выдвижение кандидатов оказалось сорвано. На собрании «ставленник польского панства, бывший зам. председателя сельпо, связанный до 1939 г. с паном Грибовским» [так в документе. – *А. Б.*], Василий Яковлевич Сидорович после прекращения записи кандидатов выступил и потребовал добавить в список кандидатур бывшего солтыса, «лиц, избивавших партизан», и лично себя. Кулацкая часть собрания добилась их включения в список [2, л. 262]. Представитель райкома на собрании Н.К. Беляк отмолчался, и в итоге выдвинутые райкомом кандидаты Яков Максимович Малявко и Домна Афанасьевна Волоскевич оказались отведены. Тот же «ставленник» запугал троих женщин-кандидаток. Он заявил, что сельсовет – это «дело большой государственной важности, и женщины не справятся, вы говорите, что они хорошие, а они не дают согласие баллотироваться, это не их место» [6, л. 119]. Из-за этого Феодосия Наумовна Сидорович (1921 г.р.) и Нина Захаровна Сидорович (1918 г.р.) отказались баллотироваться [5, л. 34]. Кстати, в других документах их фамилии звучат не как Сидор**о**вич, а Сидор**е**вич. Районный отдел НКВД в своих отчетах также отметил этот случай как «контрреволюционную агитацию против кандидатов, но зам. председателя сельпо, ее проводивший, оказался зарегистрированным» [7, л. 125].

В д. Липск Мальковичского сельсовета собрание по выборам в местный Совет проводили начальник агитучастка Беляк и председатель сельпо Василец. При выдвижении кандидатуры Беляка в сельсовет «против» выступили бывший солтыс (Григорий Шуляк), бывшие лесники («гаевые» при поляках Прокоп Шуляк и Иосиф Лашиня) запрещали бедноте голосовать: «Давайте не будем голосовать, они нам ничего не сделают. Бо если будем голосовать и выберем, все равно погибнем с голоду и холоду». При этом Лунинецкий леспромхоз хотел принять одного из них (Прокопа) на постоянную работу лесником [8, л. 32]. Там же выдвигался рабочий Мальковичского лесозавода Клещев. Против выступил местный житель Баптист (так представил его фамилию не разобравшийся в сути дела представитель райкома, хотя это был Шуляк Алексей Иванович, по вероисповеданию действительно баптист), утверждавший, что тот не будет защищать интересы крестьян и предложил выдвинуть местного крестьянина.

В Локтышах народ отвел кандидатуру, предложенную райкомом (Грибовская), из-за того, что она якобы неграмотная. Секретарь райкома, приехав в село, так «поговорил» с крестьянами, что ее кандидатура прошла [5, л. 43–44].

В Круговичском сельсовете инструктор райкома Ф.И. Молчан, выступая в д. Мельники, нарушил Конституцию и начал силовым путем навязывать собранию кандидатов, одобренных райкомом, и только отвратил от них людей. В итоге собрание их отвело. Райком оценил ситуацию и наказал инструктора за политическую ошибку («сыграл на руку кулацким элементам») [2, л. 263]. В этом сельсовете из 23 кандидатов, намеченных и утвержденных райкомом, двое оказались отведены.

Как видим, полного доверия к местному населению все-таки не было, и партийные органы старались контролировать выдвигаемых кандидатов. Естественно, утвержденные заранее списки тех, кого нужно было избрать, содержались в тайне, но и здесь не обошлось без «проколов». Так, при подборе кандидатов по Мальковичскому сельсовету зав. райфинотделом Д.А. Горбачев по неосторожности допустил, что еще до выборов местные жители уже знали, кто будет председателем сельсовета, а кто секретарем. Зав. плановым отделом райисполкома Н.С. Шаблинский, поехав в д. Великий Рожан, забыл у себя на столе список утвержденных и оттуда звонил по телефону в присутствии местных и поручил беспартийному коллеге подвезти этот список [5, л. 34].

В это время вышло письмо ЦК КПбБ «О недостатках в работе партийных и советских органов в Западных областях Белоруссии» [3, л. 123]. При его обсуждении в райкоме отмечали, что «отдельные коммунисты, выезжая в деревню, забыли специфику работы в Западной Белоруссии» [6, л. 235]. Действительность была действительно сложной и не всегда укладывалась в привычные для «восточников» схемы.

Иногда партийные органы становились в тупик при рассмотрении кандидатур. Примером такой проблемы стало обсуждение кандидатуры колхозницы колхоза им. Сталина Евдокии Михайловны Новик. Она была выдвинута в депутаты райсовета. С первых дней работы колхоза она вступила в него всей семьей, работала звеньевой, и работала добросовестно [6, л. 96]. Но зав. отделом пропаганды и агитации райкома (Н.М. Кейлин) начал раскручивать целое политическое дело. В беседе с председателем колхоза, с кандидатом в депутаты областного совета (Сосикайло), председателем сельсовета (Денисеней) и ее (Новик) двоюродным братом он узнал, что при Польше она жила богато и имела много скота, который пасли батраки. Его собеседники заявили, что она не подходит в кандидаты, «но раз партия рекомендует, то они будут помогать» [6, л. 96]. Выдвижение «богатея» партия восприняла как политическую ошибку и стала разбираться.

Зав. оргинструкторским отделом райкома (В.Н. Кацуба) 15 ноября докладывал первому секретарю райкома о том, что кандидат в депутаты с мужем и свекром имели 15 га земли, две лошади, 9 дойных коров, одного быка, 13 овец, 5 свиней, а во время уборки урожая и сенокоса на них батрачили 25 человек из д. Еськовичи Денисковичского сельсовета. По ее словам, расчет с батраками производился зерном разных культур для засева их полосок – бедняки семян не имели. Для выпаса скота привлекались наемные рабочие Василий Бартош (в течение 3-х лет), Павел (два года), Кастусь Кунцевич из Мальковичей (3 года), Телушко из Люсина (один год). Свекровь кандидата ежегодно покупала у помещика несколько гектаров сенокоса, а для косьбы и уборки сена нанимала крестьян, которые оставались ночевать на лугу вплоть до полного окончания уборки. У кандидата имелось два дома, один из которых сдавался в аренду, и с него семья имела доход. Докладчик в райком считал, что ее хозяйство кулацкое со всеми вытекающими последствиями [6, л. 100].

Однако у местных жителей было свое мнение по этому вопросу. Секретарь комсомольской организации при Денисковичской школе Петр Акимович Бартош пояснил, что кандидат действительно до 1937 г. имела несколько пастухов, но пастухов «держала, пока ее дети были маленькими, и пасти было некому. С людьми она живет хорошо и будет хорошим депутатом» [6, л. 98]. Сама же кандидат не отрицала своего имущественного положения и ничего от власти не скрывала.

В целом собрания по обсуждению кандидатов до 18–20 ноября прошли во всех населенных пунктах. 2 ноября такое собрание прошло в д. Остров. Кандидатуры в районный и областной Советы – зав. районным земельным отделом С.А. Чеботарева и местная жительница Сосикайло – были поддержаны единогласно. Хотя одна односельчанка пыталась оспорить бедняцкое происхождение Сосикайло, дескать, та должна ей денег [16, л. 94].

В Круговичском сельсовете прошли собрания, на которых присутствовали 412 избирателей. В докладной, посвященной этим собраниям, получил разъяснение описанный выше инцидент в д. Мальковичи. Вместо планировавшейся райкомом жены учителя Евы Высоцкой народ проголосовал за Марию Александровну Гайцюкевич. Вместо другой кандидатуры райкома люди решили избрать Ивана Лелеса. Когда инструктор райкома начал «топить» его кандидатуру, народ закричал: «Неверно действуете, что не хотите проводить Ивана Лелеса. Он при польском праве не был в их организациях», – и люди начали массово покидать собрание. Пришлось руководству уговаривать людей остаться, и что срыв собрания не метод борьбы за свою правоту. Пришлось согласиться с мнением народа. Провинившийся партработник пытался свалить свой «прокол» на других: мол, предложивший Лелеса «работник прилавка» Борисевич «чуть не скрыл от учета две коровы», а работники райкома и райисполкома (председатель РИКа Г.Е. Смоляков и инструктор Р\к С.И. Процко), выбирая кандидатуры, их преждевременно назвали и этим «разоблачили» [6, л. 118].

18 ноября прошло собрание в Великом Рожане. 608 избирателей выдвинули 21 человека (в том числе 5 женщин). Курировавший собрание зав. плановым отделом райисполкома Н.С. Шаблинский отмечал, что кулаки выдвигали своих депутатов, но он до собрания продумал план действий и «оперативно» заменил некоторых депутатов [2, л. 14].

В тот же день собрания прошли в Чудине (присутствовали 280 человек, все предложенные 13 кандидатов прошли), в д. Будча (было 350 человек, все 25 кандидатов прошли) [6, л. 144], в д. Маково (было 120 человек, все кандидаты прошли). В Люсино 250 присутствующих приняли 16 кандидатов, но в актив попал бывший солтыс Федор Степанович Рылко; народ выдвигал в председатели сельсовета Железного (инициалы отсутствуют), но тот взял самоотвод; представитель райкома отмечал, что на задних скамейках шушукались [6, л. 142–143]. Тогда же в д. Остров 150 человек приняли всех 6 утвержденных райомом кандидатур (из них две женщины, одна из которых была комсомолкой). В д. Крышиловичи до собрания двое из рекомендованных райкомом решили отказаться от баллотирования. Одну из них (женщину) срочно заменили другой, и 120 избирателей сделали «правильный выбор» [6, л. 141]. На следующий день в Локтышах и Наче собралось 809 человек [6, л. 166].

За неделю до выборов райком и райисполком проинструктировали председателей и секретарей окружных избирательных комиссий об организации хода голосования. Отметили, что из 28 участков подготовленными были только 12. Пришлось заменить председателя Борковской комиссии (Ермолаева) за пьянство и утерю секретных документов [2, л. 295–296].

15 декабря 1940 г. в Западной Беларуси прошел день выборов в местные Советы. В Ганцевичах они состоялись по такой же схеме и предсказуемым результатом, как и везде в регионе. Народ начинал стекаться к участкам еще с двух часов ночи, к пяти часам утра из общего количества избирателей района (19 866 человек) явились 5 450, а к 15 часам выборы состоялись [5, л. 36]. Как и во время предыдущих выборов в Верховный совет СССР и БССР особую активность проявляли пожилые избиратели.

В д. Задубье к 2-м часам ночи на участок пришли 2 человека, а к 6 утра – 50, всего проголосовал 401 житель (100 % избирателей). «Против» кандидатов в депутаты райсовета и сельсовета оказалось 5 человек, а облсовета – 3. Остальные проголосовали «за» [6, л. 163].

На Хотыничском участке из 1 366 избирателей проголосовали все. Против предложенных кандидатур оказалось только 18 человек [6, л. 147]. На Любашевском участке из 722 избирателей «против» депутата областного совета оказалось 4, в районный Совет за Клевца голосовало 632 человека, против – 6, за депутата райсовета Калиновскую проголосовали все единогласно [6, л. 148].

В Люсинской комиссии из 1 064 избирателей к 6 часам утра явилось 180 человек. Первый бюллетень получила 90-летняя Елена Телушко. Во время голосования со смелым геополитическим предложением выступил местный житель Минькович, пожелавший, чтобы выборы в органы советской власти прошли в Германии и Англии [6, л. 149].

На Круговичский избирательный участок из 1 013 выборщиков в 4 часа утра пришли около 200 человек. Первыми были Адам Гайцукевич и Мария Заяц. В облсовет прошла Татьяна Мартыновна Сосикайло (973 «за», 40 «против»), в райсовет – Иосиф Александрович Бублис, директор МТС (по 19 округу 403 «за», 12 «против» 12 из 415 избирателей), Григорий Ефимович Смоляков, председатель райисполкома (по 20 округу «за» – 151, «против» – 1 из 152 избирателей) и Казимир Адамович Муха (по 21 округу «за» – 441, «против» – 5) [6, л. 167].

В Мальковичах в ночь на 15 декабря провели постановку на тему предвыборной кампании. В 3 часа ночи на участок начали приходить избиратели: 80-летний Федор Яковлевич Василевич с 40-летней дочерью и заявил: «Я хочу проголосовать первым и отдать свой голос за выдвинутых кандидатов в депутаты и за самого родного и близкого товарища Сталина» [5, л. 3]. Это же намерение выразили 78-летние Наталья Хилютич и Павел (фамилия не сохранилась). 83-летняя Лавра Мальцевич в 5 часов утра заявила: «Я старая, но буду голосовать сегодня за своих сынов и дочерей, я чувствую себя молодой», – и, когда проголосовала, пошла под гармошку танцевать. Павел Шведович 91 года и его жена Мария 90 лет прошли 7 км от своего хутора к 5 часам. Они благодарили представителей власти «за счастливую жизнь и за то, что товарищ Сталин освободил от польских панов». К 6 часам на участке было уже 370 избирателей, причем народ не шел в избирательные кабинки, говоря, что и так знает, за кого голосует. «За» кандидатов в областной Совет из 1 292 избирателей проголосовали 1 281 человек, остальные «против». «Против» кандидатов в райсовет проголосовали 14, а в сельсовет 44 человека. Голосование здесь закончилось в 6 часов вечера. Голоса считали до пяти утра [6, л. 161–162].

В Начевский избирательный участок пришли еще крестьяне из д. Гута, Ляховщицы и Ясенец. К 5 часам утра из 533 избирателей явились 53 человека, к 8 утра уже 70 % проголосовали. 80-летний Антон Михалюк, опуская в урну бюллетень, говорил: «Няхай живуть наши савецкия правители, наш батька Сталин. Нас советы ослобонили

от панов и дали крестьянам землю и добрае жыцце». Ему вторила 90-летняя Галина Иосифовна Лозовик: «Спасибо нашим правителям за счастливую жизнь, я вельми счастлива, что дожила до того часу, когда мы выбираем своих людей, а не панов, как это было раней» [5, л. 35–36]. К больному избирателю – бедняку Андрею Андреевичу Тихону – пришли с урной на дом, на что он отреагировал: «Мне радостно на сердце, что советское правительство по-сталински заботится о людях. Паны не пришли бы ко мне, больному крестьянскому бедняку на дом… я проголосую за наших людей». «За» кандидатов в облсовет проголосовали 532, в райсовет – 530, в Локтышевский сельсовет – 528 человек. В час дня голосование закончилось [6, л. 152].

Заслужили похвалу райкома за хорошо организованную работу агитколлективы Денисковичского сельсовета (руководители Н.М. Минченков и М.И. Музыченко) и Ганцевичского (руководитель Е.С. Суранова) [9, л. 7].

Однако среди энтузиазма и предсказуемого голосования имели место и случаи проявления людьми недовольства властью и ее кандидатами. Так, в д. Будча Ольга Шпаковская, получив бюллетень, не заходя в кабину для тайного голосования, на виду у всех позачеркивала всех кандидатов, сопроводила это комментарием: «Нечего голосовать за жидов», – опустила бюллетень в урну и ушла. Райком получил о ней справку, в которой говорилось, что она занимается проституцией и делает аборты. Ее братья Андрей, Владимир и Антон Сержпутовские в Переволоках были «людьми, не вызывавшими политического доверия, а у Андрея помещается Будчанский поп, известный тип при поляках и он же родственник Андрею по жене» [5, л. 36]. Представителям райкома Молчану и Кремянскому о проишествии на выборах доложила избранная тогда депутатом сельсовета местная жительница Домна Степановна Савеня. В Будче при вскрытии урны была обнаружена брошенная туда копейка, и на этом участке оказалось наибольшее по району количество людей, проголосовавших против кандидатов власти – 75 человек (50 против сельсовета, 11 – против райсовета и 14 – против облсовета) [6, л. 36].

В Липске уже упоминавшийся «Баптист» перед выборами зашел в дом кандидата Добринского и в присутствии 6 свидетелей заявил тому, что голосовать за него не будет. В Мальковичах перед выборами опять фигурировал вышеупоминавшийся Сидорович: он был «изъят» органами НКВД. Секретарь Мальковичской избирательной комиссии Корнилович, получив от председателя комиссии Федосеенко бюллетени накануне выборов, сдал их на хранение брату священника Жилко – кассиру Мальковичского лесозавода. Корниловича оперативно освободили от обязанностей и назначили вместо него работника Белопухова. Работник райотдела НКВД Гаврильчик перед выборами в Чудинском сельсовете забрал списки избирателей и увез их к себе в Ганцевичи, и потом пришлось срочно с оказией их возвращать. Начальник комиссии на железнодорожной станции за день перед выборами положил 500 бюллетеней к себе в стол и забыл об этом. Понятно, что несколько часов перед выборами прошли в поисках документов. Самое неприятное для властей событие произошло в Хотыничском сельсовете: там перед выборами неизвестный разбил бюст Сталина [5, л. 37]. Там же крестьянка Сермяжко заявила, что здешние колхозники не имеют коров и получают молоко из Восточной Белоруссии (по тогдашней терминологии, «распускала антисоветские слухи») [9, л. 13].

Имели место и курьезы. В Хотыничах местная жительница Ульяна Винник отказалась голосовать. Члены избирательной комиссии для выяснения обстоятельств дела приехали к ней домой. Та заявила, что она – сестра Христа и потребовала от них расписки в том, что она после голосования сестрой Христа и останется. Политрук местной воинской части Тесовский и политинспектор районо В.К. Егоров, непонятно чем руко-

водствуясь, такую справку ей выдали. Райком расценил это как грубую политическую ошибку. Егорову было поставлено на вид, а командование воинской части и военком отозвали Тесовского из района и направили его в распоряжение командования (практически это крест на дальнейшей карьере) [2, л. 307–308].

Иногда сами члены избирательных комиссий допускали халатность. Так, в Круговичах комсомольцы Заяц и Грибовская испортили перед выборами телефон и оставили сельсовет без связи с районом [9, л. 13]. После выборов в Мальковичах оказались порваны все списки избирателей, инцидент «списали» на шаливших детей члена сельсовета Шуляка [1, л. 16]. Завотделом агитации и пропаганды райкома Я.Г. Кейлин обещал организовать на выборы 4 агитационные машины, потратил на них деньги, но машин никто не увидал [4, л. 12]. Во время послевыборного «разбора полетов» критиковались за небрежный подход к делу руководители избирательной кампании в Люсине (Хруцкий), Хотыничах (Каханчик, Егоров и Кондратенко), допустившие шум и толкотню на участках [9, л. 5].

Были случаи столкновения интересов: в Будче у комсомольца, дежурившего в день выборов на телефоне, из райотдела милиции спросили, сколько человек не проголосовало, тот ответил, что еще 20. Для разъяснений по этому поводу к телефону был позван местный житель Ипат Романович Дайлид, а не представители района Кремянский или Молчан. Те обиделись, высказавшись, что «члены партии – ерунда, а местный – все». Молчан в конце концов закипел: «Жалею, что нашелся человек с партбилетом, который выдвинул Дайлида в депутаты», – и пригрозил, что «в дальнейшем все будет видней» [6, л. 120]. Зато здесь голосование и закончилось уже в полдень.

Подводя 1 января 1941 г. итоги выборов, райком констатировал, что из 19 866 избирателей проголосовали 19 835 (99,8 %). За кандидатов от власти высказалось 99 % избирателей. Не явившихся голосовать было 31 человек. Особо отметили, что в Куковичах против кандидата от райкома Сосекайло голосовали более 100 человек, но это потому, что люди там ее не видели и не знали [91, л. 5]. В сельсоветы были избраны 290 депутатов (из них 79 женщин, 10 членов и кандидатов в члены партии и 11 комсомольцев). В райсовет избрали 36 человек (12 женщин, 15 коммунистов и 2 комсомольца) [9, л. 7].

Выборы были успешно проведены. 19 декабря 1940 г. в Ганцевичах открылась 1 Сессия районного совета депутатов трудящихся. Открывал ее старший по возрасту депутат Иван Мартынович Василевский. На сессии избрали исполком Совета, образовали отделы исполкома и утвердили их заведующих, образовали постоянные комиссии Совета депутатов трудящихся [2, л. 311]. Местная власть, теперь уже всенародно избранная, приступила к работе. Предстояло поднять на качественно иной уровень развитие социальной сферы. Наибольшие успехи будут достигнуты местными выборными органами в сфере образования, здравоохранения, системы связи и многих других социально значимых аспектах.

Заключение

Анализируя выборы в местные советы в декабре 1940 г., можно сделать вывод о том, что они заметно отличались от предыдущих выборов в Верховный совет СССР и БССР прежде всего новым подходом к кандидатам в депутаты. Весной 1940 г. новая власть в Западной Беларуси демонстрировала хоть и завуалированное, но недоверие к представителям местного населения как к потенциальным кандидатам в депутаты в силу того, что прошло менее полугода с момента воссоединения белорусских земель, политическая ситуация в регионе оставалась сложной для советской власти, и основной

упор в выборе кандидатур делался прежде всего в пользу «восточников» (присланных сюда советских специалистов). К концу 1940 г. ситуация радикально изменилась: депортации существенно снизили процент оставшихся лиц, недовольных советской властью, к тому же во многих сферах жизни региона новая власть доказала свою жизнеспособность, результативность (особенно в социальной сфере), умение делать выводы из проделанной работы и ее оценивать, в том числе и негативно. Это повышало доверие местного населения к власти и делало возможным формирование низового слоя управленцев из числа местных жителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 16.
7. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 19.
8. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 27.
9. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 91.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2017

Bodak A.Yu. **Elections to Local Advice in the Western Regions of the BSSR in December 1940 (on the Example of the Hantsevich District)**

On the basis of the documents of the State Archives of the Brest region, the author reveals the process of holding elections to local councils in the western regions of the BSSR in December 1940. They were preceded by elections to the Supreme Soviets of the USSR and the BSSR in March 1940. Speaking about the December 1940 elections, the author considers the difference in organization and approaches to the selection of candidates for deputies in comparison with the elections in March 1940.

УДК 94 (476)

А.Н. Свирид
канд. ист. наук, доц., доц. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: raven_raven@mail.ru

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ МАЛОРИТСКОЙ, ВЕЛИКОРИТСКОЙ И ОЛТУШСКОЙ ГМИН ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

За более чем 100 лет нахождения в составе Российской империи на белорусских землях сложился определенный социальный уклад, сформировались свои традиции государственной жизни. С началом Первой мировой войны западная часть белорусских земель оказалась в прифронтовой полосе. Большую часть Первой мировой войны территория Малоритчины была занята войсками Тройственного союза. Прифронтовое положение накладывало отпечаток на все сферы жизни. Долгие боевые действия и в связи с ними фактическое прекращение функционирования российских довоенных органов власти поставили вопрос строительства нового государственного управления. Однако строительство новых государственных органов было затруднено в связи с частой сменой власти. Русская, немецкая, польская, советская власть неоднократно сменяли друг друга. В итоге территория Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин оказалась в составе Польского государства, которое далеко не сразу и не без труда смогло организовать здесь функционирование государственных институтов.

Введение

Проблема становления органов власти нового государственного образования, тем более если это другое национальное государство, будет актуальна в исторической науке всегда. То, каким образом проходила институализация власти: с применением насилия по отношению к местному населению или без него, как встретило местное население новый порядок, – может стать поводом для пересмотра государственных границ в случае, когда для этого появятся соответствующие условия. Поэтому в польской исторической науке этот вопрос давно является объектом повышенного внимания историков. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Брестской области, позволяют более полно осветить вопрос институализации государственного управления на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин после окончания Первой мировой войны. На основе этих материалов в статье ставится задача детальной хронологической реконструкции процесса институализации государственного управления на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин после окончания Первой мировой войны.

Начавшаяся Первая мировая война сломала на западнобелорусских землях более века существовавший государственный уклад. Большую часть Первой мировой войны территория Малоритчины была занята войсками Тройственного союза. Прифронтовое положение накладывало отпечаток на все сферы жизни. Долгие боевые действия и в связи с ними фактическое прекращение функционирования российских довоенных органов власти поставили вопрос о строительстве нового государственного управления.

Военная операция отрядов, входивших в состав Подляшского военного формирования (переименованного в Полесскую группу под командованием генерала Антония Листовского в связи с перенесением боевых действий на Полесье), началась в феврале 1919 г. Успехи польских войск позволили распространить на территорию Полесья деятельность «Военного управления Восточных Окраин», которое и стало главным орга-

ном власти в этот период. 22 февраля 1919 г. была издана «Схема Администрации Управления Восточных Окраин», подготовленная Генеральным штабом по договоренности с Комитетом Защиты Восточных Окраин, которая предусматривала создание на местах административных структур [1, с. 19].

Начальной организационной единицей был признан небольшой населенный пункт, которым могло быть село или поселок колонистов-переселенцев (колония или осада), во главе которого стоял солтыс. Несколько таких единиц создавали гмину (аналог сельсовета). Границы гмины соответствовали административному делению царских времен, но впоследствии изменялись. Во главе гмины стоял войт, назначаемый поветовым комиссаром. Поветовый староста управлял поветом, состоящим из нескольких гмин. Самой большой административной единицей был округ с окружным комиссаром во главе.

При группе войск под командованием генерала Антония Листовского гражданским комиссаром, который должен был координировать создание административных структур, был назначен Антоний Воевудски. В его ведение входили Брестский, Пружанский, Кобринский, Слонимский и Пинский поветы; к ним относилась и территория современного Малоритского района, т.е. Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин.

Назначение временной военной администрации на территории боевых действий должно было улучшить деятельность военных органов власти и одновременно снизить затраты военной кампании на управление новыми территориями. Хранящийся в Государственном архиве Брестской области документ от 14 марта 1919 г. свидетельствует, что верховное командование польской армии системой мер по организации местного управления смогло добиться порядка в тылах войск и местах расположения местного населения [2, л. 41]. Такой цели не могли достигнуть чисто военные административные структуры, потому что, как сказано далее в том же документе, «ни одно государство не в состоянии давать своим офицерам права на политическо-административные образования» [2, л. 41]. Верховное Командование гарантировало невмешательство офицеров в дела поветовых комиссаров, однако оставляло за собой право интерпретации всех вопросов юрисдикции, касающихся военных аспектов.

Что касается территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин, то она, как и все Полесье, вошла в апреле 1919 г. в состав Брестского этапного округа. В Бресте административные функции временно исполнял командующий крепостью «Брест» полковник Анджей Опатович. Администрация Этапного округа занималась выдачей разрешений на ввоз и вывоз товаров на территориях, близких к ведению боевых действий. Таким образом, власти пытались взять контроль над передвижением населения, что было также продиктовано вопросами безопасности и возможностью распространения заразных болезней в центральную Польшу.

Новый этап в создании административных структур начался вместе с наступлением польских отрядов на Вильно в апреле 1919 г. Сражения за Вильно не случайно совпали с изменениями в Военном Управлении. 15 апреля 1919 г. с должности генерального комиссара ушел Людвик Коланковски, его место занял Ежи Осмоловский, который, по мнению Ю. Пилсудского, больше подходил для введения в жизнь основ федеративной идеи [3, с. 279–287].

Кадровые изменения шли параллельно с изменением названия органов управления с «Военного Управления» на «Гражданское Управление Восточных Земель». Организация Гражданского управления при Верховном Командовании была временным шагом и не решала окончательно вопрос будущего политического и административного устройства присоединенных земель. Гражданское управление восточных земель также

могло стать по планам Пилсудского платформой для реализации как идеи федеративности, так и концепции инкорпорации, имевшей своих сторонников в Верховном Командовании.

Й. Геровска-Каллаур, автор книги «Гражданское Управление Восточных Земель 19 февраля 1919 – 9 сентября 1920», отмечает: «Можно утверждать, что на кону в этой борьбе была самая высокая ставка, какая политическая программа будет реализовываться на практике» [4, с. 36]. В рамках этой борьбы на Полесье также развернулась борьба между приверженцами полного включения (инкорпорации) территории Полесья в польское государство и сторонниками федеративной структуры. Сторонники инкорпорации высказывались за создание Польши как моноэтнического государства, в которое следовало включить только этнически польские территории и те, которые удастся культурно ассимилировать. Сторонники федеративной концепции исходили из идеи воссоздания неразделенной (в границах 1772 г.) Речи Посполитой при одновременном уважении прав на самоопределение белорусского, украинского и литовского меньшинств. На востоке планировалось построить систему государств, федерализированных с Речью Посполитой, которые должны были составить заградительный буфер от России. В отношении земель бывшего Великого Княжества Литовского среди польской общественности господствовала идея инкорпорирования. Особенно на Полесье не принимали всерьез белорусскую сторону, ей отказывали в праве на собственную государственность и даже на автономию.

12 мая 1919 г. были изданы предписания, регулирующие деятельность и полномочия Гражданского управления восточных земель. Провозглашалась цель «облегчить условия местному населению, изнуренному многолетней войной и немецкой оккупацией, понесшему всю тяжесть, связанную с ведущейся на этих землях военной кампанией, а также с целью завоевания этой местности как добровольного и искреннего защитника польской государственности» [1, с. 22].

Несмотря на создание Гражданского управления восточных земель как структуры гражданской администрации, жители Полесья по-прежнему воспринимали его как военное управление. На многих территориях Полесья оно было только номинальной властью, в то время как в действительности по-прежнему управляла армия, осуществляя управление де-факто.

Местная общественность по поведению солдат, офицеров, служащих гражданской администрации оценивала новую власть и новые порядки, и поэтому вопрос правильного поведения местных представителей польского государства был чрезвычайно важен. К самым большим проблемам относились действия военных отрядов. Реквизиции, часто переходившие в неконтролируемые грабежи, были главной проблемой, которая встала перед новой администрацией. На некоторых территориях Полесья Войско Польское выглядело гораздо хуже в сравнении с российской или немецкой армиями. Это отмечалось целым рядом польских историков. Предосудительное поведение солдат исходило как от нехватки снабжения, так и недостаточной дисциплины в рядах армии. Дополнительным фактором, который негативно влиял на восприятие польской армии местным населением, было непонимание солдатами национальных и общественных отношений, присутствующих на этой территории.

Отсутствие такта особенно было заметно в великопольских формированиях, которые относились к Полесью как к непольским землям, только временно оккупированным. Солдаты сами совершали реквизиции, не обращая внимания на экономические возможности жителей, вызывая этим со стороны местного населения понятное разоча-

рование и ожесточение. В результате сельским населением марш войск ассоциировался не столько с освобождением, сколько с новыми реквизициями продовольствия. Такое восприятие военных было вне зависимости их от национальности или государственной принадлежности.

Польские власти видели путь нормализации ситуации в переложении как можно большей компетенции с военной администрации на гражданскую. Это должно было убедить граждан в нормализации обстановки и постоянстве политических изменений.

Территория Полесья в рамках структуры Гражданского управления восточных земель была включена в состав Брестского округа, куда вошли Брестский, Волковыский, Пружанский, Слонимский, Кобринский, Пинский, Мозырский, Барановический поветы. Территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин целиком вошли в Брестский повет. Комиссаром Брестского округа стал Матей Ямонт, которого с 17 января 1920 г. заменил Владислав Лесьман. Округ был поделен на поветы, во главе которых стали поветовые старосты. Поветы в свою очередь состояли из гмин. Во главе каждой гмины стоял войт, а села – солтыс. В относительно крупных городах были назначены бургомистры или бурмистры.

Польская система предусматривала и определенное местное самоуправление. Формой местного самоуправления должны были стать рады (советы) из нескольких человек, состоявшие из представителей местного населения. Ожидалось, что в основном эти рады будут составлять люди, благосклонно настроенные к польскому государству. Власти всячески старались, чтобы как в радах, так и в высших эшелонах местных властей большинство было этнических поляков. На Полесье это означало, что власти должны были при создании новых структур опереться на местных помещиков или на лиц, чьи интересы были связаны с интересами помещичьего класса. Это не способствовало вхождению в ряды администрации местных селян. Власти отождествляли возникающую польскую администрацию с привилегированной общественной группой. Путь даже в самые низшие эшелоны новой администрации был закрыт для слабообразованных селян. Эти должности заполняли представители мелкой шляхты или бывшие российские чиновники. Одним из важных критериев было знание польского языка.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в национальной структуре Полесья поляки составляли максимум одну десятую жителей, такое сильное демонстрирование польского элемента должно было привести к маргинализации православного селянского большинства. Чувство отчуждения усиливалось, тем более что на классовое разделение накладывалось также разделение по религиозному признаку, дополнительно усиливая расхождения. Понятный даже для необразованного полесского селянина раздел на новую католическую Польшу и старую, хорошо знакомую православную Россию, ассоциировавшуюся со стабильными довоенными временами, ставил новую администрацию в чрезвычайно сложную ситуацию.

Польские власти имели слабую поддержку среди большей части жителей городов и местечек, которые были в значительной степени заселены еврейским населением. Так, в Малоритской гмине в 1927–1928 гг., по сведениям польских властей, поляки составляли 1 284 человек, из которых большая часть была переселена в первые годы польской власти, местные русины – 5 910 человек, евреи – 1 280 человек [4, л. 1–7]. Находящееся в структурах российского государства еврейское население с настороженностью относилось к возникающим польским административным структурам. Еврейские левые круги во многих случаях симпатизировали коммунистической идеологии. Самой громкой операцией польской армии, направленной против евреев, был расстрел 5 апре-

ля 1919 г. в Пинске группы из нескольких десятков евреев, обвиненных в коммунистических симпатиях и в противодействии приказам польской армии. Действия военных имели во всем мире широкий резонанс, став примером польского беззакония на восточных землях и подтверждением польского антисемитизма.

В новой политической реальности, которая начала образовываться на Полесье в 1919 г., польские землевладельцы предприняли попытку еще большего усиления своей позиции, пользуясь доминированием новой администрации. Все еще популярны были взгляды XIX в. на общественно-экономические отношения, в которых помещицкий двор имел необычайно привилегированное положение. Считалось, что возрожденная Польша вернет помещикам, верно стоящим на страже польских национальных интересов, утраченное положение во время существовавшей царской власти. По вполне понятным причинам это не могло встретить поддержки селян, которые не хотели в послевоенной и послереволюционной реальности принимать ведущую роль помещиков. Существовали опасения, что вместе с возвращением «правления польских панов» будет также возвращена панщина.

Сложные национально-общественные отношения в соединении с необычайно трудной экономической ситуацией бросали вызов новой администрации. Территория Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин пострадала и в результате проведения эвакуационной политики, т.н. «беженства» в 1915 г., и от дальнейшей эксплуатации территории немецкой армией. Огромные просторы Полесья были почти полностью лишены населения, которое медленно возвращалось из многолетних скитаний по России. Большая часть хозяйств была полностью разорена. Непаханая несколько лет, заросшая сорняками земля требовала финансовых вложений и приложения большого труда.

На октябрь 1919 г. в Брестском повете обрабатывалось только 10–20 % всей пахотной земли, численность населения упала по сравнению с 1911 г. на 48 %. Выделить из Брестского повета и точно высчитать сокращение населения на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин на основании имеющихся исторических источников не представляется возможным, но можно с высокой степенью вероятности предположить, что ситуация была схожая.

В таких непростых условиях польская администрация далеко не всегда могла овладеть настроениями общества. На практике благосклонность к новой власти высказали только представители польской национальности. Именно они выражали желание идти служить в армию. И из этих кадров впоследствии набирали служить в поветовую полицию и городскую милицию. Они вместе с военной жандармерией обеспечивали порядок и безопасность, а также помогали осуществлять различные потребности власти, например, в снабжении запряженными телегами для осуществления транспортных коммуникаций [5, л. 146].

На этой основе после июня 1919 г. администрация стала создавать полицию Гражданского управления восточных земель, но эти органы на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин были созданы только в начале 1920 г. Начальником полиции Брестского округа был назначен подинспектор Якимович, который подчинялся комиссару и руководителю отдела безопасности при центральном органе Гражданского управления восточных земель в Вильно. Поветовые коменданты полиции Гражданского управления восточных земель подчинялись в служебных вопросах начальнику полиции Брестского округа. Первичным отделом полиции был полицейский постерунок, который, как правило, был в каждой гмине. На территории Малоритского района постерунки были в Малорите, Великорите и Олтуше. Большинство поли-

цейских были не местными, а происходили из центральной Польши. В Бресте функции поветового коменданта полиции выполнял Станислав Дрижаловский, там же был расквартирован резервный полицейский отдел под командованием сержанта Войтеха Заторского.

Власти отмечали удручающее состояние экономики после войны. Все, что можно было продать или использовать, было разворовано. В некоторых местах были срезаны и пущены на дрова телеграфные столбы. Центральные районы Польши пытались оказать помощь, но она была скорее символической [1, с. 26].

Санитарное состояние этих земель было также очень тяжелое. Инфекционные болезни не были редкостью. На Полесье были распространены тиф и черная оспа. В октябре 1919 г. в Олтушской, Малоритской и Великоритской гминах, по сообщениям властей, «санитарное состояние было плачевным, на тринадцать тысяч жителей приходилась одна женщина-фельдшер и одна сестра милосердия, ощущался резкий недостаток лекарств и больниц. Жители проживают в грязных хатах, по три-четыре семьи, свирепствует брюшной тиф и чесотка» [1, с. 29]. Это обусловило определенный организационный хаос, в котором административная власть часто была бессильна. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что зачастую функции государственных органов были определены нечетко и руководители отдельных ведомств вступали между собой в конфликты. О подобных случаях в Брестском повете свидетельствуют рапорты стражи кресовой за 1919–1920 гг. [1, с. 27].

Органы власти Гражданского управления восточных земель, несмотря на все надежды, возлагаемые на них, не смогли снискать симпатий национальных меньшинств, и прежде всего местных белорусов, слишком часто применяя силу. За время войны и последующих за ней событий многие сельские жители получили разными путями землю, с которой свыклись и которую считали своей. Некоторым пришлось ее отдать, что не способствовало благосклонному отношению местного населения к новой власти.

Белорусская общественность часто воспринимала польскую власть как временное явление. Для нее было более естественно подчиниться русским или даже немцам, в то время как польская власть возникла как бы из ниоткуда и неожиданно. Местное население восприняло новую власть как очередной этап войны, очередную смену очередной временной власти, когда после русской, затем немецкой, затем большевистской власти пришла польская, что обусловило достаточно критическое отношение к ней и ее мероприятиям.

Летом 1920 г. наступление большевиков прекратило юрисдикцию Гражданского Управления Восточных Земель. Польская эвакуация проходила поспешно и сопровождалась различными злоупотреблениями со стороны польских органов власти, что способствовало впоследствии серьезным антипольским настроениям.

На занятых территориях большевистская власть сразу стала создавать свои органы власти с опорой на местные крестьянские советы. В отдельных местах при советах создавались революционные трибуналы, имевшие целью карать противников новой системы. Репрессии прежде всего коснулись землевладельцев и католических священников. Несмотря на то, что советский период был коротким, за это время местные жители успели разграбить многие имения, переделить землю.

Одной из первых задач, которую ставила перед собой власть, была организация и снабжение армии. Новая власть попыталась улучшить санитарное положение, оказать помощь голодающим детям. 31 июля 1920 г., когда была провозглашена БССР, она включила в свой состав и Полесье.

В сентябре 1920 г. территория Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин снова была занята польскими войсками. Болота юга белорусских земель уберегли эту территорию от серьезных боевых действий. Армия генерала Станислава Булак-Булаховича 13 сентября заняла Камень-Каширск, а 25 сентября Пинск. Вероятно, территория Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин была занята в этом временном промежутке. На занятой территории армия С. Булак-Булаховича прославилась насилием и грабежами по отношению к местному населению, особенно еврейскому, которое обвинялось в поддержке коммунизма [7, с. 158]. Несмотря на то, что в армии был достаточно пестрый национальный состав, среди которого было большое количество бывших белогвардейцев, население воспринимало ее как новую польскую власть. Крайне негативно восприняло население и реквизиции зимой 1920–1921 гг. на нужды польской армии. Солдаты польской армии на Полесье были преимущественно из прусской части и отметились многочисленными злоупотреблениями по отношению к еврейскому населению и православным. Приветствовали новую власть только относительно немногочисленные представители польской национальности.

Указом Ю. Пилсудского 9 сентября 1920 г. на месте структур Гражданского управления восточных земель создавалось Временное правление прифронтовых и этаповых территорий под руководством Владислава Рачкевича. Орган правления носил временный характер и подчинялся Министерству внутренних дел. В Бресте в конце сентября 1920 г. организовывать поветовые структуры был уполномочен Ян Сенькевич. Вследствие военных действий и реорганизации власти инфраструктура находилась еще в худшем состоянии, чем в июле 1920 г. Большинство телеграфных линий было уничтожено, сожжены мосты, в плачевном состоянии находились дороги [1, с. 30–31].

27 ноября 1920 г. Временное правление прифронтовых и этаповых территорий было ликвидировано, вводилась характерная для всей Польши система воеводств и поветов. Спор между сторонниками федерации и инкорпорации разрешила сама жизнь полной победой сторонников инкорпорации. Перед новой властью стояла непростая задача преодолеть последствия разрушений ведущейся с 1915 г. войны, восстановить мирную жизнь, наладить функционирование экономики.

4 февраля 1921 г. было образовано Полесское воеводство. В его составе был и Брестский повет, в котором Малорита, Великорита и Олтуш были центрами гмин, а Малорита получила статус местечка.

Таким образом, формирование органов государственной власти на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин было сопряжено с целым рядом трудностей объективного характера. Все, что можно было продать или использовать, было разворовано. В некоторых местах были срезаны и пущены на дрова телеграфные столбы. Гражданские и военные власти различных государственных образований с различным строем и идеологией неоднократно сменяли друг друга на этой территории. Успехи польских войск позволили распространить на территорию Полесья деятельность «Войскового управления Восточных Кресов».

Но формирование новых органов власти было затруднено крайне тяжелой социальной и экономической ситуацией, сложившейся на этой территории в результате военных действий. Начальной организационной единицей был признан небольшой населенный пункт, которым могло быть село или поселок колонистов-переселенцев (колония или осада), во главе которого стоял солтыс. Несколько таких единиц создавали гмину (примерный аналог сельсовета). Границы гмины соответствовали административному делению царских времен. Границы гмин впоследствии изменялись. Во главе

гмины стоял войт, назначенный поветовым комиссаром. Поветовый староста управлял поветом, состоявшим из нескольких гмин. Самой большой административной единицей был округ с окружным комиссаром во главе. Институализация органов власти завершилась только в начале 1921 г., когда было образовано Полесское воеводство. В его составе был и Брестский повет, в котором Малорита, Великорита и Олтуш были центрами гмин.

Приведенные факты позволяют провести достаточно детальную хронологическую реконструкцию процесса институализации органов государственного управления на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин, а также проанализировать взаимоотношения различных властей и местного населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Śleszyński, W. Województwo Poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 335 s.

2. Циркуляры и распоряжения Генерального комиссара, комиссара Брестского округа о деятельности староства // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2001. Оп. 4. Л. 68.

3. Nowak, A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku) / A. Nowak. – Kraków : Arcana ; Warszawa : Inst. Historii PAN, 2001. – 644 s.

4. Gierowska-Kałłaur, J. Zarząd cywilny ziem wschodnich / J. Gierowska-Kałłaur. – Warszawa : Neriton, 2003. – 455 s.

5. Описание Малоритской гмины // ГАБО. – Ф. 2. Оп. 1. Л. 7.

6. Приказы коменданта Полесской воеводской комендатуры госполиции по основной деятельности и личному составу № 38–71 // ГАБО. – Ф. 92. Оп. 1. Л. 168.

7. Łatyszonek, O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923 / O. Łatyszonek. – Białystok : Białoruskie T-wo Hist., 1995. – 273 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.11.2017

Svirid A.N. **Institutionalization of Public Administration of Malorita, Velikorita and Oltush Municipalities after the First World War**

For more than 100 years of being a part of the Russian Empire on the territory of Belarus there has formed a certain social structure and its own traditions of public life. With the outbreak of the First World War, the Western part of the Belarusian lands was in the front line. Most part of the First World War, the territory of Malorita was occupied by troops of the Triple Alliance. Frontline position influenced all spheres of life. Long hostilities and with them the actual termination of functioning of the Russian military authorities put the question of the construction of the new public management. However, the construction of the new government was complicated with frequent possessions of power. Russian, German, Polish, Soviet authorities repeatedly succeeded each other. Eventually, the territory of the Malorita, Velikorita and Oltush municipalities became part of the Polish state, which did not immediately and not without difficulty, was able to organize the functioning of public institutions.

УДК 821.161.3

З.П. Мельнікава
д-р філал. навук, праф., праф. каф. беларускай філалогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: pralih@mail.ru

УМЕЦЬ ЖЫЦЬ ДУХАМ: ЭТЫЧНА-КАШТОЎНАСНАЕ МЫСЛЕННЕ ПІСЬМЕННІКА ЯНКІ БРЫЛЯ І ЛІТАРАТУРАЗНАЎЦЫ УЛАДЗІМІРА КАЛЕСНІКА

Прадстаўлены маральна-філасофскія, этычныя, чалавеказнаўчыя ідэі творчасці вядомых беларускіх пісьменнікаў Я. Брыля і У. Калесніка. Аргументуецца, што ў 80–90-я гг. XX стагоддзя абодва звярнуліся да аксіялагічнага асэнсавання чалавечага і грамадскага быцця і прызначэння літаратуры. У час абясцэньвання нацыянальных, народных і агульначалавечых культурных традыцый, дэскрэдытацыі сацыяльна-ідэалагічных асноў грамадства яны паслядоўна сцвярджалі гуманістычныя каштоўнасці. Тэксты пісьменнікаў-мысляроў Я. Брыля і У. Калесніка ўказанага перыяду нагадваюць філасофскі дыялог і ўтрымліваюць сістэму маральна-этычных, нацыянальна-патрыятычных, хрысціянскіх ідэй. Беларускасць, адчуванне роднай зямлі, народа і мовы абодва творцы лічылі «стрыжнем асобы, чалавечаю нормай», а крытэрыем змястоўнасці жыцця – ступень далучанасці асобы праз нацыянальнае да сусветнага гуманістычнага кантэксту чалавецтва.

У нашы дні высока ацэньваецца ўклад народнага пісьменніка Янкі Брыля ў развіццё беларускай літаратуры XX ст., у творчае абнаўленне ім жанраў нацыянальнай лірыка-філасофскай прозы. Асабліва выразна гэта ўбачылася падчас святкавання стогадовага юбілею (4 жніўня 2017 г.). Разам з тым філолагі, настаўнікі, літаратары канстатуюць, што сучасных навуковых даследаванняў, прысвечаных цэласнаму і сістэмнаму асэнсаванню гэтага непаўторнага творцы ўсё яшчэ не з'явілася. Магчыма, таму, што напісанае Я. Брылём, асабліва ў апошнія дзесяцігоддзі, – гэта ў пэўным сэнсе элітарная, інтэлектуальная проза, асабліва лірычныя мініяцюры, замалёўкі, лірыка-філасофскія эсэ, надрукаваныя дзённікавыя запісы. Яны сведчаць аб тым, што пісьменнік не проста любіў і цаніў жыццё ва ўсіх яго праявах, але і глыбока раздумваў над ім як мастак-мысляр, ацэньваў чалавека і грамадства, кіруючыся найперш высокімі маральнымі і філасофска-гуманістычнымі крытэрыямі. Такой якасці літаратурны матэрыял патрабуе і адпаведных высокаякасных навукова-інтэрпрэтацыйных падыходаў, і асабістага эстэтычна-інтэлектуальнага ўзроўню чытача і інтэрпрэтатара.

У чаканні новых «прачытанняў» творчасці гэтага адметнага класіка асабліва выразна бачыцца значнасць і неперайзыдзенасць літаратуразнаўчых прац У. Калесніка, які быў і па сённяшні дзень застаецца найарыгінальнейшым і аўтарытэтным даследчыкам творчасці Я. Брыля. Гэтаму спрыяла іх шматгадовае сяброўства, глыбокае ўзаемаразуменне. За радкамі У. Калесніка пра творчасць сябра не толькі бачыцца талент філасофска-даследчыцкага пранікнення крытыка ў мастацкае выказванне Я. Брыля, але выразна чуецца дыялог двух мысляроў, двух эстэтыкаў, інтэлектуалаў-творцаў. Яны сапраўды мелі шмат агульнага і ў асабістых лёсах. Абодва «заходнікі», землякі, узгадаваныя ў шчодрым Наднямонні: Я. Брыль на паэтычнай Навагрудчыне, У. Калеснік на Карэліччыне, што зусім побач, а гэта вызначала і значнае ментальнае падабенства. Да таго ж абодва прайшлі праз вайну з фашызмам, кожны – сваім драматычным шляхам. А потым яны і А. Адамовіч са старонак кнігі «Я з вогненнай вёскі…» паказалі свету палаючую Беларусь і жыцці ні ў чым не павінных людзей, чым прымусілі людзей розных краін задумацца над вытокамі фашызму і прычынамі дзікага чалавеканенавісніцтва.

І Я. Брыль, і У. Калеснік былі «арыстакратамі духу» – людзьмі надзвычайнай начытанасці, абазнанасці не толькі ў літаратуры, але і ў гісторыі, філасофіі, эстэтыцы, жывапісе. Для нас, маладзейшых, яшчэ пры іх жыцці яны самі былі сапраўднай гісторыяй беларускасці, нязломнасці беларускага духу. І кожны з іх – адметная, духоўна багатая асоба. Іх сяброўства – гэта дыялог двух вялікіх людзей, які доўжыўся больш за чатыры дзесяцігоддзі пры іх жыцці. А сёння гэты змястоўны дыялог працягваецца са старонак іх кніг.

Яны былі ўдзячныя адзін аднаму за шчодрую чалавечую і творчую ўзаемнасць. Смуткуючы пасля адыходу У. Калесніка, Я. Брыль згадваў, што часта яму было прыемна згаджацца з сябрам, цікава і спрачацца, *«як гэта ў нас бывала… над ягоным ці маім рукапісам, а то і задаволена смяяцца па-нашаму, як шчаслівыя юнакі… Мне пашчасціла разам з ім нямала павандраваць і па нашых родных мясцінах, і па прасторах ад Белавежы да Прыпяці. Ён, як дамоў, запрашаў мяне на сустрэчы са сваімі студэнтамі і сябрамі-пісьменнікамі "Берасцейскага вогнішча"»* [1, с. 5]. Я. Брыль цаніў і любіў свайго старэйшага сябра, паплечніка ў службе роднаму слову, з пашанай і сумам пісаў пра гэта ў прадмове да кнігі «ўспамінальнай прозы» У. Калесніка «Доўг памяці».

Думаецца, што найперш Я. Брыля і У. Калесніка яднала беларускасць, якую абодва лічылі «стрыжнем асобы, чалавечаю нормай». Я. Брыль, у прыватнасці, пісаў: *«Гэта нармальна, што яно ў мяне ёсць, было і будзе – адчуванне роднай зямлі, народа, мовы, – нягледзячы ні на што»* [2, с. 140]. У. Калеснік, задумаўшыся над выказваннем сябра, уступаў у дыялог з пісьменнікам і прадаўжаў ужо ад сябе разгортваць гэтую маральна-філасофскую тэму: *«Так, гэта нармальна ў прынцыпе, але жыццё несла так многа адхіленняў, якія станавіліся насланнём, бядою, што не раз пхала нас, беларусаў, да нацыянальнага нябыту. На шчасце, норма, захаваная дужэйшымі сярод нас, вяртала на шлях адраджэння ўсіх»* [3, с. 164].

Дыялогам пісьменніка і крытыка ўяўляецца ўсё, напісанае У. Калеснікам аб творчасці Я. Брыля. Найперш гэта кніга «Янка Брыль: Нарыс жыцця і творчасці» [5]. Несумненна, што гэта даследчыцкая праца – адна з лепшых кніг падобнага жанру ў беларускім літаратуразнаўстве. Яна з'яўляецца ўзорам не толькі глыбокага досведу аўтара па абранай тэме, але і высокай эстэтычнай густоўнасці, высокапрафесійнай чуйнасці даследчыка да кожнай дэталі як у жыцці, так і ў творчасці мастака слова, узорнай і ў плане бездакорнасці абраных навукова-метадалагічных падыходаў.

Кніга пра Янку Брыля, як і іншыя працы У. Калесніка, убірае багаты жыццёвы, маральна-этычны і духоўны вопыт не толькі пісьменніка Я. Брыля, але і самога даследчыка, выдатнага літаратара. Асэнсаванне жыццёвага шляху пісьменніка і яго мастацкай творчасці тут дапоўнена асабістым бачаннем жыцця У. Калесніка, што ўтварае згарманізаваны, больш, чым літаратуразнаўчы, чалавеказнаўчы сінтэтычны дыскурс, які ўспрымаецца значна шырэй за жанравае вызначэнне «нарыс жыцця і творчасці».

Па нашым перакананні, У. Калеснік, даючы навуковую інтэрпрэтацыю творам Я. Брыля, распрацоўваў і плённа карыстаўся арыгінальнай філасофска-эстэтычнай, па сутнасці, *аксіялагічнай метадалогіяй* аналізу мастацкага твора і ўвогуле творчасці пісьменніка. У аснову яе пакладзена сістэма агульначалавечых гуманістычных каштоўнасцей, сярод якіх вызначальнае месца адводзіцца нацыянальна-патрыятычным крытэрыям. Прамым сведчаннем гэтаму з'яўляюцца высновы У. Калесніка аб сістэме аксіялагічных каштоўнасцей, этычна-каштоўнасным мысленні, ужыванне тэрміна «аксіялагізаваны стыль» у адносінах да асаблівасцей творчай манеры Я. Брыля.

Для беларускага літаратуразнаўства, якое і ў 1990-я гг. заставалася дастаткова інертным, такая метадалогія была наватарскай. У. Калеснік сыходзіў найперш з сістэмы вечных агульналюдскіх каштоўнасцей, ці, інакш, аксіялагічных прынцыпаў. Аксіялогія – гэта тэорыя каштоўнасцей, філасофскае вучэнне аб прыродзе і паходжанні каштоўнасцей, іх месцы ў грамадстве, аб сувязі і ўзаемадзеянні розных каштоўнасцей і іх сістэм між сабой, аб іх уплыве на сацыяльныя і культурныя фактары грамадскага жыцця і на светапогляд асобы. Аксіялогія як навука аб каштоўнасцях, паводле сцверджанняў філосафаў, паходзіць ад Сакрата і яго заўжды надзённага пытання: «Что есть благо?» У поўным аб'ёме, у яе сэнсава-выяўленчай выніковасці, у сукупнасці яе магчывасцей як сістэмнага даследчага накірунка аксіялагічная метадалогія застаецца недастаткова засвоенай і рэалізаванай літаратуразнаўствам і па сённяшні дзень.

Агульнавядома, што праблема каштоўнасцей паўстае непазбежна ў час абясцэньвання нацыянальных і агульначалавечых культурных традыцый, дыскрэдытацыі ідэалагічных асноў грамадства. У гэтую філасофскую аксіёму, несумненна, укладваецца сацыякультурная харктарыстыка апошніх дзесяцігоддзяў XX ст., што абумовіла зварот эстэтычна чуйных, сумленных даследчыкаў-мысляроў да духоўных каштоўнасцей нацыі і чалавецтва, у тым ліку і зварот літаратуразнаўства да пераасэнсавання мастацкіх здабыткаў беларускай літаратуры, да выяўлення ў нашай нацыянальнай духоўнай спадчыне яе філасофска-гуманістычнага зместу і гучання. У ліку такіх даследчыкаў-літаратуразнаўцаў быў У. Калеснік.

Усё часцей да аксіялагічных вартасцей чалавецтва мы мусім звяртацца следам за У. Калеснікам менавіта сёння, калі наша быццё, існаванне раздвоены: з аднаго боку, рэальнасць, часта жорткая, цынічна паніжаючая чалавечую самакаштоўнасць і годнасць, і, з другога боку, сістэма каштоўнасцей, духоўных, маральна-этычных, хрысціянскіх, агульнагуманістычных, як аб'ект памкненняў асобы, як імкненне да магчымасці кожнаму з нас рэалізаваць сябе ў каштоўнаснай сістэме быцця і асобаснага існавання. Хіба не аб гэтым словы У. Калесніка: *«Сумленнае выкананне абавязку маральна ўраўноўвае таленавітых і сярэдніх, радавых працаўнікоў літаратуры, адсюль паўстае ўніверсальная дыфініцыя каштоўнасці чалавечага жыцця?»* [2, с. 237]. Так піша даследчык, асэнсоўваючы лірыка-філасофскія мініяцюры Я. Брыля з кнігі «Сёння і памяць» аб працавітасці сціплых пісьменнікаў мінулага, якія могуць быць вартым прыкладам для сённяшніх праз меру амбітных творцаў пачатку XXI ст., якія ўяўляюць сябе «жывымі класікамі».

Грунтуючыся на сістэме аксіялагічных каштоўнасцей, У. Калеснік прачытвае і інтэрпрэтуе кароткія творы Я. Брыля, у якіх пісьменнік разважае над сэнсам быцця чалавека. Назіранні і роздумы сябра выклікаюць даследчыка на дыялог. У. Калеснік, падхопліваючы думку Я. Брыля аб тым, што чалавеку ў сталым узросце патрэбна *«мужна падрыхтавацца да адыходу. Пакінуўшы толькі патрэбнае»* [4, с. 259], у прыватнасці, пісаў: *«Сэнс быцця. Калі б можна было ахапіць яго і выказаць адным словам, адным афарызмам ці вобразам, ён перастаў бы быць вечным пытаннем. Жыццё наша страціла б сваю прывабную загадкавасць, як траціць яно прывабнасць для тых, хто не шукае сэнсу, згаджаецца проста жыць як набяжыць. Жыццё ў момант адкрывання сэнсу як бы спыняецца, але ж адкрыты не ўвесь сэнс, а толькі часовы, і жыццё рухаецца далей, вабіць нас вечная дзея і вечныя рухі яго сэнсу і мэты… Найбольш цяжкі выпадак спрашчэння сэнсу жыцця – гэта бездухоўнасць, біялагізацыя, што зводзіць жыццё чалавека да сытасці, камфорту, кар'еры, спажывання матэрыі свету»* [5, с. 237–238].

Я. Брыль і У. Калеснік аспрэчвалі перавагу сацыяльнага над духоўным, лічылі гэта састарэлым параметрам ацэнкі духоўнага росту асобы незалежна ад таго, ці ідзе гаворка пра рэальнага чалавека, ці пра літаратурнага героя. *«Знешнія ўмовы не дзейнічаюць на чалавека аўтаматычна»*, – зазначае даследчык у гаворцы пра Алеся Руневіча, біяграфічнага героя рамана Я. Брыля «Птушкі і гнёзды». І далей піша: *«Ён свядома і паслядоўна пераходзіў ад маральна-духоўнага непрыняцця фашызму як сістэмы эстэтычных антыкаштоўнасцей да непрыняцця яго і як сістэмы сацыяна-палітычнай, варожай інтарэсам нямецкага народа і іншых народаў свету, у тым ліку і свайго, беларускага. Такое развіццё асобы не патрабуе змены арыенціраў, а толькі ўзбагачэння іх, дапаўнення сістэмы маральных каштоўнасцей… прагрэсіўна-сацыяльнае не канфліктуе з маральным, а дапаўняе яго»* [5, с. 200].

Адштурхоўваючыся ад лёсу аўтабіяграфічнага брылёўскага героя-шукальніка, У. Калеснік таксама ўздымаецца на вышыню філасофскіх разваг аб умовах духоўнага росту асобы, аб ролі самаразвіцця і самаўдасканалення, аб уплыве грамадскіх абставін у «ачалавечванні» чалавека: *«Проста чалавека робяць Чалавекам не толькі абставіны, але перадусім ён сам сябе лепіць, абставіны ж толькі спрыяюць ці шкодзяць яму, аблягчаюць ці стрымліваюць рост, яны не прадвызначаюць вынікаў»* [5, с. 200–201].

Гэтыя глыбокія філасофскія і чалавеказнаўчыя высновы У. Калесніка ўяўляюць прынцыповую важнасць пры ацэнцы характараў, учынкаў як рэальных людзей, так і літаратурных герояў.

Даследуючы жыццядзейнасць літаратурных герояў Я. Брыля, У. Калеснік размяжоўваў нават духоўныя і светапоглядныя арыенціры, хоць, на першы погляд, яны могуць здацца калі не тоеснымі, то сінанімічнымі. Так, напрыклад, літаратуразнаўца сцвярджае, што маці, гераіня аднайменнага апавядання Я. Брыля, кіруецца найперш і менавіта духоўнымі арыенцірамі, здзяйсняючы свой подзвіг ратавання чужых сыноў. Умець жыць духам, чуласцю сэрца, чысцінёй сумлення, кіравацца традыцыйнай спаконвечнай народнай этыкай – гэта і ёсць паказчык далучанасці чалавека, героя твора, ці нас, жывых і рэальных, да высокіх каштоўнасцей. Да гэтых крытэрыяў даследчык далучае здольнасць асобы да этычна-каштоўнаснага мыслення, што дае чалавеку вышыню і мудрасць у яго разуменні сэнсу жыцця як дабра для ўсіх людзей.

Разам і побач з пісьменнікам-мастаком Я. Брылём літаратуразнаўца даследуе праблему каштоўнасцей у жыцці чалавека на вайне. Тут, бясспрэчна, бярэцца пад улік не толькі апасродкаваны вопыт мастацкай літаратуры, але і асабісты, непасрэдны вопыт партызана, падрыўніка, кулямётчыка, камандзіра ўзвода Калесніка. Даследчык лічыць, што *«асноўная прычына панікёрскага настрою, які штурхае баязліўцаў да маральнага ўпадку»*, – гэта *«падуладнасць інстынкту»*. Паніка, абгрунтоўвае гэту думку У. Калеснік, небяспечна тым, што часова пазбаўляе чалавека ідэйных арыенціраў, асляпляе, даводзіць да здрады сябрам і справе. *«Вартаснасць учынкаў і паводзін чалавека на вайне вызначалася перамогай патрыятычнай і чалавечай годнасці над інстынктам самазахавання, узвышэннем каштоўнасцей духа над дыктатам цела, вызваленнем высокага і яго дамінаваннем над жывёльным у чалавеку»* [5, с. 160].

Аналізуючы творы Я. Брыля «Адзін дзень», «Маці», «Memento mori», даследчык пераканаўча абгрунтоўвае «псіхалогію жаху» на вайне. З гуманістычных каштоўнасных пазіцый асэнсоўваюцца ім некаторыя аспекты вялікай тэмы трагічнага гучання – дзеці і вайна. Нараджэнне дзіцяці ў партызанах, у пекле блакады было небяспечнай падзеяй для астатніх. У. Калеснік пра гэта піша: *«Вайна стварае маральна-псіхалагічную анамалію: дзіця, малечу, якое чалавецтва нават генетычна звыкла любіць і аберагаць*

як сваю радасць і надзею, раптам становіцца пасланцом бяды, абуджае да сябе не любоў і ласку, а страх. Страх напускае на ўвесь белы свет вайна, ён прыстае перадусім да істот бездапаможных. Вайна змяняе іх каштоўнаснае значэнне для дарослых, не дае стаць любімымі, гоніць у страхотлівае царства нябыту, туды, адкуль выйшлі гэтыя неіснаваўшыя, не паспеўшыя ачалавечыцца істоты» [5, с. 140].

Даследуючы творы Я. Брыля, іх вобразную, сюжэтную, кампазіцыйную сістэмы, літаратуразнаўца ацэньвае іх вартасць у сферы выяўлення высокіх каштоўнасцей і сімволікі. Ён актыўна ўводзіць у метадалогію аналізу багаты агульнагуманістычны кантэкст, які ўтвораны з важных духоўных каштоўнасцей чалавецтва. Аб гэтым сведчаць звароты вучонага ў кнізе пра Я. Брыля да асоб Арыстоцеля, Сакрата, Сенекі, Нерона, Мантэня, Талстога, Чэхава і многіх іншых мастацка-філасофскіх аўтарытэтаў чалавецтва. Тонкае адчуванне мастацкага матэрыялу, дасканалы даследчыцкі густ, рознабаковая інтэлектуальная дасведчанасць У. Калесніка выяўляліся ў глыбіні і пераканаўчасці яго назіранняў і высноў. Вось, напрыклад, як ёміста і дакладна вызначае аўтар сэнсавае багацце і ідэйную сутнасць апавядання Я. Брыля «Маці»: *«Ідэйная выснова, якую робіш ад уражання твора, гучыць прыкладна так: людзі, скалечаныя прагавітасцю, не ўмеюць спачуваць, дапамагаць слабейшым, смуткаваць аб памёршых, захоўваць годнасць чалавека, яны ніжэй трагізму і камізму, яны – бруд, яны зло»* [5, с. 156].

Аналізуючы творы, разважаючы пра брылёўскіх літаратурных герояў, У. Калеснік умеў далікатна, тактоўна і разам з тым прынцыпова выказаць свае ацэначныя, узважаныя адносіны да жыцця і пэўных грамадска-сацыяльных падзей. Так, гаворачы пра героя аповесці Я. Брыля «Сірочы хлеб» Міколу Кужалевіча і настаўніцу панну Мар'ю, даследчык падае і свае ацэнкі – маральныя імператывы – героям і гістарычным падзеям, удакладняе разуменне гуманістычнага і дыялектычную суаднесенасць грамадска-філасофскіх катэгорый «нацыянальнае – сацыяльнае – гуманістычнае». Вось як даследчык аб гэтым выказаўся: *«Сацыяльна-класавы і гуманістычны спосабы ацэначнай арыентацыі ў сферы грамадскіх з'яў збліжаюцца, бо працоўна-класавае, народнае з'яўляецца і агульначалавечым, рэальна гуманістычным. Сваёю роднасцю з агульначалавечым дужы і высакародны вызваленчы рух і яго ідэал»* [5, с. 95].

Выдатнай з'явай айчыннага літаратуразнаўства стаў і раздзел, прысвечаны аксіялагічнай, маральна-філасофскай інтэрпрэтацыі лірычных мініяцюр Я. Брыля «Усё чалавечае», з апошняй Калеснікавай кнігі з той жа назвай. Менавіта У. Калеснік, як ніхто іншы з літаратуразнаўцаў, пранікліва і сістэмна спасціг сутнасць брылёўскай мініяцюры, назваў іх адметным «архіпелагам» нацыянальнай літаратуры.

Жанр гаворкі-роздуму пісьменніка з сабой і з усімі, з прыродай, жыццём і светам прыйшоў у творчасць Я. Брыля яшчэ ў 1950-я гг. Думаецца, што не без самапрызнання пісьменніка крытык У. Калеснік назваў мініяцюры Я. Брыля (як, дарэчы, і некаторых іншых тагачасных беларускіх і ўвогуле савецкіх пісьменнікаў) *«формай барацьбы за свабоду творчасці ва ўмовах ідэалагічнага аўтарытарызму і рэгламентацыі творчага працэсу»* [3, с. 165]. І сапраўды, менавіта глыткам свежага паветра ў беларускай літаратуры яны былі ў пасляваенныя і застойныя гады, калі, па трапным вызначэнні У. Калесніка, уся беларуская і савецкая духоўная прастора *«была засмечана ідэалагічным пустазеллем»*. Менавіта тады Я. Брыль *«насуперак стандартам, склаў падборку колішніх сваіх шчырых нататак, каб вызваліцца з творчага прастою, да якога давялі выдавецкія ментары»* [3, с. 167].

У. Калеснік, як вельмі нямногія даследчыкі, убачыў *«эстэтычна-выяўленчую закончанасць, самастойнасць і самацэннасць»* мініяцюр Я. Брыля ў той час, як некаторыя калегі-пісьменнікі іранізавалі, што кніга мініяцюр – нішто ў параўнанні з раманам, што мініяцюры не адпавядаюць мажной постаці іх аўтара… Вылучаючы высокую мастацкую вартасць Брылёвых мініяцюр, У. Калеснік пераконваў: яны нешта большае і іншае, чым дзённікавыя запісы, чым сучасная еўрапейская авангардысцкая проза; гэта не мазкі імпрэсіяніста на палатне і *«не сімвалісцкія таемныя знакі… Цыклы мініяцюр і кнігі мініяцюр – гэта сітэма аб'яднаных гуманістычнаю ідэяй вобразаў і думак, афарызмаў і парадоксаў, назіранняў і выказванняў аб людзях і свеце, аб надзённым і вечным, аб чалавеку, яго мажлівасцях і немагаце»* [3, с. 167].

У. Калеснік трапна асэнсоўваў сутнасць брылёўскага падыходу ў гэтым жанры да асобы чалавека як *«змястоўную адзіноту»*, як сітуацыю медытацыі і самаацэнкі. Абодва пагаджаліся, што чалавек становіцца індывідуальнасцю ў калектыве, дзе кожны мае магчымасць *«адчуваць сябе суб'ектам, якога за нешта любяць, а за нешта асуджаюць… Калектыў, як і самота, могуць шкодзіць індывідуальнасці і спрыяць… Калектывізм і індывідуалізм – падобна як і ўласнасць: нажытая сумленна выхоўвае, а накрадзеная – дэмаралізуе…»* [3, с. 166].

Пісьменнік Я. Брыль, па слушным меркаванні У. Калесніка, быў *«вельмі чулы да грамадскай і жыццёвай каштоўнасці чалавечых схільнасцяў»*, таму яго ацэнкі паводзін людзей даюцца *«паводле гуманістычнай стваральнай этыкі» і «выключна брылёўскай "саборнасці"»* [3, с. 166] ўспрымання свету. У сваіх даследаваннях творчасці сябра У. Калеснік паслядоўна і аргументавана прадставіў Я. Брыля ідэйным паслядоўнікам і вучнем вялікіх пісьменнікаў XIX ст. Л. Талстога і А. Чэхава. Адначасова даследчык выказаў, несумненна, слушнае меркаванне аб «еўрапейскасці» творчай постаці Я. Брыля, якая засведчана моцным гучаннем *«агульначалавечых быційных праблем і глабальных пытанняў сучаснасці»*, гэта значыць таго, што грамадская думка назвала ў 80-я гг. мінулага стагоддзя «новым мысленнем».

Літаратары, даследчыкі творчасці Я. Брыля і ўсёй нацыянальнай літаратуры ў будучыні, як і ў нашы дні, абавязкова будуць пранікліва ўчытвацца ў глыбокія калеснікаўскія развагі аб сямейных і маральна-духоўных вытоках творчасці народнага пісьменніка Беларусі, будуць захапляцца праніклівасцю, трапнасцю і афарыстычнасцю думак і выказванняў У. Калесніка аб творах Я. Брыля розных жанраў. Самыя дапытлівыя і ўдумлівыя знойдуць у высновах даследчыка перспектыву да новых даследчыцкіх падыходаў, падказкі да абноўленага прачытання брылёўскай прозы – стылёва сінтэтычнай, філасофскай, лірыка-аналітычнай. Пісьменнік у творчай працы ўбачыў сэнс жыцця – жыць для людзей, быць «сувязным» паміж сваім народам і духоўнымі каштоўнасцямі чалавецтва.

Заўсёды будуць актуальныя маральна-філасофскія запаветы Я. Брыля аб неабходнасці памятаць, што жыццё дадзена адзін толькі раз, што нельга жыць як на вакзале: абы хутчэй прайшоў час; кожны з нас павінен ведаць свой цягнік і паспець на яго сесці; неабходна шанаваць і берагчы жыццё ва ўсіх яго праявах, жыць змястоўна… Разважаючы пра сэнс быцця, пісьменнік неаднойчы падкрэсліваў часовасць, абмежаванасць чалавечага жыцця на зямлі. Пры гэтым Я. Брыль заўважаў: *«Часовасць гэтую разумеюць па-свойму і мудрасць і дурнота. Адна стараецца насыціць яе, часовасць, мудрым зместам, а другая – схапіць хоць што»* [6, с. 39]. А вось як інтэрпрэтуе і дапаўняе сябра ў філасофскім дыялозе У. Калеснік: *«Напоўніць увесь свой кароткі ці доўгі век мудрым зместам – значыць забяспечыць сабе месца на тым дыване-самалёце, які на-*

зываецца час чалавечы, каб не забылася твая прысутнасць у свеце, каб помнілася зробленае для людзей…

Творчасць – гэта і ёсць спосаб на несмяротнасць, але несмяротнасць не можа быць адзіным і галоўным стымулам літаратурнай працы. Стымулам больш глыбокім з'яўляецца ўсведамленне свайго ўдзелу ў літаратуры, якая нясе праўду аб жыцці, яго ідэалах, мэтах.

Каб пражываць змястоўна ўласнае адзінкавае жыццё, чалавеку патрэбна далучыцца да жыцця зборнага, грамадскага, сваяцкага, сяброўскага, нацыянальнага, агульначалавечага. Менавіта ў кантэксце жыцця ўсяго чалавецтва, якому няма канца, асоба можа пазнаць самую сябе, знайсці сваю мэту… Жыць для людзей, дзеля іх шчасця, прыносіць радасць творамі – усе гэтыя ідэі свяцілі Я. Брылю з юнацтва» [3, с. 173–174].

Я. Брыль раіў сабе і ўсім, каму цікава, прыслухацца да яго вопыту: *«Мітусіцца не трэба, трэба аберагаць свой час, заўсёды, штодня нацэльвацца на галоўнае, зноў і зноў вучыцца… Трэба ўмець радавацца чужому поспеху. Думаючы пра поспех роднай літаратуры. Трэба… увесь час вучыцца гэтай радасці… сціпласці, адчуванню абавязку»* [4, с. 288].

Няма сумненняў, што неаднойчы Я. Брыль і У. Калеснік уступалі і ў вусныя сяброўскія філасофскія дыялогі аб сэнсе жыцця, супастаўлялі меркаванні аб гэтым ідэалістаў і матэрыялістаў. І абодва пагаджаліся, што цалкам сэнс жыцця не спасцігнуты ні першымі, ні другімі, і, думаецца, абодва адчувалі пэўную радасць ад яго неспазнавальнай глыбіні. Вось як аб гэтым сведчыць У. Калеснік: *«Я. Брыль ведае людзей, якія пэўныя, што маюць канчатковую формулу сэнсу жыцця. На жаль, чым больш самаўпэўненасці ў гэтых людзей, тым больш беднасці, банальнасці ў іх формулах. Найбольш цяжкія выпадкі зніжэння сэнсу жыцця – гэта бездухоўнасць, звядзенне жыцця да клопату пра сытасць, камфорт, кар'еру.*

Я. Брыль вядзе зацятую барацьбу з бездухоўнасцю і вульгарнай апушчанасцю, трыбушною люмпенізацыяй, бо чалавеку ўласціва прага духоўнасці і патрэба сцвярджаць сябе добрымі справамі, дасягаць этычнай чысціні кожнага дня, кожнага кроку… Яго назіранні і роздумы – прыклад спажыткоўвання здабыткаў уласнага і агульналюдскога духу для пераўтварэння чалавека ў Чалавека» [3, с. 175].

Як бачым, творчы дыялог гэтых сапраўды вялікіх, мацнейшых сярод нас сваім духам людзей дазволіў сфармуляваць ужо вядомыя калеснікаўскія філасафізмы: творчасць – гэта спосаб на несмяротнасць; нельга бязмэтна спажываць матэрыю свету, неабходна жыць, каб пасля помнілася твая прысутнасць у свеце.

І Я. Брыль, і У. Калеснік пакінулі нам мудрыя і мужныя парады, як варта жыць у маладым узросце і на апошнім этапе, калі чалавек набліжаецца да непазбежнага. Сапраўды, кожнаму варта і неабходна павучыцца ў іх здольнасці парадкаваць уласную душу штодзень: не паддавацца плебейскай псіхалогіі самасуяў, пераадольваць зло ў сабе. Маральны самакантроль і гуманістычная самаарыентацыя, як падказваюць сёння са старонак сваіх кніг Я. Брыль і У. Калеснік, дапамагаюць кожнаму, і найперш маладому, удумліваму, чалавеку знайсці месца ў агульначалавечай справе.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Калеснік, У. Доўг памяці / У. Калеснік. – Брэст : Брэсц. друк., 2005. – 548 с.
2. Брыль, Я. На сцежцы – дзеці / Я. Брыль. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 234 с.

3. Калеснік, У. Усё чалавечае : літ. партрэты, арт., нарысы / У. Калеснік. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 381 с.

4. Брыль, Я. Сёння і памяць : апавяданні, мініяцюры, эсэ / Я. Брыль. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 317 с.

5. Калеснік, У. Янка Брыль : нарыс жыцця і творчасці / У. Калеснік. – Мінск : Нар. асвета, 1990. – 265 с.

6. Брыль, Я. Збор твораў : у 5 т. / Я. Брыль. – Мінск : Маст. літ., 1979–1981. – Т. 5. – 1981. – 408 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.10.2017

Melnikava Z.P. **To be Able to Live by the Spirit: Ethics and Value Thinking of the Writer Yanka Bryl and Literary Critic Uladzimir Kalesnik**

The article presents the moral-philosophical, ethical, human ideas on the work of famous Belarusian writers Ya. Bryl and Uladzimir Kalesnik. It's argued that in the 80–90s of the last century, both turned to axiological understanding of human and social existence and purpose of literature. During the depreciation of the national, folk and universal cultural traditions, discredit of socio-ideological foundations of society they have consistently claimed humanitarian values. The texts of writers and thinkers Ya. Bryl and U. Kalesnik in the specified period resemble a philosophical dialogue and contain a system of moral and ethical, national-patriotic, and Christian ideas. Both creators considered the feeling of the native land, people and language, to be «the pivot of personality, the human norm», and the criterion of meaningfulness of life – the degree of involvement of the individual through national to global humanistic context of humanity.

УДК 398.3

І.А. Швед
д-р філал. навук, праф., праф. каф. рускай літаратуры і журналістыкі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: shved_inna@tut.by

МІФАСЕМАНТЫКА І ФУНКЦЫЯНАЛЬНАСЦЬ ЛЕБЕДЗЯ Ў БЕЛАРУСКІМ ФАЛЬКЛОРЫ*

Мэта артыкула – вызначэнне міфасемантыкі і функцыянальнасці лебедзя як чынніка арніталагічнага кода беларускага фальклору. Гісторыка-генетычнае і функцыянальна-семантычнае даследаванне «тексту лебедзя» ў беларускім фальклоры паказала, што ў ім дамінуюць станоўчыя канатацыі, звязаныя з семантыкай прыгажосці, гордасці, чысціні, кахання, вернасці, а таксама з лучнасцю з сакральным светам, касмалагічным і сацыяльным верхам. Лебедзь складае сімвалічныя комплексы з такімі арнітавобразамі, як арол, сокал, гусь, селезень, журавель.

Уводзіны

Птушыныя вобразы як чыннікі арніталагічнага кода фальклору пэўнага народа апошнім часам усё часцей становяцца аб’ектам спецыяльнага вывучэння. Найперш тут трэба назваць грунтоўную манаграфію А. Гуры, у адным з раздзелаў якой разглядаецца сімволіка птушак у славянскай традыцыі [1]. Народным уяўленням славян пра птушак і жывёл, заалагічнаму коду міфапаэтычнай мадэлі свету беларусаў і іншых народаў прысвечаны працы беларускіх фалькларыстаў, міфолагаў, этнографаў, археолагаў, культуролагаў А. Багаевай, Т. Валодзінай, Ю. Драздова, Л. Дучыц, Э. Зайкоўскага, У. Лобача, С. Санько, Л. Салавей, І. Швед, Ю. Янкоўскага, у прыватнасці, артыкулы ў энцыклапедычным слоўніку «Міфалогія беларусаў» [2]. Пры гэтым у працах этналагічнага характару пераважае гісторыка-генетычны падыход (даследаванні Э. Зайкоўскага, Л. Дучыц, У. Лобача, Т. Кухаронак і інш.). Выяўленню асаблівасцяў «семантыкі і функцыянавання арнітавобразаў у беларускім фальклоры ў кантэксце ўніверсальнасці і адметнасці іх у межах славянскай і індаеўрапейскай супольнасцей», «арнітамарфізму як суцэльнай структуры» ў сэнсе «архетыпічнага зместу» прысвечана дысертацыя М. Камаровай «Архетыпічнасць, асаблівасці семантыкі і функцыянавання арнітаморфных вобразаў-сімвалаў у беларускім фальклоры» [3]. На вобразы птушак увага звярталася беларускімі фалькларыстамі і ў сувязі з вывучэннем пэўных відаў і жанраў традыцыйнай культуры. Так, Т. Валодзіна ў кантэкце даследавання народнай анатоміі і медыцыны ахарактарызавала арнітаморфныя вобразы ў этнакультурным тэксце скураных хвароб [4]. Гэтая ж даследніца грунтоўна прааналізавала ўстойлівыя выразы з жывёльным (у тым ліку «птушыным») кампанентам і слушна адзначыла, што шэраг з іх «настойліва вылучае вобразы ваўка, мядзведзя, зайца і лісіцы з дзікіх звяроў і сарокі, вароны, вераб’я, жураўля, савы з дзікіх птушак. Не менш вядомыя лось, барсук, дзік і іншыя звяры, за выключэннем асобных прыкладаў, засталіся па-за межамі этнафразеалагічнага зрэзу моўнай свядомасці» [5, с. 69].

Спроба вытлумачэння даволі пашыранага песеннага матыву «наляцелі гусі з Белай Русі» ў сувязі з даследаваннем сімволікі вобраза Дунаю належыць Л. Салавей:

Артыкул напісаны ў межах навукова-даследчай працы «Заалагічны код беларускай традыцыйнай духоўнай культуры (па запісах XIX – пач. XXI ст.)», якая выконваецца па ДПНД «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (№ дзяржрэгістрацыі 20160897 ад 13.04.2016).

«Можа здацца супярэчнасцю, чаму ў беларускіх песнях Дунай падаецца як месца дзеяння, а Белая Русь – далёкі край. Верагодна, гэта можна тлумачыць тым, што сам матыў узнік там, адкуль беларускія землі, г.зн. усходняя частка этнічнай Беларусі, уяўляліся досыць аддаленым месцам. Ён мог з'явіцца ў Цэнтральнай Беларусі, якая лічылася доўгі час Літвой, ці дзесьці на Украіне, на Валыні, але дзякуючы дакладнай рыфмоўцы і выразнасці вобраза гусінага выраю, што вельмі нагадвае вясельны поезд, прыезд вясельнай «чужой» дружыны, стаў пашырацца паўсюдна… Пашырэнню вобраза гусей, што налятаюць з паўночна-ўсходняга напрамку, калі накіроўваюцца ў вырай, садзейнічала, бясспрэчна, мілагучнасць выразу «гусі з Беларусі» ды і напрамак сапраўдных гусіных пералётаў. Але не толькі. Народныя спевакі, відаць, мелі агульныя, але досыць дакладныя ўяўленні пра вялікія абшары славянскіх зямель, па меншай меры ведалі іх прасторавую размеркаванасць» [6, с. 102–103]. Зааморфныя метафарычныя вобразы прыродных аб'ектаў і з'яў, зааморфныя рэферэнты раслінных аб'ектаў у святле міфапаэтыкі славянскіх загадак вывучала А. Алфёрава. Пры гэтым даследніца зыходзіла з меркавання, што метафары, узятыя са свету жывёл, «генетычна ўзыходзяць да міфалагічных метафар, у якіх прадугледжвалася сапраўдная тоеснасць (у межах міфалагічнай свядомасці) міфалагічных аб'ектаў і з'яў з жывёламі ці птушкамі. У далейшым структура паэтычнай метафары загадак з зааморфнымі вобразамі толькі фармальна ўваскрашала былую рэальнасць міфалагічнага мыслення, бо пазнейшыя метафары зааморфнага віду грунтаваліся на прынцыпе свядомага мастацкага параўнання і перанясення. Адсюль агульнасць метафарычных замяшчальнікаў прыродных з'яў у іх» [7, с. 39]. К. Кабашнікаў у сувязі з даследаваннем малых жанраў беларускага фальклору ў славянскім кантэксце разгледзеў групу ўсходнеславянскіх, польскіх і сербскіх загадак, якія адносяцца да птушак і жывёл – дзікіх і свойскіх. У плане вызначэння генезісу фальклорнай заасімволікі важнай з'яўляецца заўвага К. Кабашнікава, што «загадкі арыентуюцца як на знешнія прыкметы птушак і жывёл, так і на асаблівасці іх паводзін, на карысць, якую яны прыносяць чалавеку, і на іншыя іх якасці. У сувязі з тым, што ў вонкавым выглядзе розных жывёл ёсць нейкія агульныя прыкметы, у розных загадках паўтараюцца некаторыя мастацкія дэталі і паэтычныя сродкі» [8, с. 138]. Гэты ж выдатны беларускі фалькларыст у выніку параўнальнага аналізу беларускіх і балгарскіх міфалагічных балад, у тым ліку з матывамі пераўвасаблення чалавека ў птушку, прыйшоў да слушнай высновы, што адна з найбольш распаўсюджаных у славянскім свеце балад з матывамі пераўвасаблення – «Дачка-птушка». «Пераўтварэнне ў птушку ў большасці беларускіх балад проста канстатуецца як факт ажыццяўлення волі ці жадання жанчыны: «абярнуся зязюляй, стану палячу…» Часам гэтае жаданне выклікае дзеянне: «вышла я на вулачку, страсянулася, рабою зязюлечкай абярнулася». Жанчына звяртаецца за дапамогай да птушак: «Папрашу я ў салаўя сізыя крыллі, / Папрашу я ў кукушкі тонкі галасок…» Пераўтварэнне ў птушку ў балгарскіх баладах адбываецца ў выніку зварота жанчыны да Бога» [9, с. 293–294]. У сувязі з даследаваннем генезісу арніталагічнай вобразнасці фальклору важным таксама з'яўляецца зробленае К. Кабашнікавым заключэнне, што «метамарфозы як частка старажытных міфалагічных уяўленняў, звязаных з анімізмам, татэмізмам і іншымі вераваннямі, у баладах з цягам часу сталі адметным паэтычным сродкам і набылі шырокае распаўсюджанне. Акрамя балады «Дачка-птушка» матыў пераўвасаблення жанчыны ў птушку прысутнічае і ў шэрагу іншых беларускіх і балгарскіх балад, паміж якімі таксама можна заўважыць падабенства на пэўных узроўнях» [9, с. 295]. «Філалагічны» бок сімволікі вобразаў (у тым ліку птушак), прадстаўленых у беларускай народнай лірыцы, вывучаўся таксама Н. Гілевічам [10]. Асэнсоў-

ваючы мастацтва слова як чыннік самасвядомасці, І. Чарота сярод іншага звярнуў увагу на адметнасці функцыянавання вобразаў птушак у фальклоры і літаратуры і адзначыў, што «ў сістэме народнай вобразатворчасці, а па традыцыі і ў творах літаратуры буслу, відаць, няма роўных» [11, с. 123].

У кантэксце вывучэння такой з'явы традыцыйнай святочна-абрадавай культуры беларусаў, як маскіраванне і абрадавае пераапрананне, Т. Кухаронак звярнула ўвагу на функцыянальнасць масак, якія прадстаўлялі зааморфных персанажаў. Найбольш распаўсюджанымі сярод іх з'яўляюцца каза (казёл), кабыла (конь), бусел (жораў, журавель), радзей сустракаліся сярод маскіраваных бык (тур, карова), воўк, ліса, заяц [12, с. 16]. У плане рэканструкцыі міфа-рытуальнага значэння птушак важна падкрэсліць, што злепленыя ў выглядзе птушачак (пеўніка, качачкі) ці фантастычных «гібрыдных» істот свіцёлкі – нярэдкая знаходка і ў археалагічных жыллёва-гаспадарчых комплексах, і ў месцах, звязаных з магічнымі абрадамі [13].

Між тым вобраз лебедзя не быў прадметам спецыяльнага даследавання беларускіх вучоных, за выключэннем сціслага артыкула Л. Салавей і С. Санько ў энцыклапедычным слоўніку «Міфалогія беларусаў» [2]. Магчыма, гэта абумоўлена тым, што фальклорная і этнаграфічная літаратура не адлюстроўвае нейкага вельмі значнага корпусу тэкстаў, якія б паказалі на вялікую разнастайнасць варыянтаў функцыянавання названага арнітавобраза ў традыцыйнай культуры беларусаў. Між тым ён прадстаўлены ў каляндарна-абрадавых, сямейна-абрадавых і пазаабрадавых песнях, казкавай і няказкавай прозе, дзіцячым фальклоры, парэміях і некаторых іншых відах і жанрах беларускага фальклору.

У гэтай працы разглядаецца адзін з элементаў арніталагічнага кода беларускага фальклору – вобраз лебедзя. Мэта працы – вызначыць міфасемантыку і функцыянальнасць лебедзя як чынніка арніталагічнага кода беларускага фальклору.

Вобраз лебедзя ў відах і жанрах беларуага фальклору

Лебедзь – рэдкая ў прыродзе птушка, як адзначаюць, Л. Салавей і С. Санько, здаўна быў аб'ектам подзіву і паэтычнага натхнення нашых продкаў. «Амаль поўнае знікненне лебедзяў з вадаёмаў нашай азёрнай і рачной краіны (даверлівая птушка была вельмі лёгкім і жаданым прадметам палявання) патрабавала нейкага тлумачэння. Міф спрабуе знайсці карэнныя прычыны такога становішча і пачынае шукаць іх "ад патопу". Паводле яго, калі Ной пачаў збіраць усё жывое на карабель, каб ратаваць іх ад "затопу", моцны птах лебедзь на імя Страцім надумаў самастойна плаваць па водах. Але на яго населі розныя птушкі, што плаваць не ўмелі, і патапілі яго. Таму і няма цяпер нашчадкаў гэтай птушкі» [2, с. 273–274].

Як і іншыя вадаплаўныя птушкі, лебедзь улучаны ў касмаганічны сюжэт, удзельнічае ў тварэнні свету. Так, у адным з касмаганічных паданняў менавіта лебедзь («д'ябл» у вобразе лебедзя) здабывае пяску са дна мора, з якога Бог стварае роўную, шырокую зямлю. Але лебедзь-чорт «утаіў у насу зямлі і панатварыў з тэй зямлі балот, трасін, гор» [14, с. 37]. У гэтым тэксце лебедзь выступае творцам гор і гідрааб'ектаў. Адмысловым апекуном воднай прасторы гэтая птушка з'яўляецца і ў паданні пра паходжанне назвы сялібы «Лебедзева Дно». Паводле наратыва, некалі на сярэдзіне вялікага возера жылі лебедзі. Людзі не чапалі гэтых гордых птушак, бо лічылі, што менавіта яны ахоўваюць возера, будуюць і рамантуюць схаваныя пад вадой дамбы і плаціны, чым утрымліваюць возера між пагоркаў. Толькі «знайшоўся злы чалавек. Падплыў аднойчы да вострава і застрэліў самага вялікага лебедзя-важака. Пакінулі лебедзі возера. А праз

год ці два прагнілі схаваныя ў чароце і пад вадой лебядзіныя дамбы», і вада з возера абрынула ў рэчку, пазносіла хаты, змыла з палеткаў ураджай, патапіла скаціну» [14, с. 37]. Паводле заўвагі Л. Салавей, С. Санько, тут яшчэ раз рэалізуецца матыў *«лебедзь і патоп»*. Гэтыя ж даследнікі не выключаюць магчымасці таго, што «некаторыя хтанічныя рысы ў вобразе лебедзя абумоўленыя не толькі яго сувяззю з вадой (пачатковымі водамі), але і белым колерам яго пер'я, якім часта лебедзь і сімвалізуецца, як, напрыклад, у загадках: "Што бела не белячы?" – "Лебедзь" (параўн. пра ворана: "Што чорна не чэрнячы?")») [2, с. 273–274].

Высокі семіятычны статус лебедзя, сакральная прырода, суаднесенасць з касмалагічным верхам, кронай Сусветнага дрэва і пазітыўная ацэнка («духоўная ўцеха») выяўлены ў калядцы з Гомельскага Палесся: «Сірадзі двара Пітраковага, / Сьвятэй вечар! / Там стаяў явар тонкі, высокі, / Тонкі, высокі, корнем глабокі, / Корнем глабокі, лісьцем шырокі. / Вверху явара – белые лебедзі, / В срэдзіне явара – вараные коні, / В корні явара – яравые пчолы. / Белые лебедзі – хазяіну на ўцехі, / Вараныя коні – хазяіну на ўезды, / Яравыя пчолы – Богу на сьвячы» [15, кн. 1, с. 140].

У тэкстах больш позняга паходжання, дзіцячым фальклоры, парэміях знайшлі праламленне *шаноўнае стаўленне да лебедзя, яго ўзвелічэнне*. У прыватнасці, у сюжэце «вяселле вераб'я» «белу лебедзь» запрашаюць сесці на самым ганаровым, сакральным месцы – покуці: «Заклікае верабейка / Ўсіх госцейкаў есці, / Запрашае белу лебедзь / На покуце сесці. / А з лебеддзю – жураўля…» [16, с. 253–254]. Прыведзены тэкст паказальны і ў плане актуалізацыі характэрнай пары «лебедзь – журавель», якая накладваецца на апазіцыю «жанчына – мужчына». У парэміях лебедзь таксама займае найвышэйшую пазіцыю ў птушынай іерархіі: «Бі сароку і варону – даб'ешся белага лебедзя» [17, с. 155]. Прыпісванне лебедзю чалавечых уласцівасцяў адбілася ў шматлікіх фальклорных тэкстах, разам з тым праз актуалізацыю вобраза лебедзя выяўляюцца розныя аспекты чалавечага жыцця. Так, пра апошні, найбольш значны твор каго-небудзь, апошнюю праяву таленту, здольнасці гавораць як пра лебядзіную песню (калька з грэч. kukneion asma). «Узнікненне фразеалагізма, як адзначае І. Лепешаў, звязана з павер'ем, што лебедзь спявае адзін раз у жыцці – перад самай смерцю. Павер'е, вядомае старажытным грэкам, сустракаецца ў творах Эзопа, Эсхіла. Відаць, яно мае пад сабой грунт: як сведчаць вучоныя-заолагі, напрыклад нямецкі натураліст А. Брэм, апошнія ўздыхі раненага лебедзя нагадваюць песню» [18, с. 211].

Паводле некаторых звестак, магчыма рэканструяваць міф пра *паходжанне лебедзя ад чалавека*. Так, легенда са Свіслацкага раёна апавядае пра чорных лебедзяў, якімі скінуліся праклятыя графіняй закаханыя хлопец і дзяўчына. Некалі на месцы невялічкага ляснога возера стаяў замак, у якім жыў граф са сваёй дачкой, якая палюбіла маладога конюха. Даведаўшыся пра гэта каханне, жонка графа пракляла і дачку і яе каханага, і апоўначы, калі тыя гатовыя былі ўцячы з замка, збудаванне правалілася пад зямлю і на яго месцы разлілося возера. З таго часу якраз апоўначы прылятаюць на возера два чорныя лебедзі і плаваюць кругамі, не могучы наблізіцца адзін да аднаго з-за матчынага праклёну [14, с. 409]. У чарадзейных казках лебядзінай парай становяцца хлопец і дзяўчына, якіх пераследуе антаганіст, прыкладам, у казцы «Верабей і мышона»: «І махнула платочкам – і з коней зрабілася сіняе мора, дзеўка храбілася лябёдкаю, а малец – лебедзем». Калі небяспека мінула, «лябёдка стала дзеўкай, а лебедзь – мальцам» [19, с. 433]. У іншых казках лебедзі скідваюцца дзяўчатамі-прыгажунямі, у чым выяўляецца жаночая сімволіка птушак.

З *метамарфозай смерці, душой памерлага* лебедзі звязваюцца і іншыя кантэксты. Прыкладам, у наратыве пра вешчы сон лебедзь асацыюецца з памерлым мужам, а «лябедачак» – з асірацелым сынам. Так, жанчына апавядае, што прысніла лебедзя, які паляцеў з сада, і інтэрпрэтуе гэта ў кантэксце смерці мужа: «Сядзеў, сядзеў, падняў крыльля і паляцеў. Значыць, мой мужык узяў і памёр, муж мой. Во так і астаўся ў мяне эты лябедачак, рабёнак» [20, с. 162]. Акрамя прыведзенага вышэй касмалагічнага падання, у якім лебедзь выступае іпастассю д'ябла, *дэманалагічныя характарыстыкі птушкі* выяўлены ў міфалагічных тэкстах тыпу: «Камень каля в. Адамаўка». «Гаварыла адна старуха, вечарам к яму не падхадзіць, а то з яго выходзіць мядзведзь. Усё пугала малых рабят. На вазвышанасці стаіць. Каля таго каменя, старуха казала, белыя лебедзі ляталі, ці гусі. Будзеш іці вечарам позна, а тут гусь з вады. Той камень быў меншы, а тады ўсё рос, рос» [20, с. 244]. У замове ад шалу сакральным памочнікам выступае "«дзедзька-лябедзька»: «Узыду на крутую гару, зірну пад ясную зару – там стаіць дзедзька-лябедзька, стары, барадаты. Дзедзька-лябедзька, унімай свайго сабаку-кусаку, круцяку і вярцяку» [21, с. 151]. У іншых замовах выяўляецца «ўшчэрбны» лебедзь, без характэрных частак цела.

У казках гусі-лебедзі ці самы «задрыпаны» з «гусяточок-лебедяточок» надзяляюцца *медыятыўнай функцыяй*, пераносяць героя з чужога свету ў свой, вяртаюць дадому. У казцы «Пра Цярэшачку» (СУС 327 F) Цярэшка, ратуючыся на дубе ад ведзьмы, бачыць «пцічак-лебедзяў» і просіць: «Лебедзі-лебедзі, ськіньце мне па перцу – я з вамі палячу!» [15, кн. 2, с. 505]. Паводле запісанай у Брэсцкім раёне казкі, «до бабы прыйіхав внук – отдыхаты чы як. І він любыв рыбу ходыты ловыты. Підэ, баба йысты наварыць, бліноў нажарыць ёму, і ідэ ёму йысты нэсэ. Івашік там, на озерэ, плавае. "Івашік мой, унучычэк, плывы-плывы до бэрэшка. Каша масляна, мука красняная, а місочка білэсэнька, а рубашэчка краснэсэнька". Він прыплывэ, як почуе бабін голос, прыплывэ і прідэ, пойість і зноў пойіхав рыбачыты. Тут обнаружыла Баба Яга і прійшла. І грубым голосом давай: "Івашік мой, унучычэк..." А він почув, і эта: "Чую-чую-чую. Это нэ ба-бін голос, я нэ прыплыву". Вона пошла до коваля, а коваль ёй зробыв такі голос, як у ба-бы. І она прішла і ту пісню давай співаты. І він прыплів. І она ёго украла в мішок і по-несла. Нэсэ-нэсэ, нэсэ-нэсэ, алэ в тулэт схотілосо – і она пошла под кустік. А той Івашік выліс. (Камнём ёго прыдавыла і думала, шо нэ вылезэ.) І він втік. Втік на высокэ дере-во. А та баба прішла – і нэма ёго. А він зліз на высокэ дэрэво і сідыть, і боіца злазыты. А то як раз была Паска. А тут дід з бабою: "Ну німа, пропав внучык". Яйца ділять: "Цэ тобі, діду, а цэ мені, а вместо Івашіка – котіку". А тем временем лэтелі гусі, і він спрашуе: "Гусяточка-лебедяточка, возьміть мэнэ на крыляточка, однэсіть мэнэ до батычка, а в батычках всёго доброго, да нэ трошкі". А воны кажуць: "Там будэ лэтэць таке задрыпанэ, то він тэбэ і возьмэ". І так він ёму заспівав ту песню, і взяв він. І прылітів там, де баба з дідом жылы, посадів ёго – в трубу сунув. А колы воны яйца дэлылы, він почув (Івашік з трубы) і кажэ: "А мені" (повторыв неколькі раз). Воны як почулы голос, то давай… Разобралы піч, Івашыка вытяглі і помылы» (ФА*; Тамашоўка).

У пралятаючых над галавой лебядзей могуць прасіць скінуць па пер'ю і героі песенных тэкстаў, прыкладам: «На святую купалачку / Выйду я на вулачку. / Выйду я на вулачку / Да сяду я пад вярбою, / Пад вярбою зялёнаю. / Буду сядзець, буду глядзець, / Буду глядзець, што будзець ляцець. / Аж ляцелі два лебедзі. / – Ах вы, лебедзі,

** ФА – Фальклорны архіў студэнцкай навукова-даследчай лабараторыі БрДУ імя А.С. Пушкіна «Фальклярыстыка і краязнаўства» (кіраўнік – І.А. Швед).*

вы белыя, / А скіньце мне па перыне, / Па перыне, па адной касе. / Я русу касу ў таткі знашу, / У таткі знашу пад венчыкам, / А ў свякратачкі – пад чэпчыкам» [22, с. 210–211].

У такіх кантэкстах лебядзінае пер'е з'яўляецца атрыбутам дзяўчыны шлюбнага ўзросту, якая ў хуткім часе павінна здзейсніць адзін з жыццёвых пераходаў – змяніць сацыяльна-біялагічны статус і стаць часткай іншай родавай прасторы.

Вобраз лебедзяў узнікае ў *разнастайных паэтычных карцінах любоўнага спаткання*, прыкладам: «Купала на Йвана! / На ўдовіным калодзезі, / Там Ганнулька ваду брала, / З паповічам размаўляла: / – Не бруй, не бруй, паповічу, / Будзець маці вады ждаці. / Ты ж, Ганнулька, / Ўмей адказаці: / "Наляцелі белы лебедзі, / Памуцілі ваду светлую, / Я ж, маладзенька, пастаяла, / Пакуль вада светла стала"» [22, с. 281]. Сімвалічная карціна палявання на лебядзеў абыгрываецца ў песнях пра заляцанне хлопца да дзяўчыны: «На моры, на сінім азёры, / Там Іван белых лебядзей страляіць, / Ён дзеваньке правым вокам міргаіць. / Ці ўдаваліся, мая дзевіца, да цябе? / – Удаваліся нежанатыя панічы. / Я ж тымі панічамі гардзела, / За цябе, маго Ванечку, хацела» [23, с. 70].

У каляднай песні *лебедзь і лябёдка сімвалічна асацыююцца з хлопцам і дзяўчынай*: «Перагараджу да тынком рэчку / Да ўсаджу лебедзя, лябёдку. / Што лебедзь – то той Мікалайка, / Што лябёдка – то яго Марылька» [24, с. 165]. У купальскай песні стада лебядзінае – гэта дзяўчаты, адпаведна лябёдушка – адна з іх; мужчынскую пару лябёдушцы (гусцы) складае «орлічок»: «Ой по мору, / Ой по мору, мору сінему / Плыве стадо, / Плыве стадо лебядзіное. / Оно плыве, / Оно плыве не страпеснецца, / Под ім вода, / Под ім вода не шолеснецца. / Як налецев, / Як налецев севый орлічок, / І ўзяў собе, / Узяў собе лебёдушку молоду. / – Ох ты гуска, / Ох ты гуска, ты лебёдушка моя, / Сподабала мне, / Сподабала мне походушка твоя. / Проходушка, / Проходушка твоя частенькая, / І розмовушка, / Розмовушка твоя ластенькая» (ФА; Лышчыцы, Брэсцкі р-н). Арол як драпежная птушка, надзеленая мужчынскай сімволікай, разбівае лебядзіную стаю і ў песні на любоўна-шлюбную тэматыку (якая выконвалася пад час ваджэння абрадавага карагода на Ушэсце ў в. Церахоўка Добрушскага р-на): «Ўдоль па мору, / Ўдоль па мору, мору сінему. У! / Плыла стая, / Плыла стая лебедзіная. У! / А за ёю, / А за ёю сакаліная. У! / Адкуль узяўся, / Адкуль узяўся сізакрылы арол. У! / Разбіў стаю, / Разбіў стаю лебедзіную. У…» [15, кн. 2, с. 81]. Мужчынскую пару лябёдачцы можа складаць паэтычны эквівалент арла – сокал, прычым падкрэсліваецца, што лябёдачка «павышэй» сокала: «Із-за лесу цёмнага вылятаў сакол, / Белая лябёдачка павышэй яго. / Стаў сакол лябёдачку выпытываці: / – Белая лябёдачка, дзе жа ты была? / – Мой мілы саколіку, на сінім моры. / – Белая лябёдачка, што там рабіла? / – Мой мілы саколіку, рыбку лавіла» [25, с. 523].

З белымі лябёдкамі параўноўваюцца *маладзіцы*: «Ой, Йванова сонейка / Хадзіла, хадзіла. / Ой, калі ішло, / Харашэнька ўзышло на Йвана. / – А дзе яму стаці? / У Збуражы на вуліцы... / А ў Збуражы маладзіцы, / Як белыя лебядзіцы» [22, с. 305]. Сімвалічная карціна лябёдкі на моры малюецца і ў песнях пра *нялёгкае жыццё маладой замужніцы* ў свёкравай хаце: «Сестра з сестрою горэ горовалы: / – Бэда сэстрэнька, бэда для мэнэ / Свэкруха ліхая, / Ой, бо заставляе тры дзілы робыты: / Ў нідзілю рано плацце золыты, / А позолывшы на морэ бэлыты, / А побэлывшы на клёну сушыты. / Я не жыдывка ў нідылю золыты, / Я не лібідка на моры біліты, / Я не зязюля на клёну сушыты» (ФА; Лышча, Пінскі р-н); «Ой, то-то! Была ў мяне свякроў ліхая, то-то. / Загадала мне сем дзел рабіць: / Плацце памачыць, а ў нядзелю жлукціць, / На моры бяліць, паверх лесу сушыць, / Па небе качаць, у борцях хаваць. / Ці я жыдоўка – ў суботу мачыць, / Ці я татарка – ў нядзелю жлукціць, / – Ці я лябёдка – на моры бяліць, / Ці я зорачка – па небе

качаць, / Ці я пчолачка – па борцях хаваць?» [22, с. 344]. У песнях на падобную тэматыку лебедзі могуць паэтычна асэнсоўвацца і зусім па-іншаму – увасабляць братоў, гатовых дапамагчы сястры-гаротніцы: «Послал меня свёкор / Да в бор жіто жать, / Заказал мне свёкор / Да сто коп нажать, / Сорок коров подоіть, / Тріццать вепров накорміть, / Дзежу хлеба замесіть. / Я, молода, спознілася, / До діцяті забылася. / Прілетелі два лебеді, / І ободва беленькіе, / Браткі мое родненькія. / Взялі оні діцё моё. / Одін кажэ: / – Понесем мы, / Гэто ж нашей сестрыцы, / Что на чужой стараніцы, / Кажды её наб'ецца, / Ее слёзок нап'ецца» (ФА; Харомск, Столінскі р-н).

Лябёдачкамі ў песнях могуць называцца толькі дзяўчаты, тады як жанчыны асацыююцца з зязюлямі: «Як з двара, з двара, рана-рана, / Злятаў сокалка, / Злавіў чырачку. / Яна просіцца: / – Пусці, сокалка, / А да пташачак. / – Не пушчу цябе / Не пазначыўшы: / Вырву перышка / З права крылушка, / Тады пушчу цябе / Ні да пташачак, / А да зязюлечак. / Як з двара, з двара / Злятаў Сашачка, / Злавіў Алачку. / Яна просіцца: / – Пусці, Сашачка, / Мяне да дзевачак, / Да лябёдачак. / – Не пушчу цябе / Не пазначыўшы: / Надзену шапачку / На галовачку, / Тады пушчу цябе / Ні да дзевачак, // А да жоначак» [22, с. 319]. У іншых творах лябёдкі – гэта і дзяўчаты, і жанчыны, толькі першыя белыя, як лябёдкі, а другія – чорныя, як вароны: «За лесам, за белай бярозай / Калёскі тарочуць, гандляры едуць, / [Гандляры едуць], чарнілы вязуць: / – Жоначкі-лябёдкі, купляйце чарнілы! / – Нашто ж нам чарнілы – мы і так чарненькі, / І так мы чарненькі, як чорны вароны. / За лесам, за белай бярозай / Калёскі тарочуць, гандляры едуць, / [Гандляры едуць], бялілы вязуць: / – Дзеванькі-лябёдкі, купляйце бялілы! / – Нашто ж нам бялілы – мы і так беленькі, / Мы і так беленькі, як белы лябёдкі» [22, с. 290]. З трыма лябёдачкамі параўноўваюцца тры сястры, якія жылі ў шчасці-згодзе: «А сягоння ў нас Купаллейка, Каліна. / Ой, купаліся тры сястрыцы. / Пакупаўшыся, на бераг выйшлі, / На бераг выйшлі, гаварылі: / – А мы жылі, як лябёдачкі, / Раскаціліся, як ягодачкі. / Кароўкі нашы развядзёныя, / Куфэркі нашы развязёныя, / А мы, сястрыцы, разабраныя» [24, с. 342].

Часта лябёдачкамі называюць *жней* ці параўноўваюць іх з гэтымі белымі птушкамі: «Ой, дзевачкі-лябёдачкі, / Пойдзем разам дамовачкі / З гэтай нівы-няволечкі…» [24, с. 355]; «Медавая барэлачка / Ды па полю качаецца, / Ды ў жоначак пытаецца: / – Вы, жоначкі-лябёдачкі, / Калі вы мяне не вып'еце, / Я вам шкоду здзелаю…» [23, с. 432]; «Няслава, няслава, / Хадотка, твая, / Што не п'яна талака твая. / – Жоначкі, лябёдкі, не гудзьце мяне, / Прынясу гарэлкі – упаю я вас…» [23, с. 357]; «А на нашай ніўке сягоння абжынкі, / А як наша поле зазвінела стоя, / А-я-ей! / Дуброўскае поле задрамала стоя, / А-я-ей! / А як нашы жнеі, як лебядзі белы, / А-я-ей! / Дамоў прыляцелі, на лаўкі паселі / А-я-ей! / На лаўкі паселі, песенькі запелі, / А-я-ей! / Дуброўскія жнеі чорныя, як галкі, / А-я-ей! / Дамоў прыляцелі, на коллі паселі, / А-я-ей» [26, с. 461]. Жаночы пачатак лебедзя прадстаўлены і ў загадцы пра грудзі маці: «Белы лебедзь на блюдзе не быў, усе людзі елі».

Лебедзі могуць складаць прыродную паралель ганараваным у вясельных песнях *бацькам мададых*, прыкладам: «Ой, по сылі білый лыбэдык лытае (2 р.) – / То ны лыбэдык лытае, / То Ганноччын батынька / Коровайночкы збырае. / Ой, по сылі біла лыбюдка лытае (2 р.) – / То еі матёнка / Коровайночкы збырае. / – Збырайтэса, коровайночкы, до раду, / Довыдітэ гэтой біжый дар до ладу» (ФА; Стаўкі, Бярозаўскі р-н). У шэрагу тэкстаў *лебедзь увасабляе мужчынскую сімволіку*, у прыватнасці, у цярэшках дзяўчына звяртаецца да хлопца-«дзядулькі» «мой жа ты лябедзечка»; характэрныя прыклады: «Пад вакном ручэй пацёк, / Ад мяне мой дзедзька ўцёк. / Не ўцякай, дзедзя-ля-

бедзя, / Пашыю шубу я з мядзведзя» [27, с. 202]; «Пастаі, дзедзя-лябедзя, / Будзем піці віно ў абедзе. / А ці дзедзька мой баіцца, / Што мы будзем з ім жаніцца?» [27, с. 207]; «Не ўцякай, мой дзедзічка, / Не ўцякай, лябедзічка! / Я вымаю кашулічку / Й а свайму дзядулічку!» [27, с. 211]. У вясельных песнях вобраз лебедзя сімвалічна асацыюецца з жаніхом: «А на моры белы лебядзёк купаўся, / А ў каморы молад Ванечка ўмываўся»; «Вымываецца белы лебядзёк на моры, / Прыбіраецца молад Віцечка ў каморы» [28, с. 260].

З лебедзямі, як і гусямі і журавамі, звязана прыкмета зімы: Калі ўвосень дзікія гусі, журавы і лебедзі ляцяць высока, то зіма надыдзе позна, нізка – зіма хутка пачнецца [29, с. 208]. Фармалізаваны вобраз лебедзя функцыянуе і ў іншых відах і жанрах беларускай традыцыі, прыкладам, у лічылках: «Ляцеў лебедзь, / Шчытаў дзесяць, / Цар хацеў мяне павесіць» [16, с. 398–399]. Казацка-балсунскай традыцыі пераборных ручнікоў вядома назва рамбічнага ўзора «лебядзіная дарога (сцежка)», а васьміканцовыя зоркі завуцца «лебядзі» [30, с. 50].

Заключэнне

Адзначым, што лебедзь – шанаваная, сакралізаваная, высока ацэненая птушка, суаднесеная з верхам Сусветнага дрэва, працэсамі касмагенезу і разам з тым з дэманічным светам, смерцю, «жыццёвымі пераходамі». Устойлівай характарыстыкай лебедзя ў міфапаэтычнай карціне свету беларусаў выступае колеравая (птушка выяўляецца як белая, зрэдку – шэрая, і проціпастаўляецца чорнай галцы), а дамінантнай канатацыяй – станоўчая. Лакатыўна лебедзь звязаны з морам, вадой (гл. назвы азёраў тыпу «Лебядзінае»), радзей з паветранай прасторай, каменем. У фальклорных песенных тэкстах лебедзь можа ўвасабляць як мужчынскую, так і жаночую сімволіку, утвараць сімвалічныя комплексы з арлом, сокалам, гусём, селезнем, жураўлём. Уяўленні пра сямейную пару лебедзяў як пра неразлучную, манагамную матывавалі функцыянаванне іх вобразаў у тэкстах розных жанраў на тэму кахання і шлюбу. У няказкавай прозе з вобразам лебедзя карэлююць ідэі гордасці, апякунства, прыгажосці, чысціні, вернасці ў каханні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.

2. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.

3. Камарова, М. А. Архетыпічнасць, асаблівасці семантыкі і функцыянавання арнітаморфных вобразаў-сімвалаў у беларускім фальклоры : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.01.09 / М. А. Камарова ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – 20 с.

4. Валодзіна, Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.

5. Беларускі фальклор: жанры, віды, паэтыка : у 6 кн. / навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Беларус. навука, 2001–2006. – Кн. 6 : Малыя жанры. Дзіцячы фальклор. – 2004. – 439 с.

6. Салавей, Л. М. Вытокі песеннай вобразнасці фальклору ўсходніх славян / Л. М. Салавей // Узроўні агульнасці фальклору ўсходніх славян : зб. навук. работ / пад. рэд. К. П. Кабашнікава, А. С. Фядосіка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – С. 24–137.

7. Алфёрава, А. Г. Усходнеславянскія і заходнеславянскія загадкі: вобразна-паэтычная сістэма / А. Г. Алфёрава. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 162 с.

8. Кабашнікаў, К. П. Малыя жанры беларускага фальклору ў славянскім кантэксце / К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 188 с.

9. Кабашнікаў, К. П. Беларускія і балгарскія міфалагічныя балады. Тыпалогія, нацыянальныя традыцыі / К. П. Кабашнікаў // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фальклярыстыка : дакл. беларус. дэлегацыі на XIII Міжнар. з'ездзе славістаў, Любляна, 2003 г. / НАН Беларусі, Беларус. камітэт славістаў ; адк. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – С. 291–307.

10. Гілевіч, Н. Паэтыка беларускай народнай лірыкі. Слова і вобраз. Паэтычны сінтаксіс. Гукапіс і рыфма / Н. Гілевіч. – Мінск : Выш. шк., 1975. – 285 с.

11. Чарота, І. А. Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння / І. А. Чарота. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 159 с.

12. Кухаронак, Т. І. Маскі ў каляндарнай абраднасці беларусаў / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Ураджай, 2001. – 239 с.

13. Швед, І. А. Міфасемантыка і функцыянальнасць вобраза каршуна ў беларускім фальклоры / І. А. Швед // Наук. вісн. Східноєвроп. нац. ун-ту ім. Лесі Українки. Філол. науки. Літературознавство. – 2016. – № 8 (333). – С. 187–196.

14. Легенды і паданні / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 552 с.

15. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / Т. В. Валодзіна [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 6 : Гомельскае Палессе і Падняпроўе : у 2 кн. – 2012–2013.

16. Дзіцячы фальклор / склад. Г. А. Барташэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 734 с.

17. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1.– 560 с.

18. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 448 с.

19. Казкі пра жывёл і чарадзейныя казкі / склад. К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1971. – 496 с.

20. Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад. У. А. Лобач. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. – Ч. 1. – 292 с.

21. Замовы / уклад. Г. А. Барташэвіч. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 597 с.

22. Купальскія і пятроўскія песні / уклад. А. С. Ліс, С. Т. Асташэвіч, Г. В. Таўлай. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 631 с.

23. Восеньскія і талочныя песні / склад. А. С. Ліс, С. Т. Асташэвіч, В. І. Ялатаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 678 с.

24. Паэзія беларускага земляробчага календара / уклад. А. С. Ліс, падрыхт. народ. календара У. А. Васілевіча. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 612 с.

25. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / Т. В. Валодзіна [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 3 : Гродзенскае Панямонне : у 2 кн. – 2006. – Кн. 1. – 608 с.

26. Жніўныя песні / уклад. А. С. Ліс, В. І. Ялатаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 816 с.

27. Жаніцьба Цярэшкі / уклад. тэкстаў, уступ. арт., камент. Л. М. Салавей; уклад., сістэм. і расшыфроўка матэрыялу, уступ. арт. і камент. І. Д. Назінай. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 519 с.

28. Вяселле. Песні : у 6 кн. / склад. Л. А. Малаш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 1. – 1980. – 680 с.

29. Зямля стаіць пасярод свету… Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад. У.А. Васілевіч. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 1. – 1996. – 591 с.

30. Арнаменты Падняпроўя / аўт. тэксту Г. Р. Нячаева [і інш.] ; навук. рэд. Я. М. Сахута. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 606 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2017

Shved I.A. **Mythosemantics and Functionality of a Swan in the Belarusian Folklore**

The article presents some results of the research work «Zoological code Belarusian traditional spiritual culture (by appointment XIX – early XXI centuries) », which is available «Economy and humanitarian development of the Belarusian society» (state registration number 20160897 of 13.04.2016). Its purpose is to determine mythosemantics and functionality of a swan as a factor in the Belarusian folklore ornithological code. Historic-genetic and functional-semantic research of «swan's text» in Belarusian folklore has shown that it is dominated by the positive connotations associated with the semantics of beauty, pride, purity, love, loyalty, as well as communication with the sacred world, cosmological and social riding. Swan makes symbolic complexes with such ornithological images as eagle, hawk, goose, duck, and crane.

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич
д-р филол. наук, проф.,
проф. каф. общеобразовательных дисциплин и методик преподавания
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: sienkiewiczw@tut.by

ПАФОСНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ И ЭТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Статья посвящена исследованию этических предпосылок и эмических оснований мифологии-демонологии. Антитеза мифического и легендарного рассматривается на примере противопоставления мифического образа черта и легендарной демонической фигуры – дьявола. Отмечается связь названного мифического образа с искусством, исследующим реальность недискурсивными (нерассудочными) путями. Постулируется духовная сущность культуры, ее идеологическая природа и связь с категорией демонизма. Отмечается революционный пафос названной категории, ее деструктивный характер. Исследуется аспект воплощения демонизма на примере одного из героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

Человек – эхо и зеркало Вселенной
Сергей Рубинштейн

Введение

О связи мифа и языка написано много. В истории философии доказывалось тождество этих понятий (Кант и неокантианцы) [1]. Понятие мифа играет одну из главных ролей в философии Эрнста Кассирера [2]. В течение XIX–XX вв. до сей поры представителями различных философских школ осуществляются поиски глубинных связей языка и мифа. Особое понимание связи языкознания и мифологии связано с именем профессора Харьковского университета А.А. Потебни [3].

Иначе обстоит дело с исследованием проблемы воплощения легендарного в языке. На сегодняшний день эта проблема остается неразработанной как в философии, так и в языкознании. Между тем, несомненно, она не менее интересна, чем иследование мифологических основ языка. Отдельный вопрос, связанный с названной проблемой, – интерпретация различий мифа и легенды в лингвистических понятиях и категориях. В существующих словарях четкого различия мифа и легенды обычно не проводится. Мифическое, как правило, отождествляется с легендарным, ср.: *мифический* – «овеянный преданиями, легендами, сказочный»; *миф* – «сказание о богах и легендарных героях» (Малый академический словарь, далее – МАС) [4, т. 2, с. 278].

Антитеза мифического и легендарного

Антитеза мифического и легендарного является фундаментальной и связывается с противопоставлением искусства и культуры. Миф принадлежит искусству – области допредикативного (несказ*а*нного) интуитивного опыта человечества. Мифический опыт – неотъемлемая составляющая жизненного мира человека. Это мир «жизнепрактических смыслов, обладающих непосредственной очевидностью»[1]. Жизненный мир феноменален – он *для* человека. Однако миф не легенда. Легенда бытует в области духовной культуры с ее непреложными институтами и законами. Легенды возникают

[1] Тема жизненного мира весьма популярна в философии 2-й половины XX в. (Л. Ландгребе, В. Биммель, Г. Бранд, Э. Штрёкер, И. Керн, Б. Вальденфельс, П. Янсен, А. Пажанин, К. Шуман и др.).

на уровне трансцедентального *бытия в себе*, где не властвует субстанция мысли, но господствует конструктивная (или деструктивная) лишенная вещественности идея.

Миф – область феноменального наивного опыта человечества, воплощенного в искусстве. Этот опыт есть опыт «бытия для себя». Ему причастно то, чего никогда не было и никогда не будет, а есть сейчас. Эту реальность нельзя объяснить, исходя из закона причинно-следственных отношений. Она не подвергнута сомнению, не дискурсивна. Это область верований человека. «Полной и истинной реальностью д л я н а с (разрядка наша. – *В. С.*), – отмечает Х. Ортега-и-Гассет, – является лишь то, во что мы верим» [5, с. 475]. «Обычно называют реальностью вовсе не некую свободную от всяких человеческих интерпретаций первозданную реальность, но то, что мы считаем реальностью, во что мы верим крепкой и устойчивой верой» [5, с. 478]. Верования становятся реальностью для человека с первобытным сознанием. В его жизненном мире мифические персонажи не кажутся, но воочию есть во всей их живописности и выразительности. Для него они реальны, как, например, реальны для ребенка Дед Мороз, добрая фея, снежная королева и другие персонажи детских волшебных сказок.

Допредикативный феноменальный мир познается недискурсивными (нерассудочными) путями. Ими следует искусство. В известной лекции В.Я. Брюсова «Ключи тайн» (1904), прочитанной им в Москве 27 марта 1903 г., в аудитории Исторического музея, и 21 апреля того же года в Париже, в кружке русских студентов, доминирует мысль о запредельности искусства. «Искусство только там, где дерзновение за грань, где порывание за пределы познаваемого, в жажде зачерпнуть хоть каплю “стихии чуждой, запредельной”» [6]. Вопрос в том, что нам удается узреть за пределами поля явлений. Здесь открывается новое измерение бытия, новая сфера самого достоверного знания. Эдмонт Гусерль узрел здесь царство смыслов и сущностей, интуитивно-достоверных, вечных и непреходящих [7, с. 122].

Творение мифа – область искусства. Творимая художником реальность находится за пределами физики, она метафизична. «Мета» есть непременно «выход за пределы» [7, с. 262]. Миф творится словом. Художественная литература как искусство слова трансформирует миф. По мифологическим сюжетам созданы многочисленные паремиологии – пословицы, поговорки, загадки и т.п. Следами мифического сознания в языке являются многочисленные мифические существа: *русалка, леший, домовой, кикимора болотная* и т.п. Все они подводятся под категорию *нечистая сила.* В народных поверьях: *нечисть* – «темные силы, враждебные человеку (лешие, водяные, черти, ведьмы и т.д.») [4, т. 2, с. 494]. Нечисть противостоит живой душе человека, оказывает на нее тлетворное влияние: – *Эка! – проговорил Федя после недолгого молчания, – да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить?* (Тургенев, *Бежин луг*). *Нечистый* – одно из декриптивных (описательных) названий черта.

Миф – вера в то, чего нет на самом деле. Мифическое существует, однако *не есть*. Так, например, нельзя назвать мифическим существом Бога – управляющую миром «чистую силу», источающую благодать. Бог есть. Modus vivendi *есть* очеловечивает живое существо. Человек не существует подобно вещи (объекту) – не «влачит жалкое существование», но также есть. По сути, миф – это приукрашивающий реальность обман, красивая байка, в которую так хочется верить. В этом «хочется верить» и заключается, вероятно, живучесть мифа не только для первобытного, но и для современного сознания.

Человек с мифологическим сознанием пытается жить в мире, которого на самом деле нет, в мире, в котором он знает, что будет, или ожидает, что если он сделает то-то, то будет то-то и то-то. В мире ожидания. Но реальность иная и действует не по закону

наших желаний. Если ее не замечать, то она врывается в жизнь подобно руке, вынимающей рыбу из воды.

«Поле нашего глаза бесконечно, и в этом поле мы видим то, что видит глаз. Но представьте стенку аквариума, в которой бесконечно отражается вода самого аквариума, – рыба не видит стенки, она бесконечно видит только воду. Потому что если бы она увидела стенку, то увидела бы и то, что она – в аквариуме. А она не видит, что находится в аквариуме.

А реальность врывается в аквариум или в мир рыбы, или в мир влюбленного, подобно тому, как в реальном, действительном аквариуме появляется рука человека и вынимает рыбу из воды, которая ей казалась единственной и бесконечной. Куда бы она ни посмотрела – везде была вода, а тут вдруг – рука появилась и вынула ее из аквариума» [8].

Бытие противостоит небытию. Вопрос в том, чему сознание приписывает модус «есть» – тому, что обладает подлинной (чистой) реальностью, или же ее антиподу – существующему кажущемуся миру. Мифический мир не имеет под собой реального основания, тем не менее он занимал в древности и не перестает занимать существенное место в сознании современного цивилизованного человека. Если мифология творится интуитивным словом, то легенда создается дискурсом, конструирующим культурные «между-миры». В легенде господствует идея, выразить которую способен лишь символ. С помощью символа можно вступить в контакт со скрытой духовной реальностью: *голубь* – символ *мира*, змея – символ *мудрости*, *сердце* – символ *любви* и т.д.

Легенда направлена на динамическое состояние мира. «Мир не есть. Мир происходит» (М. Мамардашвили). О легендах говорится, что они «ходят»: *В нашей семье о нем ходили целые легенды, окружавшие это имя грозой и мраком* (Короленко, *История моего современника*). Статичные же, по сути, мифы не «ходят»; они живут и удивляют своей живучестью. Миф – процесс вечного преображения. Легенда, напротив, – категория позитивная, связанная с революционными изменениями и конструктивной деятельностью. В отличие от архаического мифа легенда – категория культурно-историческая. Легенда объясняет происхождение чего-л.: *легенда* «основанное на устных преданиях, опоэтизированное сказание об историческом или вымышленном лице, событии и т.п.» [4, т. 2, с. 168]. Например, известны легенды о происхождении названий городов, о происхождении отдельных народов и т.д.

Легенда событийна. Термин *событие* имеет широкий спектр как общих, так и специальных толкований: как природное явление (геологическое, экологическое, космологическое и т.п.); как событие историческое; психобиографическое («история жизни»); мировое (катастрофы, войны, эпидемии); как событие в статусе происшествия (повседневная событийность). В разных пониманиях событийности просматривается объединяющий момент – событие происходит. Событийная трансакция не предусматривает длительности (линейности). В понимании физиков все события составлены из событий-точек (пунктов). Происходящее нельзя представить как непрерывный процесс: смена монархов, войны, революции и т.д. Событие в этом смысле означает нечто произошедшее и уже необратимое [9, с. 345]. Событие означает нечто выходящее за рамки обычной жизни и поэтому «легендарное». По отношению к событию, в отличие от онтологии, нельзя применить слово «вечное» [10, с. 84].

В обычном понимании, событие – акт, после осуществления которого возникает *новая* реальность. Институционализация события есть его официальное удостовере-

ние [2]. Легенда связана с событийной позитивной деятельностью. Ее хранят и передают из поколения в поколение по традиции. Традиционная культура не может не быть легендарной.

Легенда – область духовной культуры. Дух воинственен, он не может смириться с состоянием душевного покоя. В легендарном проявляется пафос: *легендарные подвиги, легендарный город, легендарность собы*тий и т.п. В отличие от мифов, легенды не творятся, но рождаются по необходимости – как проявление Закона (nomina). В легенде не стоит вопрос о правде жизни, но возникает проблема достоверности (идентификации). Легенду иначе можно назвать недостоверным свидетельством произошедшего события. Миф – понятие этическое и, следовательно, концептуальное. Концепты, как и мифы, творятся. Это то, под чем человек «подписывается». Легенда – категория эмическая. Легендой личность «вписывается» в действительность.

Природа легенды номинативная. Не бывает легендарного слова, однако выражение *легендарное имя* бытует в языке. Истории известны легендарные личности. Например, Ахиллес является одним из самых известных легендарных героев Древней Греции. В отличие от живого и честного слова, имя – социальный институт; в имени могущество и слава.

Фигура беса (дьявола, демона) и образ черта принадлежат, соответственно, к мифологии и демонологии. Эти понятия не тождественны.

Дуальность человека; его неприятели и враги

Сам по себе человек не виновен, греха на нем также нет. Человек чудесен по природе и удивляет своей личностью. Вот как восхищенно отзывается о человека и не перестает удивляться его достоинству герой шекспировской трагедии великий гуманист и выдающийся деятель в Датском королевстве принц Гамлет:

«Что за мастерское создание – человек! Как благороден разумом! Как бесконечен способностью! В обличии и в движении – как выразителен и чудесен! В действии – как сходен с ангелом! В постижении – как сходен с божеством! Краса вселенной! Венец всего живущего!» [11, с. 60].

Человеческий индивид выступает в двух ипостасях: имманентной – как человек («есть для себя») и трансцедентальной – как личность («быть в себе»). Его двойственность в том, что он одновременно *Сам* – обладает самостью, и Другой – социальный конструкт. Человеку присуща жизнь, и в тоже время он причастен к Бытию. Вкус жизни и идеи бытия доступны человеку как Божьему творению и воплощению Его креативной идеи. В человеке заключена не только великая творческая импрессия жизни, но и созидательная экспрессия бытия – возвышенное и горнее. Человек пребывает «над», выступая в качестве микрокосма; в то же время он находится «под», пробуя рефлексивно докопаться до начал (архе) самого себя. Он историк и археолог. Пафос бытия воплощен в его уникальной личности, жизненный этос запечатлен в аутентичном человеческом индивиде.

[2] Так, событием мы назовем акт бракосочетания, в результате которого возникает институциональная реальность – супружество. Языковым институтом удостоверения события выступает категория имени. Благодаря имени событие обретает бытие. В этом смысле событийным статусом наделяются все научные открытия, названные именами ученых, впервые их открывших; также получают имена различные стихийные явления и аномалии, исторические эпохи и политические события. Имя поднимает событие на уровень социального бытия.

Не может сотворенный Богом по образу своему чудо-человек быть безобразным. Человек само совершенство; он велик и прекрасен. Его чудесный образ опоэтизирован и воспет[3]. Не способна личность, созданная по подобию Личности Создателя, впасть в грех. Всяческие безобразия, которые человек сотворил и не перестает творить, не являются воплощением его Божественной сущности. Ужасы и извращения, которые он содеял и в которых замешен, не выражают его духовно-созидательную креативность. Горе-злосчастие, сопутствующее человеческой жизни и сопровождающее его в действительности, связано с удалением и отпадением от Бога – творца и созидателя. Без Бога место в жизни человека занимают неприятели и враги. Причиной его несовершенства и поводом падения как личности является мифическая нечистая сила и демоны. Они – его «анти» и «контра».

Избегая всяческой нечисти, человек обретает опыт святости; борясь с дьяволом, он крепнет духом. Что его не убивает, то делает крепче. Человек не только проторяет путь к самому себе, но и выходит в люди, устанавливающие достоинство его личности. Он благороден и вместе с тем не лишен достоинств. Как ни парадоксально, однако в становлении благородства человека не обошлось без черта – анти-Христа, а своим достоинством он во многом обязан дьяволу. Что бы преодолевал человек, и с кем бы он боролся, если бы не было мифического черта и легендарной «контры» – дьявола? Индивидуальной целостности и единству собственной личности человек не может не быть обязан как тому, кто его «дергает», так и тому, кто его «путает».

Проблему бытия («быть или не быть?») человеку не решить, а вопрос жизни и смерти («все или ничего»?) не снять с повестки дня без нечистой силы и деструктивных вражеских элементов. Этос человеческой жизни и пафос личного бытия определяется и так или иначе связан с ними. Не поднимается тот, кто не падает; нельзя обрести то, что раньше не было потеряно. Именно в таком контексте становятся понятными Слова, исполненные Благодати и Истины, Того, кто противостоит лукавому: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»» (Матф. 5:44).

Черт как антипод человека

Есть два вида деятельности – деятельность, направленная на достижение какой-либо цели, и деятельность, ориентированная на то, чтобы избежать каких-либо неблагоприятных обстоятельств. На санскрите эти две формы деятельности называются *правртти* и *нивртти* – позитивной и негативной. Понятие негативной деятельности можно проиллюстрировать многими примерами. Скажем, болезненный человек должен беречься и принимать лекарства, чтобы не заболеть [12, с. 20]. Образ черта связывается с негативной деятельность. Не кто иной, как черт, создает неблагоприятные жизненные обстоятельства жизни, которые человек всячески стремится избежать. В формуле понимания жизни как «Я есмь Я и мои обстоятельства» (Х. Ортега-и-Гассет) черт находится в части «…и мои обстоятельства», т.е. имеет эмпирическую (вещную) природу.

Одним из способов избежать неприятностей является непоминание черта: *поминать черта* – грубо выражаться, ругаться, используя слово *черт*. Не рекомендуется *чертыхаться* – поминать черта, особенно к ночи. Выражение *не будь помянут* в значении вводного предложения в русском языке употребляется как форма извинения за то, что приходится говорить о том, о чем не следует вспоминать: [Светловидов]: *Егорка!*

[3] Например, образ русского чудо-человека в поэме А. Твардовского «Василий Теркин».

Петрушка! Где вы, черти? Господи, что же это я нечистого поминаю? (Антон Чехов, *Лебединая песня*). *– Тогда иди, – сказала Климова. – Ни пуха, ни пера. Цыганков не ответил. Поминать черта к ночи не хотелось* (Андрей Троицкий, *Беглый огонь*). *Тебя слышат, ты слышишь, а где кто – не разберешь. И вообще... Вот же черт, затягивает все, как... – Не поминал бы к ночи, Тарас. Особенно к этой* (Алексей Селецкий, *Нелюдь*).

Слово *черт* не полагалось выговаривать вслух, по крайней мере – без особого на то повода. Считалось, что простого упоминания черта достаточно, чтобы он услышал и приблизился к неосторожному человеку, а то и навредил ему. Поэтому в обыденной речи, чтобы избежать упоминания черта, обычно используют эвфемизмы – вместо слова *черт* употребляются его субстантивированные дескрипции. Наиболее известные из них: *нечистый*: *Казак, плеснул себе и супротивнику, а пока черт водку пил, взял да и свистнул у... Нечистому и невдомек, что казак вторую стопку его пешкой захрумкал* (Андрей Белянин, *Как черт с казаком в шахматы играл*); *лукавый* [Франц]: *Воротился ночью мельник… Женка, что за сапоги? Ах, ты пьяница, бездельник! Где ты видишь сапоги? Иль мутит тебя лукавый? Это ведра* (Александр Пушкин, *Сцены из рыцарских времен*); *от лукавого* что – о ненужном мудрствовании, об излишнем усложнении чего-л. [4, т. 2, с. 204]; *черный*: *Гляди, вот до чего старики голодные, – сказал мне Егорша. – Им, ядри их черт, все равно, что делается... – А ты черного-то к ночи не поминал бы, паяц с ярмарки* (Максим Горький, *Об избытках и недостатках*).

В. Даль [13, с. 202] и С. Максимов [14, с. 132] приводят свыше сотни эвфемизмов черта, что, безусловно, говорит о боязни употреблять его доминантное название. Э. Померанцева свидетельствует о запрете упоминать слово *черт* в русском фольклоре. В. Новгородской губернии: «Когда по воде едешь, *немытика* нельзя поминать, т.е. произносить слово “черт” или “дьявол”, да и вообще без упоминания даже имени не следует заводить речи о нем, не нужно привлекать к себе его внимание». Во Владимирской губернии считали, что «как зачнешь ругаться, он подскочит и толкает, ругайся, дескать, больше». Слово «черт» хотя и употребляется там, но чаще заменяется словом «шут», «шутник», «окаяшка», «черный» [15, с. 97].

Черт не феномен; он не явлен *для* человека, но как внешнее явление «отъявлен» от него; ср.: *отъявленный* ‘обладающий высшей степенью какого-л. отрицательного качества (*отъявленный плут, отъявленный мошенник* и т.п.)’ [4, т. 2, с. 725]. Слово *черт* – общее название всей нечистой силы. Черт сеет зло, никогда не выступает в качестве благодетеля, как иногда леший, водяной и домовой. Иногда человеку удается победить это зло с помощью хитрости и крестной силы.

Черт – самый популярный персонаж русской мифологии. Его образ широко отражен в русском искусстве разных видов и эпох: его знает древнерусская живопись и современная скульптура, русская литература от житий и апокрифов до современной поэзии и прозы; к нему обращались заговоры и заклинания, его упоминают многочисленные пословицы. Сказки о черте распространены исключительно широко. Мы найдем их в любом сборнике русских сказок, начиная с Афанасьева и до наших дней. Особенно популярен сюжет о том, как мужик пугает чертей тем, что вьет у озера веревку или «морщит» воду. Благодаря использованию в свое время этого сюжета Пушкиным, он получил широкое распространение среди детей. О том, насколько образ черта широк и многогранен, может напомнить не только черт Пушкина (побежденный Балдой), но и черт Гоголя (побежденного Вакулой), черт Достоевского и нечистая сила в романе Булгакова.

Известна русская пословица «Не так страшен черт, как его малюют» (говорится о преувеличении значимости какого-либо отрицательного явления). Черта не рисуют,

но *малюют.* Он безобразен. Ср.: м*алевать.* Разг. Писать, рисовать красками плохо, неумело или безвкусно»; *малеваться* Прост. Грубо красить, мазать свое лицо. *Маляр* 2. Пренебр. О плохом живописце, художнике. /Сальери:/ *Мне не смешно, когда маляр негодный Мне пачкает Мадонну Рафаэля* (Александр Пушкин, *Моцарт и Сальери*) [4, т. 2, с. 218]. Черт как бы не стоит того, чтобы им занималась живопись. Но образ безобразного – тоже искусство. Безобразное оттеняет образное (прекрасное).

По сути каждый может «намалевать черта», если искусство подменяется ремеслом. Ср.: *ремесленник* (перен.) «тот, кто работает, выполняет свои обязанности, без творческой инициативы, по шаблону» [4, т. 3, с. 705]. Человек спасается от скуки творчеством. Сама по себе жизнь никогда не надоедает. Однако скука жизни настигает человека, когда его жизнь уже не есть «миг между прошлым и будущим», а становится вяло текучей. Впечатление от такого рода состояния высказывается глаголом *осточертеть* ‘опротиветь’. Слово *осточертеть* возникло на основе фразеологизма *надоесть как сто чертей*: [16, с. 316] *За долгую зиму примелькался чужой город, – осточертели скучные чужие порядки* (Иван Соколов-Микитов, *Матросы*); *– Без дела я уже и так насиделся. Осточертело!* (Георгий Марков, *Сибирь*) [4, т. 2, с. 656].

Образ черта обычно ассоциируется с нечистотой. Однако *нечистый* не означает «грязный». В нечистом нет света (светлости) – он *мутный*. *Мутить* ‘делать смутным’ (*разум помутился, мутится свет в глазах, мутится в голове*); ‘вызывать беспокойство, несогласие, недовольство; настраивать против кого-, чего-’(*мутить народ*); ‘о состоянии тошноты, дурноты’ (*мутить от запаха*) [4, т. 2, с. 313]. Ср.: *муть, муторно на душе, смута, замутить дело, ловить рыбку в мутной воде.* Черт мутит, смущает, сеет смуту; *черт мутной воды*. Жарг. угол. Неодобр. Человек, не связанный с преступным миром, выдающий себя за вора (Большой словарь русских поговорок, далее – БСРП) [17, с. 381].

Черт не имеет определения, он описывается как явление: *Черт корявый*. Прост. Бран. О рябом человеке [17, с. 381]; *Черт косоглазый.* Прост. Презр. Кличка китайцев [17, с. 381]; *Черт косой.* Прост. Бран. 1. О косоглазом, косом человеке. 2. Об очень пьяном человеке [17, с. 381]; *Черт кудрявый.* Прост. Бран. О лохматом, очень кудрявом человеке [17, с. 381]; *Черт лобатый*. Лит., Лат. Бран. О человеке, вызывающем отрицательные эмоции [18, с. 342] *Черт малоглазый*. Кар. Бран. О человеке с маленькими глазами. (Словарь русских народных говоров, далее – СРНГ) [18, с. 193]; *Черт сухопутный*. Курск. Бран. О человеке, вызывающем отрицательные эмоции. *Черт усатый*. Жарг. угол. Неодобр. Кличка И.В. Сталина. России [17, с. 381]; *Черт шелудавый*. Пск. Бран. О непослушном животном [18, с. 193]; *Черта лысого*. Прост. 1. Абсолютно ничего 2. Выражение категорического несогласия, отказа кому-л. (Фразеологический словарь русского языка, далее – ФСРЯ) [19, с. 523]; *Черти полосатые*! Прост. Бран. Возглас раздражения или возмущения [17, с. 380]. *Чертом меченый*. Волг. Неодобр. О крайне глупом человеке [13, с. 85].

В русском фольклоре образ черта представляется существом, похожим на человека, с черной густой щетиной и волосами, с рогами, хвостом и копытами. Главная «достопримечательность» черта – его рога. Ср.: *Черт с рогами*. Волг. Неодобр. Озорник, хулиган [13, с. 85]. *Черт рогатый*. 1. Жарг. угол. Шутл.-ирон. Зоотехник; дояр. Жарг. арест. Пренебр. Деградировавший, унижаемый всеми заключенный [17, с. 274]; *У черта на рогах.* Прост. То же, что *у черта на куличках* [19, с. 523]; *Лезть к черту на рога.* Прост. Действовать сгоряча, не считаясь ни с чем, не думая о последствиях [13, с. 85]; *Черти [на рогах] принесли* кого. Прост. Неодобр. О ком-л., неожиданно, некстати по-

явившимся, пришедшим [13, с. 85]. Рога ассоциируются с тем что «анти». Наставленные *рога* – всегда наставлены против кого. Черт всегда «анти» – антипод Божественного, а значит, и человеческого. Он дергает человека – сбивает его с Пути истинного. Человек непременно чертыхается, когда кто-то сбивает его с ритма жизни. В отличие от дьявола, черт не враг человеку, но противник его во всем.

Парадоксально то, что черт в русской паремиологии выступает весьма «знающим» существом. Ср.: *Черт ведает*. Пск. То же, что *черт знает* [18, с. 193]; *Черт знает*. Прост. 1. кого, что. Абсолютно ничего не известно о ком-л., о чем-л.; Бран. Восклицание, выражающее возмущение, негодование [19, с. 384]. *Черт знает что*. Прост. Нечто невообразимое [19, с. 39]; *Одному черту известно.* Разг. Абсолютно ничего не известно о ком-л., о чем-л. [19, с. 525]. Знание противопоставляется пониманию. Черта поминают в связи с чем-то непонятным: *Не хватало сапог, пушек, седел, упряжки. Все это лежало где-то по военным складам, но черт их найдет – эти склады, а и найдешь – такая начнется переписка, что уж сам черт сломит ногу* (Алексей Толстой. *Хлеб*).

Деятельность черта связана с охотой за душами человеческими. В этом он антипод Христу, который обучает учеников тому, как стать «ловцами душ». Концепт «душа» встречается в паремиях на тему черта: *Отдать черту душу*. Курск. Покончить жизнь самоубийством [18, с. 193]; *Черти душу переели кому*. Волг. Кому-л. надоело, стало неприятным что-л. [13, с. 85]; *Черти душу скребут кому*. Волг., Горьк. О состоянии смятения [4, с. 85]. *Черт на душе сидит у кого*. Пск. Неодобр. О скрытном, двуличном человеке [18, с. 193].

Персонифицированное зло. Дьявол

Личностное зло воплощено в дьяволе. Если черт является мифическим существом, то дьявол – персонаж легендарный. Легенда гласит о том, как ангел возжелал стать равным Богу и был за это низвергнут с небес. Можно быть богоподобным, однако нельзя быть богоравным. Дьяволу приписывается ненависть к созданиям божьим, противостояние Богу, распространение лжи и хаоса. Дьявол – воплощение людских страстей и гордыни. Он пал в объятия греха, поддавшись эгоистическим побуждениям к ложной личной свободе – отрицанию вселенской преданности, неуважению к братским обязанностям, забвению космических взаимоотношений. Дьявол – категория демоническая, символизирующая дискурсивную сферу сознания, с ее культом успеха и личного превосходства.

Фигура дьявола появляется на уровне сущего (бытия в себе). Прилагательное *сущий* употребляется в русском языке как экспрессив: *сущий дьявол, сущий ад, сущий пустяк* и др. Дьявол принадлежит трансцедентальной сфере сознания[4]. В философии экзистенциализма под бытием понимается личность – трансцендентная (Бог), коллективная (Мы), обособленная (Я). Бытие – уровень события. Переход от «есть» к «быть» – это одновременно переход от Благодати к Закону, от обстоятельств к личности – позитивному (проявленному) существованию. Личность позиционирует себя как «Я».

Дьявол – начало разъединяющее. Бунтарь и революционер, он противопоставляется эволюционному (энстенсиональному) черту. В народных поверьях черт отличается

[4] Лат. *transcendens* – перешагивающий, выходящий за пределы; то, что принципиально недоступно опытному познанию или не основано на опыте. Термин «трансцендентный» употреблялся в философии Канта для характеристики *ноуменов*, т.е. вещей-в-себе, которые хотя и проявляются в мире феноменов в виде известных нам явлений, не могут, тем не менее, сами быть восприняты в чувственном (эмпирическом) опыте; об их существовании мы узнаем лишь умозрительно.

от дьявола. По заонежскому поверью: *«черт чертом, а дьявол сам по себе»* [18, с. 193]. Ср.: *Ни черта ни дьявола у кого*. Волг. Об одиноком человеке [13, с. 85]. Дьявола выгоняют, а от черта открещиваются.

К дьяволу не прилагаются вербальные дескрипции; его сущность выражается с помощью именных выражений – перифраз: *верховный дух зла, властелин ада, подстрекатель людей к совершению греха, клеветник, демон, отец гордыни* и т.д. Дьявол – «именитый» персонаж. Он известен под именами: *Люцифер, Вельзевул, Мефистофель, Воланд*. В христианстве дьявол наиболее известен под именем *Сатаны*. В библейских текстах дьявола называют *драконом, древним змием, князем этого мира*. Синонимом слова *дьявол* у славян стало слово *бес*.

Свободолюбивый ангел, поднявшимся на борьбу с Богом, понял личную свободу как своеволие. Свобода чужда органической целостности, подрывает жизнеспособность организма. «Жизнь есть сохраняющее единство многоразличия, единство целого и частей; когда нарушена связь между ними, когда единство, связующее и хранящее, нарушено, тогда каждая точка начинает свой процесс: смерть и гниение трупа – полное освобождение частей» [20, с. 100]. Своеволие есть непослушание: *Своевольничать не надо. Надо слушать, что отец толкует* (Константин Седых, *Даурия*). Слово *своеволие* и производные от него в русском языке обладают негативной коннотацией: *своевольство, своевольник, своевольничать, своевольный, своевольно*.

Идея деструктивного своеволия выражена, например, в романе Ф. Достоевского «Бесы». Образ атеиста Кириллова свидетельствует о несовместимости с жизнью его противоборствующего мировоззрения. Отвергая Бога и считая себя обязанным «показать непокорность и новую страшную свободу свою», Кириллов приходит к выводу, что высшим пунктом его своеволия может быть только самоубийство как ничем не вынуждаемый уход из жизни.

«Я еще только бог поневоле и я несчастен, ибо я *обязан* заявить своеволие. Все несчастны потому, что все бояться заявлять своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявлять самый главный пункт своеволия и своевольничал с краю, как школьник. Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека… Но я заявляю своеволие, я обязан уверовать, что не верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. Только это одно спасет всех и в следующем поколении переродит физически; ибо в теперешнем виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие! Это все, чем я могу в главном моменте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшная. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою» [21, с. 643–644].

Смиряющийся человек осмысливается как органическая часть целого; противоборство с целостностью есть своеволие (бунт, мятеж, восстание) и недопустимо в интересах сохранения целого. Смирение как гармония с миром есть высшее проявление благородства. «Смиренный из смиренных – благородный человек» (Цянь). Ср.: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4:6). Смирение – покорность не другому человеку, а судьбе и естественному ходу вещей.

Заключение

С лингвистической точки зрения, легенда, в отличие от мифа, не предполагает авторской рефлексии. Сущность легенды номинативная. Легенда воспринимается как реальность и обладает всеми параметрами реального. В легенде находят отголосок ми-

нувшие события, свидетелем или участником которых стал человек. Широко понимаемая легендарность – неотъемлемое качество языка, благодаря которому осуществляется не только дескриптивная деривация, но и институционализируется категория имени. Легенда ориентирована на саму реальность, номинированную в языке, мифу соответствует отражение этой реальность – действительность, имеющая коммуникативное основание. Миф определяется как «сказание», «повествование», «предание». Это «небылица», «выдуманная история»; в мифологии говорится о «мифическом образе», «мифическом представлении». Миф трансформируется в литературном творчестве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тетюев, Л. И. Иммануил Кант в давосской дискуссии между Э. Кассирером и М. Хайдеггером / Л. И. Тетюев // Иммануил Кант и актуальные проблемы современной философии : сб. науч. тр. : в 2 т. / под ред. В. Н. Белова и Л. И. Тетюева. – М., 2005–2008. – Т. 2. – 2008. – С. 179–187.

2. Ушакова, В. В. Концепция мифа в трактате Эрнста Кассирера «Философия символических форм» / В. В. Ушакова // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 113–117.

3. Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2000. – 184 с.

4. Словарь русского языка (Малый академический словарь, МАС) : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 2, 3.

5. Ортега-и-Гассет, Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия. Культура / ред. А. Зись. – М. : Искусство, 1991. –588 с.

6. Брюсов, В. Ключи тайн [Электронный ресурс] / В. Брюсов. – Режим доступа: https://web.stanford.edu/class/slavic272/materials/declarations/briusov_kliuchi1904.pdf. – Дата доступа: 23.09.2017.

7. Вышеславцев, Б. П. Этика преображенного эроса / Б. П. Вышеславцев. – М. : Республика, 1994. – 368 с.

8. Мамардашвили, М. Психологическая топология пути [Электронный ресурс] / М. Мамардашвили. – Режим доступа: https://litlife.club/br/?b=18995&p=3. – Дата доступа: 16.10.2017.

9. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук ; гл. ред. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2000–2001.

10. Воробьев, О. Ю. Эвентология / О. Ю. Воробьев. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2007. – 435 с.

11. Шекспир, В. Гамлет. Принц Датский. Король Лир / В. Шекспир. – Минск : Нар. асвета, 1974. – 352 с.

12. Бхактимведанта Свами Прабхупада, А. Ч. Нектар преданности / А. Ч. Бхактимведанта Свами Прабхупада. – М. : Бхактимведанта Бук Траст, 1976. – 512 с.

13. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981–1982. – Т. 2. – 1982. – 683 с.

14. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – М. : Терра, 1996. – 88 с.

15. Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. – М. : Наука, 1975. – 194 с.

16. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский ; ред. С. Г. Бархударов. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.

17. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.

18. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. ; Л. ; СПб., 1965–2014. – Вып. 17 : Леснокаменный – Масленичать. – 1982. – 383 с.

19. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Совет. Энцикл., 1968. – 543 с.

20. Герцен, А. И. Письма об изучении природы. Греческая философия. Письмо третье/ А. И. Герцен // Избр. филос. произведения : в 2 т. – М. : ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – С. 138–185.

21. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957. – Т. 7. – 757 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.10.2017

Senkevich V.I. **Pathos Demonology and Ethic Mythology**

The nature of mythical character is reviewed in conjunction with antithesis of mythical and legendary, the key character of which is devil. This mythical being is connected with the arts. Connection of culture with the category of demonism is proven and revolutionary pathos of the above mentioned category and its destructive essence is postulated. The novel «Devils» («Besy») by F.M. Dostoevsky encompasses the moment of embodiment of demonism.

УДК 821.161.3+028.4:323.1”19”

І.В. Поўх
канд. філал. навук, дац. каф. замежных моў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: irynapowkh@tut.by

ПРАБЛЕМА НАЦЫЯНАЛЬНАЙ САМАСВЯДОМАСЦІ Ў БЕЛАРУСКІМ І ЗАМЕЖНЫМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ XX ст.

У артыкуле разглядаюцца шляхі адлюстравання праблемы нацыянальнай самасвядомасці ў айчынным і замежным літаратуразнаўстве XX ст. у кантэксце беларускай і ірландскай літаратуры. Асаблівая ўвага надаецца працам Д. Кіберда, Д. Хайда, Дж. І. Кэрвіна Уільямса, П. Форда, А. Саруханян, У. Гніламёдава, І. Чароты, М. Тычыны і інш. Аўтар праводзіць аналіз падыходаў айчыннага і замежнага літаратуразнаўства да адзначанай вышэй праблемы, стаўлення літаратуразнаўцаў да сувязей паміж беларускай і ірландскай літаратурай, а таксама ролі паэта як носьбіта нацыянальнай культуры. Адзначаецца таксама неаднастайнасць стаўлення крытыкаў да праяў нацыянальнай ідэі ў літаратуры і неабходнасць далейшых даследаванняў у гэтай галіне ў дачыненні да літаратуры другой паловы XX ст.

Уводзіны

Міжкультурныя сувязі – адна з найбольш актуальных праблем гуманітарных навук сучаснасці, і ў прыватнасці літаратуразнаўства. Іх аналіз немагчымы без даследавання своеасаблівасці кожнай з літаратур, шляхоў усведамлення і адлюстравання нацыяй самой сябе, уласнага светапогляду і светаадчування, таму што «мастацтва не можа не быць увасабленнем нацыянальнай свядомасці» [14, с. 4]. Вывучэнне шляхоў адлюстравання нацыянальнай самасвядомасці ў беларускай і замежных літаратурах адбывалася праз розныя яе ўвасабленні: архетып Бацькаўшчыны (Г.М. Бутырчык), нацыянальны характар (В. Уткевіч), актыўная пазіцыя «ўспрымаючай літаратуры» [6, с. 123] пры знаёмстве з замежнай літаратурай праз арыгіналы і іншамоўныя пераклады, рэцэпцыя творчасці замежных пісьменнікаў у беларускім літаратуразнаўстве і мастацкай літаратуры (У.І. Чарота) і г.д.

Літаратура Беларусі і Ірландыі ўяўляе з сябе вельмі прыдатную для такога аналізу глебу, бо паралелі ў гістарычным развіцці гэтых краін абумоўліваюць падабенства літаратурных і культурных працэсаў у іх. Многія навукоўцы (Ю. Каліна, М. Галдзянкоў, С. Шупа) называлі Ірландыю «люстэркам беларускай гісторыі» [16, с. 12], тым самым падкрэсліваючы неадрыўную сувязь паміж гэтымі двумя краінамі. Адам Мальдзіс адзначае тыпалагічнае падабенства і сімвалічную агульнасць беларускай і ірландскай культур. Асаблівую ўвагу на падабенства беларускай і ірландскай сімволікі звяртае і мастацтвазнаўца В. Буйвал. Сярод асноўных сімвалаў ён называе кнігу (для Беларусі гэта «Біблія» Скарыны), крыж, музычныя інструменты (арфа для Ірландыі, скрыпка і жалейка для Беларусі) [3]. А. Мальдзіс развівае гэтую думку, дадаючы да пераліку беларускіх сімвалаў крыж Ефрасінні Полацкай (чым праводзіць яшчэ адну паралель паміж Беларуссю і Ірландыяй) і цымбалы – струнны музычны інструмент, як і ірландская арфа [9].

Мэта даследавання – прасачыць шляхі адлюстравання праблемы нацыянальнай самасвядомасці ў айчынным і замежным літаратуразнаўстве XX ст. У межах пастаўленай мэты выконваюцца наступныя задачы:

1) прасачыць стаўленне літаратуразнаўцаў да сувязей паміж беларускай і ірландскай літаратурай;

2) параўнаць падыход айчыннага і замежнага літаратуразнаўства да праблемы нацыянальнай самасвядомасці ў беларускай і ірландскай літаратуры;

3) прааналізаваць ролю паэта як носьбіта нацыянальнай ідэі ў літаратуры.

Праблема адлюстравання нацыянальнай ідэі ў ірландскім літаратуразнаўстве

Праблема адлюстравання нацыянальнай ідэі ў беларускай і ірландскай літаратуры знайшла даволі шырокі водгук у сучасным літаратуразнаўстве.

Так, у манаграфіі «Вынаходзячы Ірландыю» («Inventing Ireland») Дэклан Кіберд сцвярджае, што яго асноўнай задачай было «прасачыць сувязі паміж высокім і масавым мастацтвам на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў да і пасля атрымання незалежнасці і разгледзець вядомыя шэдэўры ў больш шырокім сацыяльным кантэксце, з якога яны і выйшлі» («to trace the links between high art and popular expression in the decades before and after independence, and to situate revered masterpieces in the wider social context, out of which they came») [20, с. 3]. Даследчык будуе сваю працу такім чынам, што главы, прысвечаныя палітычнай і культурнай гісторыі краіны, сацыяльным працэсам, нацыянальнай культуры і дзейнасці Гэльскай Лігі, чаргуюцца з дэталізаваным аналізам асноўных літаратурных напрамкаў і твораў адпаведнага перыяду. Д. Кіберд праводзіць аналіз праблемы двухмоўя ў Ірландыі, дзейнасці Гэльскай Лігі, накіраванай на адраджэнне роднай мовы, падкрэслівае неадрыўную сувязь паміж гістарычнымі падзеямі і культурай, у прыватнасці, літаратурай. Ён звяртае асаблівую ўвагу на той факт, што на працягу многіх стагоддзяў Ірландыі адводзілася роля лабараторыі для эксперыментаў, фантастычнай мясцовасці, дзе яшчэ можна было сустрэць эльфаў і іншых міфічных істот. Менавіта таму сярод найбольш значных падзей у гісторыі Ірландыі даследчык вылучае паўстанне 1916 г. – «сцверджанне прагрэсіўнай эліты, што прыйшоў час пакласці канец стэрэатыпам» («an assertion by a modernizing elite that the time had come to end such stereotyping») [20, с. 1].

Адна з праблем, што закранае Д. Кіберд у сваёй манаграфіі, – паняцце нацыяналізму і яго праяўленне ў розных культурах. Крытык сцвярджае, што ў краінах Заходняй Еўропы праблема нацыяналізму ўздымаецца тымі, хто хоча абараніць існуючы стан грамадства, у той час для ўсходняй Еўропы і былых калоній гэта імпульс да змены існуючага ладу.

У працах «Літаратурная гісторыя Ірландыі» Д. Хайда [18] і «Літаратурная традыцыя Ірландыі» Дж.І. Кэрвіна Уільямса і Патрыка Форда [17] аналізуецца працэс станаўлення і развіцця ірландскай літаратуры з яе зараджэння да XVIII [18] і XX [17] стагоддзяў. Даследаванне Дугласа Хайда прысвечана гісторыі кельцкай групы моў, з'яўленню пісьмовасці, друідызму як тыпова ірландскай з'яве, гістарычным падзеям, што паскаралі ці запавольвалі развіццё ірландскай літаратуры, адлюстраванню нацыянальных асаблівасцяў ірландцаў у рэлігійных (гімны, прамовы Св. Патрыка, рэлігійныя вершы) і міфічных тэкстах (сагі, цыклы міфаў), паэзіі бардаў, вершах Ашына, паэзіі і прозе XVII–XVIII стагоддзяў. Асобная ўвага надаецца працэсу станаўлення і развіцця гутарковай ірландскай мовы. У прадмове да кнігі аўтар падкрэслівае, што яго праца прысвечана выключна ірландскамоўнай літаратуры і не закранае творчасць англамоўных аўтараў ірландскага паходжання, адносячы апошніх да прадстаўнікоў англійскай літаратуры. Падобнага падыходу прытрымліваюцца і аўтары «Літаратурнай традыцыі Ірландыі». У працы разглядаюцца шляхі адлюстравання нацыянальнай ідэі ў ірландскай літаратуры: шырокае выкарыстанне тапонімаў у мастацкіх творах, спалучэнне паганскага і хрысціянскага ўплыву, вызначальная роля бардаў у станаўленні ірландскай паэзіі,

бóльшая, у параўнанні з іншымі заходнееўрапейскімі народамі, зацікаўленасць ірландскамоўнага насельніцтва ў сваёй літаратуры, павага да апавядальнікаў і бардаў, адлюстраванне вобраза «ідэальнага ірландца» ў гераічнай літаратуры, яе тыповыя персанажы і месца дзеяння, старажытныя звычаі і традыцыі, што сведчаць пра глыбокае разуменне ірландцаў сваёй сувязі з роднай зямлёй і патрэбы ў захаванні яе незалежнасці (абрад заключэння шлюбу паміж каралём і зямлёй, тыповы для V–VI стагоддзяў, а таксама заключэнне шлюбу паміж каралём і незалежнасцю як элемент інаугурацыйнага абраду XII ст.), усведамленне значнасці захавання роднай мовы для існавання нацыі: «народ без мовы – толькі палова нацыі» («a people without its language is but half a nation») [17, с. 8]. Асобная ўвага надаецца аналізу стылістычных асаблівасцяў розных жанраў старажытнай ірландскай літаратуры: эпічных форм, гераічнай паэзіі, рытмічнай арганізацыі традыцыйнай ірландскай паэзіі.

Асобна разглядаюцца літаратурныя і грамадскія працэсы, што мелі месца ў Ірландыі ў перыяд абвастрэння пачуцця нацыянальнай самасвядомасці (канец XVIII – першая палова XIX ст.) і падчас нацыянальнага адраджэння (сярэдзіна XIX – пачатак XX ст.): стварэнне разнастайных арганізацый, дзейнасць якіх была накіравана на захаванне і папулярызацыю ірландскай мовы і культуры, укладанне анталогій ірландскай паэзіі, песні, фальклору, выданне кніг, прысвечаных гісторыі і культуры Ірландыі, развіццё ірландскай нацыянальнай прозы, паэзіі, драматургіі і літаратурнай крытыкі. Даследчыкі падкрэсліваюць складанасць і неадназначнасць літаратурнага працэсу, што меў месца ў Ірландыі ў сярэдзіне XIX – пачатку XX ст., – стварэнне стандартнага варыянта ірландскай мовы і ўплыў дыялектаў, зварот да фальклору як крыніцы мастацкай творчасці і імкненне вывесці ірландскую літаратуру на ўзровень сусветнай, заахвочванне мясцовых пісьменнікаў і праблема мастацкай вартасці ірландскамоўнай літаратуры.

Адлюстраванне ідэі нацыянальнай самасвядомасці ў расійскім літаратуразнаўстве

Шляхі адлюстравання ідэі нацыянальнай самасвядомасці ў ірландскай літаратуры цікавілі і расійскіх літаратуразнаўцаў. Сувязі паміж ірландскай і беларускай літаратурай, у прыватнасці кельтскай і славянскай міфалогіяй, адзначае даследчык славянскага эпасу Ю.І. Смірноў: «Англосаксонский “Беовульф” (впрочем, отчасти идущий от кельтской традиции), исландские “Старшая Эдда”, “Младшая Эдда”, “Песнь о Нибелунгах”… при всем своем своеобразии и неповторимости… содержат такого рода схождения со славянскими эпическими песнями в основном на уровнях сюжетов и мотивов, которые невозможно истолковать как заимствование со славянской или германской стороны. …Это позволяет рассматривать сходные со славянскими сюжеты и мотивы, содержащиеся в упомянутых германских памятниках, как формы, идущие от общегерманской фольклорной традиции, безусловно родственной общеславянской» [11, с. 36].

Аўтар шматлікіх крытычных артыкулаў і некалькіх манаграфій А.П. Саруханян разглядае сучасную ірландскую літаратуру ў кантэксце асноўных гісторыка-культурных і палітычных працэсаў, што адбываліся ў краіне (вызваленчы рух пачатку XX ст., Ольстэрскі крызіс і г.д.). Даследчыца адзначае, што першым жанрам, у якім знаходзілі адбітак тагачасныя падзеі і настроі, была паэзія. У сваёй манаграфіі «Объятия судьбы: прошлое и настоящее ирландской литературы» [10] А.П. Саруханян прыводзіць прыклады ўплыву нацыянальнай ідэі на развіццё кожнага з жанраў: паэзіі (Т. Кінсэла, Дж. Монтэгю, Ш. Хіні), прозы (Ш. О’Фаолейн, Дж. Планкетт, Дж. Бэнвілл і інш.) і драматургіі (Б. Фрыл і інш.). Вылучаюцца наступныя характэрныя рысы, уласцівыя ірландскай літаратуры як сродку адлюстравання ідэі нацыянальнай самасвядомасці:

● рамантызацыя і міфалагізацыя мінулага;
● аб'яднанне традыцыйнай і сучаснай ірландскай культуры;
● насычанасць тапонімамі, што з'яўляецца адметнасцю ірландскамоўнай паэзіі;
● аўтабіяграфічнасць паэзіі;
● актуальнасць праблемы статуса роднай мовы як сімвала нацыянальнай незалежнасці;
● стварэнне партрэтаў тыповых прадстаўнікоў сваёй нацыі, з падкрэсленымі адметнасцямі знешнасці і характару;
● суб'ектыўнасць і ацэначны характар апісання сваёй краіны і яе жыхароў, неадрыўная сувязь паміж унутраным светам персанажаў і знешняй палітычнай сітуацыяй, на фоне якой адбываецца дзеянне;
● глыбокі псіхалагізм у адлюстраванні гістарычных падзей і стаўлення людзей да сваёй нацыянальнай і рэлігійнай прыналежнасці.

Праблема адлюстравання ідэі нацыянальнай самасвядомасці ў ірландскай літаратуры закраналася і іншымі расійскімі літаратуразнаўцамі (Н. Празорава, Т. Міхайлава, Е. Геніева і інш.) [8].

Нацыянальная ідэя ў беларускай літаратуры вачыма айчынных і замежных літаратуразнаўцаў

Англа-ірландскія ўзаемін шмат у чым падобныя на становішча Беларусі ў складзе СССР. Гэта падкрэсліваюць такія вядомыя беларускія літаратары, як Вольга Іпатава, Наталля Арсеннева [2] і інш. Так, напрыклад, Вольга Іпатава ў артыкуле «Гэта і наша свята» адзначае, што ўмовы, створаныя ў савецкі час, не падтрымлівалі развіцця беларускай культуры, у прыватнасці літаратуры, падкрэсліваючы такія факты, як русіфікацыя вёскі і зачыненне нацыянальнах школ [7]. На неспрыяльныя ўмовы для развіцця беларускай літаратуры падчас савецкага перыяду звяртаюць увагу і прадстаўнікі беларускай эміграцыі (напрыклад, беларускі паэт і літаратуразнаўца Масей Сяднёў) [12].

Нельга не адзначыць і цікавасць англамоўнай літаратурнай крытыкі да беларускай літаратуры. Адным з найбольш вядомых яе даследчыкаў з'яўляецца прафесар Лонданскага ўніверсітэта Арнольд Макмілін. У 1999 г. у выдавецтве «Böhlau» выйшла яго кніга «Беларуская літаратура 50-х – 60-х гадоў». Аўтар разглядае творчасць такіх беларускіх паэтаў і пісьменнікаў, як С. Дзяргай, А. Куляшоў, П. Панчанка, М. Танк, Я. Скрыган, І. Шамякін, В. Быкаў і інш. Але А. Макмілін не абмяжоўваецца выключна вышэйназваным перыядам. У прадмове да кнігі ён робіць кароткі агляд літаратуры, што папярэднічала гэтаму часу.

Значную ўвагу беларускай літаратуры надае і англійская перакладчыца Вера Рыч. У 1971 г. пад загалоўкам «Як вада, як агонь» («Like Water, Like Fire») яна выдае англамоўную анталогію беларускай паэзіі пачынаючы з 1828 г. У 1982 г. у Лондане выходзіць зборнік твораў А. Гаруна, М. Багдановіча і З. Бядулі «Снуецца зданяў рой» («The Images Swarm Free»).

Усевалад Шчэбедзеў, прафесар Інстытута ўсходняй Еўропы ў Рыме, на пачатку 20-х гг. XX ст. звяртаў увагу на падабенства і адрозненне паміж менталітэтам беларусаў і іншых народаў. Крытык адзначае, што «надзелены дарам мастацкай інтуіцыі і паэтычнай фантазіі, ён [беларус] блізкі іншым усходнім народам. Але ў адрозненне ад тых жа народаў Усходу беларусы валодаюць сапраўды заходняй актыўнасцю» [5, с. 328]. У. Шчэбедзеў падкрэслівае, што беларусам не ўласцівая выключная сузі-

ральнасць, пасіўная імітацыя і сляпое перайманне. Усё, з чым яны сутыкаюцца, дае ім поле актыўнай дзейнасці.

Вызначаючы месца беларусаў сярод іншых народаў, беларускі літаратуразнаўца Уладзімір Гніламёдаў заўважае, што як нацыя яны не перажылі эпохі сярэднявечча (у еўрапейскім плане), што іх дух не спірытуалізаваўся, не дасягнуў асабліва абстрактнага ўзроўню духоўнасці, што мастацкаму мысленню і этнічнай свядомасці беларусаў не ўласцівы чыстая спірытуальнасць і чыстая разважлівасць, а ўласцівы дуалізм, які прызнае субстанцыяльнае значэнне матэрыі і духу.

Стаўленне крытыкі да праяў нацыянальнай ідэі ў літаратуры не было аднастайным. Некаторыя навукоўцы робяць акцэнт на тым, што літаратура павінна ўвесь час рухацца наперад, а не імкнуцца падкрэсліваць свае вытокі. Так, беларускі літаратуразнаўца Алесь Аркуш у артыкуле «Лібералізацыя культурнага жыцця Беларусі. Шлях да вольнае літаратуры» сцвярджае, што «вяртанне назад ня будзе, вяртанне назад згубнае, вяртанне назад – здрада Беларусі» [1, с. 5]. У гэтым жа артыкуле крытык спасылаецца на меркаванне рэдактара часопіса «Калоссе» Юрася Пацюпы, выказанае ў прадмове да першага нумара, дзе той вызначае беларускі традыцыяналізм, які культываваўся афіцыйнымі ідэалагічнымі ўстановамі, як «бутафорскі» і «псеўдафальклорны» [1, с. 5].

Вывучэннем пытання «нацыянальнага» і «наднацыянальнага» ў літаратуры займаўся і І.А. Чарота. Даследчык адзначае, што сучаснае мастацтва, у тым ліку літаратура, імкнецца «да пошукаў наднацыянальных знакавых сістэм, пэўнай эсперантызацыі» [14, с. 12], што, у сваю чаргу, вядзе да «нівеліроўкі, уніфікацыі …глабальнай драмы культур народаў свету» [14, с. 12]. Асаблівая ўвага надаецца крытэрыям вылучэння прыкмет нацыянальнага ў літаратуры (мова, «ідэя беларушчыны», «культурна-гістарычны кантынуум» [14, с. 18]), ролі параўнальна-сістэмнага падыходу да вывучэння літаратуры, мастацкаму перакладу, фальклорным даследаванням, методыцы аналізу тэксту. Даследчык разглядае беларускую літаратуру ў кантэксце агульнаславянскай ідэі, праблемы этнацэнтрызму і літаратур «малых народаў», а таксама «нацыянальныя міфы» [14, с. 33], сувязі і кантакты паміж пісьменнікамі славянскіх краін. У той жа час падкрэсліваецца значнасць мастацкага ўвасаблення этнапсіхалагічнага тыпу беларусаў і ўласцівых яму дамінант, што адлюстроўваюцца праз топасы, якія даследчык вызначае як «вобразы, уласцівыя ўсёй нацыянальнай культуры» [14, с. 103], і архетыпы, што «нясуць дамінантныя адзнакі своеасаблівай сістэмы адлюстравання свету» [14, с. 104].

Падобнае меркаванне было агучана і ірландскай літаратурнай крытыкай. Так, А. Куін, аўтар прадмовы да зборніка вершаў Патрыка Кэвэна, робіць асаблівы акцэнт на паступовым адыходзе паэта ад нацыяналістычнай тэматыкі, адзначаючы яго адмоўнае стаўленне да праяў нацыяналізму ў культуры [19].

З іншага боку, ужо згаданы намі вышэй Масей Сяднёў адзначае, што «чым больш таленавіты пісьменнік, тым больш у яго нацыянальных прызнакаў» [12, с. 7]. Да нацыянальных прыкмет, ці «беларускага субстрату», літаратуразнаўца адносіць беларускую прыроду, характэрныя рысы беларусаў, асяроддзе і інш., заўважаючы, аднак, што «гэтыя прызнакі часта служаць элементам упрыгожання твора, нечым вонкавым, не арганічным» [12, с. 7].

Ролю літаратуры як носьбіта нацыянальнай і агульнаэстэтычнай ідэі неаднаразова адзначаў і Міхась Тычына. У манаграфіі «Карані і крона» даследчык заўважае, што «чытача цікавіць адказ на пытанне: хто ён, пісьменнік, як асоба? Але сёння ён робіць акцэнт і на іншым: адкуль ён, з якога краю? Дзе яго народ? Наколькі поўна і вобразна выявілася ў яго творах гістарычнае быццё нацыі? Якімі непаўторнымі фарбамі

і гукамі ўзбагачае ён агульначалавечую сімфонію? На якім матэрыяле ставіць і вырашае глабальныя праблемы веку?» [13, с.11].

Неадрыўную сувязь паміж літаратурай і іншымі формамі грамадскай свядомасці падкрэслівае і Л.Я. Гаранін [4]. Даследчык сцвярджае, што ўзаемасувязь нацыянальнай самасвядомасці і літаратуры бярэ свой пачатак яшчэ ў старажытнасці, заўважаючы, што «на працягу многіх вякоў і да цяперашняга часу ва ўсведамленні яго [беларускага народа. – *І. П.*] дамінавалі прынцыпы абароны яго права на самавызначэнне, свабоду самавыражэння, захавання нацыянальнага суверэнітэту і нацыянальнай годнасці» [4, с. 34]. Працэс станаўлення і развіцця ідэі нацыянальнай самасвядомасці ў беларускай літаратуры Л.Я. Гаранін падзяляе на два этапы.

Другая палова XIX – пачатак XX ст. – пачатковы этап, якому ўласціва неадэкватнасць форм і зместу выражэння нацыянальнай самасвядомасці, разнастайнасць і пэўная ўмоўнасць форм, а таксама хуткі рост нацыянальнай самасвядомасці, што паступова выкрышталёўвалася ў адзіную канцэпцыю. Асноўным сродкам адлюстравання нацыянальнай самасвядомасці ў тагачаснай літаратуры былі «сентыменталісцкія, рамантычныя настроі думак аўтараў, лірычныя перажыванні і разважанні літаратурных герояў, іх спачувальныя адносіны да цяжкага лёсу беларускага селяніна» [4, с. 60]. У якасці прыкладу разглядаюцца творы Янкі Лучыны, Францішка Багушэвіча, ранняя творчасць Я. Купалы.

Пачатак XX ст. – развіццё метадаў адлюстравання нацыянальнай ідэі ў літаратуры, удасканаленне форм яе мастацкага ўвасаблення: адлюстраванне актывізацыі працэсаў грамадскага і культурнага жыцця, суб'ектыўныя перажыванні лірычных герояў, песенныя матывы, выкарыстанне фальклорных тэм і сюжэтаў, «эмпірычны рэалізм» [4, с. 119] у спалучэнні з глыбокай сімвалічнасцю ў прозе (творчасць Я. Коласа, К. Буйло, З. Бядулі, Ядвігіна Ш. і інш.).

У літаратуры пачатку XX ст. Л.Я. Гаранін вылучае тры асноўныя напрамкі: лірычны (М. Багдановіч, Цётка, З. Бядуля і інш.), эпічны рэалізм (Я. Колас) і дакументальная лірыка-філасофская проза (М. Гарэцкі).

Паэт як носьбіт нацыянальнай ідэі ў беларускім літаратуразнаўстве

Роля паэта як носьбіта нацыянальнай ідэі цікавіла шматлікіх даследчыкаў беларускай літаратуры. Некаторыя з іх, як, напрыклад, Ян Чыквін, супрацьпастаўляюць нацыянальнае і агульнаэстэтычнае ў літаратуры. У артыкуле «Два шляхі развіцця беларускай паэзіі» даследчык разглядае творчасць Янкі Купалы і Максіма Багдановіча менавіта з гэтага пункту гледжання. Аналізуючы творчасць Янкі Купалы 1905–1907 гг. даследчык звяртае ўвагу на вершы, у якіх паэт закранае праблему сваёй ролі ў жыцці народа, свайго наканавання («Я не сокал», «Не кляйміце мяне», «Вы кажаце», «Я не для вас, паны» і інш.). Чыквін адзначае, што Я. Купалу здаўна інтрыгавала праблема месца паэта ў грамадстве, яго «місійнай прадвызначанасці» [15, с. 189], творчага самавызначэння, якое ён уяўляў сябе неадрыўным ад нацыянальнага беларускага адраджэння. Даследчык выказвае думку, што «на прыпозьненым у параўнанні з суседнімі краінамі, але ж няўхільным вітку гісторыі Беларусі Я. Купалу выпала доля "паўтарыць" у нейкай ступені канцэпцыю паэта, народжаную яшчэ ў перыяд еўрапейскага рамантызму і шматкроць увасобленую, выяўленую ў сваім часе. Яе рамантычны стрыжань афарбоўваўся ў яркі колер сучаснай рэвалюцыйнай пафаснасці… часам нават небясьпечна зрастаўся з сацыяльнымі лозунгамі і заклікамі да класавага гвалту і насілля» [15, с. 189]. У адрозненне ад Я. Купалы, Максім Багдановіч падкрэсліваў эстэтычны пачатак творчасці паэта

(верш «Песьняру»). Як заўважае Я. Чыквін, «ён [М. Багдановіч] пераносіць увагу на сам эстэтычны прадмет, фінальны прадукт працы душы беларускага песняра» [15, с. 190].

Уплыў нацыянальнага менталітэту на творчасць беларускіх паэтаў грунтоўна даследаваў і Уладзімір Гніламёдаў. У артыкуле «Паэтычныя традыцыі і менталітэт» ён разглядае беларускую літаратуру ў кантэксце сусветнай, заўважаючы, што «праблема нацыянальнай своеасаблівасці беларускай паэзіі… адлюстроўвае ў сабе асаблівасці гістарычнага развіцця ўсёй літаратуры, асаблівасці гістарычнага развіцця чалавечай псіхалогіі» [5, с. 324]. Крытык адзначае, што, «пры ўсёй сваёй своеасаблівасці, беларуская паэзія змяшчае ў сабе мноства агульначалавечых тэм, ідэй і вобразаў, так ці інакш закранае карэнныя аспекты чалавечага жыцця, звязваючы іх з роздумам над сэнсам жыцця, характарам часу і чалавечым абавязкам» [5, с. 325]. У. Гніламёдаў вылучае наступныя крыніцы беларускай літаратуры: нацыянальныя традыцыі, навакольнае асяроддзе і гістарычныя ўмовы, у якіх адбывалася станаўленне нацыянальнага характару. Гістарычныя ўмовы, на думку даследчыка, абумоўліваюць тып мыслення пісьменніка або паэта, яго стаўленне да навакольнай рэчаіснасці. Да нацыянальных традыцый ён адносіць такія стылявыя рысы паэтычнай вобразнасці як канкрэтнасць і прадметнасць паэтычнай мовы, рэчыўнасць вобраза, настроенасць на апавядальны тон, прыземленасць светаўспрымання і інш. Вызначаючы месца паэзіі сярод іншых літаратурных жанраў, крытык называе яе сведчаннем «этнічнай і культурнай самабытнасці народа», «носьбітам няўлоўнага кода гісторыі і духу народа, яго непаўторнага нацыянальнага характару» [5, с. 327]. Сярод асноўных функцый паэзіі У. Гніламёдаў называе здзяйсненне праграмы духоўна-эстэтычнага ўдасканалення чалавека, абнаўленне яго погляду на свет, ахову любові да жыцця. «Паэзія… – адно з пераканаўчых сведчанняў прысутнасці народа ў свеце, мастацка-эстэтычная форма яго грамадскай жыццядзейнасці, у якой адлюстроўваецца духоўнае быццё чалавечай асобы» [5, с. 327]. Даследчык сцвярджае, што «беларуская ідэя з самага пачатку выступіла як ідэя паэтычная і з'явілася ўнутраным стрыжнем працэсу развіцця беларускай літаратуры на працягу XIX–XX стагоддзяў» [5, с. 334].

Заключэнне

Такім чынам, праблема адлюстравання ідэі нацыянальнай самасвядомасці – адна з найбольш актуальных у беларускім і замежным літаратуразнаўстве XX ст. Варта адзначыць, што найбольшая колькасць навуковых прац у гэтай галіне прысвечаны перыяду канца XIX – пачатку XX ст., што вызначаўся ўздымам нацыянальнага руху ў абедзьвюх краінах. Літаратуры другой паловы XX ст. надаецца менш увагі ў гэтым кантэксце, што абумоўлівае неабходнасць далейшага даследавання адзначанай праблемы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Аркуш, А. Лібералізацыя культурнага жыцця Беларусі. Шлях да вольнае літаратуры / А. Аркуш // Культура. – 1996. – 19–25 лістап. – С. 5.

2. Арсеннева, Н. Яшчэ адна вясна / Н. Арсеннева. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 271 с.

3. Буйвал, В. Эйрэ / В. Буйвал // Наша ніва. – 1997. – 25 жн. – С. 6.

4. Гаранін, Л. Я. Нацыянальная ідэя ў беларускай літаратуры пачатку XX стагоддзя / Л. Я. Гаранін. – Мінск : Беларус. навука, 1996. – 176 с.

5. Гніламёдаў, У. Паэтычныя традыцыі і менталітэт / У. Гніламёдаў // Полымя. – 1997. – № 11. – С. 324–343.

6. Горский, И. К. Из истории науки о литературе / И. К. Горский. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2006. – 158 с.

7. Іпатава, В. Гэта і наша свята / В. Іпатава // Культура. – 1996. – 7–13 мая. – С. 14.

8. Ирландская литература XX века. Взгляд из России : спец. вып. журн. «Диапазон» ; отв. ред. Е. Ю. Гениева. – М. : Рудомино, 1997. – 317 с.

9. Мальдзіс, А. Беларуска-ірландскія гістарычна-культурныя ўзаемасувязі / А. Мальдзіс // Голас Радзімы. – 2000. – 3 траўня. – С. 6.

10. Саруханян, А. П. «Объятия судьбы»: прошлое и настоящее ирландской литературы / А. П. Саруханян. – М. : Наследие, 1994. – 224 с.

11. Смирнов, Ю. И. Славянский эпос в системе европейских эпосов / Ю. И. Смирнов // Славянские культуры и мировой культурный процесс : материалы Междунар. науч. конф. ЮНЕСКО ; редкол.: С. В. Марцелев [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1985. – 486 с.

12. Сяднёў, М. Перад патрэбай павароту: да пытання беларускай нацыянальнай літаратуры / М. Сяднёў // ЛіМ. – 1995. – 23 чэрв. – С. 7.

13. Тычына, М. Карані і крона. Фальклор і літаратура / М. Тычына. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 197 с.

14. Чарота, І. А. Пошук спрадвечнай існасці. Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння / І. А. Чарота. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 159 с.

15. Чыквін, Я. Два шляхі развіцця беларускай паэзіі / Я. Чыквін // Дзеяслоў. – 2005. – № 4. – С. 186–197.

16. Шупа, С. Шэсьць пунктаў падабенства / С. Шупа // Наша ніва. – 1994. – № 12. – С. 12.

17. Caerwin Williams, J. E., The Irish Literary tradition / J. E. Caerwin Williams, P. K. Ford. – Cardiff : University of Wales Press ; Belmont : Ford & Bailie, 1992. – 355 p.

18. Hyde, D. A Literary History of Ireland / D. Hyde. – London : Ernest Benn Limited, 1980. – 654 p.

19. Kavanagh, P. Selected Poems / P. Kavanagh. – London : Penguin Classics, 2000. – 212 p.

20. Kiberd, D. Inventing Ireland: The Literature of the Modern Nation / D. Kiberd. – London : Vintage, 1996. – 719 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2017

Powkh I.V. **The National Identity Issue in Belarusian and Foreign Literary Criticism of the 20th Century**

The article considers the ways of dealing with the national identity issue in Belarusian and foreign literary criticism of the 20th century referring to Belarusian and Irish literature. Special attention is paid to the works of D. Kiberd, D. Hyde, J.E. Caerwin Williams, P.K. Ford, A. Sarukhanian, U. Hnilamedau, I. Charota, M. Tychyna etc. The author discusses the national and foreign approaches to the above issue, the attitudes to the interrelations between the Irish and Belarusian literatures as well as a poet's function as the national culture representative, pointing out the researchers' ambivalence in their attitudes to the national idea in literature as well as the need for further research in the area with regard to the second half of the 20th century.

УДК 343.9

Х.П. Пашаев
канд. филос. наук, доц., доц. каф. права, философии и социологии
Горно-Алтайского государственного университета (Россия)
e-mail: p_khalik@mail.ru

О ПОНЯТИИ «СЕМЬЯ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ*

Излагаются научные подходы определения понятия семьи, делается попытка уточнения правовых оснований понятия «семья», выносятся предложения о необходимости легального его закрепления в целях устранения неопределенности правового регулирования в российской правовой науке. Существует множество определений семьи. Каждое из них зависит от конкретных исторических, этнических и социально-экономических условий, а также от конкретных целей исследования. Однако, несмотря на свою общеупотребительность, понятие семьи довольно многогранно, а его четкое научное определение довольно затруднено.

Введение

На протяжении многих лет и, особенно в последние годы, в Российской Федерации реализуются социально ориентированные национальные проекты в сфере здравоохранения, образования, строительства жилья, безусловно, важнейших для любой семьи. Семья в истории общественной мысли занимает особое место, поскольку семья – это та первооснова любого общества, та единица, где ребенок с младых лет получает первые уроки уважения к старшим, открывает для себя мир, где прививаются самые первые гражданские чувства, любовь к своей земле, понимание истории, культуры и славных традиций Отечества; это та территория, где формируется новая личность. А разрушение же семьи, применение насилия к отдельным ее членам – это потерянные жизни и искалеченные судьбы, это брошенные дети и забытые родители и, как общее следствие, – плачевная демографическая ситуация в стране. Поэтому возрождение и придание фундаментального значения институту семьи, повышение ее престижа – это основа стабильного развития общества, укрепления российской государственности.

Древнегреческий философ Аристотель видел в семье основу государства, многамную ячейку общества, общность, возникшую для удовлетворения повседневных потребностей человека: «Так как всякая семья составляет часть государства, а все люди являются частями семьи и так как добродетели отдельных частей должны соответствовать добродетелям целого, то необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю; и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устроению, то надо иметь также достойных детей и достойных женщин. И с этим необходимо считаться, потому что женщины составляют половину всего свободного населения, а из детей потом вырастают участники политической жизни, для которых любовь к родине начинается с семьи» [1, с. 56].

Русское слово «семья» имеет славянское и индоевропейское происхождение (ср. лит. Šeima), восходя к значению территориальной общности. В древнеславянском

* *Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-13-04002 «Состояние, динамика и тенденции преступности в семейно-бытовой сфере на территории Республики Алтай (правовые средства и механизмы противодействия)».*

и древнерусском языке слово сѣмия означало как семью вообще (всех членов рода, живущих совместно), так и челядь, домочадцев, холопов [2, с. 40].

Научное изучение форм семейной жизни началось в XIX в. и связано с работами И. Бахофена, Л. Моргана, М.М. Ковалевского, в которых было показано, что тип семьи в высокой степени определял характер дальнейшей эволюции соответствующего общества [3, с. 3–11].

До Великой Отечественной войны в России существовала патриархальная семья, которая характеризовалась преобладанием мужчины в доме и подчинением ему всех остальных членов семьи. В послевоенные годы (с конца 1940-х до 1980-х гг.) доминирующей стала детоцентристская семья, в которой очень большое значение придавалась благополучию детей и сохранению брака в интересах детей. Совсем недавно, в последние десятилетия, возникла супружеская семья, в которой доминируют равноправные отношения, стабильность брака зависит от желаний и качества отношений между супругами. Экономическая самостоятельность женщин, повышение их социального статуса неизбежно предполагает иной – партнерский – тип супружества. Многие исследователи отмечают изменение функций семьи в сторону ее большей психологизации и интимизации. В XX в. произошел переход от брака по расчету или обязанности к браку по любви. С одной стороны, как отмечает И.С. Кон, – это огромное достижение человечества, но с другой стороны, такой брак предполагает большую частоту расторжения браков по психологическим мотивам, таким, например, как «несходство характеров», что ведет к меньшей устойчивости браков. Как отмечает Кон, главная тенденция, лежащая в основе всех этих процессов, – изменение ценностных ориентаций, в центре которых ныне стоит не семейная группа, а индивид [4, с. 217].

Общеизвестно, что семья – это сообщество, основанное на браке супругов (отца, матери) и детей (собственных и усыновленных), связанных духовно, общностью быта и взаимной моральной ответственностью. Семья создается на основе брака, кровного родства, усыновления, а также на других основаниях, не запрещенных законом, и таких, которые не противоречат моральным основам общества.

А.И. Кравченко отмечает, что, несмотря на свою общеупотребительность, понятие семьи довольно многогранно, а его четкое научное определение довольно затруднено. В различных обществах и культурах определение семьи может некоторым образом различаться. Кроме того, часто определение зависит также и от той области, относительно которой это определение дается. Существует много определений семьи. Каждое из них зависит от конкретных исторических, этнических и социально-экономических условий, а также от конкретных целей исследования [5, с. 272].

По определению английского социолога Э. Гидденса, под семьей понимается «группа людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми». При этом родственными отношениями считаются отношения, возникающие при заключении брака (т.е. получившего признание и одобрение со стороны общества сексуального союза двух взрослых лиц) либо являющиеся следствием кровной связи между лицами [6].

В своих трудах Л.Ю. Грудцына отмечает, что действующее законодательство не содержит правового определения семьи. В юридической литературе по вопросу о его необходимости существует две противоположные позиции. Приверженцы первой считают нужным дать законодательное определение семьи. Но поскольку различные отрасли права регулируют разные по содержанию отношения с участием членов семьи, возникают трудности в выработке универсального понятия семьи, приемлемого

для всех отраслей права. Они считают, что нужно выработать и закрепить в законе определение семьи для каждой правовой отрасли, субъектами которой являются члены семьи. Существует также мнение, согласно которому не стоит на законодательном уровне давать определение семьи. Обосновывается оно тем, что очень многообразны критерии, характеризующие семью, и слишком разнятся условия существования семей. К тому же сторонники этого мнения полагают, что семья как таковая субъектом права не является, субъектами являются конкретные члены семьи, более того, семья – это явление не правовое, а социологическое. Вряд ли можно согласиться с подобными выводами и предложениями. Прежде всего, сложность и многогранность явления не влечет вывода о том, что в его определении должны быть указаны все присущие ему признаки, достаточно ограничиться основными и относительно постоянными. Ссылка на социальный характер семьи верна, но это не отрицает возможности ее правового определения. Попав в сферу правового регулирования, семья становится социально-правовым явлением, что дает возможность включить в ее определение как социальные, так и правовые признаки [7, с. 129].

В определениях семьи, данных в других теоретических источниках семейного права, в основном также учитывается единство социально-правовых признаков семьи. Г.К. Матвеев определяет семью как «объединение лиц, связанных между собой браком или родством, моральной и материальной общностью и поддержкой, рождением и воспитанием потомства, взаимными личными правами и обязанностями». А.М. Нечаева понимает под семьей «общность совместно проживающих и ведущих общее хозяйство лиц, обладающих предусмотренными законодательством о браке и семье правами и обязанностями». В.А. Рясенцев делал акцент только на юридические признаки семьи: «Семья – это круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений».

Г.Ф. Шершеневич указывал: «Семья есть постоянное сожительство мужа, жены и детей, т.е. представляет собой союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих» [8, с. 259]. При этом он особо подчеркивал, что «физический и нравственный склад семьи создается помимо права. Юридический момент необходим и целесообразен в области имущественных отношений членов семьи». Русский философ Н. Бердяев видел сущность семьи в том, что она «всегда была, есть и будет позитивистским мирским институтом благоустройства, биологическим и социальным упорядочиванием жизни рода» [9, с. 257].

Социолог А.Г. Харчев считает, что семью можно определить как исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения. А.Г. Харчев особо подчеркивает существенные основные элементы семьи:

а) социально-историческую обусловленность семейных отношений и семейной организации;

б) наличие в семье качественно специфических особенностей, отграничивающих ее от иных социальных образований (малочисленность семейной группы, близость родства, общность быта, взаимная моральная ответственность);

в) существование семьи и ее специфическая социальная функция являются следствием объективной необходимости, связанной с организованной формой воспроизводства жизни [10, с. 75]. Такое многообразие определений семьи свидетельствует о сложности явления.

Семья «не умещается» в рамки какой-то одной области знаний, различные ее стороны описываются по меньшей мере десятью самостоятельными науками. Каждый исследователь семьи в соответствии со своими целями берет для рассмотрения один из аспектов семейных отношений (философский, исторический, экономический, демографический, социологический, медицинский, психологический, педагогический) и формулирует свое рабочее определение семьи, которое зачастую настолько узко, что применимость его ограничивается только рамками того или иного исследования [11, с. 187].

Обобщая перечисленные выше определения, необходимо отметить, что семья относится к особым, фундаментальным группам общества. Она является одновременно социальной группой и общественным институтом.

В семейном законодательстве наряду с термином «семья» употребляется термин «член семьи». Оба этих термина используются уже в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации, определяющей цели и принципы регулирования семейных отношений. Однако правового определения понятия члена семьи, так же как и семьи, не существует [12, с. 67].

В наследственном праве вообще не используются понятия «семья», «член семьи». Однако фактически о членах семьи идет речь, когда закон определяет круг лиц, являющихся наследниками по закону согласно гл. 63 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Из статей 1142–1148 ГК РФ следует, что к числу наследников, т.е. фактически к членам семьи, относятся: родственники 1–5-й степени родства (от детей, в том числе усыновленных, супруга и родителей наследодателя до его двоюродных правнуков, племянников, дядей и теть); пасынки, падчерицы, отчим и мачеха; граждане, которые не относятся к указанным выше лицам, но ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним. Уголовное законодательство Российской Федерации вместо терминов «семья», «члены семьи» использует понятие «близкие потерпевшему лица» (например, п. «ж» ч. 1 ст. 63; п. «б» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 163, ст. 316 Уголовного кодекса Российской Федерациии (УК РФ)). В уголовном праве под «близкими потерпевшему лицами» понимаются его близкие родственники (родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки) и иные лица, состоящие с потерпевшим в родстве, свойстве (супруг, родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых в силу сложившихся жизненных обстоятельств дороги потерпевшему (например, жених, невеста, сожитель, сожительница, друзья и т.д.) [13, с. 227, 721–723].

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации (УПК РФ) вместо термина «семья» использует такие понятия, как «близкие», «близкие родственники» и «родственники». Согласно ст. 5 УПК РФ к близким родственникам относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки; к родственникам – все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве; а к близким лицам – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений [14, с. 7–8].

Заключение

Таким образом, исследования показывают, что закон не дает ни легального определения семьи, ни указаний состава семьи, пригодного для всех случаев. Более того, круг членов семьи, определяемый в Гражданском, Семейном, Жилищном, Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах и других нормативных актах, различаются. Однако роль семьи в обществе по своей значимости, несравнима ни с какими другими социальными институтами, так как именно в семье формируется и развивается личность человека, происходит овладение социальными ролями, необходимыми для адаптации ребенка в обществе. Семья выступает как первый воспитательный институт, связь с которым человек ощущает на протяжении всей своей жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубов, В. П. Аристотель / В. П. Зубов. – М., 2000. – С. 56.
2. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб., 2000. – С. 40.
3. Коротаев, А. В. Семья в социально-экономической структуре докапиталистических классовых формаций / А. В. Коротаев // История и филология древнего и средневекового Востока / ред. Д. Д. Васильев и С. В. Волков. – М. : Наука, 1987. – С. 3–11.
4. Кон, И. С. Ребенок и общество / А. В. Коротаев – М. : Академия, 2003. – С. 217.
5. Кравченко, А. И. Семья и брак / А. И. Кравченко // Социология / А. И. Кравченко. – М. : Акад. Проект, 2001. – С. 272.
6. Семья // БСЭ : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Совет. Энцикл., 1969–1978. – Т. 23 : Сафлор – Соан. – 1975. – 639 с.
7. Грудцына, Л. Ю. Словарь-справочник по семейному праву России / Л. Ю. Грудцына. – М. : Эксмо, 2006. – 413 с.
8. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1915. – Т. 2. – С. 259.
9. Бердяев, Н. Смысл творчества / Н. Бердяев // Семья : кн. для чтения : в 2-х кн. / сост.: И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – М., 1990. – Кн. 2. – С. 257.
10. Харчев, А. Г. Брак и семья в СССР / А. Г. Харчев. – М., 1979. – С. 75.
11. Коряковцева, О. А. Комплексная поддержка молодой семьи : учеб.-метод. пособие / О. А. Коряковцева. – М. : ВЛАДОС, 2008. – 204 с.
12. Грудцына, Л. Ю. Семейное право России / Л. Ю. Грудцына. – М. : Юстицинформ, 2017. – С. 67.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. – М., 2000. – С. 227, 721–723.
14. Пащенко, А. С. Проблемы определения понятия семьи / А. С. Пащенко // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – Прага : Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o. – 2010. – № 6. – С. 6–9.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2017

Pashaev H.P. **About the Concept of «Family» in the Russian Legislation**

The scientific approaches to the definition of family is presented, an attempt is made to clarify the legal grounds of the concept of «family», the proposals to necessary legal fixing in order to eliminate ambiguities in the legal regulation in the Russian legal science are put forward. There are many definitions of family. Each of them depends on the specific historical, ethnic and socio-economic conditions and specific purposes of the study. However, despite its common usage, the concept of family is quite versatile, and its precise scientific definition is quite difficult.

УДК 343.341

В.А. Робак
канд. юрид. наук, доц., зав. каф. уголовно-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: robak_va@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ НЕКОТОРЫХ СТРАН

Проанализированы вопросы уголовной ответственности, криминализация деяний, а также виды и размеры санкций за незаконный оборот оружия в соответствии с законодательством Российской Федерации, Республики Беларусь, Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Болгария, Грузии, Кыргызской Республики, Эстонии, Швейцарии, Узбекистана, Таджикистана, Республики Казахстан, Республики Молдова, Литовской Республики, Польши, Республики Словения, Хорватии.

Криминальный рынок получает все большее и большее распространение в мировом масштабе. Кроме того, криминальный рынок оружия имеет устойчивую тенденцию на приобретение организованного и транснационального характера, и в современных условиях является сильнодействующим детерминантом преступности, в связи с чем установление уголовной ответственности за незаконный оборот указанных предметов является необходимым и целесообразным шагом того или иного национального законодателя. В настоящее время по различным оценкам в незаконном обороте насчитывается от 500 до 639 млн единиц огнестрельного оружия [1, с. 248].

В данном исследовании мы проанализируем виды деяний, а также виды и размеры наказаний, предусмотренных законодательством отдельных стран в сфере незаконного оборота оружия.

Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов (за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему) наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо без такового (ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации – УК РФ).

Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до 100 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ) [2]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Азербайджана, предусматривается наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет (ст. 228.1 УК Азербайджана) [3]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Армении, предусматривается наказание в виде ареста на срок не свыше трех месяцев либо лишение свободы на срок не свыше трех лет и штраф в размере не свыше 500-кратного размера минимальной заработной платы или без такового (ч. 1 ст. 235 УК Армении) [4]. За аналогичные действия (приобретение, хранение, передача (независимо

от вида оружия)), в соответствии с УК Болгарии, предусматривается наказание в виде лишения свободы до шести лет (ч. 1 ст. 339 УК Болгарии) [5]. За аналогичные деяния (приобретение, хранение охотничьего огнестрельного оружия или спортивного огнестрельного оружия) предусматривается наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до двух лет; приобретение или хранение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств наказывается лишением свободы на срок до четырех лет; ношение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств наказывается лишением свободы на срок от четырех до шести лет; изготовление, перевозка, пересылка или сбыт огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств наказывается лишением свободы на срок от шести до девяти лет (ч. 1–4 ст. 236 УК Грузии) [6]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Киргизии, предусматривается наказание в виде штрафа в размере от двухсот до пятисот расчетных показателей либо лишение свободы до пяти лет (ч. 1 ст. 241 УК Киргизии) [7]. За аналогичные деяния, в соответствии с Пенитенциарным кодексом (ПК) Эстонии (независимо от вида оружия), предусматривается наказание в виде денежного взыскания или тюремного заключения на срок до трех лет (ст. 418 ПК Эстонии); за аналогичные деяния в отношении запрещенного в гражданском обороте огнестрельного оружия, его основных деяний и боеприпасов предусматривается наказание в виде тюремного заключения на срок от одного года до пяти лет (ст. 418^1 ПК Эстонии) [8]. За аналогичные деяния (сбыт, передача, дарение, посредничество в получении), в соответствии с УК Швейцарии, предусматривается наказание в виде тюремного заключения сроком до пяти лет или денежного штрафа (ст. 260quater УК Швейцарии) [9]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Узбекистана (независимо от вида оружия), предусматривается наказание в виде штрафа до пятидесяти минимальных размеров заработной платы или ареста до шести месяцев, или ограничения свободы от двух до пяти лет, либо лишение свободы до пяти лет (ч. 1 ст. 248 УК Узбекистана); за сбыт указанных предметов предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет (ч. 3 ст. 248 УК Узбекистана) [10]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Таджикистана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч показателей для расчетов, или ограничения свободы на срок до пяти лет, или лишения свободы на срок до трех лет (ч. 1 ст. 195 УК Таджикистана) [11]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Казахстана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до пяти тысяч месячных расчетных показателей либо исправительных работ в том же размере, либо ограничения свободы на срок до пяти лет, либо лишениям свободы на тот же срок (ч. 3 ст. 287 УК Казахстана) [12]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Молдовы, предусматривается наказание в виде штрафа в размере от 300 до 600 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 3 лет (ч. 1 ст. 290 УК Молдовы) [13]. За аналогичные деяния (независимо от вида оружия), в соответствии с УК Литвы, предусматривается наказание в виде ареста либо лишения свободы на срок до пяти лет (ч. 1 ст. 253 УК Литвы) [14]. За аналогичные деяния (хранение (независимо от вида оружия)), в соответствии с УК Польши, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до восьми лет (§ 2 ст. 263 УК Польши) [15]. За аналогичные деяния (изготовление, сбыт, экспорт, импорт, обмен), в отношении огнестрельного, химического, биологического или ядерного оружие, боеприпасы или взрывчатых веществ, или военной техники, в соответствии с УК Словении, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев

до пяти лет (ст. ч. 1 ст. 307 УК Словении); незаконный сбыт, приобретение или хранение индивидуального огнестрельного оружия или боеприпасов к нему, совершенное в крупном размере, предуматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного года (ч. 3 ст. 307 УК Словении) [16]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Хорватии, предусматривается наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до трех лет (ст. 335 УК Хорватии) [17]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Беларуси, предусматривается наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет, или ареста, или ограничения свободы на срок до пяти лет, или лишения свободы на срок до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 2 ст. 295 УК Беларуси) [18].

Незаконное приобретение, сбыт или ношение газового оружия, холодного оружия, в том числе холодного метательного оружия, за исключением тех местностей, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма или связано с охотничьим промыслом, наказывается общественными работами на срок от 320 до 400 часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до одного года (ст. 228.4 УК Азербайджана) [3]. За аналогичные деяния (ношение) УК Армении предусматривает наказание в виде исправительных работ на срок от одного года до двух лет, либо арест на срок от одного до трех месяцев, либо лишение свободы на срок не свыше двух лет и штраф в размере не свыше 200-кратного размера минимальной заработной платы или без такового (ч. 4 ст. 235 УК Армении) [4]. За аналогичные деяния (приобретение, сбыт или ношение холодного, газового оружия, гладкоствольного оружия, предназначенного для стрельбы патронами травматического действия, в том числе метательного оружия), в соответствии с УК Киргизии, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до ста расчетных показателей либо общественными работами на срок от 180 до 240 часов, либо лишение свободы на срок до двух лет (ч. 4 ст. 241 УК Киргизии) [7]. За аналогичные действия (данная норма предусматривает административную преюдицию, деяние должно быть совершено в течение года после применения административного наказания), в соответствии с УК Таджикистана, предполагается наказание в виде обязательных работ на срок от 180 до 240 часов, или штрафа в размере от 200 до 500 показателей для расчетов, или исправительных работ на срок до двух лет (ч. 4 ст. 195 УК Таджикистана) [11]. За аналогичные деяния (ношение и сбыт холодного оружия), в соответствии с УК Казахстана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до 200 месячных расчетных показателей, либо исправительных работ в том же размере, либо привлечения к общественным работам на срок до 180 часов, либо ареста на срок до 60 суток (ч. 1 ст. 287 УК Казахстана); за приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного бесствольного оружия, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия, короткоствольного гладкоствольного оружия, а равно патронов к ним, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до 2 000 месячных расчетных показателей либо исправительных работ в том же размере, либо ограничения свободы на срок до одного года, либо лишения свободы на тот же срок (ч. 2 ст. 287 УК Казахстана) [12]. За аналогичные деяния (изготовление или сбыт неогнестрельного оружия), в соответствии с УК Литвы, предусматривается наказание в виде штрафа, или ареста, или лишения свободы на срок до одного года (ч. 1 ст. 258 УК Литвы), за ношение указанных предметов предусматривается наказание в виде штрафа или ареста (ч. 2 ст. 258 УК Литвы) [14]. За аналогичные деяния (приобретение, передача во владение, хранение, перевозка, пересылка или ношение) в отношении охотничье-

го огнестрельного гладкоствольного оружия или боеприпасов к нему, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия, УК Беларуси предусматривает наказание в виде штрафа, исправительных работ на срок до двух лет, или ареста (ч. 1 ст. 295.1 УК Беларуси); незаконное изготовление или сбыт указанных предметов предусматривает наказание в виде штрафа, исправительных работ на срок до двух лет или арест, или лишение свободы на срок до двух лет (ч. 2 ст. 295.1 УК Беларуси). За аналогичные деяния, в отношении холодного оружия (ношение, перевозка (данная норма имеет преюдицию)) УК Беларуси предусматривает наказание в виде общественных работ, штрафа, исправительных работ на срок до одного года или ареста (ч. 1 ст. 296 УК Беларуси); в отношении газового, пневматического или метательного оружия предусматривается наказание в виде общественных работ, штрафа, исправительных работ на срок до одного года или ареста (ч. 1 ст. 297 УК Беларуси); изготовление или сбыт указанных предметов наказывается штрафом, или исправительными работами на срок от одного года до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок (ч. 2 ст. 297 УК Беларуси) [18].

За аналогичные деяния (сбыт) в отношении гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия, в соответствии с УК РФ, предусматривается наказание в виде обязательных работ на срок до 480 часов, либо исправительных работ на срок от одного года до двух лет, либо ограничение свободы на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо арест на срок от трех до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев или без такового (ч. 4 ст. 222 УК РФ) [2].

Незаконные изготовление, переделка или ремонт огнестрельного оружия, его основных частей (за исключением огнестрельного оружия ограниченного поражения), а равно незаконное изготовление боеприпасов наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет со штрафом в размере от 100 тыс. до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от шести месяцев до одного года (ч. 1 ст. 223 УК РФ). Незаконное изготовление взрывчатых веществ, а равно незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет со штрафом в размере от 100 тыс. до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет [2]. За аналогичные деяния (изготовление, ремонт), в соответствии с УК Азербайджана, предусматривается наказании в виде лишения свободы на срок до трех лет (ст. 229.1 УК Азербайджана) [3]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Армении, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше трех лет (ст. ч. 1 ст. 236 УК Армении) [4]. В соответствии с УК Болгарии, за изготовление, переработку, ремонт, перевозку, ввоз или вывоз взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или боеприпасов, или торговлю ими без законного на это права или разрешения надлежащего органа власти, или совершение указанных действий не в соответствии с полученным разрешением наказывается лишением свободы до шести лет (ч. 1 ст. 337 УК Болгарии) [5]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Киргизии, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до 500 расчетных показателей или исправительных работ до двух лет либо лишение свободы на срок

до трех лет (ч. 1 ст. 242 УК Киргизии) [7]. За аналогичные деяния (производство, укрывательство, переработка взрывчатых веществ и ядовитых газов), в соответствии с УК Швейцарии, предусматривается наказание в виде каторжной тюрьмы на срок до 10 лет или тюремным заключением на срок не менее шести месяцев (ст. 226 УК Швейцарии) [9]. За аналогичные деяния (изготовление, ремонт), в соответствии с УК Таджикистана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере от 1 тыс. до 2 тыс. показателей для расчетов либо лишения свободы на срок до трех лет (ч. 1 ст. 196 УК Таджикистана) [11]. За аналогичные деяния (ношение и сбыт холодного оружия), в соответствии с УК Казахстана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до 5 тыс. месячных расчетных показателей либо исправительных работ в том же размере, либо ограничения свободы на срок до пяти лет, либо лишения свободы на тот же срок (ч. 1 ст. 288 УК Казахстана) [12]. За аналогичные деяния (изготовление, сбыт), в соответствии с УК Польши, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 1 до 10 лет (§ 1 ст. 263 УК Польши) [15].

Незаконное изготовление газового оружия, холодного оружия, в том числе холодного метательного оружия, наказывается общественными работами на срок от 320 до 400 часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 229.4 УК Азербайджана) [3]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Киргизии, предусматривается наказание в виде штрафа в размере от 100 до 200 расчетных показателей либо лишением свободы на срок до одного года (ч. 4 ст. 242 УК Киргизии) [7]. За аналогичные деяния (ношение и сбыт холодного оружия), в соответствии с УК Казахстана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до 300 месячных расчетных показателей, либо исправительных работ в том же размере, либо привлечения к общественным работам на срок до 240 часов, либо ареста на срок до 75 суток (ч. 4 ст. 288 УК Казахстана) [12].

Небрежное хранение огнестрельного оружия, создавшее условия для его использования другим лицом, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия, наказывается штрафом в размере до 100 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев (ч. 1 ст. 224 УК РФ) [2]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Азербайджана, предусматривается наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 230 УК Азербайджана) [3]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Армении, предусматривается наказание в виде исправительных работ на срок не свыше двух лет, либо арест на срок не свыше трех месяцев, либо лишения свободы на срок не свыше двух лет (ч. 1 ст. 239 УК Армении) [4]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Болгарии, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или штрафом (целесообразно указать: в случае если указанные деяния повлекли наступления тяжких последствий, наказание предусматривается в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет (ст. 338 УК Болгарии) [5]). За аналогичные деяния, в соответствии с УК Грузии, предусматривается наказание в виде штрафа или исправительных работ на срок до одного года, или ограничения свободы на срок до двух лет, или ареста на срок до трех месяцев, либо лишения свободы на срок до трех лет (ч. 1 ст. 238 УК Грузии) [6]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Киргизии, предусматривается наказание в виде привлечения к общественным работам на срок от 160 до 240 часов или штрафа в размере от 100 до 1 000

расчетных показателей, либо ограничение свободы на срок до одного года, либо лишение свободы на срок до одного года (ст. 243 УК Киргизии) [7]. За аналогичные деяния, в соответствии с ПК Эстонии, предусматривается наказание в виде денежного взыскания или тюремного заключения на срок до трех лет (ст. 419 ПК Эстонии) [8]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Узбекистана, предусматривается наказании виде штрафа до 50 минимальных размеров заработной платы, или исправительных работ до трех лет, или ограничение свободы от двух до пяти лет, либо лишение свободы до пяти лет (ст. 249 УК Узбекистана) [10]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Таджикистана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере от 200 до 500 показателей для расчетов или ограничения свободы на срок до двух лет (ст. 197 УК Таджикистана) [11]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Казахстана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до 300 месячных расчетных показателей либо исправительных работ в том же размере, либо привлечения к общественным работам на срок до 240 часов, либо ареста на срок до 75 суток (ст. 289 УК Казахстана) [12]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Литвы, предусматривается наказание в виде ареста или лишения права выполнять определенную работу, или заниматься определенной деятельностью (ст. 255 УК Литвы) [14]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Беларуси, предусматривается наказание в виде общественных работ или штрафа, или ареста, или ограничения свободы на срок до двух лет (ст. 300 УК Беларуси) [18].

Хищение либо вымогательство огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет (ч. 1 ст. 226 УК РФ) [2]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Азербайджана, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет (ст. 232 УК Азербайджана) [3]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Армении, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет (ч. 1 ст. 238) [4]. За аналогичные деяния (за исключением хищения или вымогательства гладкоствольных охотничьих ружей), в соответствии с УК Грузии, предусматривается наказание в виде ареста на срок до шести месяцев или лишения свободы на срок от 3 до 7 лет (ч. 1 ст. 237 УК Грузии) [6]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Киргизии, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет (ч. 1 ст. 245 УК Киргизии) [7]. За аналогичные деяния (завладение путем кражи или мошенничества), в соответствии с УК Узбекистана, предусматривается наказание в виде исправительных работ на срок до 3 лет, или ограничения свободы на срок от 2 до 5 лет, или лишения свободы на срок до 5 лет (ч. 1 ст. 247 УК Узбекистана) [10]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Таджикистана, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет (ч. 1 ст. 199 УК Таджикистана) [11]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Казахстана, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет (ч. 1 ст. 291 УК Казахстана) [12]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Литвы, предусматривается наказание в виде ареста или лишения свободы на срок до 7 лет (ч. 1 ст. 254 УК Литвы) [14]. За аналогичные деяния (хищения указанных предметов военнослужащим), в соответствии с УК Польши, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 1 до 10 лет (§ 2 ст. 358 УК Польши) [15]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Беларуси, предусматривается наказание в виде ограничения свободы на срок до 5 лет или лишения свободы на срок до 7 лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 1 ст. 294 УК Беларуси [18].

Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС огнестрельного оружия, его основных частей (ствола, затвора, барабана, рамки, ствольной коробки), взрывных устройств, боеприпасов наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 5 лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года или без такового (ч. 1 ст. 226.1 УК РФ) [2]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Киргизии, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет с конфискацией имущества (ч. 2 ст. 204 УК Киргизии) [7]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Узбекистана, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (ч. 1 ст. 246 УК Узбекистана) [10]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Таджикистана, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (ч. 2 ст. 289 УК Таджикистана) [11]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Казахстана, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до 5 тыс. месячных расчетных показателей либо исправительных работ в том же размере, либо ограничения свободы на срок до 5 лет, либо лишения свободы на тот же срок, с конфискацией имущества или без таковой (ч. 1 ст. 286 УК Казахстана) [12]. За аналогичные деяния, в соответствии с УК Беларуси, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 1 ст. 333.1 УК Беларуси) [18].

Также целесообразно отметить, что в отдельных странах предусматривается ответственность и за иные деяния в сфере незаконного оборота оружия. Так, например, в соответствии с УК Узбекистана, предусматривается ответственность за незаконное производство, изготовление, хранение, перевозку, пересылку, использование, а равно незаконный ввоз в Республику Узбекистан (вывоз из Республики Узбекистан) или сбыт пиротехнических изделий, совершенные в значительном размере либо после применения административного взыскания за такие же действия. Это наказывается штрафом от 50 до 100 минимальных размеров заработной платы или исправительными работами до двух лет, или арестом до шести месяцев, или ограничением свободы от одного года до трех лет, либо лишением свободы до трех лет (ст. 250.1 УК Узбекистана) [10]. За аналогичные деяния (ввоз, производство, хранение, сбыт, передача (данная норма предусматривает административную преюдицию)) УК Таджикистана предполагает наказание штрафом в размере от 100 до 200 показателей для расчетов (ч. 1 ст. 199.1 УК Таджикистана) [11].

Рассматривая данный вопрос, также целесообразно указать, что в законодательстве многих стран предусматриваются условия освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота оружия (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение), в случае добровольной сдачи таких предметов. В частности, такие нормы содержатся в УК Азербайджана (ст. 228), Армении (ст. 235), Грузии (ст. 236), Узбекистана (ст. 248), Казахстана (ст. 287), Молдовы (ст. 290), Беларуси (ст. 295) и др. По нашему мнению, предусмотрение в уголовных законах указанных норм является целесообразной и необходимой превентивной мерой, направленной на борьбу с криминальным рынком оружия.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в сфере незаконного оборота оружия в мировом сообществе (уголовном законодательстве различных стран) имеют место различные подходы относительно криминализации видов деяний в ука-

занной сфере, а также видов и размеров наказаний. По нашему мнению, в виду чрезвычайной опасности преступлений данной категории необходимо усовершенствовать уголовное законодательство относительно усиления ответственности за их совершение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панкратова, И. В. Международные аспекты противодействия незаконному обороту оружия / И. В. Панкратова // Вестн. ТГУ. – 2013. – Вып. 6 (122). – С. 247–251.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-10699/. – Дата доступа: 10.10.2017.

3. Уголовный кодекс Азербайджанской республики [Электронный ресурс] : 26 мая 2000 г., № 886-IQ. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=-30420353. – Дата доступа: 10.10.2017.

4. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 29 апр. 2003 г., № ЗР-528. – Режим доступа: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&-sel=show&lang=rus. – Дата доступа: 10.10.2017.

5. Уголовный кодекс Республики Болгария [Электронный ресурс] : 15 марта 1968 г. – Режим доступа: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1245689&subID=10-0109090,100109258,100109298,100109319#text. – Дата доступа: 10.10.2017.

6. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 22 июля 1999 г., № 2287-вс. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes. – Дата доступа: 10.10.2017.

7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 18 сент. 1997 г. – Режим доступа: http://online.adviser.kg/document/?doc_id= 30222833&page=1. – Дата доступа: 10.10.2017.

8. Пенитенциарный кодекс Эстонии [Электронный ресурс] : 6 июня 2001 г. – Режим доступа: http://www.juristaitab.ee/ru-seadused/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОДЕКС_-01.05.2015. – Дата доступа: 10.10.2017.

9. Уголовный кодекс Швейцарии [Электронный ресурс] : 21 дек. 1937 г. – Режим доступа: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID= 1241950&subID=100098712,1000-98714#text. – Дата доступа: 10.10.2017.

10. Уголовный кодекс Узбекистана [Электронный ресурс] : 22 сент. 1994 г., № 2012-XII. – Режим доступа: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug. – Дата доступа: 10.10.2017.

11. Уголовный кодекс Таджикистана [Электронный ресурс] : 21 мая 1998 г., № 574. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325#pos=1878;-89 – Дата доступа: 10.10.2017.

12. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V ЗРК. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226. – Дата доступа: 10.10.2017.

13. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 18 апр. 2002 г., № 985. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes. – Дата доступа: 10.10.2017.

14. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс] : 26 сент. 2000 г., № VIII-1968. – Режим доступа: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=124387-7&subID=100107735,100107738,100107774#text. – Дата доступа: 10.10.2017.

15. Уголовный кодекс Польши [Электронный ресурс] : 6 июня 1997 г. – Режим доступа: http://www.polskieustawy.com/act_index.php?act=KK. – Дата доступа: 10.10.2017.

16. Уголовный кодекс Республики Словения [Электронный ресурс] : 20 мая 2008 г. – Режим доступа: http://www.pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=ZAKO5050. – Дата доступа: 10.10.2017.

17. Уголовный кодекс Хорватии [Электронный ресурс] : 20 мая 2005 г. – Режим доступа: http://www.vyvlastnenie.sk/predpisy/trestny-zakon/. – Дата доступа: 10.10.2017.

18. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/ru/documents/section/-criminal-codes. – Дата доступа: 10.10.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2017

Robak V.A. **Responsibility for Illegal Arms Trafficking, under the Legislation of some Countries**

In the article the questions of criminal responsibility, the criminalization of the offences and the types and amounts of sanctions for illicit arms trafficking, in accordance with the legislation of some countries, namely the Russian Federation, Belarus, Azerbaijan Republic, Republic Armenia, Republic of Bulgaria, Georgia, Kyrgyz Republic, Estonia, Switzerland, Uzbekistan, Tajikistan, Kazakhstan, Moldova, Lithuania, Poland, the Republic of Slovenia and Croatia, are analysed.

УДК 346.9

И.А. Доброрез
канд. юрид. наук, советник юстиции, доц.,
доц. каф. прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве
Крымского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: prokuror-zakon@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Исследованы проблемы правового регулирования участия прокурора в рассмотрении арбитражными судами дел о банкротстве, пробелы в действующем законе, обоснована необходимость законодательного закрепления права прокурора вступать в рассматриваемые судами дела данной категории. Изучен международный опыт в данной сфере, проведен ретроспективный анализ законодательства, предложены изменения в законодательство.

В настоящее время участие прокурора при рассмотрении судами дел о несостоятельности (банкротстве) не предусмотрено. Это следует из системного анализа следующих норм права: п. 3 ст. 1, ст. 35 Федерального закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»; статьями 40, 52 Арбитражнного процессуального кодекса Российской Федерации; статьями 34, 35 Федерального закона (ФЗ) «О несостоятельности («банкротстве)» [1; 2].

Согласно указанным нормам, прокуроры участвуют в рассмотрении дел арбитражными судами в соответствии с процессуальным законодательством, которое, в свою очередь, не называет прокурора в числе лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве.

В то же время особенно с учетом последних изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в части распространения процедуры банкротства на физических лиц, необходимость участия прокурора в рассмотрении отдельных дел данной категории представляется очевидной.

1. Так, реализация прокурором права обращения в суд с заявлением и вступления в дело в любой стадии процесса происходит исключительно в целях защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

В практике рассмотрения арбитражными судами дел о банкротстве граждан неизбежно возникнут ситуации, когда гражданин в арбитражном процессе не сможет защищать свои права самостоятельно по состоянию здоровья, недееспособности, возрасту и другим уважительным причинам.

Отчасти эта проблема будет решена путем привлечения к участию в деле органа опеки и попечительства в делах о банкротстве граждан, затрагивающих права несовершеннолетнего лица или права лица, признанного судом недееспособным (п. 3 ч. 2 ст. 213.6; ч. 5 ст. 213.32 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Однако, по мнению автора, предусмотренная законодателем возможность привлечения органов опеки и попечительства не способна в полной мере защитить права граждан, которые по иным, не отраженным законодателем причинам, свои права защитить не в состоянии.

2. В ряде случаев требует того и защита экономических интересов государства (участие в процедуре банкротства предприятий с долей государственной собственности, иные интересы государства). Действительно, гораздо эффективнее и целесообразнее предотвратить, не допустить незаконные действия при банкротстве, чем устранять (что зачастую невозможно) наступившие в результате негативные последствия. И участие прокурора в делах о банкротстве, несомненно, способствовало бы этому.

Кроме того, необходимо учитывать возможные масштабные негативные последствия в случае банкротства негосударственных пенсионных фондов, банковских, страховых учреждений, крупных застройщиков, предприятий – крупных работодателей и т.д. Количество потенциально пострадавших в результате таких банкротств граждан может исчисляться десятками и сотнями тысяч, а размер причиненного ущерба – миллиардами рублей.

3. Представляется как минимум нелогичным подход законодателя в определении полномочий прокурора. С одной стороны, прокурору отведена важная роль при реализации юридической ответственности за нарушения законодательства при банкротстве. Так, в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 28.4) на прокурора возложена обязанность возбуждать дела об административных правонарушениях по ст. 14.13 «Неправомерные действия при банкротстве» (за исключением случая, если данные правонарушения совершены арбитражным управляющим). При осуществлении надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, прокурор также вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении. Более того, прокурор наделен, согласно уголовно-процессуальному законодательству, широкими полномочиями в уголовном процессе, в том числе по делам данной категории (ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство», ст. 197 «Фиктивное банкротство»).

С другой стороны, прокурор не наделен правом защиты прав и интересов тех субъектов, которые самостоятельно защитить их не в состоянии (как было отмечено выше, участие прокурора в таких делах законом не предусмотрено).

4. В пользу позиции автора свидетельствует и то обстоятельство, что Закон Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» 1992 г. предусматривал право прокурора на обращение с заявлением о возбуждении производства по делу о несостоятельности при наличии признаков умышленного или фиктивного банкротства. Под умышленным банкротством понималось преднамеренное создание или увеличение руководителем или собственником предприятия его неплатежеспособности, нанесение ущерба предприятию в личных интересах или в интересах иных лиц, заведомо некомпетентное ведение дел. Фиктивное банкротство определялось законом как заведомо ложное объявление предприятием о своей несостоятельности с целью введения в заблуждение кредиторов для получения от них отсрочки и (или) рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов. В рамках Закона фиктивное и умышленное банкротство признавались разновидностью неправомерных действий должника или собственника предприятия до открытия конкурсного производства. По этому Закону 1992 г. право прокурора обратиться в суд для возбуждения производства по делу о несостоятельности при наличии признаков фиктивного или умышленного банкротства служило установлению факта совершения неправомерных действий.

Мы не можем привести негативных примеров из прокурорской и судебной практики, которые препятствовали бы возврату данной нормы в действующий закон, тем более с учетом новаций о банкротстве граждан.

5. В соответствии с Модельным законом о несостоятельности (банкротстве) предусмотрено активное участие прокурора [3]. Так, в соответствии со ст. 37 Модельного закона о несостоятельности (банкротстве), прокурор наделен правом на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом, когда:

1) им обнаружены признаки преднамеренного (умышленного) банкротства;

2) у должника имеется задолженность по обязательным платежам;

3) в качестве кредитора по денежным обязательствам выступает государство или административно-территориальная единица;

4) в иных случаях, предусмотренных законом (к таким относятся: заявление прокурора о недействительности мирового соглашения согласно ст. 118; заявление прокурора о банкротстве банка в защиту интересов неопределенного числа вкладчиков в соответствии со ст. 138; заявление прокурора о признании страховой организации банкротом, поданное в защиту интересов неопределенного круга кредиторов-страхователей в порядке ст. 142; заявление о признании гражданина, а также индивидуального предпринимателя, главы крестьянского (фермерского) хозяйства банкротом согласно статьям 148, 158, 161; заявление о признании банкротом отсутствующего должника (ст. 170)).

Заявление прокурора подается в суд с соблюдением требований, предусмотренных настоящим Законом в отношении заявления кредитора, если иное не предусмотрено законом или не вытекает из существа правоотношений.

6. В контексте данного вопроса уместно упомянуть и позиции Европейского суда по правам человека относительно возможности участия прокурора в гражданском судопроизводстве [4].

Европейский суд, вынося судебные постановления по ряду дел, указал, что Резолюция Парламентской ассамблеи 1604 (2003) о роли прокуратуры в демократическом обществе, регулируемом верховенством права, в соответствующей части предусматривает, что роль прокуроров в общей защите прав человека не должна порождать какой-либо конфликт интересов или препятствовать людям в обращении за государственной защитой их прав.

Европейский суд не исключает того, что поддержка прокуратурой одной из сторон может быть оправдана при определенных условиях, например в целях защиты уязвимых лиц, которые считаются не способными защитить свои интересы самостоятельно, либо в случае, если правонарушение затрагивает большое число людей или если требуют защиты реальные государственные интересы или имущество.

7. Позиции Конституционного суда Российской Федерации также сводятся к тому, что положения законодательства об участии прокурора в гражданском судопроизводстве в различных формах сами по себе не могут рассматриваться как препятствующие реализации в полном объеме прав сторон в процессе [5]. В деле, в котором орган прокуратуры является истцом или ответчиком, представитель прокуратуры, защищающий его интересы как участника спорного материального правоотношения, обладает лишь теми общими правами и обязанностями лица, участвующего в деле, которые закреплены в ст. 35 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации. Заключение прокурора не может предопределять позицию суда по конкретному делу, которая должна формироваться в результате установления фактических обстоятельств, а также

беспристрастного, всестороннего и полного исследования всех материалов и доказательств, заслушивания мнений, доводов сторон и других лиц, участвующих в деле.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется необходимым законодательно закрепить возможность участия прокурора при рассмотрении арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) с целью защиты прав граждан и интересов государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

2. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Федер. закон, 26 окт. 2002 г., № 123-ФЗ : принят Гос. Думой 27 сент. 2002 г. : одобр. Советом Федерации 16 окт. 2002 г. : в ред. Федер. закона от 13 июля 2015 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.

3. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : модельный закон : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 6 дек. 1997 г., № 10–15 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 1998.

4. Дело «Менчинская против Российской Федерации» (Menchinskaya v. Russia) [Электронный ресурс] : постановление Европ. суда, 15 янв. 2009 г., № 42454/02; Дело «Королев против Российской Федерации (Korolev) (№ 2)» : постановление Европ. суда, 1 апр. 2010 г., № 5447/03 // Бюл. Европ. суда по правам человека. – Режим доступа: http://www.europeancourt.ru/. – Дата доступа: 03.09.2016.

5. Дело С. А. Товстик : определения Конституц. суда Рос. Федерации, 27 мая 2010 г., № 696-О-О; Дело А. Л. Квотченко : определения Конституц. Суда Рос. Федерации, 28 мая 2009 г., № 589-О-О; Дело В. В. Петрова : определения Конституц. суда Рос. Федерации, 18 дек. 2007 г., № 831-О-О; Дело М. А. Хомякова : определения Конституц. суда Рос. Федерации, 25 февр. 2013 г., № 200-О // Бюл. Конституц. суда Рос. Федерации.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2017

Dobrorez I.A. **Actual Problems of Legal Regulation of Prosecutor Participation in Litigation the Cases of Insolvency (Bankruptcy) by Courts**

The problems of the legal regulation of the prosecutor participation in the consideration of bankruptcy cases by arbitration courts, the gaps in the current law, the necessity of legislative consolidation of the right of intervention for the prosecutor in the cases of this category considered by the courts are grounded. The international experience in this sphere was studied, retrospective analysis of legislation was conducted, and changes were offered in the legislation.

УДК 347.9

В.А. Тюнин
канд. юрид. наук, советник юстиции,
зав. каф. прокурорского надзора и участия прокурора
в гражданском, арбитражном и административном процессе
Крымского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: prokuror-zakon@mail.ru

НАДЗОРНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Исследованы последствия уголовно-процессуальной реформы, в результате которой были сокращены полномочия органов прокуратуры России в сфере надзора за органами, осуществляющими предварительное следствие. Проанализированы точки зрения авторов по данному вопросу, оценен зарубежный опыт в данной сфере. Результаты исследования показали, что ограничение прокурора в его полномочиях негативно сказалось на эффективности осуществляемого им надзора.

Прокуратура Российской Федерации представляет собой важнейший орган, осуществляющий надзор за законностью всех сфер жизнедеятельности государства. Следует отметить, что именно прокуратура играет ключевую роль в обеспечении правопорядка и законности в России.

Исходя из содержания ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 [1] в настоящее время можно выделить пять видов надзорной деятельности органов прокуратуры.

1. Надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов.

2. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

3. Надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

4. Надзор за исполнением законов судебными приставами.

5. Надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами.

Данное положение, безусловно, является верным, так как с точки зрения юридической техники, нагромождение норм недопустимо.

Следует отметить, что прокурор является единственным должностным лицом, который реализует свои процессуальные полномочия во всех стадиях уголовного судопроизводства. Деятельность прокуратуры в различных стадиях уголовного процесса осуществляется в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а также для защиты охраняемых законом интересов общества и государства, на охрану прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства.

После внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ реформа процессуального положения прокурора в уголовном судопроизводстве негативно сказалось на расследовании уголовных дел в виду низкой эффективности [2].

Так, Генеральный прокурор Российской Федерации в своем докладе на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 2017 г. выразил общее мнение прокуроров, что повсеместно следствие «проседает». Количество выявленных прокурорами нарушений в деятельности всех органов предварительного расследования за год вновь возросло, превысив пять 5 миллионов. Практически в каждом подразделении допускалась волокита, каждое шестое преступление расследовалось более года, по многим из них не принималось достаточных мер к установлению вины подозреваемых [3].

Реформа уголовно-процессуального законодательства, на наш взгляд, отрицательным образом была отражена на осуществлении прокурором надзорных полномочий. Так, органы прокуратуры Российской Федерации были лишены возможности возбуждать уголовные дела, а в соответствии со статьей 37 УПК РФ прокурор имеет право давать письменные указания лишь дознавателю, в связи с тем что прокурор не является «процессуальным руководителем» следователя.

Согласно статистической отчетности прокуратуры Республики Крым за 2016 г., прокурорами были даны 3 727 указания в рамках дознания, что положительно сказалось на качестве расследования преступлений. Отметим, что за данный период органами прокуратуры Республики Крыма были выявлены 65 026 нарушений законодательства при расследовании преступлений [4].

По нашему убеждению, причины отмеченных недостатков кроются в ненадлежащей организации работы и слабом ведомственном контроле со стороны руководителей следственных органов.

Для более детального изучения данной проблемы обратимся к опыту зарубежных стран, а именно Франции, США, а также Республики Беларусь и Украины.

Рассматривая законодательство Франции, следует отметить, что Ордонанс № 59-1 от 2 января 1953 г. в статьях 31 и 32 УПК Франции закрепил возможность давать указания и направлять ход расследования в виде «применения закона». Полномочие «требовать применения закона» и является тем самым процессуальным руководством.

Отметим, что в США расследование осуществляют ряд федеральных служб, в том числе и ФБР. В соответствии с национальным законодательством следователи проводили обыски, задержания, допросы и иные следственные действия. Однако, в со-

ответствии с законодательством, органы прокуратуры США напрямую влияют на ход расследования, предоставляя санкции на проведение следственных действий, а также направляют ход расследования путем дачи обязательных для исполнения указаний.

Полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания определяются Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь [5]. В соответствии со ст. 34 УПК Республики Беларусь, в ходе досудебного производства по материалам и уголовному делу прокурор возбуждает уголовное дело, принимает уголовное дело к своему производству и расследует его в полном объеме, пользуясь при этом полномочиями следователя, или поручает его расследование нижестоящему прокурору либо соответствующему органу предварительного следствия; отказывает в возбуждении уголовного дела; осуществляет надзор за расследованием уголовных дел органом дознания, следователем; осуществляет процессуальное руководство и надзор за деятельностью нижестоящего прокурора, производящего предварительное следствие [6].

В соответствии со ст. 36 УПК Украины от 13.04.2012 № 4651-VI, прокурор имеет право поручать следователю проведение в ус-тановленный срок определенные следственные действия или давать указания об их проведении.

Одним из важнейших, на наш взгляд, является мнение О.С. Капинус, которая указывает, что при возложении законодателем на прокурора полномочий по осуществлению надзора за следствием и дознанием, он фактически выделил два самостоятельных направления его деятельности, разделив объект и предмет. Еще больше ситуация осложняется тем, что прокурору предоставлен различный объем полномочий по осуществлению надзора за предварительным следствием и дознанием, внося при этом элемент неопределенности прокурора в уголовном процессе [7, с. 50–58].

Вопрос о процессуальном положении прокурора в различных стадиях уголовного процесса в правовой доктрине до сих пор является достаточно дискуссионным. Одна группа ученых сходится на том, что прокурор хоть и остается стороной обвинения, однако продолжает осуществлять функцию уголовного преследования, одновременно являясь представителем государства, который защищает публичные интересы, т.е. осуществляет правоохранительную функцию.

Другие ученые, например А.А. Тушев, полагают, что прокурор, на которого возложена обязанность осуществления уголовного преследования, не может ни осуществлять ее, ни способствовать ее осуществлению [8].

Таким образом, на наш взгляд, проблема совершенствования надзорных полномочий прокурора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия является актуальной и нуждается в более детальном изучении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федер. закон, 5 июня 2007 г., № 87-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2007.

3. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1186517/. – Дата доступа: 06.10.2017.

4. Статистический отчет по прокуратуре Республики Крым за 2016 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rkproc.ru/ru/content/statisticheskie-otchety-po-prokurature-respubliki-krym-za-2016-god. – Дата доступа: 16.03.2017.

5. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008. – Режим доступа: http://pravo.by/document/?guid=3871&-p0H10700220. – Дата доступа: 17.07.2017.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: http://kodeksy.by/ugolovno-processu-alnyy-kodeks/statya-34. – Дата доступа: 06.10.2017.

7. Капинус, О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / О. С. Капинус // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 50–58.

8. Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации / А. А. Тушев. – СПб., 2006. – 350 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2017

Tyunin V.A. **Supervisory Powers of Prosecutor for the Execution of the Laws by the Bodies of Inquiry and Preliminary Investigation**

The consequences of the criminal procedural reform, the consequences of which was the reduction of the powers of the bodies of the Prosecutor's Office of Russia in the sphere of supervision of the bodies conducting the preliminary investigation, are investigated. The authors' views on this issue are analyzed; foreign experience in this field is assessed. The results of the research showed that the restriction of the prosecutor in his authority in this sphere had a negative impact on the effectiveness of his supervision.

УДК 325(476):314:330.34(476)

Л.А. Краснобаева[1], М.В. Тимошенко[2]
[1]канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины
[2]ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины
e-mail: [1]krasnobaeva@gsu.by; [2]marina_ttt@list.ru

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК КОМПОНЕНТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исследуются современные демографические тенденции, комплекс правовых мер, направленных на преодоление неблагоприятных проблем депопуляции, одной из которых является миграционная политика. Сформулированы предложения по совершенствованию миграционной политики, такие как сокращение срока проживания на территории Республики Беларусь для приема в гражданство иностранных граждан и лиц без гражданства, заключающих брак с гражданами Республики Беларусь, а также для семей иностранных граждан и лиц без гражданства с детьми, что требует закрепления в законодательстве о гражданстве, и др.

Введение

В последние десятилетия Республика Беларусь, как и другие европейские страны, вступила в фазу долгосрочного сокращения численности населения, что обусловлено рядом социальных факторов, таких как половозрастная структура населения, уровень рождаемости, отношение к семье, количество детей в семьях и другими. Вместе с тем любое государство заинтересовано в стабилизации численности населения, чего не всегда можно достичь за счет естественного прироста населения, обусловленного высокой рождаемостью, поскольку депопуляция оказывает отрицательное влияние на все сферы общественной жизни, в первую очередь, социальную, военную.

Начиная с 1993 г. естественного прироста населения не происходит, несмотря на активно проводимую демографическую политику. Вместе с тем общая численность населения за период с 2010 по 2017 гг. увеличивалась на 5 тыс. человек, что связано с внешней миграцией [1]. Следовательно, миграция может стать для Беларуси фактором демографической стабильности, а миграционная политика – компонентом демографической политики.

В связи с остротой указанной проблемы для Республики Беларусь авторами статьи была поставлена следующая цель исследования: на основе анализа сложившихся демографических тенденций и изменения численности населения за счет внешней миграции, демографической и миграционной политики сформулировать предложения по внесению изменений и дополнений в законодательство о гражданстве.

Демографические тенденции в Республике Беларусь

Естественного прироста населения в Беларуси в настоящее время не происходит. Согласно официальным данным о численности населения Республики Беларусь, ежегодно публикуемым Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, смертность превышает рождаемость. Так, в 2014 г. смертность превысила рождаемость на 2,9 тыс. человек, в 2015 г. – на 0,6 тыс. человек, в 2016 г. – на 1,6 тыс. человек [2]. Подобная ситуация складывалась во все предыдущие годы начиная с 1993 г. В то же вре-

мя общая численность населения за последние годы увеличилась за счет внешней миграции и на начало 2017 г. составила 9 504 человека. Миграционный прирост за 2010–2016 гг. составил 83 330 человек. Мигранты прибывают в Беларусь из разных стран: страны СНГ, Сирия, Украина.

Причин депопуляции несколько. Одной из причин, отрицательно влияющих на демографическую ситуацию в стране, является уровень рождаемости, не обеспечивающий простое замещение родительских поколений. Следует отметить, что в период с 1960 по 1993 г. рост численности населения происходил на фоне неуклонного снижения суммарного коэффициента рождаемости (количества детей на одну женщину детородного возраста): с 2,80 в 1960 г. до 1,20 в конце 1990-х – начале 2000-х гг. [3]. В итоге суммарный коэффициент рождаемости снизился в 2,3 раза. Положительной тенденцией является тот факт, что с 2005 г. суммарный коэффициент рождаемости в Беларуси начал расти и в 2015–2017 гг. составил 1,7. Это один из самых высоких показателей в Европе. Но и такая рождаемость не обеспечивает простого воспроизводства населения Республики Беларусь, поскольку этот показатель должен составлять не менее 2,15.

На демографическую ситуацию неблагоприятно влияет половозрастная структура населения Республики Беларусь. В настоящее время численность населения в возрасте 16–54 года (женщины) и 16–59 лет (мужчины) составляет 5,5 млн человек. Численность населения в возрасте 55 лет и старше (женщины) и 60 лет и старше (мужчины) составляет 2,4 млн человек. Самая малочисленная группа населения – это дети в возрасте 0–15 лет. Их численность составляет 1,6 млн человек [4]. Тенденция сокращения сельского населения с традиционной многодетностью также негативно сказывается на уровне рождаемости. В Беларуси доля сельского населения с его традиционно более высокой рождаемостью составляет лишь 22,1 %.

Среди причин депопуляции следует упомянуть и о негативных трансформациях института семьи, и прежде всего о высоком уровне разводов. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2013–2015 гг. распался практически каждый второй брак. В 2016 г. из 64,5 тыс. зарегистрированных браков было расторгнуто 32,6 тыс. [5].

В белорусском обществе наблюдается снижение потребности в детях. Об этом свидетельствуют следующие данные переписи населения 2009 г.: семьи с одним ребенком составляют 62 %, с двумя детьми – 32,4 %, с тремя и более детьми – 5,6 %. Следует отметить, что в последующие годы подобных статистическим данных Национальным статистическим комитетом нашего государства не предоставлялось. Сегодня средний размер семьи 3,02 человека [6]. Вместе с тем для простого воспроизводства необходимо, чтобы семьи с двумя, тремя и более детьми представляли большинство.

Для более полного анализа сложившейся ситуации представляют интерес данные анкетирования студентов юридического и других факультетов Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. На вопрос «Сколько детей вы хотели бы иметь» студенты ответили следующим образом: 70 % респондентов хотели бы иметь двух детей, 20 % – одного ребенка и только 10 % процентов – 3 детей. Вариант «4 и более детей» не выбрал никто. Студенты желают иметь одного либо двух детей, что отражает современные взгляды на семью. Двухдетные семьи – это также малодетные семьи. Два ребенка в семье в современных реалиях недостаточно для обеспечения простого воспроизводства, поскольку численность молодежи значительно меньше лиц среднего и старшего возраста в половозрастной структуре населения Республики Беларусь.

Белорусские эксперты-демографы отмечают, что неблагоприятная демографическая ситуация отрицательно влияет на все сферы общественной жизни: экономическую, социальную, военную, а «определенные положительные тенденции последних лет в демографической сфере создали иллюзию снижения остроты демографических проблем… Демографическая ситуация в стране продолжает оставаться сложной. В целом уровень достигнутых показателей недостаточен не только для воспроизводства, но и для стабилизации численности населения страны» [7, с. 337–338].

Правовые основы демографической политики Республики Беларусь

Следует отметить, что демографическая политика является важным компонентом внутренней политики любого государства. Ее следует рассматривать как систему мер, осуществляемых государством в отношении населения страны или административно-территориальной единицы, направленных на достижение сознательно поставленных демографических целей повышения или снижения естественного прироста населения. Демографическая политика является составной частью общей социально-экономической политики, включает цели и средства для их достижения и охватывает следующие сферы жизни общества: воспроизводство населения, пенсионное обеспечение, воздействие на процесс социализации подрастающих поколений, улучшение здоровья населения, регулирование резервов рынка труда и рабочей силы. В последнее время значительное внимание уделяется миграции.

Демографическая политика в целом предполагает прямые и косвенные государственные меры. Прямые государственные меры выражаются в ограничении или стимулировании законодательным путем миграции, браков, деторождения, планирования подготовки специалистов и др. Косвенные государственные меры – это повышение уровня жизни, создание системы пособий и льгот для многодетных или малодетных семей, укрепление института семьи, культивирование семейных ценностей, пропаганда здорового образа жизни, формирование общественного мнения и др.

В Республике Беларусь была разработана соответствующая нормативно-правовая база, создающая основу для деятельности государственных органов и иных организаций в демографической сфере:

1. Закон Республики Беларусь от 04.01.2002 № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» [8].

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, в которой отмечается, что неблагоприятная демографическая ситуация отрицательно влияет на все сферы общественной жизни и представляет главный фактор угрозы национальной безопасности [9].

3. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 гг.», утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 2016 года № 200 [10].

Основной документ, предусматривающий конкретные действия, направленные на преодоление неблагоприятных последствий депопуляции, – это Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 гг.». В обобщенном виде предусмотренные ею мероприятия, направленные на стабилизацию численности населения, сводятся к:

1) укреплению духовно-нравственных основ семьи, возрождению и пропаганде семейных ценностей и традиций, усилению социально-экономической поддержки семей в связи с рождением и воспитанием детей;

2) развитию системы социального патроната семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;

3) совершенствованию жилищной, налоговой и кредитной политики в интересах семей с детьми, введению дополнительных мер материальной поддержки семей при рождении второго и последующих детей;

4) проведению мероприятий по укреплению здоровья населения и увеличения продолжительности жизни населения;

5) пропаганде здорового образа жизни, культивированию физической культуры и спорта, отказу от употребления алкоголя;

6) внешней миграции.

Безусловно, подобные мероприятия необходимы. Однако в предыдущие годы в каждой области нашей республики, а также на базовом уровне органами местного управления и самоуправления были разработаны и приняты местные программы демографической безопасности на 2011–2015 гг. с учетом местных особенностей и потребностей. В настоящее время органами местного управления и самоуправления местные программы не разработаны и не приняты, что, по нашему мнению, снижает эффективность всей государственной демографической политики.

На основании комплексного анализа вышеперечисленных нормативных правовых актов можно сделать вывод, что в деле обеспечения демографической безопасности ставка делается на внешнюю миграцию и реализацию следующих мер: выявление регионов, наиболее нуждающихся в трудовых мигрантах, привлечение трудовых мигрантов, компенсация расходов в связи с переездом, разработка инвестиционных проектов с созданием рабочих мест для мигрантов, противодействие незаконной миграции. Таким образом, должны быть созданы все необходимые условия для беспрепятственного приезда, расселения и интеграции мигрантов в белорусское общество.

Следует отметить, что в настоящее время большинство европейских стран, проводя демографическую политику с учетом национальных интересов, включают в нее как компонент миграционную политику, поскольку сложились аналогичные нашим отрицательные тенденции в демографической сфере. Для многих стран Европы ввиду старения населения и снижения рождаемости мигранты стали представлять интерес еще в 70-е гг. XX столетия.

Цели и задачи демографической политики

Цель демографической политики Республики Беларусь на современном этапе сводятся к сохранению сложившегося режима воспроизводства населения, а также положительных тенденций в области динамики численности и структуры населения. Для этого государственными органами решаются следующие задачи: оказание государственной помощи семьям с детьми; создание условий для совмещения активной профессиональной деятельности с выполнением семейных обязанностей; снижение заболеваемости и смертности; увеличение продолжительности жизни; улучшение качественных характеристик населения, противодействие пьянству; регулирование миграционных процессов; урбанизация и расселение населения и т.п. Эта деятельность государственных органов дополняются такими важными сферами социальной политики как занятость, регулирование доходов, образование и здравоохранение, профессиональная подготовка, жилищное строительство, развитие сферы услуг, в том числе в сельской местности, социальное обеспечение инвалидов, пожилых и нетрудоспособных лиц.

Принципиальная особенность современной демографической политики нашего государства состоит в воздействии на динамику демографических процессов не только прямыми мерами, но и опосредованно, через человеческое поведение, через усвоение определенных семейных ценностей, принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профессии, типа занятости, места жительства и т.д. Вместе с тем условиями эффективности демографической политики являются комплексность, ориентированность на длительную перспективу, устойчивость проведения мероприятий. Поэтому в настоящее время в демографической политике нашего государства акцент делается на миграционную политику и привлечение мигрантов.

Миграция в интересах Республики Беларусь

Вышеупомянутой Программой предусмотрено активное привлечение мигрантов в сельскую местность и в районы с недостатком рабочей силы с предоставлением семьям мигрантов финансовой поддержки для переезда с организацией рационального расселения иностранных граждан и лиц без гражданства, исходя из интересов развития регионов. Согласно запланированным мероприятиям внешней миграции в интересах развития Республики Беларусь, предусмотрено создание социально-экономических и правовых условий для закрепления в стране лиц, составляющих научно-технический, интеллектуальный и творческий потенциал белорусского общества, и возвращения на родину высококвалифицированных специалистов и ученых-соотечественников, развитие мероприятий по предотвращению оттока образованных кадров.

По официальной статистике наибольшее значение миграционного прироста населения было в 2014 г. – 15 722 человека и в 2015 г. – 18 494 человека [4]. Мигранты прибывали в Беларусь из разных стран: из стран СНГ, Сирии, Украины.

В то же время в нормативных правовых актах специально не оговаривается необходимость привлечения в страну иностранных высококвалифицированных специалистов, а говорится лишь о возможности разработки упрощенного механизма их привлечения. Этим она существенно отличается от миграционной политики сопредельных государств, например, Российской Федерации, предусматривающей привлечение высококвалифицированных специалистов из других стран с созданием дополнительных препятствий для въезда низкоквалифицированных мигрантов [11]. Существует мнение, что в современных условиях миграционные процессы стимулируют экономический рост только в случае привлечения в страну квалифицированной и высококвалифицированной рабочей силы, производящей больше, чем потребляют их домашние хозяйства [12]. Поэтому данная мера миграционной политики требует корректировки.

С учетом тенденции старения населения Республики Беларусь и сокращения его численности одним из направлений миграционной политики в стране может стать осуществление ряда дополнительных мер по интеграции иностранцев и лиц без гражданства. Так, заключение брака иностранным гражданином либо лицом без гражданства с гражданином Республики Беларусь не влечет приобретения гражданства Республики Беларусь автоматически либо в ускоренном порядке. В этой связи одной из стимулирующих мер может стать сокращение срока для получения гражданства Республики Беларусь. Представляется целесообразным предусмотреть такой порядок и для иностранных граждан и лиц без гражданства, в семьях которых рождаются дети, закрепив соответствующее правило в Законе «О гражданстве».

Заключение

На сегодняшний момент миграцию можно рассматривать как фактор демографической стабильности, а миграционную политику – как компонент демографической политики. Для большей эффективности демографической политики целесообразно органам местного управления и самоуправления разрабатывать местные программы демографической безопасности с учетом особенностей и потребностей подведомственной территории.

В миграционной политике Республике Беларусь целесообразно сделать акцент на привлечение иностранных квалифицированных специалистов, путем создания дополнительных стимулов для них. Одной из мер миграционной политики может стать сокращение сроков проживания на территории Республики Беларусь для предоставления гражданства иностранным гражданам и лицам без гражданства, заключающим брак с гражданами Республики Беларусь, а также для семей иностранных граждан и лиц без гражданства с детьми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Численность и естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.bel-stat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/chislennosti-estestvennyi-prirost-naseleniya. – Дата доступа: 31.03.2017.

2. Численность населения на 1 января по областям Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/dinamika-chislennosti-naseleniya. - Дата доступа: 10.02.2017.

3. Общие коэффициенты рождаемости по областям и г. Минску [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/ob-schie-koeffitsienty-rozhdaemosti-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku. – Дата доступа: 10.02.2017.

4. Численность и естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demogra-fiya_2/g/chislennosti-estestvennyi-prirost-naseleniya. - Дата доступа: 10.02.2017.

5. Браки, разводы, общие коэффициенты брачности и разводимости // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/braki-razvo-dy-i-obschie-koeffitsienty-brachnosti-i-razvodimosti. – Дата доступа: 10.02.2017.

6. Число семей и их состав. Республика Беларусь. Перепись населения 2009 года. Таблица 7.6 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/7.6_rb.pdf. – Дата доступа: 10.02.2017.

7. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.] ; под ред. М. В. Мясниковича, Л. С. Мальцева. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 557 с.

8. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

9. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

10. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь,14 марта 2016 г., № 200 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

11. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 19 мая 2010 г., № 86-ФЗ : принят Гос. Думой 12 мая 2010 г. : одобрен Советом Федерации 13 мая 2010 г. : в ред. Федер. закона от 03.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12175849. – Дата доступа: 31.03.2017.

12. Edwards, A. C. International Migration, Remittances and Schooling: Evidence from El Salvador / A. C. Edwards, M. Ureta // Journal of Development Economics. – Texas : Univ. of Texas, 2013. – № 72 (2). – P. 429–461.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.10.2017

Krasnobaeva L.A., Timoshenko M.V. **Migration Policy as a Component of the Demographic Policy of the Republic of Belarus**

The article discusses modern demographic trends, a set of legal measures aimed to overcome the unfavorable problems of depopulation, one of which is the external migration. The authors formulate proposals on improvement of the migration policy, such as reducing the duration of residence in the Republic of Belarus for obtaining the citizenship for foreign citizens and stateless persons who marry the citizens of the Republic of Belarus, as well as for families of foreign citizens and stateless persons with children and others.

УДК 343.341

Е.А. Комарова
канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: ele0770@yandex.ru

ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проанализированы вопросы применения меры пресечения в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Беларусь.

В Российской Федерации важная роль в осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства принадлежит органам прокуратуры (ст. 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») [1]. Контроль за ее осуществлением возложен на Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Похожее положение содержится в ст. 494 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь, в соответствии с которой Генеральная прокуратура Республики Беларусь принимает решения по просьбам органов иностранных государств и просьбам органов уголовного преследования в рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности [2].

Организационные основы и порядок международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств регламентируются правовыми актами Генерального прокурора Российской Федерации. Так, приказом от 12 марта 2009 г. № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации» определено, что взаимодействие с органами, организациями и учреждениями иностранных государств, а также международными органами и организациями является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации [3, с. 280]. При осуществлении международного сотрудничества органами прокуратуры большое внимание уделяется обеспечению общепризнанных стандартов прав человека, что является одной из ведущих тенденций, определяющих в современных условиях развитие этого института. Интересы борьбы с преступностью не умаляют, а, напротив, актуализируют необходимость защиты прав человека при осуществлении международного сотрудничества.

Контроль за соблюдением прав человека, помимо национальных структур, могут осуществлять и международные судебные органы, в частности, для Российской Федерации таким органом является Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). С момента подписания и ратификации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. применение правовых позиций ЕСПЧ в деятельности органов прокуратуры позволяет не только разрешать возникающие в правоприменительной практике проблемы, но и предотвращать возможные нарушения основополагающих прав и свобод участников уголовного судопроизводства в будущем. Среди наиболее значимых позиций ЕСПЧ относительно нарушений Конвенции вопросы, связанные с институтом экстрадиции, занимают около 3 %. Как правило, в этих случаях при рассмотрении жалоб против России ЕСПЧ констатирует нарушения ст. 3 «Запре-

щение пыток» и ст. 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность», вследствие чего эти нарушения ЕСПЧ признает в качестве системных [4, с. 6–9].

Одним из важнейших вопросов, связанным с выдачей лица для уголовного преследования или исполнения приговора, является применение меры пресечения для ее обеспечения. С этой целью прокурору предоставлено право при необходимости избрать меру пресечения. Причем если есть решение иностранного органа правосудия, то мера пресечения применяется без дополнительного подтверждения со стороны суда Российской Федерации, если нет, то прокурор выступает с ходатайством об избрании меры пресечения в судебном порядке.

Возникает вопрос, какая мера пресечения может быть применена (заключение под стражу, домашний арест или иные меры пресечения) и на какой срок. Что касается сроков ограничения свободы, то они могут варьироваться в зависимости от того, участником какого международного договора является государство. Порядок избрания или применения меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица иностранному государству предусмотрен в ст. 466 УПК Российской Федерации (УПК РФ) [5]. Если договором предусмотрен иной порядок, чем в УПК РФ, то применению подлежит международный договор (ст. 1 УПК РФ). Однако это правило необходимо применять с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой Конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ подлежат реализации только при условии признания высшей юридической силы Конституции Российской Федерации [6, с. 73–84]. Т.е. единой схемы в этом случае быть не может, но прежде чем осуществлять задержание и применение меры пресечения, необходимо тщательно изучить международную правовую базу, существующую между государствами.

Наиболее часто применяемыми международными документами по данному вопросу являются Европейская Конвенция о выдаче 1957 г. [7] и Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (Минская Конвенция 1993 г.) [8]. (Республика Беларусь, не являясь членом Совета Европы, не применяет Европейскую Конвенцию о выдаче 1957 г.). На основании анализа Минской Конвенции 1993 г. можно сделать вывод, что до получения требования о выдаче к лицу по ходатайству государства может быть применена мера процессуального принуждения – задержание. Причем если есть решение суда иностранного государства, то максимальный срок задержания составляет 1 месяц, если нет – 48 ч. Так, ст. 62 предусматривает, что задержанное лицо должно быть освобождено, если ходатайство о взятии его под стражу не поступит в течение срока, предусмотренного законодательством для задержания (для Российской Федерации этот срок составляет 48 ч без судебного решения, для Республики Беларусь не может превышать 72 ч с момента фактического задержания).

Несколько иной вариант предусмотрен в Европейской Конвенции 1957 г., согласно которой срок содержания под стражей задержанных лиц (до поступления запроса о выдаче) не может превышать 40 дней с момента задержания. Однако следует обратить внимание, что данный срок не может превышать 1 месяца при задержании лиц, разыскиваемых правоохранительными органами Республики Узбекистан, Кыргызской Республики, Туркменистана, Азербайджанской Республики, поскольку данные государства, являясь участниками Минской конвенции, не ратифицировали дополнительный Протокол от 28.03.1997 г. к Минской Конвенции 1993 г. После поступления требования о выдаче к лицу может быть применена мера пресечения на срок не более 40 дней со дня взятия под стражу.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, ч. 1 ст. 466 УПК РФ не предполагает возможности задержания лица на основании ходатайства иностранного государства на срок свыше 48 ч без судебного решения, а равно применения к такому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков [9].

Европейская Конвенция 1957 г. не предусматривает разграничения задержания и меры пресечения. Эти категории объединены в одно понятие – временное задержание, которое можно воспринимать как меру пресечения. Однако в указанном международном документе содержится дополнительная гарантия соблюдения права человека на свободу: ст. 16 предусмотрено, что временное задержание может быть отменено, если в течение 18 дней после задержания запрашиваемая Сторона не получила просьбы о выдаче и необходимых документов. В любом случае этот период не превышает 40 дней с даты такого задержания. Т.е., по общему правилу, прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном УПК РФ. Это общая норма, поскольку существуют отдельные виды выдачи, при которых применение данной меры пресечения возможно только с разрешения суда, в частности, в случаях нахождения в розыске лица, подлежащего выдаче для приведения в исполнение приговора иностранного суда.

Сроки содержания лица под стражей и порядок их продления регламентированы общими нормами содержания лиц под стражей (ст. 109 УПК РФ; ст. 513 УПК Республики Беларусь). Что касается вопроса, какая именно мера пресечения может быть избрана, то закон не ограничивает правоприменителя в выборе. Вместе с тем ее применение должно обеспечивать реальное исполнение решения о выдаче лица иностранному государству. УПК РФ и УПК Республики Беларусь в этом случае оговаривают применение заключение под стражу и домашний арест, а Минская Конвенция 1993 г. и Европейская Конвенция о выдаче 1957 г. предусматривают применение только заключение под стражу.

Следует отметить, что ст. 466 УПК Российской Федерации не обязывает, а предоставляет право прокурору избрать меру пресечения в случае отсутствия по этому вопросу решения судебного органа иностранного государства либо при наличии такого решения. Этот вопрос вызывает большие сложности на практике, поскольку в некоторых международных документах делается прямое указание на обязанность совершения таких действий (например, ст. 60 Минской конвенции 1993 г.). В этом случае положение ст. 466 УПК РФ вполне логично, поскольку компетентные органы Российской Федерации с целью реализации положений международного права должны обеспечить возможность передачи лица иностранному государству, имея при этом возможность самостоятельно определять меру пресечения, достаточную для ее обеспечения в пределах договорной базы между государствами и с учетом национального законодательства.

Таким образом, порядок избрания или применения меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица предусмотрен ст. 466 УПК РФ ст. 512 УПК Республики Беларусь. Указанные статьи регулируют вопросы применения мер пресечения уже после получения запроса о выдаче, а до этого момента применяется задержание как строго ограниченная, краткосрочная, обеспечительная мера, применение которой возможно до получения требования о выдаче. После получения такого требования (запроса) применяется мера пресечения, предусмотренная международным договором и законодательством обоих государств. Среди международных договоров, касающихся вопросов экстрадиции, безусловным приоритетом обладает Минская Конвенция 1993 г. Эффективное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации с компетентными

органами Республики Беларусь гарантирует ускорение рассмотрения требований (запросов) о выдаче лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора. Это, в свою очередь, приведет к взаимному улучшению качества оказания правовой помощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 : в ред. Федер. закона от 29.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/ru/documents/secti-on/criminal-codes. – Дата доступа: 10.10.2017.

3. Настольная книга прокурора : в 2 ч. / под. общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2017. – Ч. 2. – 378 с. (Сер. Профессиональная практика).

4. Малов, А. Сотрудничество Генеральной прокуратуры РФ с компетентными органами зарубежных государств в вопросах экстрадиции / А. Малов // Законность. – 2012. – № 12. – С. 6–9.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18.12.2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 05.12.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

6. Щерба, С. П. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека о роли прокурора в уголовном процессе: прецедентная практика и проблемы / С. П. Щерба [и др.] // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – 2015. – № 6. – С. 73–84.

7. Европейская конвенция о выдаче [Электронный ресурс] : [заключена в г. Париже 13.12.1957 г.] : с изм. от 20 сент. 2012 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2012.

8. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : [заключена в г. Минске 22.01.1993 г.] : с изм. от 28 марта 1997 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 1997.

9. По жалобе гражданина США Менахема Сайденфельда на нарушение ч. 3 ст. 1 и ч. 1 ст. 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации его прав, гарантируемых Конституцией Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда РФ, 1 марта 2007 г., № 333-О-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2007.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Komarova E.A. **The Order of Selection and Application of a Measure of Restriction within a Framework of International Cooperation of the Russian Federation and the Republic of Belarus**

The article presents the issues of application of a measure of restriction within a framework of legal assistance rendering in accordance with legislation of some countries, in particular the RF and the Republic of Belarus.

УДК 159.95

Е.И. Медведская
канд. психол. наук, доц., зав. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: psihkaf@brsu.brest.by

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ КУЛЬТУР: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Представлено теоретическое обоснование дифференциации представителей двух сосуществующих в настоящее время информационных культур: традиционной культуры печатного слова и формирующейся культуры медиаобраза. В качестве основания для типологии предлагается использование двух координат: выбор субъектом 1) культурного орудия (слово/образ) и 2) деятельности, задаваемой сделанным выбором (чтение/просмотр). Методом идеальных типов определены представители разных информационных культур, обобщенно обозначаемые как «человек читающий» и «человек просматривающий». Описаны результаты эмпирического исследования распространенности обозначенных типов, доказывающие явно выраженную тенденцию к доминированию представителей культуры медиаобраза даже среди взрослых людей с высшим образованием, занятых в сферах интеллектуального труда.

Введение

Общество высоких технологий, в том числе и информационных, актуализирует проблемы гуманизации жизни, в решение которых включены разные специалисты. Необходимо отметить, что психология в данном случае находится буквально на периферии, поскольку подавляющее большинство исследований сосредоточено в области клинической психологии, а именно на пограничных или клинических случаях различного рода техногенных аддикций, их симптоматики и детерминант, прежде всего, индивидуально-психологических. Между тем один из фундаментальных постулатов культурно-исторической психологии – невозможность понимания человека вне контекста его культурной ситуации – может служить методологическим основанием для расширения сферы собственно психологических исследований. Одним из шагов в данной области является построение психологической типологии информационных культур и их представителей. Как любая типология, она должна позволять упорядочивать разнородные множества объектов (в нашем случае субъектов) на некотором надежном, однозначном основании для их внутригрупповой идентификации и межгрупповой дифференциации [1].

Создание подобной типологии представляется необходимым не только теоретически, но и практически, поскольку как происходящие стихийно, так и специально организованные изменения во многих областях социальной практики, связанные с распространением электронных информационных технологий, часто ограничиваются технологическим обоснованием. Например, диктуемое сегодня образованию как «веяние времени» обязательное использование каких-либо из этих технологий аргументировано, как правило, параметрами типа «быстрее», «больше» и т.п. Но при этом фактически не оцениваются гуманитарные последствия: Насколько эти информационные «быстрее» и «больше» востребованы обучающимся? Сможет ли он это вообще усвоить и как это делает? Какое значение новые образовательные технологии имеют для развития человека? Подобное игнорирование собственно человека, для которого по сути и предназначены любые технологии, присутствует и в других сферах социальной жизнедеятель-

ности. Обозначенная выше работа представляется особенно актуальной для Беларуси, поскольку в плане технического оснащения, особенно собственного быта, мы уже находимся на уровне развитых стран мира. Так, в 2014 г. Беларусь заняла 38 место в мире по индексу развития информационно-коммуникативных технологий, опережая другие страны СНГ (в том числе и Россию), а также Китай и Индию [2].

Культура слова и культура медиаобраза

В настоящее время одной из самых популярных среди различных специалистов типологий цивилизаций является типология канадского социолога М. Маклюэна, построенная на основании ведущего типа семиозиса. М. Маклюэн выделяет четыре типа цивилизаций: 1) эпоха дописьменного варварства, 2) тысячелетия фонетического письма; 3) галактика Гуттенберга – полтысячи лет книгопечатания и 4) галактика Маркони – современная электронная цивилизация. По его мнению, именно фонетический алфавит выступил средством создания «цивилизованного человека». Но, поскольку «любая технология – это продолжение человека вовне… внешняя проекция, или самоампутация, наших физических тел» [3, с. 54], то, являясь «интенсификацией и расширением зрительной функции, фонетический алфавит уменьшает в любой письменной культуре роль других чувств: слуха, осязания и вкуса» [3, с. 95]. Относительно наступившего нового этапа развития культуры М. Маклюэн довольно оптимистичен: «Электрическая эпоха – в буквальном смысле эпоха освещения. Как свет есть одновременно энергия и информация, так и электрическая автоматизация объединяет в единый и неразрывный процесс производство, потребление и обучение» [3, с. 403]. Однако продолжая его же идею о технологии как некотором психофизическом ограничении, необходимо отметить, что электронные технологии – это тоже в первую очередь «расширение зрительной функции», а значит, и продолжающаяся редукция других параметров психофизической организации человека. Ж. Бодрийяр еще более категоричен в этом вопросе: «Мы упрощаем себя посредством технической манипуляции. И это упрощение доходит до безумия, когда появляется цифровая манипуляция» [4].

Таким образом, эпоха печатного слова, эпоха Гуттенберга в настоящее время трансформируется в эпоху электронных информационных технологий, которая различными специалистами все активнее обозначается через понятие «медиакультура» и конкретизирующий его терминологический аппарат: «медиасреда», «медиаполитика», «медиаэкология», «медиаменеджмент», «медиапедагогика», «медиаобразование» и др. (Б.А. Бондаренко, 1995; Н.Б. Кирилова, 2013; А.В. Федоров, 2014; А. Черных, 2007 и др.). Медиакультура рассматривается как доминирующая область информационной культуры, связанной с трансляцией динамических образов, получаемых и передаваемых техническими средствами [4–6]. В российской науке данное понятие наиболее детально обосновывается Н.Б. Кириловой [7], которая разделяет позицию зарубежных ученых о медиакультуре как интенсивном информационном потоке, прежде всего аудиовизуальном (ТВ, кино, видео, компьютерная графика, мобильная связь, Интернет и др.), выступающим средством освоения человеком окружающего его мира.

Обобщая труды теоретиков, посвященных языку новых информационных технических культур, Н.Б. Кирилова отмечает, что «если в письменной культуре основой знаковой системы выступает буква, слово, то в аудиовизуальной культуре “первокирпичиком” является кадр» [7, с. 65], имеющий три основные формы: фотографическая культура кадра – передача непосредственного впечатления от реального события; кинематографическая культура – использование кадра как «ячейки монтажа» (С. Эйзен-

штейн) для выявления смысла некоторого события; телевизионная культура – включение телезрителя в «поток событий». Основными свойствами кадра выступают его знаковая универсальность (т.е. использование в различных формах создания информации) и событийность, обеспечивающая сопричастность субъекта к воспринимаемой информации. Именно эти свойства кадра как культурного знака и определяют отличия медиакультуры от традиционной, классической культуры.

Необходимо дополнительно отметить и еще одну особенность кадра, а именно суггестивность создаваемого им образа, что приводит и к определенной инверсии восприятия, относительно которой П. Вирилио очень точно замечает: «Я уже не вижу плакат на стене… его изображение само на меня смотрит» [6, с. 112]. Благодаря преобладанию визуальной составляющей в информационном потоке «состоялось релятивистское слияние/смешение фактуального… и виртуального, “эффект реальности” возобладал над принципом реальности» [6, с. 108]. Именно об этом говорит и М. Кастельс как о технически созданной культуре виртуальной реальности: «Эта виртуальность и есть наша реальность» [8, с. 200]. Таким образом, указанное выше свойство событийности кадра можно подвергнуть определенному сомнению, поскольку благодаря постоянному техническому усовершенствованию и наращиванию плотности информационного потока сама бытийность незаметно для субъекта начинает трансформироваться в искусственно созданную действительность, которая обозначается как виртуальная реальность или киберпространство.

Таким образом, основные типы информационных культур определяются на основании ведущей знаковой системы кодировки информации, а именно: традиционная культура печатного слова и формирующая медиакультура (экранная культура) или культура кадра. Однако более точным представляется все-таки считать ведущей единицей знаковой системы медиакультуры образ, а не кадр по следующим причинам. Во-первых, термин «кадр» хорошо подчеркивает искусственность, сложную технологичность его производства, однако он «оставляет за скобками» самого субъекта (например, глядя на телеэкран, мы все-таки воспринимаем не смену кадров, а смену образов; тем более что и кадры как таковые быстро исчезают с развитием цифровых технологий). Во-вторых, если говорить о слове (как о ведущем знаке традиционной культуры) и об образе (как об основном знаке медиакультуры), то их можно привести к общему знаменателю, каковым является их включенность в психическую организацию субъекта. Слово, как это доказано в многочисленных теоретико-эмпирических исследованиях Л.С. Выготского и представителей его школы, выступает основным опосредствующим средством, преобразующим натуральные психические функции в культурные [9; 10]. Образ также является составляющим восприятия, памяти, представлений, мышления, воображения, самосознания [11–13]. И слово, и образ являются не только компонентами в структуре различных психических процессов, их объединяет также функция посредников между объективным и субъективным миром.

Таким образом, можно обозначить две в настоящее время сосуществующие информационные культуры, определяющие социокультурный контекст существования современного человека: культуру слова и культуру образа. При этом эти культуры находятся друг с другом в конкурирующих отношениях, о чем свидетельствуют результаты исследований современных читательских предпочтений русскоязычной аудитории, которые можно найти в соответствующих работах [14–16]. В качестве ведущих тенденций ученые отмечают, во-первых, редукцию чтения, и, во-вторых, его возрастающую

прагматизацию, преобладание инструментального аспекта («чтобы уметь») над познавательным («чтобы знать»), независимо от источника (бумажного или электронного).

Выбор культурного орудия как основание для психологической типологии

В социокультурной ситуации плюрализма информационных культур, оперирующих разными знаковыми системами, основанием для собственно психологической типологии представителей разных информационных культур может стать собственный выбор субъектом определенного культурного орудия. Это положение теоретически обосновано идеей Л.С. Выготского об орудии как средстве формирования высших психических функций, поскольку последователями ученого «фактически не уделялось должного внимания принципу свободного обращения индивида к орудию (использование знака или отказ от него, форма обращения со знаком и т.д.). Орудие рассматривалось Выготским как возможная точка приложения сил индивида, а сам индивид выступал как носитель активности» [17, с. 158–159].

Этот выбор в соответствии с культурно-исторической концепцией Л.С. Выготского может рассматриваться как отражение ненормированной социумом активности субъекта по «врастанию» в культуру и по «овладению» собственной психикой. Кроме этого, выбор орудия (слово или образ) одновременно задает и деятельность с ним (чтение или просмотр). И теоретически закономерно, что разные виды деятельностей формируют и субъектов с разными типами психической организации, с разными культурными функциями. Хотя если чтение – это точно деятельность, усложняющая психическую структуру овладевшего ею [10], то по поводу просмотра возникают определенные сомнения. Так, американский педагог и медиаэколог Н. Постман отмечает: «Для просмотра телевидения не требуется никакой подготовки, не требуется аналога букваря. Просмотр телевидения не требует никаких навыков и не вырабатывает никаких навыков. Именно поэтому нет такой вещи, как дополнительные занятия телевидением. И поэтому вы не смотрите телевидение сегодня лучше, чем 5 или 10 лет назад» [18]. Кстати, большинство пользователей Интернета также обозначают свою информационную активность через термин «просмотр»: «Просмотреть новости», «Посмотреть рекламу» и т.п.

Пересечение двух указанных координат: культурного орудия (вертикаль) и деятельности с ним (горизонталь) – позволяет выделить четыре типа субъектов, отраженных на схеме (рисунок).

<table>
<tr><td colspan="4">СЛОВО</td></tr>
<tr><td rowspan="2">ЧТЕНИЕ</td><td>1-й тип</td><td>2-й тип</td><td rowspan="2">ПРОСМОТР</td></tr>
<tr><td>4-й тип</td><td>3-й тип</td></tr>
<tr><td colspan="4">ОБРАЗ</td></tr>
</table>

Рисунок. – Представители информационных культур, определенные методом идеальных типов

Таким образом, определенные методом идеальных типов, согласно которому «тип – абстрактная конструкция, с которой сопоставляются изучаемые объекты» [1, с. 685], типы представителей информационных культур можно содержательно описать следующим образом.

1-й тип: человек, оперирующий словом как ведущей знаковой системой и не знакомый с медиатехнологиями. Благодаря повсеместности распространения различных

медиаустройств, в том числе и ТВ. Даже среди представителей пожилого поколения сегодня это уже практически исчезающий вид.

2-й тип: субъект, выбирающий слово в качестве предпочитаемого культурного орудия и владеющий деятельностью просмотра. Именно этот тип описывается как информационно грамотная личность, т.е. является идеальным типом для информационного общества.

3-й тип: человек, отдающий предпочтение медиаобразу и деятельности просмотра. Как и первый, данный тип фактически не существует в реальности в чистом виде, ибо, пока существует обязательное образование, каждый, даже человек страдающий дислексией, как минимум будет знаком с алфавитом. Однако в этот тип очевидно попадают функционально неграмотные люди, число которых постоянно увеличивается [15; 16]. Сюда же относятся и лица с различными вариантами техногенных аддикций.

4-й тип: субъект, предпочитающий в качестве культурного орудия медиаобраз, но владеющий письменной речью. Это категория алитератов [19], т.е. людей, обращающихся к письменному слову только под давлением жизненных обстоятельств.

Таким образом, на основании выбора предпочитаемого культурного орудия представителей первого и второго типов можно обозначить как «человек читающий». Соответственно третий и четвертый из выделенных типов, отдающих свой выбор медиаобразу, можно объединить в общий тип «человека просматривающего».

Возможности операционализации понятия «представитель информационной культуры»

Эмпирически обнаружить теоретически выделенные обобщенные типы человека читающего и человека просматривающего как представителей разных информационных культур можно в ситуации самостоятельного выбора, при соблюдении следующих условий. Во-первых, это должна быть гипотетическая ситуация свободного времени. Поскольку сегодня большинство в силу учебных или профессиональных обязанностей одновременно и читают, и работают на компьютере (пользуются мобильными телефонами), то это действительно должно быть пространство «ненормированной социумом активности». Во-вторых, в инструкции следует оговаривать именно выбор деятельности, а не источника информации, поскольку в настоящее время существует большое разнообразие информационных носителей. Некоторые печатные издания, например, глянцевые журналы, по своей образности и минимальности собственно печатного текста, приближаются к телевидению. Как отметил один из опытных читателей, который просматривал подобный журнал: «Я не умею так быстро листать, как быстро заканчивается информация». В то же время некоторые электронные издания, например, электронные книги или гипертексты по своей форме близки к традиционным книгам.

Респондентами в проведенном исследовании выступали взрослые люди в возрасте от 35 до 60 лет (n = 300; из них 172 женщины и 128 мужчин). Все имеют высшее образование и работают по специальности: педагоги, медики, инженеры, экономисты. Им предлагалась для анализа такая ситуация: «Вы пришли домой. У вас несколько часов абсолютно свободного времени. И у вас есть только два варианта, как провести его: либо что-нибудь почитать, либо включить телевизор/компьютер и что-нибудь посмотреть». Содержание (что именно читать или смотреть) намеренно не озвучивалось, поскольку целью являлось выявление наиболее предпочитаемой знаковой информационной системы: вербальной или мультимодальной. Респондентов просили уточнить этот выбор в двух ситуациях разного психоэмоционального состояния: 1) «вы в хорошем на-

строении, работоспособны, энергичны»; 2) «вы расстроены, чем-то подавлены, утомлены». Анализ данных анкетирования выявил, что из 300 опрошенных взрослых только 9 %, независимо от актуального психоэмоционального состояния, выбирают слово в качестве «своей» знаковой системы, т.е. являются «истинными» читателями. 38 % опрошенных всегда отдают предпочтение медиаустройствам. Больше половины респондентов, как и следовало ожидать, представляют собой смешанный тип: 15 % предпочитают читать в негативном состоянии, а 38 % – в позитивном. Выбор большинством представителей смешанного типа слова в качестве культурного орудия в позитивном психоэмоциональном состоянии можно считать обусловленным особенностями чтения как сложной деятельности, требующей для своей реализации даже от владеющего ей субъекта определенных усилий и самоорганизации.

Следует отметить, что полученные эмпирические данные явно не соответствуют параметрам нормального распределения и не отвечают «формуле одной трети», согласно которой примерно одна треть населения любит и умеет читать, другая треть делает это плохо и от случая к случая, и, наконец, еще одна треть не читает фактически ничего [14; 15]. Эти результаты выступают еще одним подтверждением доминирования культуры медиаобраза над культурой печатного слова.

Заключение

В качестве оснований психологической типологии представителей разных информационных культур могут выступать выбор субъектом культурного орудия (печатное слово или медиаобраз) и, соответственно, задаваемая этим культурным орудием деятельность (чтение или просмотр). Пересечение указанных координат позволяет дифференцировать два «чистых» типа: «человек читающий» и «человек просматривающий» – и два промежуточных.

В существующей социокультурной ситуации «чистые» типы фактически не встречаются, однако представителей промежуточных типов на основании самостоятельного выбора предпочитаемого культурного орудия в свободной ситуации можно характеризовать как носителей культуры слова/медиаобраза. Подобная дифференциация представляется значимой не только для организации дальнейших исследований в области моделирования перспектив развития человека, но также и для практического использования в разных сферах социальной жизни, которая в настоящее время нередко имеет характер неоправданной медиатизации субъекта.

Эмпирически установлено, что даже в нерепрезентативной, по сравнению с общей популяцией, выборке взрослых, профессионально занимающихся умственными видами труда, только каждый десятый может быть отнесен к типу «человек читающий», в то время как каждый четвертый – к типу «человек просматривающий». Это позволяет говорить о том, что скоро психологии предстоит встретиться с совершенно новым, пока неизвестным типом человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева [и др.]. – М. : Совет. Энцикл., 1983. – 840 с.

2. Юнитер. Телекоммуникационный сектор. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uniter.by/up-load/iblock/897/897484245b3bc2c37632a063c962d-811.pdf. – Дата доступа: 22.10.2015.

3. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека : пер. с англ. / М. Маклюэн. – М. : Жуковский : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. – 464 с.

4. Бодрийяр, Ж. Почему все еще не исчезло? : пер. с фр. [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: http://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiiar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo. – Дата доступа: 05.05.2015.

5. Основы воздействия СМИ : пер. с англ. / М. Брайант [и др.]. – М. : Вильямс, 2004. – 225 с.

6. Вирилио, П. Машина зрения / П. Вирилио. – СПб. : Наука, 2004. – 140 с.

7. Кирилова, Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика / Н. Б. Кирилова. – М. : Академ. проект : Культура, 2008. – 469 с.

8. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе : пер. с англ. / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.

9. Выготский, Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка / Л. С. Выготский // Психология развития человека. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2005. – С. 828–891.

10. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : МГУ, 1979. – 320 с.

11. Леонтьев, А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. – 1979. – № 2. – С. 3–13.

12. Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–20.

13. Смирнов, С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М. : МГУ, 1985. – 231 с.

14. Гудков, Л. Д. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин // Нов. лит. обозрение. – 2005. – № 74. – С. 166–202.

15. Дубин, Б. В. Чтение в России – 2008. Тенденции и проблемы / Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – М. : Межрегион. центр библ. сотрудничества, 2008. – 80 с.

16. Стельмах, В. Д. Читатель и современное литературное сообщество: возможности диалога / В. Д. Стельмах // Читающий мир и мир чтения : сб. ст. по материалам междунар. конф., Санкт-Петербург, июнь 2002 г. – М. : Рудомино, 2003. – С. 145–156.

17. Петровский, А. В. Психология в России. XX век / А. В. Петровский. – М. : УРАО, 2000. – 312 с.

18. Постман, Н. ТВ формирует новый тип личности – взрослого ребенка : пер. с англ. [Электронный ресурс] / Н. Постман. – Режим доступа: http://media-ecology.blogspot.com.by/2011/02/blogpost_17.html. – Дата доступа: 18.12.2015.

19. Пацлаф, Р. Застывший взгляд: физиологическое влияние телевидения на развитие детей : пер. с нем. / Р. Пацлаф. – М. : Evidentis, 2003. – 220 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Medvedskaya E.I. **The Typology of Representatives of Information Cultures: the Theoretical Modeling and Possibilities of Operationalization**

The article presents a theoretical justification for the differentiation of representatives of two coexisting information cultures: the traditional culture of the printed word and the emerging culture of the media image. As the basis for the typology, two coordinates are used: 1) human's selection of the cultural instrument (word/image) and 2) the activity chosen (reading/watching). There have been identified two types of ideal representatives (taking into account different information cultures), such as «the person reading» and «the person watching». The results of an empirical study demonstrate the fact that there is a tendency to the dominance of media culture representatives even among adults with higher education occupied in the spheres of intellectual work.

УДК 159.9:316.6

Г.В. Лагонда
канд. психол. наук, доц., доц. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: gleblagonda@tut.by

СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МАТЕРЕЙ В СЕМЬЯХ С РАЗЛИЧНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ ДЕТЕЙ

В основе статьи лежат результаты эмпирического исследования субъективного благополучия женщин в зависимости от количества воспитываемых детей. Рассмотрена сущность и структура феномена «субъективное благополучие». Определены параметры, характеризующие субъективное благополучие человека. Отобраны методики, позволяющие исследовать выделенные параметры. Описан дизайн исследования. Представлены результаты обработки первичных эмпирических данных методами математической статистики. Сделаны обоснованные выводы, согласно которым субъективное благополучие женщины-матери тем ниже, чем больше детей она воспитывает.

Введение

В последние десятилетия проблема субъективного благополучия все чаще становится предметом исследования психологов. Это вызвано острой для психологической науки и практики необходимостью в определении того, что служит основанием для внутреннего равновесия личности, из чего оно складывается. Психологу крайне важно понимать, какие эмоционально-оценочные отношения лежат в основе субъективного ощущения счастья, каким образом оно участвует в регуляции поведения, каковы пути его достижения.

Широкий круг авторов занимался исследованием проблемы субъективного благополучия, его места в системе психологического знания, изучением взаимосвязи данной категории с различными аспектами бытия личности, рассмотрением факторов, оказывающих непосредственное влияние на переживание субъективного благополучия или неблагополучия отдельно взятым человеком. Хорошо известны работы по данной проблематике М. Аргайла, Д. Кэмпбелла, К. Роджерса, Э. Динера, Р. Шварца, Р.М. Шамионова, Т.А. Молодиченко и др.

При этом по-прежнему актуальным и не до конца разрешенным остается вопрос о месте категории субъективного благополучия в системе психологического знания, о соотношении данной категории с родственными данному понятиями счастья, удовлетворенности жизнью, общего благополучия, психологического благополучия. Также при достаточной изученности вопроса факторов формирования уровня субъективного благополучия личности, взаимосвязи его уровня с другими показателями личной сферы человека (С.В. Яремчук, Г.В. Пучкова, К.А. Колосова, О.И. Орлова, С.С. Костина, Е.Н. Осин, Е.О Смолева) остается нерешенным вопрос о содержании переживания субъективного благополучия во взаимосвязи с конфигурацией семьи (в частности, специфика субъективного благополучия женщин-матерей с различным количеством детей).

В настоящее время существует множество научных исследований, посвященных феномену материнства, а также его особенностям. Так, достаточно широко в научных работах представлены материалы о пренатальном периоде материнства, о наблюдении за развитием ребенка, кормлении, вынашивании и материнской функции в этом контексте (Г.Г. Филиппова, Г.И. Брехман, О.В. Баженова, И.В. Добряков, Ж.В. Колесова, Л.В. Наумова, Т.В. Сколбо). Материнство исследуется в рамках детской психологии,

выделяются аспекты данного феномена в связи с возрастом ребенка (А.Я. Варга, В.И. Гарбузов, А.Д. Кошелева, И.Ю. Ильина, Г.А. Свердлова, А.С. Спиваковская), где особое внимание направлено на эмоциональное состояние матери и его влияние на развитие личности ребенка. Также появляются исследования, в которых материнство рассматривается как самостоятельный психологический феномен (С.Ю. Мещерякова, А.С. Спиваковская, О.Е. Смирнова). В то же время вопросам личностных переживаний женщин-матерей уделяется значительно меньший объем научного внимания. Специфика многодетного материнства если и рассматривается в рамках психологических исследований, то в основном с позиции положения детей в семьях с такой конфигурацией.

Многодетные семьи на сегодняшний день остаются относительно редкой категорией семейных систем. В контексте особенностей многодетного родительства, его субъективных и объективных сложностей не является неожиданным замещение в общественном сознании семейных ценностей ценностями личностного и карьерного роста, саморазвития, ориентация современных семей на малодетное родительство вплоть до отказа от родительства как такового. В целях повышения престижности многодетного материнства в сознании людей представляет интерес исследование личностных переживаний женщин, их специфики, в частности содержание переживания субъективного благополучия у матерей из малодетных и многодетных семей.

Насколько комфортным представляется многодетным мамам их положение, их жизненные обстоятельства? Насколько счастливыми и удовлетворенными они себя ощущают? Как необходимо выстроить работу с женщинами, которые лишь планируют стать мамами? Какую поддержку, и что немаловажно, в каких преимущественно аспектах, необходимо оказать многодетным женщинам с целью улучшения их качества жизни, их субъективной оценки своего благополучия, положения в обществе? Подобного рода вопросы по-прежнему остаются за рамками научных исследований. Однако без их решения сложно формировать условия для улучшения обстоятельств жизни матерей, повышения их субъективного уровня благополучия.

Теоретические основания, цель и дизайн исследования

Осуществленное нами эмпирическое исследование имело целью выявить различия в субъективном благополучии многодетных и малодетных матерей, а также бездетных замужних женщин.

Анализируя существующие подходы к психологическому пониманию категории «субъективное благополучие», мы сделали выбор в пользу позиции Р.М. Шамионова, как наиболее четкой и многосторонней. Он предлагает следующее определение субъективного благополучия: это понятие, выражающее эмоционально-оценочное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности. Это интегральное социально-психологическое образование личности, содержащее в себе три компонента (когнитивный, эмоциональный, поведенческий) и характеризуется субъективностью, позитивностью и глобальностью измерения [1].

Следует отметить, что в научной психологии существуют и иные взгляды на структуру субъективного благополучия. В частности, Ю.В. Бессонова выделяет три его уровня-аспекта (физический, психологический и социальный), что согласуется с подходом к внутренней структуре личности [2]. Для характеристики психологического благополучия зачастую используют такие объективные показатели, как успешность, пока-

затели здоровья, материального достатка, включенности в социальные структуры и т.д. Но переживание благополучия в значительной мере обусловлено особенностями отношений личности к себе, окружающему миру в целом и его отдельным сторонам. Все внешние факторы благополучия при любых объективных характеристиках по самой природе психики не могут действовать на переживание благополучия непосредственно, но лишь через субъективное восприятие и субъективную оценку, которые обусловлены особенностями всех сфер личности. Другими словами, благополучие личности по самой своей природе является прежде всего субъективным.

Из всех предлагаемых критериев оценки субъективного благополучия мы акцентируем свой интерес на двух, с нашей точки зрения, самых главных: когнитивном и эмоциональном. Когнитивный компонент детерминирует представления об отдельных сторонах своего бытия, самоощущение целостности и осмысленности индивидом своей жизни, субъективное знание о благополучности тех или иных ее областей. Эмоциональный компонент предопределяет доминирующий эмоциональный тон отношений к сторонам своей жизни, окружению, себе.

В соответствии с таким подходом мы отобрали две методики, позволяющие осуществить диагностику компонентов субъективного психологического благополучия:

1. «Шкала психологического благополучия Рифф» (в версии Шевеленковой – Фесенко);

2. «Шкала субъективного благополучия М.В. Соколовой» (ШСБ).

Первая методика направлена преимущественно на оценку когнитивной составляющей переживания благополучия и включает в себя такие субшкалы, как положительные отношения с другими», «автономия», «управление окружением», «личностный рост», «цель в жизни», «самопринятие» и шкала общего психологического благополучия личности [3].

Вторая методика (ШСБ) представляет собой скрининговый психодиагностический инструмент для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия. Она оценивает качество эмоциональных переживаний человека в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до подавленности, раздражительности и ощущения одиночества. В данную методику включены такие субшкалы, как:

1) напряженность и чувствительность (субъективное переживание тяжести выполняемой работы, необходимость взаимодействовать с другими, потребность в уединении);

2) признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику (нарушения сна, субъективно переживаемое чувство беспредметного беспокойства, чрезмерная острота реакций на незначительные препятствия и неудачи, нарастающее переживание усиления рассеянности);

3) изменения настроения (ухудшение настроения, значительное снижение оптимистического модуса восприятия);

4) значимость социального окружения (совместное решение проблем, переживание одиночества, отношения с семьей и друзьями);

5) самооценка здоровья (общее переживание здоровья, вопрос «физической формы»);

6) степень удовлетворенности повседневной деятельностью (переживание скуки в повседневной деятельности, настроение по утрам, собственно удовлетворенность повседневной деятельностью).

Также рассчитывается общий уровень субъективного благополучия личности [4].

Сбор эмпирических данных осуществлялся в период с января по апрель 2017 г. В соответствии с целью работы были сформированы три группы респондентов, в каждой из которых проводилось измерение показателей субъективного благополучия с помощью отобранного нами диагностического инструментария.

В исследовании приняло участие 150 женщин, из которых в первую выборку вошли респонденты, имеющие 3 и более детей (многодетные матери). Во вторую группу были включены женщины, воспитывающие 1 или 2 детей (малодетные матери). Третью группу составили замужние женщины, не имеющие детей. В каждую из выборок входили по 50 человек. Диапазон возраста респондентов в выборке многодетных матерей – 35–36 лет, в выборке малодетных матерей – 31–42 года, в выборке бездетных замужних женщин – 24–78 лет.

После сбора первичных первичных эмпирических данных была осуществлена их статистическая обработка с использованием F-критерия Фишера. Он направлен на выявление различий сравниваемых массивов значений двух выборок по величине среднего, а также по отклонению значений от среднего в каждой из выборок (по величине дисперсий), что в нашем исследовании позволяет сделать вывод о достоверности различий результатов, полученных в выборках малодетных, многодетных матерей и женщин, не имеющих детей. Обработка данных происходила с помощью программы Microsoft Excel 2010.

Основные результаты исследования

Первыми будут рассмотрены результаты, полученные при использовании методики «Шкала психологического благополучия» Рифф (в версии Шевеленковой – Фесенко).

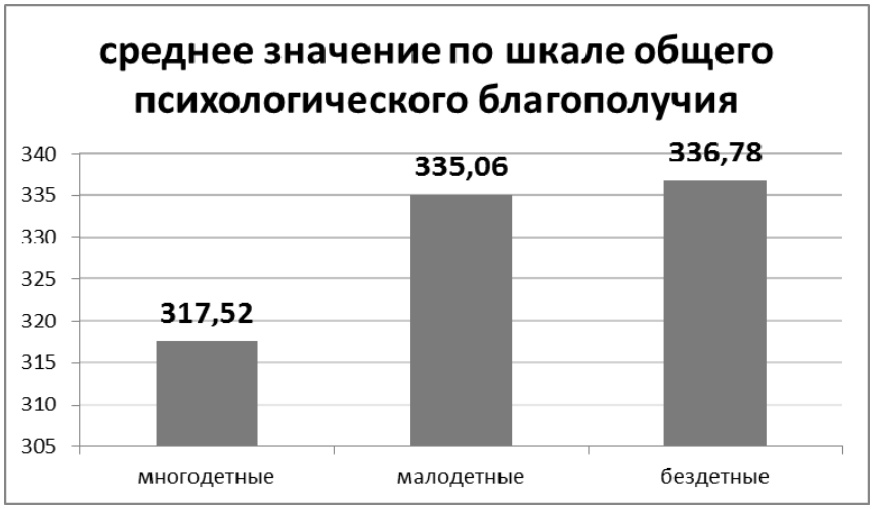


Рисунок 1. – Средние значения в выборках испытуемых по «Шкале психологического благополучия» Рифф (в версии Шевеленковой – Фесенко)

На диаграмме рисунка 1 наглядно представлены соотношения между тремя выборками испытуемых по интегральному показателю субъективного благополучия. Полученные средние значения почти одинаковы для подгрупп бездетных женщин и малодетных матерей. Данные, полученные на подвыборке многодетных матерей, сущест-

венно отличаются в меньшую сторону. Несколько иначе ситуация выглядит при расщеплении результатов на субшкалы.

Рисунок 2 демонстрирует, что многодетные матери уступают испытуемым двух других групп в удовлетворенности такими аспектами жизни, как автономия, управление средой, личностный рост и цели в жизни. Такое положение дел не вызывает удивления. При наличии трех и более детей женщина не может себе позволить автономности. В таких условиях среда управляет ею, а не наоборот (в том числе и относительно построения тактических и стратегических целей).

Все эти цели так или иначе оказываются «завязанными» на детях. У многодетной матери для личностного роста банально не хватает времени. Зато у бездетных женщин для личностного роста и выстраивания собственных жизненных ориентиров времени и пространства предостаточно, что и демонстрирует соответствующий график. На наш взгляд, интересным является тот факт, что малодетные матери больше остальных удовлетворены позитивными отношениями с окружающими. Похоже, воспитание одного-двух детей является хорошей школой взаимодействия, но при этом не «замыкает» женщину исключительно вовнутрь семейной системы.

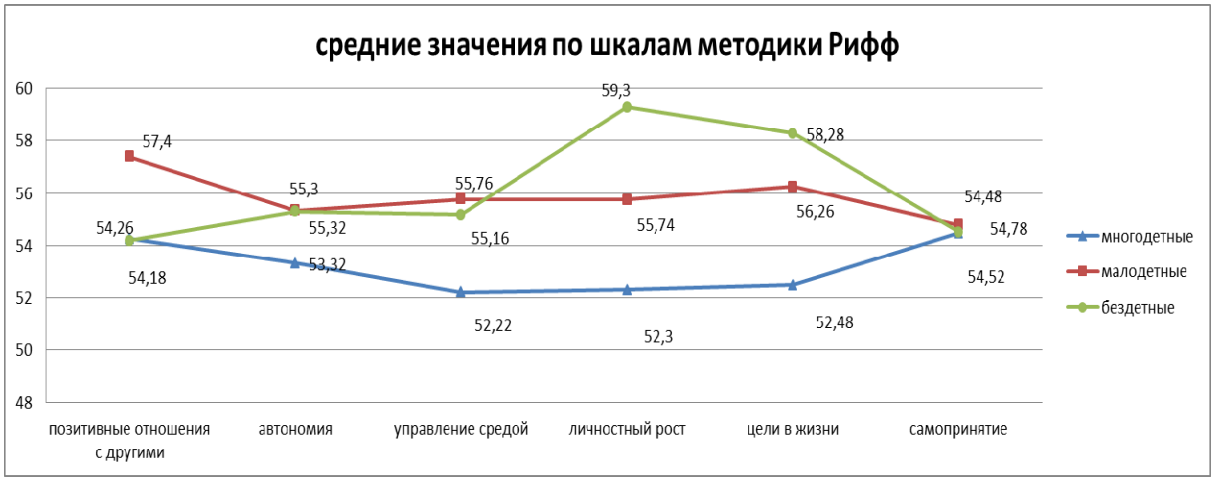


Рисунок 2. – Средние субшкальные значения в выборках испытуемых по «Шкале психологического благополучия» Рифф (в версии Шевеленковой – Фесенко)

Необходимо признать, что представленные диаграмма и графики отражают лишь определенные тенденции. О существовании закономерностей можно говорить только после обработки данных методами математической статистики. Мы проводили попарное сравнение результатов.

При сравнении выборок ***малодетных и многодетных*** матерей с помощью F-критерия Фишера были получены следующие его значения: «позитивные отношения с другими» (1,65), «автономия» (1,38), «управление средой» (1,79), «личностный рост» (1,71), «цели в жизни» (1,84), «самопринятие» (0,05), «интегральная шкала психологического благополучия» (2,15).

Для данной выборки испытуемых критическое значение F-критерия Фишера при пятипроцентном уровне статистической достоверности равно 1,61, при однопроцентном – 1,97. Таким образом, можно утверждать, что многодетные матери по сравнению с малодетными менее благополучны в таких аспектах своей жизни, как «позитив-

ные отношения с другими», «управление средой», «личностный рост» и «цели в жизни». Все это негативно сказывается и на их психологическом благополучии в целом.

При сравнении выборок ***многодетных и бездетных женщин*** были определены следующие величины F-критерия Фишера: «позитивные отношения с другими» (0,14), «автономия» (1,39), «управление средой» (1,61), «личностный рост» (2,6), «цели в жизни» (2,34), «самопринятие» (0,07), «общая шкала психологического благополучия» (2,18). Следовательно, многодетные матери по сравнению с бездетными женщинами чувствуют себя менее благополучными в таких сферах жизни, как «управление средой», «личностный рост» и «цели в жизни», что также приводит к общему переживанию субъективного неблагополучия.

Наконец, сравнение выборок ***малодетных и бездетных женщин*** дало следующие результаты: «позитивные отношения с другими» (1,65), «автономия» (0,06), «управление средой» (0,15), «личностный рост» (1,81), «цели в жизни» (1,39), «самопринятие» (0,06), «шкала психологического благополучия» (0,018). Соответственно, можно утверждать (с учетом соотношения графиков), что бездетные женщины по сравнению с малодетными матерями чувствуют себя более благополучными в плане «личностного роста» и менее благополучными в «позитивных отношениях с окружающими». В итоге же интегральное переживание субъективного благополучия у женщин этих двух групп оказывается примерно равным.

Аналогичным образом обрабатывались результаты, полученные с помощью методики «Шкала субъективного благополучия» М.В. Соколовой (ШСБ).

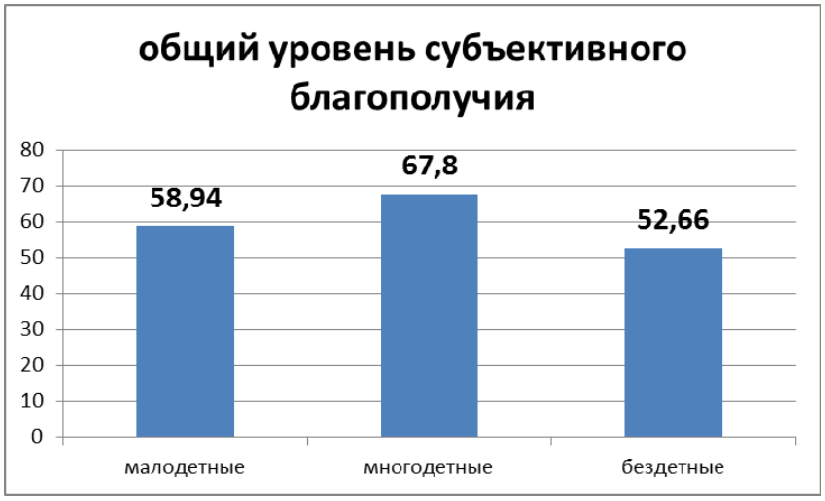


Рисунок 3. – Средние значения в выборках испытуемых по «Шкале субъективного благополучия» М.В. Соколовой (ШСБ)

Прежде чем интерпретировать диаграмму, следует заметить, что в использованной методике выраженность субъективного благополучия и количество набранных испытуемыми баллов находятся в обратнопропорциональных отношениях.

Соответственно, диаграмма, представленная на рисунке 3, свидетельствует о том, что общий уровень субъективного благополучия женщин тем ниже, чем большее число детей она растит и воспитывает.

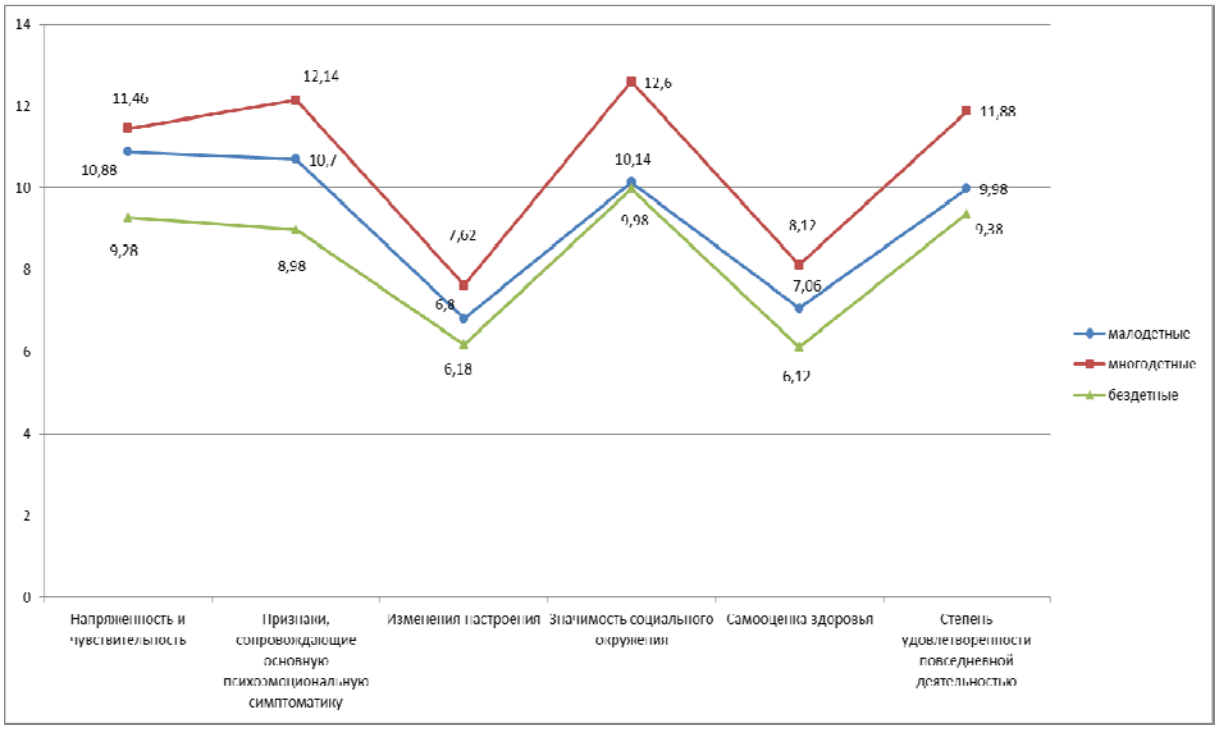


Рисунок 4. – Средние субшкальные значения в выборках испытуемых по «Шкале субъективного благополучия» М.В. Соколовой (ШСБ)

Более детальными результаты становятся, при анализе эмпирических данных по каждой из шести включенных в методику субшкал. Эти данные представлены на графиках рисунка 4. На рисунке отчетливо видно, что конфигурация графиков похожи друг на друга и подтверждают тенденцию, выявленную по параметру «общий уровень субъективного благополучия». Однако о закономерностях правомерно говорить лишь после обработки данных методами математической статистики.

При сравнении результатов, полученных на выборках ***многодетных и малодетных матерей***, F-критерий Фишера показал отсутствие значимых различий величин дисперсий для всех субшкал методики. Аналогичные результаты дало сравнение подгрупп ***малодетных матерей и бездетных женщин***. Некоторые различия оказались статистически значимыми лишь при сопоставлении выборок ***многодетных матерей и замужних бездетных женщин***.

Нами были получены следующие величины F-критерия Фишера: «напряженность и чувствительность» (1,45), «признаки, сопровождающие основную психо-эмоциональную симптоматику» (1,72), «изменения настроения» (1,19), «значимость социального окружения» (1,58), «самооценка здоровья» (1,39), «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» (1,53), «общий уровень субъективного благополучия» (1,42). Критические значения критерия для пяти- и однопроцентного уровней статистической достоверности равны соответственно 1,61 и 1,97.

На основании статистической обработки первичных эмпирических данных можно утверждать, что признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику (нарушения сна, субъективно переживаемое чувство беспредметного беспокойства, чрезмерная острота реакций на незначительные препятствия и неудачи, нарас-

тающее переживание усиления рассеянности) достоверно более выражены у многодетных матерей по сравнению с бездетными замужними женщинами.

Заключение

В ходе проведенного эмпирического исследования нами изучены двенадцать параметров субъективного благополучия женщин, воспитывающих разное количество детей. Качественный анализ материала выявил общую тенденцию, в соответствии с которой субъективное благополучие женщины снижается по мере увеличения количества детей в семье. Обработка данных методами математической статистики позволила выделить в рамках данной тенденции достоверные закономерности. Мы можем утверждать следующее:

1) многодетные матери в отличие от малодетных менее позитивно относятся к окружающим, испытывают большие трудности в управлении средой, считают, что сталкиваются с проблемами личностного роста и постановки жизненных целей;

2) по сравнению с бездетными замужними женщинами многодетные матери думают, что хуже управляют средой, личностным ростом и жизненным целеполаганием, а также испытывают более выраженные признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику (нарушения сна, субъективно переживаемое чувство беспредметного беспокойства, чрезмерная острота реакций на незначительные препятствия и неудачи, нарастающее переживание усиления рассеянности);

3) в сравнении с бездетными замужними женщинами малодетные матери характеризуются меньшей удовлетворенностью личностным ростом, но более позитивными отношениями с окружающими людьми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р. М. Шамионов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – 240 с.

2. Бессонова, Ю. В. О структуре психологического благополучия / Ю. В. Бессонова // Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве : сб. ст. / сост. Ю. В. Братчикова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2013. – С. 30–36.

3. Фесенко, П. П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности : дис. … канд. психол. наук : 19.00.01 / П. П. Фесенко ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2005. – 206 л.

4. Соколова, М. В. Шкала субъективного благополучия / М. В. Соколова. – Ярославль : Психодиагностика, 1996. – 11 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Lagonda G.V. **Specificity of Subjective Well-being of Mothers in Families with Various Number of Children**

The article is based on the results of an empirical study of the subjective well-being of women, depending on the number of children being raised. The essence and structure of the phenomenon of «subjective well-being» is considered. The parameters characterizing the subjective well-being of a person are determined. Methods chosen to investigate the selected parameters are selected. The design of the study is described. The results of processing primary empirical data by methods of mathematical statistics are presented. Well-founded conclusions are drawn, according to which the subjective well-being of a woman-mother decreases as the number of children being raised increases.

УДК 159.92

Н.В. Былинская
канд. психол. наук, доц., доц. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: soloves_@mail.ru

ФЕНОМЕН ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Осуществлен анализ существующих в психологической науке традиционного, альтернативного и психосемантического подходов к изучению феномена имплицитных теорий личности. Рассмотрен ряд психологических исследований, посвященных выявлению механизмов возникновения и функционирования имплицитных теорий личности, существующих у субъектов социального восприятия. Представлены эмпирические методы исследования имплицитных теорий личности, используемые зарубежными и отечественными учеными, открывающие новые возможности для исследования личности.

Феномену «имплицитные теории личности» посвятили свои исследования многие ученые в области психологии (Д. Баннистер, Дж. Брунер, Ю.А. Калашникова, Дж. Келли, И.М. Кондаков, Ф. Франселла, А.Г. Шмелев и др.). Однако впервые термин «имплицитная теория личности» (ИТЛ) был предложен Дж. Брунером и Р. Тагиури в 1954 г. Под ним авторы понимали существующие у субъекта восприятия представления о связях между чертами характера оцениваемого субъекта и использовали его для обозначения наивных, обыденных, ненаучных знаний о психологии человека [17]. За всю историю изучения феномена ИТЛ в качестве синонимов данному понятию использовались такие понятия, как «иллюзорные корреляции», «наивная концепция личности», «теория личности здравого смысла», «личная теория», «эталон», «схема личности» и т.д. Многообразие этих терминов отражает основное содержание формулировки понятия «имплицитная теория личности», представленной в современной психологической литературе: ИТЛ – это набор предпосылок, основанных на наших представлениях о связи одних характеристик личности с другими характеристиками [7, с. 118]; ИТЛ складывается преимущественно бессознательно и позволяет сформировать целостное впечатление о другом человеке на основании частичной, иногда отрывочной информации о его личностных особенностях [11, с. 135].

В отличие от научных, эксплицитных теорий имплицитные теории формируются в обыденной жизни людей на основе их субъективного опыта взаимодействия с окружающей реальностью [8]. Вместе с тем и имплицитная, и эксплицитная теории представляют собой систему значений, позволяющую субъекту конструировать, объяснять и предсказывать события окружающей действительности. При этом научная теория какого-то психологического процесса представляет собой теоретический конструкт (понятие, суждение, умозаключение и пр.), сформулированный специалистом на основании объективных показателей, а имплицитная теория – это конструкт, сформулиро-ванный непосредственно самим субъектом относительно какого-либо предмета или явления [6]. Результатом научной теории являются явно выраженные эксплицитные знания (понятия, суждения и пр.), осознаваемые и вербализуемые ученым с целью описания и объяснения изучаемых им событий, тогда как результатом имплицитной теории выступают неявные, слабо рефлексируемые личностные знания и представления человека относительно происходящего в окружающем мире. Каждая из этих двух форм знаний, будучи представленной на разных уровнях человеческого сознания (эксплицит-

ное – преимущественно на осознаваемом; имплицитное – преимущественно на бессознательном), носит взаимодополняющий и взаимовлияющий характер. Взаимосвязь этих различных по способу формирования форм знаний была зафиксирована еще Л.С. Выготским, который считал, что научные знания опираются на житейские знания и в конечном итоге проверяются именно житейским опытом [4, с. 263]. Явно выраженные научные знания – «чужие», надиндивидуальные, сформированные внутри культурного целого, – являются внешним вектором, направляющим деятельность человека и обеспечивающим осознание ее целей и задач. Житейские знания – живые, личные, обретенные опытным путем, – выступают своеобразным инструментом (орудием) деятельности конкретного индивида [10, с. 245]. Теоретически механизм перехода научного знания в имплицитное можно описать следующим образом. В ситуации дефицита информации, необходимой человеку для общения и деятельности, у него наличествует готовность к получению знаний, актуальных в данное время. В этом случае познающий субъект, обращаясь к знанию, существующему в понятиях, суждениях и теориях, в силу собственной индивидуальности, жизненного опыта и прочих факторов, по-своему интерпретирует и усваивает это знание, придавая ему личностный смысл. Данный когнитивный процесс сопровождается выработкой определенного отношения субъекта к новой информации, ее субъективным оцениванием с точки зрения полезности или наоборот. В результате подобного процесса знание становится присвоенным, личным, включенным в структуру различных имплицитных теорий, в том числе и в структуру имплицитных теорий личности. Такая трансформация эксплицитных знаний в имплицитные уточняет имеющиеся у индивида когнитивные представления об окружающей действительности, влияя тем самым на его поведение и деятельность. Если подобная трансформация знаний касается субъективных представлений о психологии личности (своей или другого человека), то можно говорить о возможности уточнения имплицитных теорий личности, существующих в сознании субъекта межличностного взаимодействия.

Необходимо отметить, что идея о существовании ИТЛ возникла до появления самого понятия в научном психологическом лексиконе. В 1946 г. С. Аш предложил теорию центральных черт личности, объясняющую, как у людей на основе совокупности личностных качеств формируется впечатление о других. При этом личностные характеристики, являющиеся центральными, консолидируют вокруг себя периферийные качества, изменяют их значение, тем самым образуя организованные смысловые системы и целостное представление о другом человеке [16]. Критикуя концепцию «центральных черт», Дж. Уишнер и И. Минч подвергли сомнению существование центральных черт, считая их вторичными по отношению к совокупности коррелирующих между собой характеристик впечатления [19]. Подтверждением выступает позиция Дж. Брунера и Р. Тагиури, которые описали своеобразную логику наблюдателя, согласно которой, существование одних качеств личности предполагает наличие либо отсутствие других черт. Представление человека о связях между различными характеристиками воспринимаемого и оцениваемого индивида Дж. Брунер и Р. Тагиури назвали имплицитной теорией личности. Данная позиция зарубежных ученых позволила значительно продвинуться в понимании особенностей имплицитных теорий личности. Некоторые исследователи (Н. Гейдж, Д. Крейч, Л. Кронбах и др.) стали активно изучать содержание и структуру впечатлений и представлений о другом человеке *методом свободных характеристик* с последующим применением методов статистического анализа. В результате этого в середине прошлого столетия накопленный эмпирический материал о ряде со-

держательных и структурных компонентов имплицитной теории личности и интерес ученых к данному явлению привели к получению ИТЛ статуса самостоятельной проблемы в русле психологии межличностного познания.

Интерес к ИТЛ как к форме хранения социальной информации о других людях в значительной степени проявился в рамках психологии здравого смысла и психологии обыденного сознания. Одной из основных потребностей человека представители данного направления психологии (К. Дейвис, Э. Джонс, Ф. Хайдер и др.) считали потребность в построении непротиворечивой картины мира, а основным инструментом познания людей – имплицитную теорию личности. ИТЛ стали понимать как бессознательную, иерархическую систему представлений о психической организации личности, которая включает четыре уровня: 1) общие представления о человеческой природе (о ее сложности, изменчивости и пр.); 2) представления о типичных ценностях, мотивах и нормах; 3) представления о связях между личностными характеристиками; 4) стереотипы внешности, поведения и т.п. [5]. Такое понимание содержания ИТЛ сторонниками психологии здравого смысла позволяло считать данный феномен, с одной стороны, *инструментом* создания наивным наблюдателем целостного образа объекта восприятия, с другой – *средством* атрибуции причин поведения, поступков, личностных качеств, представлений и т.д. Кроме этого, исследователями было выявлено, что содержание имплицитных теорий личности зависит от ряда факторов, определяющих их многообразие: индивидных и индивидуальных свойств личности, социальной роли, статуса в группе, образования, национальности, жизненного опыта и пр. [17; 18]. Это значительно расширило содержание понятия «имплицитная теория личности». Однако в рамках традиционного направления ученые так и не смогли систематизировать полученные данные, описать механизм возникновения и функционирования ИТЛ и создать четко сформулированную концепцию.

В работах Дж. Келли и его последователей в рамках альтернативного подхода была развита мысль Дж. Брунера и Р. Тагиури об индивидуально-личностных эталонах восприятия окружающего мира и разработан *«Репертуарный тест ролевого конструкта»* как способ реконструкции имплицитных теорий личности. Каждый человек, по мнению Д. Баннистер, Дж. Келли, Ф. Франселлы, создает и перестраивает различные имплицитные теории, которые составляют иерархическую систему личностных конструктов [2; 15]. Благодаря данным системам, становится возможным прогнозировать события, строить свое поведение, оценивать результаты действий и корректировать способы интерпретации. В целом созданный в рамках альтернативного подхода исследовательский инструментарий открыл новые возможности в изучении т.н. неосознаваемых представлений и индивидуальных теорий человека, позволил сопоставить полученные результаты у разных категорий испытуемых при сохранении индивидуальной специфичности системы конструктов, а также продемонстрировал возможность модификации методик в соответствии с конкретными целями того или иного исследования.

Существенный вклад в анализ имплицитных социальных концепций внесла теория «социальных представлений», предложенная С. Московичи. В этой теории подчеркивается потребность человека понять смысл, иметь ясную и непротиворечивую картину мира. При этом социальное представление не является мнением отдельного человека, а выступает мнением группы индивидов, общим видением реальности, присущим данной группе и интериоризуемым индивидом в процессе социализации и жизненного опыта [12, с. 377]. С. Московичи предложил трехкомпонентную модель социальных представлений, включающую: информацию об объекте представления; установки, ко-

торые отражают эмоциональное отношение к объекту представления; поле представления, характеризующее внутреннюю организацию элементов представления [12]. В рамках данной концепции термин «социальные представления», заимствованный из научного знания и введенный в обыденную речь, стал инструментом для понимания «другого» и способом интерпретации, осмысления человеком повседневной действительности. Исследователи социальных представлений изучают не что иное, как социальные имплицитные теории, основу которых составляют личные (имплицитные) теории отдельных индивидов, принадлежащих к той либо иной социальной группе. Сами представители данного подхода в своих работах термин «имплицитные теории» употребляют редко, однако существующая общая методология определения и исследования социальных репрезентаций указывает на схожесть понятий «социальные представления» и «имплицитные теории». Таким образом, анализ научных концепций социальных репрезентаций позволяет провести аналогию между основными направлениями в изучении имплицитных теорий личности и социальных представлений, а именно в рамках традиционного (исследования Ж. Абрика, И. Марковой, С. Московичи и пр.) и альтернативного (исследования В. Вагнера, Ж. Валенси и др.) подходов.

Перечисленные выше идеи и подходы зарубежных ученых стали основой для дальнейших разработок теоретических и методологических принципов изучения имплицитных теорий личности, в частности, открыли перспективу развития *психосемантического* направления.

В задачу психосемантики входит изучение обыденного сознания, субъективной картины мира индивида, структуры и механизмов межличностного восприятия и познания, в том числе особенностей имплицитных теорий личности. Одним из перспективных методов исследования социальной перцепции в рамках данного направления признан *метод семантического дифференциала*, позволяющий глубже проникнуть в индивидуальный внутренний мир испытуемого.

В 70–80 гг. XX в. А.Ю. Козловская-Тельнова, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и др. начали активно изучать имплицитную структуру личности у разных субъектов социального взаимодействия посредством семантического дифференциала с последующей обработкой данных факторным анализом. В результате анализа экспериментально выявленных семантических связей и репрезентации личностных черт в обыденном сознании учеными был разработан тезаурус личностных черт, насчитывающий 2 090 слов, и предложена авторская интерпретация выделенных факторов. Данной группой ученых было выделено 15 личностных факторов-категорий, объединенных в 6 суперфакторов: *морально-нравственного облика личности; интеллектуального развития и духовной сферы; эмоционально-волевой регуляции поведения; нервно-психического здоровья и комфорта; социального поведения; самооотношения и самоподачи* [14, с. 35–36].

Эти факторы определяют содержание и структуру имплицитных теорий личности, образованных совокупностью личностных черт и опыта межличностного взаимодействия; ценностно-мотивационную ориентацию и эмоциональное состояние индивида; когнитивный стиль личности и личностные диспозиции; содержание Я-образа; биологические и социально-психологические факторы (возраст, пол, состояние здоровья, профессия и т.д.). Сами ученые, регистрируя факторную систему репрезентации стимулов, считают семантические пространства категориальным аналогом сознания, а имплицитную теорию личности универсальным *инструментом* межличностного познания [14].

Несмотря на то, что в русле психосемантического направления учеными (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко, В.П. Серкин, А.Г. Шмелев и др.) изучаются особенности обыденного сознания людей, его категориальная структура, опосредующая восприятие и понимание личности другого [3; 9; 14]. Однако непосредственному изучению имплицитных теорий личности в отечественной психологии, как в рамках психосемантического подхода, так и в рамках других направлений, посвящены эмпирические исследования лишь отдельных ученых.

Значительный вклад в изучение ИТЛ внесла школа Г.М. Андреевой. Согласно Г.М. Андреевой, имплицитная теория личности – это совокупность представлений об универсальной структуре личности и относительно произвольного сцепления различных личностных качеств, неосознанно фиксируемых на уровне обыденного сознания. Подобное сцепление личностных черт получило название «иллюзорных корреляций», связанных с возникновением у субъекта ничем не обоснованных представлений об обязательном сцеплении тех или иных качеств. Г.М. Андреева полагает, что имплицитные теории личности являются важным *механизмом* перцептивного процесса, и в них реализуется т.н. эффект «ожиданий», который оказывает влияние на восприятие партнера по общению [2, с. 312]. По мнению Г.М. Андреевой, существующие в сознании человека ИТЛ активно включаются в процессы межличностного познания в ситуации дефицита информации о партнере по взаимодействию [2]. Однако данный механизм до сих пор остается малоизученным.

Придерживаясь позиции Г.М. Андреевой относительно специфики феномена «имплицитная теория личности», М.А. Ангалева указывает на существенную роль ИТЛ в организации межличностного общения и взаимодействия. Результаты исследования М.А. Ангалевой показали, что структура и содержание имплицитных теорий личности, имеющихся у участников вербальной интеракции, определяют семантику их высказываний [1]. В диалогическом дискурсе структурные компоненты имплицитных теорий личности выступают в качестве *механизмов* организации, упорядочения информации и ее вербального понимания субъектами взаимодействия. Ю.А. Калашникова считает, что имплицитные теории личности проходят длительный путь становления и изменения на протяжении всей жизни человека. Автор придерживается позиции о наличии в структуре имплицитной теории личности центральных и периферических черт, которые определяют результаты социальной перцепции. На разных этапах индивидуального развития личности и формирования ИТЛ центральными могут быть разные качества, что зависит от содержания Я-концепции и самооценки индивида [5]. Е.В. Улыбина отмечает, что структурным компонентом имплицитной теории личности является субъективное представление человека о биологической и социальной природе особенностей личности, представление о себе и о мире, которое опосредует поведение и деятельность субъекта межличностного познания [13].

Таким образом, в рамках психологической науки исследователи неоднократно пытались объяснить механизмы возникновения и функционирования имплицитных теорий личности, существующих у субъектов социального восприятия. Проведенный анализ позиций ученых в отношении структурно-содержательных компонентов имплицитной теории личности позволяет отметить, что большинство авторов признают иерархическую структуру ИТЛ, выделяя в качестве ее компонентов связки личностных черт. Наиболее содержательной видится факторная структура имплицитной теории личности, описанная представителями психосемантического направления психологии В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелевым и их коллегами, поскольку, во-первых, в предложенном

ими определении *«имплицитная теория личности»* содержится наиболее общепризнанное в научном сообществе понятие об ИТЛ как системе высококоррелирующих личностных качеств. Во-вторых, разработанный авторами метод реконструкции ИТЛ позволяет исследовать данный феномен как иерархию субъективных представлений, обобщенных в факторы-категории.

Заключение

Несмотря на то, что многие авторы признают существование множества факторов, влияющих на содержание ИТЛ, механизмы этого влияния и формирования ИТЛ описаны недостаточно. Описание механизмов ограничивается указаниями на сцепление личностных качеств и на спонтанное обобщение индивидуального или общественного опыта. Думается, что причина этого кроется в отсутствии единства теоретического понимания особенностей имплицитной теории личности, ее места и роли в социально-перцептивной деятельности индивида.

Анализ проведенных исследований показал, что нет единой позиции по вопросу, считать имплицитную теорию личности механизмом (М.А. Ангалева, Г.М. Андреева) или инструментом и средством (Ф. Хайдер, А.Г. Шмелев) межличностного познания. В настоящее время ведутся дискуссии относительно эффективности различных методов изучения ИТЛ. При этом наиболее часто применяемыми выступают метод свободных описаний, Репертуарный тест ролевого конструкта (рэп-тест) и семантический дифференциал (СД). Однако, несмотря на различные подходы к пониманию содержания и структуры ИТЛ, общепризнано, что имплицитные теории личности являются важнейшим механизмом восприятия человека человеком и регулятором межличностных отношений, поэтому они должны выступать предметом специального изучения.

Проведенный обзор исследований, посвященных анализу различных аспектов ИТЛ, позволяет сделать следующие выводы.

Имплицитные теории личности – это теории, которые непроизвольно создаются субъектом познания относительно сцепления черт личности, внешних признаков и способов поведения окружающих людей и являются результатом приобретения им знаний, жизненного опыта и социальных навыков. Несмотря на принципиальные отличия от эксплицитных (в источниках получения знаний, возможностях верификации, степени осознания и др.), имплицитные теории выполняют аналогичные функции объяснения и прогнозирования. Сложившиеся в индивидуальном опыте субъекта ИТЛ являются основой организации им взаимодействия с другими людьми.

В современной психологии выделяется два ведущих подхода к пониманию имплицитных теорий личности: традиционный и альтернативный. В рамках традиционного подхода имплицитные теории личности рассматриваются как присутствующие у каждого человека («наивного наблюдателя») представления о психологической организации других людей (Дж. Брунер, Р. Тагиури, Ф. Хайдер и др.).

Сторонники альтернативного подхода (Д. Баннистер, Дж. Келли, Ф. Франселла и др.) под имплицитной теорией личности понимают иерархически организованную систему коррелирующих между собой качеств. Альтернативный подход к изучению имплицитных теорий личности был развит в отечественной психологии в русле психосемантики. Представители психосемантического подхода (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и др.) полагают, что имплицитные теории личности – это скрытые субъективные знания и представления человека о системе связей между чертами личности. Структура и содержание имплицитной теории личности – это корреляция личностных черт, объединенных в ие-

рархически организованные независимые факторы-категории, опосредующие восприятие людьми друг друга. Содержание факторов, выступающих единицами категоризации, не является простым перечнем качеств и черт личности, а выступает как целостный образ, когнитивная схема, стереотип обыденного сознания.

Обзор эмпирических исследований, посвященных вопросам изучения имплицитных теорий личности, показал, что представители различных теоретических подходов наиболее часто используют метод свободного описания, рэп-тест и семантический дифференциал. Существующие исследования показывают, что имплицитные теории личности невозможно реконструировать по некому заданному, готовому образцу и посредством единого универсального инструмента, поскольку они отличаются своеобразием и для отдельных групп (дифференцированных, например, по возрасту, профессиональной принадлежности и т.п.), и для различных объектов познания (человек другого пола, национальности, культуры и т.д.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангалева, М. А. Имплицитные теории личности как фактор семантико-прагматической организации диалогического дискурса (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / М. А. Ангалева ; Воен. ун-т м-ва обороны Рос. Федерации. – М., 2009. – 19 с.

2. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 376 с.

3. Артемьева, Е. Ю. Семантические измерения как модели / Е. Ю. Артемьева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1991. – № 1. – С. 7–18.

4. Выготский, Л. С. Проблемы общей психологии / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т. 2. –1982. – 504 с.

5. Калашникова, Ю. А. Проблемы имплицитных теорий личности / Ю. А. Калашникова // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 66–72.

6. Кондаков, И. М. Экспериментальное исследование имплицитных теорий чтения / И. М. Кондаков, С. В. Ушнев // Вопр. психологии. – 1996. – № 6. – С. 110–117.

7. Кордуэлл, М. Психология. А – Я : словарь-справочник / М. Кордуэлл ; пер. с англ. К. С. Ткаченко. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 448 с.

8. Литаврина, О. Б. Исследование особенностей «имплицитных теорий личности» в школьном возрасте / О. Б. Литаврина, В. В. Панкина, И. М. Кондаков // Психол. наука и образование. – 2003. – № 3. – С. 34–42.

9. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с.

10. Полани, М. Личностное знание: на пути к посткритической философии / М. Полани. – М. : Прогресс, 1985. – 343 с.

11. Психологический словарь / А. В. Петровский [и др.] ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.

12. Социальная психология / С. Московичи [и др.] ; под ред. С. Московичи. – 7-е изд. – СПб. : Питер, 2007. – 592 с.

13. Улыбина, Е. В. Психология обыденного сознания / Е. В. Улыбина. – М. : Академия, 2001. – 263 с.

14. Шмелев, А. Г. Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка / А. Г. Шмелев, В. И. Похилько, А. Ю. Козловская-Тельнова // Психол. журн. – 1991. – Т. 12, № 2. – С. 27–44.

15. Франселла, Ф. Новый метод исследования личности : рук. по репертуарным личност. методикам / Ф. Франселла, Д. Баннистер. – М. : Прогресс, 1987. – 236 с.

16. Asch, S. E. Forming Impressions of Personality [Electronic resours] / S. E. Asch. – Mode of access: http://www.all-about-psychology.com/psychology-journal-articles.html. – Date of access: 19.01.2014.

17. Bruner, J. S. The perception of people / J. S. Bruner, R. Tagiuri // Handbook of Social Psychology : in 2 vol. ; ed. by G. Lindsey [et al.]. – Cambridge : Addison-Wesley, 1954. – Vol. 2. – P. 634–655.

18. Cook, M. Interpersonal perception / M. Cook. – Harmondsworth (Mx) : Pengiun books, 1971. – 168 p.

19. Mench, I. N. Asch on «forming impression of personality» further evidence / I. N. Mench, J. Wichner // Of personality. – 1947. – Vol. 16. – P. 188–191.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.10.2017

Bylinskaya N.V. **The Phenomenon of Implicit Theories of the Person in Psychological Science**

The article deals with the concept of «implicit theory of personality» (ITL), widely used in modern psychology. An analysis is made of the traditional, alternative and psychosemantic approaches existing in psychological science to the study of the phenomenon of implicit theories of personality. A number of psychological studies devoted to the identification of the mechanisms of the emergence and functioning of implicit theories of personality existing in subjects of social perception are considered. Empirical methods of investigating implicit theories of personality, used by foreign and domestic scientists, are opened, opening new opportunities for researching the personality.

УДК 159.922

М.С. Ковалевич
канд. пед. наук, доц., доц. каф. педагогики
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: maria_brest@tut.by

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Процесс становления субъектности в профессиональном образовании представлен как сложная система, содержащая в себе многообразие содержания и способов профессионального роста, открытая система, испытывающая на себе влияние социальных отношений более высокого порядка, нелинейная система, т.к. разные субъекты, помещенные в одну и ту же среду, имеют разные сценарии профессионального развития и осуществляют их по-разному. Модель сконструирована с учетом высокого уровня динамики самоорганизационных процессов в социально-педагогической саморефлексивной системе организации профессионального становления будущего специалиста.

Назови цели, к которым ты стремишься, и я скажу тебе кто ты.
Сократ

Введение

В условиях качественного изменения белорусского общества в XXI в. традиционная социально-профессиональная структура общества серьезно изменилась, возникли новые механизмы социального взаимодействия. Произошла смена ценностно-нормативной системы общества и идеологических парадигм. Особенно чувствительна к социокультурным трансформациям наиболее динамичная и мобильная социальная группа – молодежь. В рамках утверждающегося в социологии ресурсного подхода качественно меняется и понимание молодежи. Молодежь как образовательный и интеллектуальный ресурс современного общества является одним из наиболее активных субъектов рынка труда, испытывая влияние его тенденций,в то же время сама существенно формирует эти тенденции.

Обобщение и анализ материалов социологических исследований, ведущихся в данных направлениях, в том числе при участии автора статьи, позволяет предположить, что под влиянием трансформационных процессов молодежь начинает формировать новые стратегии профессионального поведения, опирающиеся на измененную систему ценностных ориентаций [1; 2]. Это определяет как практическую необходимость исследования указанных процессов с целью внесения изменений и корректив в содержание и образовательные технологии, так и необходимость научно-теоретического осмысления современных тенденций построения и реализации профессиональных стратегий молодежи.

Серьезные проблемы молодежи связаны с планированием профессиональной карьеры. Усугубляются трудности трудоустройства в связи с отсутствием у потенциальных молодых специалистов требуемого работодателями стажа и опыта работы, сложности получения этого опыта, с проблемой дисбаланса спроса и предложения на рынке труда.

Современная социальная среда делает запрос на личность, способную вступить во взаимодействие с ней. И не просто вступить, но из всех возможностей свободы, ко-

торые среда предлагает личности, выбрать ту, которая оптимально приближает личность к получению полезного для нее и общества результата, не вступая в конфликт со средой.

Данная проблема является центральным аспектом исследования и тесно связана с задачей построения в Беларуси открытого, демократического гражданского общества. Важнейшими смыслообразующими характеристиками такого общества являются признание ценности человека как субъекта труда, его роли в развитии общества, свободы профессионального выбора и ответственности личности за построение своего жизненного и профессионального сценария.

Современными исследователями в области человекознания установлено, что субъектность является уровневой характеристикой человека, субъектные свойства появляются только на определенном уровне развития и определяются балансом процессов экстериоризации и интериоризации, соотношением внешнего и внутреннего. Исследования по развитию субъектности в онтогенезе (Е.Н. Волкова, В.В. Давыдов, Г.А. Цукерман) показывают, что развитие человека происходит в направлении наращивания с возрастом субъектности и преодоления «объектности», т.е. тотальной зависимости человека от внешних условий.

Доказано, что субъектность проявляется не только в познавательном отношении к миру, но и в отношении к людям (С.Л. Рубинштейн) [3, с. 253]. Природа субъектности раскрывается через совокупность отношений к миру, через саму стратегию жизни (К.А. Абульханова-Славская) [4].

Субъектность отражается в способности человека производить взаимообусловленные изменения во внешнем мире и себе самом. Термином «субъектность» подчеркивается активно-преобразующая сущность человека как субъекта жизни; субъектность человека означает, что он неотделим от мира, включен в него, но вместе с тем сознательно противостоит обращению с собой как с объектом манипуляций.

Функции субъекта в человеке неразрывно связаны с продуктивностью выполняемой им деятельности; причем не всякое отношение к деятельности раскрывает субъектные свойства человека: деятельность субъекта не только характеризуется продуктивностью, но и носит преобразующий характер, т.е. одна из функций субъектости конгруэнтна креативности человека (Б.Г. Ананьев) [5]. В педагогическом плане важна не только включенность человека в деятельность, но и ценностный аспект этой деятельности, так как субъектность может быть определена как свойство личности не только присваивать, транслировать, но и порождать смыслы деятельности как актуальные ценности. В связи с этим «педагогика развития» есть прежде всего та или иная образовательная технология, своеобразная техника нормирования развития, техника постановки тех способностей, которые позволяют человеку быть подлинным субъектом собственной жизнедеятельности (В.И. Слободчиков) [6, с. 5].

Е.В. Бондаревская определила субъектность как свойство, характеризующее меру свободы личности, ее гуманности, духовности, жизнетворчества [7, с. 17].

В.А. Петровский разработал оригинальную концепцию, содержательно обосновывающую и раскрывающую феномен субъектности как сущностную характеристику личности человека, его личностного бытия. Автор определяет субъектность как базисное основание новой парадигмы образования и приводит следующие основные характеристики субъект-развивающего образования: культивирование уникального опыта человека, признание ценности обоюдного опыта, ставка на универсальность опыта.

Возрастание субъектных свойств учащегося рассматривается как сущностная характеристика современной педагогической деятельности [8, с. 11–12].

Согласно позиции Н.М. Борытко субъектность – это утверждение самости. Трактовка образования как процесса восхождения к субъектности предполагает обращение к категории «самоопределение и «самореализация». В результате самоопределения и самореализации человек выстраивает свое субъектное пространство [9].

Суть субъектной активности студента заключается в умении поставить личностно и общественно значимую цель, оптимально организовать процесс достижения цели (ближней, средней, дальней) и разумно управлять этим процессом. Каждый день жизни – это шаг в достижении поставленной цели. Проявления субъектной активности возможны в разных сферах жизнедеятельности студента: предметно-практической деятельности, познании, общении и т.д. Таким образом, обозначены следующие виды субъектной активности: академическая, или образовательная, социальная, коммуникативная.

В. Франкл впервые выделяет особую форму активности, характерную для становления и развития человека – смыслообразующую активность. В стремлении найти смысл собственной жизни ученый видит первичную мотивирующую силу человека. Смыслообразующая активность – личностная интерпретация человеком способа жизни, включающая представление о месте в обществе, о своей состоятельности. Это состояние готовности к поиску смыслов, то состояние, которое предшествует деятельности и порождает ее, обеспечивая личностную интерпретацию человеком своей позиции относительно формирования линии жизни, своего места в обществе и способа жизни. Смылообразующая активность является аналогом опыта субъектной активности [10].

В последние годы появились работы, посвященные изучению групповой субъектности. К.М. Гайдар подразумевает под субъектностью группы такое ее динамическое свойство, как способность к совместным действиям и самопреобразованию в соответствии с определенными целями и интересами. Помимо деятельностной автор выделяет и такие сферы проявления групповой субъектности, как общение и взаимоотношение. При этом К.М. Гайдар считает, что деятельностная форма групповой субъектности для студенческой группы преобладающей не является. Автором показано, что становление студенческой группы как совокупного субъекта носит поэтапный характер и опосредствуется социальной ситуацией ее развития. Любопытно, что при этом естественным направлением развития студенческой группы считается движение от автоматизации или кооперации к ассоциации, т.е. от высших форм организованности к низшим. Основание для того, чтобы считать такой путь наиболее естественным, К.М. Гайдар видит в том, что в этом случае к моменту выпуска студенты обретают достаточную самостоятельность для успешного вхождения в новые группы членства [11].

Рассматривая субъектность личности, нельзя не упомянуть о субъектогенезе. Под субъектогенезом принято понимать порождение способности человека к самодетерминации собственной активности. В процессе субъектогенеза мы постигаем законы мироздания и делаем их основой для того, чтобы нужным нам образом организовывать причинно-следственные связи между мировыми процессами, частью которых является наша собственная жизнь [8; 12].

В качестве основных стадий субъектогенеза выделяют: принятие человеком на себя ответственности за непредрешенный заранее исход своих действий (проявление себя как субъекта предстоящего действия); переживание возможности реализации различных вариантов будущего, своей причастности к построению образа желаемого результата и своей способности желаемое реализовать (проявление себя как субъекта це-

леполагания); реализацию открывающихся возможностей в совершаемых по собственной воле действиях (проявление себя как субъекта слагающих совершаемого здесь и теперь действия); принятие ответственного решения о завершении действия (проявление себя как первопричины, субъекта окончания действия); оценку результата как личностно значимого новообразования, детерминированного собственной активностью (проявление себя как субъекта состоявшегося действия). При отсутствии какой-либо из стадий субъектогенеза человек будет считать себя объектом манипуляций, совершаемых без учета его желаний или даже вопреки им. Это может породить отказ от использования приобретенного опыта под предлогом его малоценности или неуверенности в своих силах [12].

Таким образом, субъектность является важным качеством, обеспечивающим развитие и саморазвитие личности, качество, определяющее способность изменять окружающий мир и себя, руководствуясь собственной системой ценностей, способность выбирать способ репрезентации этой активности в мире и нести ответственность за последствия этого выбора. Можно считать, что человек, характеризующийся высоким уровнем субъектности активен, самостоятелен, успешен в в учебно-профессиональной деятельности, вместе с тем такой человек – творец собственной жизни, он способен адекватно оценивать способы деятельности, контролировать ее ход и результаты, изменять ее при необходимости.

В рамках разрабатываемой модели становления субъектности студента университета наиболее актуально изучение образовательной субъектной активности студента в сфере познания, проявляющейся как умение учиться. Полностью разделяем представление о том, что умение учиться проявляется вовсе не в добросовестном усвоении знаний, даваемых преподавателем, а «в способности преодолевать собственную ограниченность» (В.В. Давыдов, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман), менять себя, делать себя другим. За такой способностью стоит особое отношение к себе – целостный, позитивный образ «Я – студент» и образ «Я – будущий профессионал», которые и позволяют студенту самоопределяться в жизненном мире.

Современная теория субъекта переносит акцент с анализа усвоения и передачи социального опыта на исследование ситуации порождения человеком новой реальности, имеющей значительный эвристический потенциал для описания педагогических явлений. Субъектность является условием карьерной компетентности студентов в профессиональном становлении.

Предоставленная ниже модель педагогического сопровождения развития субъектности студентов в профессиональном образовании отображает взаимосвязи основных компонентов педагогической системы: целей, принципов, содержания, методов, средств, форм и результата (рисунок 1).

Компоненты процесса становления субъектности рассматриваются в следующей последовательности: отбору содержания процесса предшествует осмысление функций учреждений высшего образования, их стратегических целей. Одна из с более важных целей современной высшей школы – создание оптимальных условий для профессионального становления будущих специалистов и нахождения ими смысла собственной жизни и места профессиональной деятельности в ней. Она определена учеными (Б.С. Гершунский) как смыслообразующая: отображает глубинные жизненные ценности, идеалы и приоритеты, смысл человеческой жизни. Исследование направлено на оптимизацию педагогической поддержки студента в нахождении им смысла будущей профессиональной деятельности, в результате чего профессиональная деятельность должна стать смыслом или одним из смыслов человеческой жизни [13].

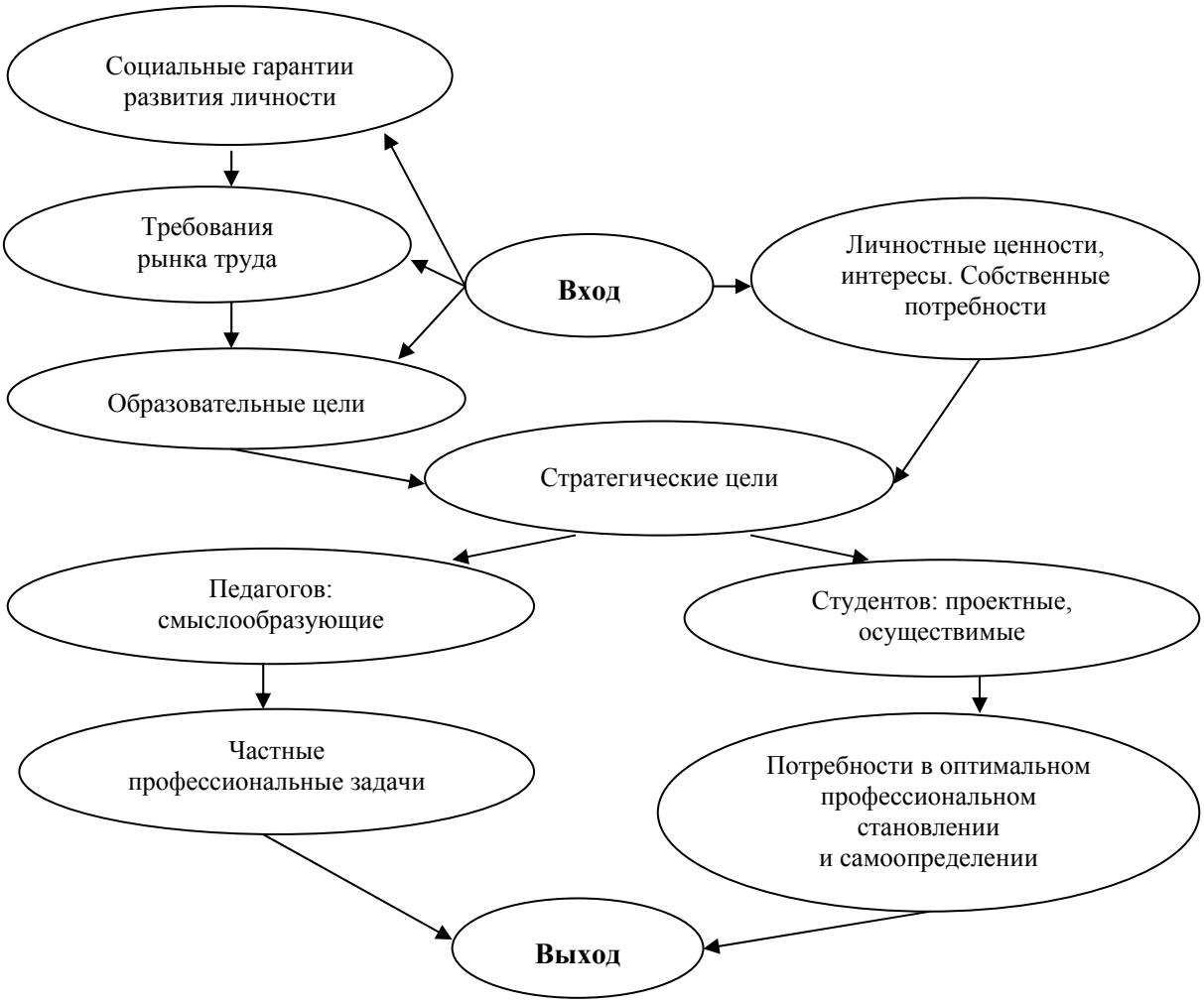


Рисунок 1. – Модель блока целеполагания

Цели, принципы определяют основные направления достижения результата. Содержание – это часть социального, в том числе и профессионального опыта, который должны «присвоить» будущие специалисты. Методы – это способы взаимодействия педагога и студентов, через которые присваивается содержание. Средства рассматриваются как материализованные предметные способы работы с содержанием. Формы организации процесса педагогической поддержки студентов придают ему логическую завершенность.

В педагогическом процессе все совершается последовательно: определив цели, задачи и принципы их достижения, педагог отбирает содержание, затем подбирает соответствующие методы и средства его присвоения студентами, объединяет все это в адекватные формы.

Таким образом, модель педагогического сопровождения субъектности студентов в профессиональном образовании состоит из блока целеполагания, содержательного блока, технологичного блока и результативного блока.

Блок целеполагания. Сущность аксио-синергетического подхода к организации процесса становления субъектности студентов в профессиональном образовании, являющегося методологическим основанием исследования, заключается в формулировке

стратегических целей, определении параметров порядка, которые направляют этот процесс в желаемом направлении, направлении личностного роста, наращивания субъектности и преодоления «объектности», общественной значимости. В качестве таких параметров выступает система ценностных ориентаций студента как будущего профессионала. В синергетическом контексте сущность целевого компонента – развитие потенциала самоорганизации, стимулированного перехода объектов управления в статус субъектов.

Определяя компоненты блока целеполагания, отметим, что профессиональное становление имеет две существенно разные значимости: становление как деятельность студента, направленная на проектирование и осуществление собственной профессиональной судьбы, и становление как педагогическое сопровождение студента в ситуации профессионального развития.

Надо отметить, что современное общество кардинально изменяет свое отношение к образованию, в общем, и профессиональному, в частности. С прагматической ветви оно превращается в главную ветвь вложения капитала и интеллектуально трудовых усилий, поскольку высокообразованные люди, для которых профессия – смысл жизни, способные жить и созидать в изменчивом мире, принимать нестандартные решения, – являются величайшей ценностью общества. Образованность выступает основным качеством и критерием жизни, потому что приобретение профессионального мастерства, развитие самосознания людей в течение всей жизни является приоритетной целью. В обществе ведущую роль начинают играть не вчерашние знания, а способы мышления, которые рождают новые знания, приемы их использования в нестандартных ситуациях.

Новая парадигма общественного развития имеет ввиду новую парадигму образования и профессионального становления. Функциональную модель образования заменяет гуманистическая модель, которая исходит, как из требований социальной системы, так и из социальных гарантий развития личности, цели и смысла ее жизни. Социализация индивида тут рассматривается как самоопределение, осмысление целей жизни, усвоение социальных ценностей культуры, творческое самавыражение. Формирование у будущих профессионалов понимания смысла жизни, общественно значимых целей, интересов и способностей становится основной задачей высшей школы.

Приоритетной является развивающая функция образования, которая проявляется в открытии человеком средствами образования самого себя, мира, в котором он живет. Опираясь на структуру потребностей студентов, образование должно способствовать формированию достойной человека цели жизни, в которой профессиональная деятельность займет одно из ведущих мест. Без этого учение превращается в бессмысленную зубрежку, принудительное присутствие на лекционных и семинарских занятиях. Поэтому стратегическая цель педагогической поддержки представляется как смыслообразующая: формирование веры в высшую ценность максимально возможной самореализации в профессиональной деятельности.

Для ее реализации необходимо решить ряд частных педагогических задач: убедить будущих специалистов в необходимости максимальной самореализации в профессиональной деятельности; обеспечить их профессиоведческую и смыслообразующую поддержку; помочь в осмысления себя, своих внутренних ресурсов, соотнесении их с требованиями будущей профессиональной деятельности; формировать положительное отношение к планированию собственного будущего; развивать свободу, необходимую для осуществления своего стремления к полноценной самореализации в профессио-

нальной деятельности; активизировать профессиональное самосознание; создать условия для успешного профессионального самоопределения и развития; формировать способность самостоятельно определять и строить свою профессиональную судьбу, и нести ответственность за ее осуществление.

Методологические принципы гуманистически ориентированной модели педагогического сопровождения становления субъектности, обеспечивающие повышение эффективности и качества профессионального образования включают: принцип персонализации, т.е. ориентации педагога на личность обучающегося, а не только на образовательную систему, на сотворчество и продуктивную деятельность педагога и студента; принцип инновационной направленности на создание нового личностно, социально и профессионально значимого образовательного продукта; принципа социокультурной ориентации педагога, т.е. создания специально организованной среды, в которой будет формироваться социокультурный опыт личности; принцип контекстуальной включенности, т.е. ориентации на разработку конкретных професиионально-оринтированных проектов внутри образовательной системы; принцип вариативности предметно-содержательного наполнения образования в соответствии с индивидуальными профессиональными запросами студентов.

Цель педагогической поддержки – эффективная помощь личности через самостоятельный поиск ценностей и смыслов образовательно-профессиональной деятельности, через формирование морально-волевой готовности к реализации самостоятельного профессионального выбора.

Содержательный блок модели направлен на реализацию целей образовательного процесса (рисунок 2).

Вход этой системы – комплекс личностных и социальных целей, а выход – интегрированный модуль «Моя профессиональная карьера».

Содержательный блок представляет ценности перехода от культуры доминирования в обучении к культуре партнерства, сотрудничества, сотворчества. Педагогическими основаниями, которые определили данное содержание, являются концепции воспитания человека культуры и самоорганизованной педагогической деятельности. Основываясь на этих положениях, образование ориентируется на ценности культуры духовных поисков, а не только на ценности культуры выполнения стандартов. Это ценности участия в поиске собственных способов профессионального становления, творческого переосмысления практического опыта и достижений науки, неоднозначных решений, необходимости личностного понимания и переживания смысла собственных действий и т.п. Содержание образования, таким образом, представляет собой социальный и профессиональный опыт, который усваивается личностью. Преломляясь определенным образом через внутренний мир личности, усвоенный опыт становится субъектным. Он содержит компоненты, которые реализуют личностный саморазвивающий потенциал, и представлен когнитивным, деятельностным, креативным и ценностно-смысловым компонентами.

Когнитивный компонент представлен психологическими, аксиологическими и профессиональными знаниями, от которых зависит вероятность выбора благоприятных для личности способов овладения нелинейной жизненной ситуацией профессионального становления.

Деятельностный компонент определяется умением: 1) видеть проблему; 2) найти способы и средства решения проблемы; 3) принять решение и осуществить выбор в пользу личностного и профессионального роста.

Креативный компонент – основа творческого саморазвития, самоопределения и самореализации, высшее личностное качество. Когда способность к творчеству личность теряет, можно говорить о ее разрушении. Синергетика исследует процесс самокреативности на основе самоорганизации. Теория креативности построена на синергетической идее эволюции, согласно которой духовная культура содействует созданию и самосовершенствованию креативной личности.

Ценностно-смысловой компонент обеспечивает аксиологические ориентиры субъекта профессионального развития, его аксиологического «Я». В нашем исследовании принята типология ценностей согласно М. Рокичу, основанная на непосредственном ранжировании списка ценностей. Тип ценностных ориентаций определяется по критерию отношений ценности к сфере профессиональной деятельности. Он может быть противоречивым или непротиворечивым в зависимости от выбранных ценностей, которые могут быть реализованы непосредственно в профессиональной деятельности, за счет профессиональной деятельности или вне профессиональной деятельности.

Соответственно, ценным и настоящим является профессиональный выбор, когда человек осуществляет его по собственному желанию, но с учетом социокультурных обстоятельств и ситуации, с учетом своих склонностей и возможностей.

Рисунок 2. – Модель содержательного блока

Выбор – моральное право и психологическая готовность проявлять свободу в определении целей и средств их достижения, возможных способов решения проблем.

Человек, который самоопределяется, свободен в выборе, но как член общества он ограничен в своем выборе потребностями и интересами других людей. Потому сущность выбора противоречива, а процесс выбора возможен при выполнении определенных условий: понимание свободы действий как ответственности, определение границ альтернативности решений, понимание множества подходов, вариативности способов реализации принятого решения, мотивация ценностных основ выбора, прогнозирование результатов принятого решения, готовность к самоконтролю и самоограничению. Система компонентов содержательного блока модели обеспечивает полноту самореализации личности в процессе профессионального становления.

Технологический блок. Системообразующим компонентом педагогической системы профессионального становления субъектности является технология его организации как важнейший процессуальный компонент (рисунок 3).

Рисунок 3. – Модель технологического блока

При таком подходе система профессионального образования – относительно устойчивый организационно-технологический комплекс, который обеспечивает достижение поставленной цели. Этот комплекс только относительно устойчивый, потому что в социальной синергетической системе всегда присутствует личностная самоорганизация – наиболее сильный механизм, который направляет наши педагогические усилия в сторону, часто далекую от заранее запланированных педагогических целей.

Таким образом, система профессионального образования технологична, так же как и любая педагогическая система. Технологичность – внутреннее качество педагогической системы, которое определяет ее возможности и подчинено закономерностям самоорганизации.

Придать системе профессионального становления субъекта активный, действенный характер, а технологию ее организации представить как создание педагогами условий для возникновения феномена самоорганизации оказывается возможным при использовании педагогического потенциала синергетики. А для этого новая педагогика отказывается от манипулятивного стиля, авторитарности рекомендаций и максимально учитывает резервы саморегуляции, самоорганизации, самоуправления и саморазвития личности. Воплощение этих требований в практику разработки технологического блока модели и конструирования технологий означает учет такого фундаментального личностного качества, которое в современных теоретических и экспериментальных исследованиях личности обозначают термином «самость».

Основным критерием в отборе технологий организации образовательного процесса является способность активизировать мышление, искать оригинальные способы решения поставленных проблем, сравнивать, сопоставлять, делать выводы, высказывать собственную точку зрения, содействовать развитию личностных и профессиональных качеств и способности принятия оптимальных решений.

Технологичный блок модели отражает способы использования учебных предметов и экспериментального модуля «Моя профессиональная карьера» в качестве средств профессионального становления личности на этапе университетского образования. На входе в эту подсистему – учебные предметы и экспериментальный курс, а на выходе – апробированная технология реализации возможностей учебных предметов и экспериментального модуля «Моя профессиональная карьера».

В модели результативного блока входным параметром является профессионально-ориентированная технология подготовки конкурентоспособного специалиста, а выходным – достижение поставленной цели (рисунок 4).

1. Когнитивное слагаемое образа «Моя профессиональная карьера» включает наличие знаний о собственных личностных качествах, осознание личностного смысла будущей профессиональной деятельности и способов профессиональной самореализации. Через когнитивное слагаемое реализуется закон информативности–упорядоченности, в соответствии с которым, чем большей информацией о своих личностных и профессиональных качествах обладает студент, тем большая вероятность выбора благоприятных для него, оптимистических способов овладения нелинейной жизненной ситуацией профессионального становления.

2. Мотивационно-ценностное слагаемое: способность к самоанализу и анализу будущей профессии, эмоционально устойчивые отношения к учебно-профессиональной деятельности, осознание личной и общественной значимости будущей профессии, интенсивность эмоциональных переживаний, волевых усилий, вера в максимальные возможности собственной самореализации, степень согласованности профессиональных интересов, склонностей и требований к профессии. Это слагаемое в большей степени содействует реализации закона единства анализа и синтеза, в соответствии с которым согласованность избранной профессии и личностных качеств, осмысление себя как субъекта профессиональной деятельности, своего соответствия требованиям профессии, возможно осуществить только в процессе самоанализа и анализа будущей профессии, а также синтеза этих взаимодополняющих процессов.

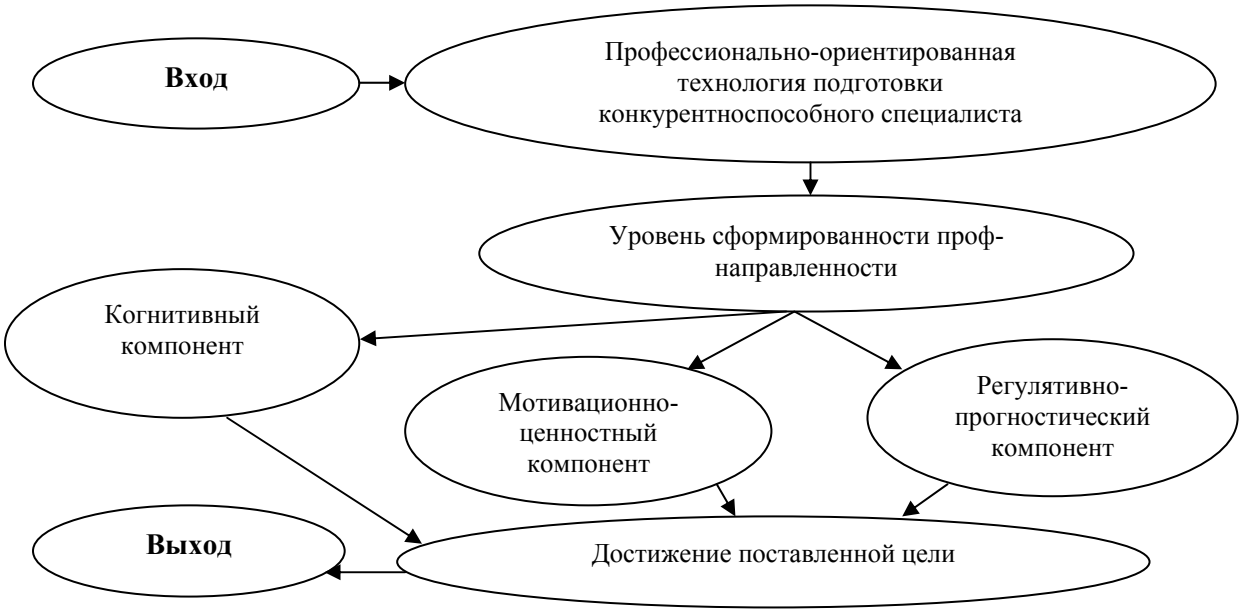


Рисунок 4. – Модель результативного блока

3. Регулятивно-прогностическое слагаемое. Наиболее важными в регулятивной деятельности являются смысло-ценностный и временной аспекты. Смысло-ценностный аспект включает субъективно-переживаемую осмысленность жизни, своей профессиональной деятельности, их ценностную насыщенность, сформированность профессионально-ценностных ориентаций студентов, связь интересов с ценностными ориентациями, мотивированность профессионального выбора. Временной аспект имеет в виду способность к самопроектированию будущего, протяженность временной перспективы и ее структурированность. В этом компоненте успешно реализуется закон композиции, в соответствии с которым личностные потребности согласуются с общественными целями, цели педагога – с целями будущего профессионала, более близкие образовательные задачи – со стратегической целью развития и профессионального становления личности.

Все названные критерии содействуют успешной реализации закона развития самоорганизованных систем, который проявляется в повышении уровня развитости когнитивного, мотивационно-ценностного и регулятивно-прогностического слагаемых самосознания. Предложенные критерии ориентированы на мотивацию выбора, диагностику познавательных и профессиональных интересов, определение на этой основе оптимальных способов достижения цели через их итеграцию со смыслом жизни человека, общечеловеческими и национальными ценностями и обеспечение на этой основе развития природных задатков.

Таким образом, гуманистическая модель педагогического сопровождения развития субъектности студентов в профессиональном образовании состоит из блока целеполагания, содержательного блока, технологического блока и результативного блока. Целевой блок модели сконструирован с учетом высокого уровня динамики самоорганизационных процессов в социально-педагогической саморефлексивной системе организации профессионального становления будущего специалиста. Процесс становления субъектности в профессиональном образовании представлен как сложная система, содержащая в себе многообразие содержания и способов профессионального роста, открытая система, испытывающая на себе влияние социальных отношений более высокого порядка, нелинейная система, т.к. разные субъекты, помещенные в одну и ту же среду, имеют разный сценарий профессионального развития и осуществляют его по-разному.

Сегодня необходимо превентивное, опережающее обучение принципам жизни в неустойчивом нелинейном мире, где человек должен научиться жить в динамическом хаосе, постигая его законы, законы самоорганизации. А для этого должна быть создана новая самоорганизующаяся образовательно-профессиональная среда. Сегодня новое видение мира, понимание личной ответственности за его судьбу постепенно становятся непременным условием выживания. Квалифицированное принятие решений самоопределяющейся личностью по глобальной проблеме профессионального становления является залогом ее развития и совершенствования, что в свою очередь обеспечит процветание общества. Вот почему образование должно нести не только традиционную функцию передачи социального опыта, но в большой степени опережающую, превентивную функцию – готовить конкурентоспособные кадры профессионалов, которые смогут организовать и обеспечить прорыв в будущее, от которого зависит само существование нашей страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковук, Т. И. Неопределенность как регулятор духовной жизни молодежи : монография / Т. И. Яковук. – Брест : БГТУ, 2005. – 172 с.

2. Кавалевіч, М. С. Аксіялагічныя асновы і стратэгіі арганізацыі прафесійнага самавызначэння выпускнікоў агульнаадукацыйных школ / М. С. Кавалевіч // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2. – 2009. – № 4. – С. 67–72.

3. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – М. : Наука, 1974. – С. 253–381.

4. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 229 с.

5. Ананьев, Б. Г. Психологическая структура человека как субъекта / Б. Г. Ананьев // Человек и общество / под ред. Б. Г. Ананьева. – Л. : ЛГУ, 1967. – Вып. 2. – С. 235–250.

6. Слободчиков, В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Психологические основы проектирования образования : автореф. дис. … д-ра психол. наук : 19.00.07 / В. И. Слободчиков. – М., 1994. – 78 с.

7. Бондаревская, Е. В. Смысл и стратегия личностно-ориентированного воспитания / Е. В. Бондаревская // Педагогика. – 2001. – № 1. – С. 17–24.

8. Петровский, В. А. Основные положения субъектогенеза / В. А. Петровский, А. С. Огнев // Ежегодник Рос. о-ва психологов. – М., 1996. – Т. 2, вып. 1. – С. 11–12.

9. Борытко, Н. М. Педагогика / Н. М. Борытко, И. А. Словцова, А. М. Байбаков. – 2-е изд. – М. : Академия, 2009. – 496 с.

10. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 369 с.

11. Гайдар, К. М. Динамика субъектного развития студенческой группы в период обучения : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / К. М. Гайдар. – М., 1994. – 23 с.

12. Огнев, А. С. Психология субъектогенеза личности / А. С. Огнев. – М. : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2009. – 137 с.

13. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века / Б. С. Гершунский. – М. : Совершенство, 1998. – 608 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.04.2017

Kovalevich M.S. **Humanistic Model of Pedagogical Accompaniment of the Development of Subjectivity of Students in Vocational Education**

The process of the formation of subjectivity in vocational education is presented as a complex system containing a variety of content and ways of professional growth, open system, susceptible to social relations of higher order, nonlinear system, because different entities are placed in the same environment, have different scenarios for professional development and implement them in different ways. The model is designed to meet the high-level dynamics of self-organization processes in socio-pedagogical self-reflexive system of the organization of professional formation of the future specialist.

УДК 373 + 373.3

Т.В. Александрович[1], Т.М. Галабурда[2]
[1]канд. пед. наук, доц. каф. специальных педагогических дисциплин Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
[2]магистр пед. наук, воспитатель ГУО «Ясли-сад № 32 г. Бреста»
e-mail: [1]talex1965@mail.ru; [2]t.galaburda@tut.by

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ

Обоснована необходимость развития творческих способностей личности на ранних этапах онтогенеза; определяются факторы, условия и средства развития детской креативности; разработана и экспериментально апробирована программа педагогического сопровождения креативности детей старшего дошкольного возраста в процессе сюжетно-ролевых игр.

Введение

Реализация одного из основополагающих принципов современного образования – принципа личностного подхода – предполагает максимальное развитие творческого потенциала личности, воспитание личности, способной наряду со знаниями, умениями и навыками привнести в дело свой талант. И если при решении задач классического образования педагоги опираются на фундаментально разработанные положения, применяют прошедшие апробацию технологии, то проблема воспитания таланта, развития творческих способностей личности на ранних этапах ее онтогенеза до сих пор остается до конца не решенной.

Дошкольное детство – оптимальный период для формирования творческих способностей детей. Способности развиваются и проявляются только в деятельности. Особое место в жизни старшего дошкольника занимает игровая деятельность, как в целом, так и творческие сюжетно-ролевые игры, в частности. Разностороннее влияние сюжетно-ролевых игр на личность ребенка позволяет использовать их как сильное, так и ненавязчивое педагогическое средство обучения и воспитания. Творческие сюжетно-ролевые игры не только увлекают, мотивируют ребенка, но и развивают у него образное мышление, воображение, память, коммуникативные навыки. В процессе сюжетно-ролевых игр дошкольники познают (анализируют, сравнивают, обобщают), овладевают практическими навыками, совершают начальные творческие операции (изменяют, преобразовывают, комбинируют, модернизируют). Все это определяет огромное влияние игры как важнейшего средства развития творческих способностей старших дошкольников. В связи с этим цель данного исследования – теоретически обосновать и экспериментально апробировать программу развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста в процессе сюжетно-ролевой игры.

Существует множественность подходов к определению творческих способностей, выделению параметров, характеризующих креативность. Так, Дж. Гилфорд креативность рассматривает как психический процесс, а именно как дивергентное мышление, отличительной особенностью которого является разнонаправленность и вариативность поиска разных, в равной мере правильных решений относительно одной и той же ситуации. Дивергентный способ мышления лежит в основе творческого мышления, которое характеризуется следующими основными особенностями: *быстрота* – способность высказывать максимальное количество идей; *гибкость* – способность высказы-

вать широкое многообразие идей; *оригинальность* – способность порождать новые нестандартные идеи; *законченность* – способность совершенствовать свой «продукт» или придавать ему законченный вид [1, с. 176–177]. Дивергентное мышление, как полагал Дж. Гилфорд, определяет творческие достижения, так как допускает варьирование путей решения проблемы, приводит к неожиданным выводам и результатам, а интеллект (конвергентное мышление) обеспечивает успешность понимания и усвоения нового.

Креативность, как общая универсальная способность к творчеству, проявляется и реализуется в процессе творческой деятельности в виде готового продукта (материального или духовного). Существуют различные подходы на процесс возникновения и развития творческой способности, которые сводятся к рассмотрению творческой способности как врожденной, не изменяющейся характеристике, и как поддающейся изменениям. О врожденности способностей заключают на основе повторения их у потомков выдающихся людей. Однако подобные факты не являются строгими, поскольку не позволяют развести действия наследственности и среды: при выраженных способностях родителей с большей вероятностью создаются благоприятные, а иногда и уникальные условия для развития тех же способностей у детей. Сторонники средового подхода развития креативности утверждают, что, во-первых, характер культуры влияет на тип креативности и процесс ее развития; во-вторых, развитие креативности определяется не генетически, а зависит от культуры, в которой воспитывался ребенок. Семейная среда, где, с одной стороны, есть внимание к ребенку, а с другой стороны, к нему предъявляются различные, несогласованные требования, где мал внешний контроль за поведением, где есть творческие члены семьи и поощряется нестереотипное поведение, приводит к развитию креативности у ребенка. Для развития креативности необходима нерегламентированная среда с демократическими отношениями и подражание ребенка творческой личности [1; 2].

Условия развития креативности личности исследователи делят на несколько групп. Первая группа условий связана с субъектами развития и саморазвития. В структуре этой группы условий выделяют следующие компоненты.

Психофизиологические особенности (включая ведущие репрезентативные системы). Детство, как известно, – период интенсивного становления физиологических и психических функций. Визуальная, аудиальная и кинестетическая системы развиваются у ребенка неравномерно, и это во многом определяет способы восприятия информации, особенности запоминания и воспроизведения. Поскольку индивидуальные репрезентации мира различны, чтобы эффективно осуществлять любые виды коммуникаций (в том числе и творческие) необходимо учитывать различия в развитии репрезентативных систем, используя ведущую модальность, а также расширять способности каждого, развивая другие репрезентативные системы (Р. Бендлер, Д. Гриндер). Врожденные особенности (в том числе, задатки) оказывают существенное влияние на процесс развития, и в значительной мере предопределяют контуры будущих достижений. «Конечно, специальные педагогические технологии могут поправить многое, но не все», – подчеркивает А.И. Савенков. В реальном процессе развития креативности трудно разделить влияние социального и природного факторов. Возрастные особенности и связанные с ними сензитивные периоды в развитии различных видов креативности – важное педагогическое условие. Преждевременное или запаздывающее педагогическое воздействие оказывается недостаточно эффективным и неблагоприятно сказывается на развитии личности [3].

Вторая группа условий предопределяет педагогическую деятельность. Во-первых, это направленность на развитие креативности, организация педагогического про-

странства (психологического и физического), согласно целям творческого развития детей. Во-вторых, содержательное и технологическое обеспечение (программы, методы, средства, формы, процедуры, направленные на диагностику и развитие креативности). Оба направления обеспечиваются следующими педагогическими условиями:

1) организация педагогического взаимодействия как свободы творчества (создание позитивных образцов творческого мышления, поведения, отношений; креативность педагога; ослабление регламентированного, принятие и подкрепление творческого поведения);

2) работа педагога в зоне ближайшего развития креативности личности (педагогические усилия, направленные на идентификацию уровня креативности, создание мотивации творческого саморазвития, продвижение в зону ближайшего творческого развития и саморазвития);

3) организация творческого пространства (доверительные отношения, позитивные ожидания, создание ситуаций успеха; материальные условия для творческой деятельности и др.).

Третья группа условий отражает социальную, включая семейную, ситуацию, т.е. влияние окружения на развитие креативности личности. Педагогический контекст этой группы условий убедительно аргументирует следующее положение. Социальная ситуация развития обладает двухуровневым характером: базовым, который определяет главное содержание развития, и уровнем постепенных, пошаговых изменений, накопление которых приводит к преобразованию базового уровня и всей ситуации в целом (Л.С. Выготский). Для развития креативности имеет значение социальное подкрепление творческого поведения личности, ожидания значимых взрослых (ожидания достижений, успеха, позитивное родительское раннее программирование) [1; 2].

В качестве критериев креативности рассматривается комплекс определенных свойств интеллектуальной деятельности:

1) беглость (количество идей, возникающих в единицу времени);

2) оригинальность (способность производить «редкие» идеи, отличающиеся от общепринятых, типичных ответов);

3) восприимчивость (чувствительность к необычным деталям, противоречиям и неопределенности, а также готовность гибко и быстро переключаться с одной идеи на другую);

4) метафоричность (готовность работать в фантастическом, «невозможном» контексте, склонность использовать символические, ассоциативные средства для выражения своих мыслей, а также умение в простом видеть сложное и, напротив, в сложном – простое [2].

В исследованиях Н.А. Ветлугиной определены показатели, по которым можно судить о качестве творческих отношений, способов действий и продукции детей дошкольного возраста. Первая группа показателей характеризует отношение детей к творчеству: их увлеченность, способность «войти» в воображаемую ситуацию, искренность переживаний. На основе этого интенсивно развиваются художественные способности. Вторая группа включает качество способов творческих действий детей: быстроту реакций, находчивость при решении новых задач, использование различных вариантов, комбинирование знакомых элементов в новые сочетания, оригинальность способов действий. Третья группа – показатели качества продукции: отбор детьми характерных черт жизненных явлений, персонажей, предметов и их отражение в рисунке, музыкальной игре, драматизации, в словесном и песенном творчестве, поиски художественных средств, удачно выражающих личное отношение детей и передающих замысел [4, с. 8].

Экспериментально-практическое исследование по проблеме педагогического сопровождения развития креативных способностей детей старшего дошкольного возраста проводилось в Яслях-саде № 32 г. Бреста. Выборку составило 50 дошкольников. Диагностика уровня развития креативности осуществлялась с помощью методики «Придумай рассказ» (Э. Торренс) и теста «Словесная ассоциация» (Дж. Гилфорд) [2].

На основе теоретического анализа научно-методической литературы были выделены уровни развития креативных способностей у детей старшего дошкольного возраста: собственно творческий (высокий уровень), творчески-воспроизводящий (средний), воспроизводящий (низкий).

1. *Собственно творческий* (высокий уровень). Дети старшего дошкольного возраста проявляют инициативность и самостоятельность принимаемых решений, у них выработана привычка к свободному самовыражению. У ребенка проявляется наблюдательность, сообразительность, воображение, высокая скорость мышления. Дошкольники создают что-то свое, новое, оригинальное, непохожее ни на что другое.

2. *Творчески воспроизводящий* (средний уровень). Характерен для тех детей старшего дошкольного возраста, которые достаточно осознанно воспринимают задания, работают преимущественно самостоятельно, но предлагают недостаточно оригинальные пути решения. Ребенок пытлив и любознателен, выдвигает идеи, но особого творчества и интереса к предложенной деятельности не проявляет. Анализ работы и ее практическое решение идет лишь в том случае, если данная тема интересна и деятельность подкрепляется волевыми и интеллектуальными усилиями.

3. *Воспроизводящий* (низкий уровень). Дети старшего дошкольного возраста, находящиеся на этом уровне, пассивны, с трудом включаются в творческую работу, ожидают подсказки со стороны воспитателя. Эти дошкольники нуждаются в более длительном промежутке времени для обдумывания. Все детские ответы шаблонны, нет индивидуальности, оригинальности, самостоятельности. Ребенок не проявляет инициативы и попыток к нетрадиционным способам игрового поведения.

Диагностическое исследование уровней развития креативности детей старшего дошкольного возраста на констатирующем этапе педагогического эксперимента показало, что у 30 % детей данной выборки средний уровень развития творческих способностей, у 70 % респондентов – низкий.

Для развития креативных способностей старших дошкольников была разработана программа педагогического сопровождения креативности средствами сюжетно-ролевой игры. Задачи программы:

1) развить беглость творческого мышления, т.е. умения придумать и предложить оригинальные замысел и сюжет игры; умения подготовить атрибуты, реквизиты для игры, отличающиеся новизной;

2) развить гибкость творческого мышления, т.е. умения находить оригинальное решение в согласовании ролевых действий с партнерами по игре, подбирать ролевые действия, соответствующие характеру персонажа;

3) развить оригинальность творческого мышления, которая проявляется в словесных и интонационных средствах создания образа, в оригинальности мимики, жестов, поз, движений.

Взаимодействие педагога и дошкольников в сюжетно-ролевых играх состояло в:

- обогащении впечатлений детей с целью разнообразия и оригинальности игровых замыслов;
- обучении развернутым игровым действиям;
- введении в игру предметов-заместителей;

▪ побуждении детей к «действию» с воображаемыми предметами;
▪ обогащении предметной игровой среды обобщенным игровым материалом;
▪ побуждении к принятию разнообразных ролей с передачей действий, взаимоотношений;
▪ участии в детских играх с целью показа игровых действий, игровых высказываний;
▪ показе в играх эмоционально-выразительным движениям, жестам, мимике;
▪ побуждении в игровой обстановке ролевому диалогу по инициативе взрослого участника игры;
▪ обучении в процессе игры и побуждении к самостоятельному проявлению умения ставить друг другу игровую цель, принимать ее, договариваться друг с другом.

Для развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста в сюжетно-ролевых играх использовались следующие приемы:

✓ совместное обсуждение воспитателем с детьми сюжета игр;
✓ введение (и обучение этому детей) дополнительных, главных и второстепенных ролей;
✓ использование в играх предметов-заместителей и обозначение предмета словом с целью предотвращения конфликтов;
✓ использование очередности принятия ролей, пользующихся у детей особой популярностью;
✓ чередование в играх выбора детей на главные и второстепенные роли;
✓ изучение игровых интересов детей и формирование через любимые роли положительных навыков поведения;
✓ корректное обсуждение конфликтных ситуаций в игре [5; 6].

Работа с детьми проводилась в естественных условиях групповой комнаты учреждения дошкольного образования, где была создана обстановка, позволяющая ребенку чувствовать себя раскованно:

1) детям разрешали свободно пользоваться игровым материалом и материалами для творческих сюжетно-ролевых игр;
2) весь игровой материал, атрибуты, реквизиты (элементы костюмов, маски, игрушки и т.д.) располагали в доступных для детей местах;
3) не допускали критики самостоятельных творческих проявлений детей в игре;
4) создавали условия для самостоятельного создания детьми партнерских отношений со сверстниками и взрослыми в сюжетно-ролевых играх.

Программа педагогического сопровождения развития креативных способностей детей старшего дошкольного возраста включает 3 раздела, которые являются взаимосвязанными направлениями по развитию творческих способностей в процессе сюжетно-ролевой игры:

1) обучение ролевому поведению, формирование игровых умений (использование наблюдений, использование наглядного метода);
2) игровые задания на развитие сюжетосложения (использование методов «мозгового штурма», «гирлянды аналогий», «телефонного разговора»);
3) изготовление атрибутов, организация предметно-игровой среды.

По первому направлению мы обучали ролевому поведению, формировали у детей игровые умения. Мы включали ребят в совместную игру или предлагали сюжет в виде небольшого рассказа. Для того чтобы научить ребенка играть в сюжетно-ролевые игры, мы использовали наглядный метод. При ознакомлении с какой-либо профессией детское внимание фиксировалось не только на предметах и явлениях, но и в большей степени на людях, их взаимоотношениях, трудовых действиях. Развитию сюжетно-

ролевой игры способствовало обогащение жизненного опыта детей знаниями и впечатлениями об окружающей действительности, посещение музея, библиотеки, прогулки на природу, наблюдения, беседы, обсуждения. Заинтересовавшая ребенка информация о людях, событиях, профессиях являлась движущей силой для развития нового сюжетного содержания игры. В этом случае педагоги помогали перенести ребенку полученные знания и впечатления в условный сюжет игры. Так появились в группе новые игры: «Дизайнерская студия», «Музей белорусского творчества» и др. В таких играх знания детей обогащались представлениями об окружающей социальной среде, расширялся их кругозор, развивались навыки взаимодействия, что явилось толчком к самостоятельной игровой деятельности.

Далее перед нами стояла задача разработки и проведения сюжетно-ролевых игр, сюжет которых вызвал бы у старших дошкольников наибольшую заинтересованность. Самая любимая детская игра – это игра в семью. В «семью» можно играть по-разному. Все зависит от настроения и фантазии. Можно играть не только в «настоящую» семью, но и в «кукольную», «звериную». Для начала, мы распределяли «роли» между всеми желающими и обговаривали основные действия той или иной «роли». Например, «папа» ходит на работу, помогает выполнять домашние дела, смотрит за детьми. «Ребенок» играет, ходит в детский сад, помогает «маме», шалит. Дети играли в такие семейные игры, как «Дома я помогаю маме», «К нам гости пришли», «Семейный праздник» и др.

Кроме традиционных сценариев, при разработке сюжетно-ролевых игр мы использовали и другие сценарии. Например, мы знаем, что многие путешествуют с родителями. Мы предлагали детям соорудить автобус и повезти на нем к морю пассажиров. Проведение данной игры помогло детям усвоить правила поведения в общественных местах, больше узнать о разных профессиях. Дети находили смысл и идею в самых обыденных и банальных, с точки зрения взрослого, вещах, поэтому мы не ограничивали фантазию детей. Мы считали, что самый неожиданный поворот сценария должен быть реализован в игре.

По второму направлению мы стимулировали развитие сюжетосложения. Детям предлагались игровые задания на развитие умения по-новому комбинировать известные детям сюжеты и события из других игр. Для нас было важным, чтобы ребенок передал общий смысл очередного события. Затем воспитатель предлагал детям: «Давайте играть по-новому! Будем вместе придумывать один общий сценарий игры». По мере овладения умением совместно комбинировать разнообразные сюжеты и события мы стимулировали детей к соединению сюжетосложения. С этой целью детям предлагались роли, принадлежащие разным смысловым сферам (сказочной, фантастической и реальной), т.е. разноконтекстные роли («Космическое путешествие» по знакомой сказке «Незнайка на луне», но с новым сюжетом). С целью развития гибкости и оригинальности творческого мышления у старших дошкольников во время игры использовались задания на развитие умения по-новому комбинировать известные детям сюжеты и события из сказок.

По третьему направлению мы изготовляли вместе с детьми атрибуты и организовывали предметно-игровую среду. Воспитатель подключался к играм детей, внося тем самым предложения использовать какой-то материал для создания игровой обстановки. Дети сооружали из спичечных коробок столы, диваны, кровати. Воспитатель при этом задавал детям вопросы («А что это такое?», «Это будет диван…»), тем самым побуждая малоразговорчивых детей проговаривать действия. Полифункциональные предметы, которые в прежних играх обозначали одни действия, теперь в игровых действиях детей имели совершенно другое обозначение – более оригинальное, творческое.

Эффективность разработанной и апробированной программы педагогического сопровождения развития творческих способностей старших дошкольников средствами сюжетно-ролевой игры показал контрольный этап педагогического эксперимента: 20 % дошкольников продемонстрировали собственно-творческий уровень креативности, 70 % – творчески-воспроизводящий и лишь 10 % дошкольников остались на воспроизводящем уровне развития креативности.

Заключение

Таким образом, проведенное экспериментально-практическое исследование по проблеме развития креативности детей старшего дошкольного возраста позволяет констатировать, что педагоги не достаточно используют психологические возможности дошкольного возраста для педагогического сопровождения детской креативности. Творческие способности у детей развиваются в основном стихийно и в результате не достигают высокого уровня развития. Полагаем, что разработанное программно-методическое обеспечение развития детской креативности посредством сюжетно-ролевых игр будет способствовать совершенствованию педагогических компетенций педагогов по данному направлению образовательной деятельности, эффективно развивать креативные способности дошкольников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дружинин, В. Н. Психодиагностика общих способностей / В. Н. Дружинин. – М. : Академия, 1996. – 224 с.

2. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2008. – 210 с.

3. Савенков, А. И. Одаренные дети в детском саду и в школе / А. И. Савенков. – М. : Академия, 2000. – 232 с.

4. Ветлугина, Н. А. Художественное творчество и ребенок : монография / Н. А. Ветлугина. – М. : Педагогика, 1972. – 287 с.

5. Михайленко, Н. Я. Организация сюжетной игры в детском саду : пособие для воспитателя / Н. Я. Михайленко, Н. А. Короткова. – 2-е изд., испр. – М. : ГНОМ и Д, 2000. – 96 с.

6. Павленко, Г. В. Педагогические условия развития творческих способностей старших дошкольников в сюжетно-ролевой игре : дис. … канд. пед. наук : 13.00.07 / Г. В. Павленко. – М., 1998. – 227 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.10.2017

Alexandrovich T.V., Galaburda T.M. **Pedagogical Accompaniment of the Development of Creative Abilities of Children Under School Age: Theoretical Bases and Ways of Solution**

In the article the necessity of development of creative abilities of the individual in the early stages of ontogenesis is justified; the factors, conditions and means for the development of children's creativity are identified; the program of pedagogical accompaniment of creativity in children under school age during narrative role-playing games is developed and experimentally tested.

УДК 378.016

Г.И. Займист[1], Е.Н. Григорович[2]
[1]канд. филос. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
[2]канд. социол. наук, доц., декан юридического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: [1]zaimist@brsu.brest.by; [2]grigorovich@brsu.brest.by

АКАДЕМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕДАДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА (опыт юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина)

В статье рассматривается система академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов первого курса, в том числе иностранных обучающихся, юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина по направлениям и формам работы в управленческом, обучающем и воспитательном аспектах, представленная в проектной деятельности факультета с 2015 г. по настоящее время.

Введение

Цель данного исследования – обобщить и представить опыт проектной деятельности по академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов I курса юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина за период с 2015 г. по настоящее время. В ходе реализации проекта отдельные его аспекты нашли отражение в публикациях авторов [1].

На начальном этапе данного проекта возникла необходимость четкого определения таких ключевых понятий, как «академическая адаптация студента» и «профессиональная предадаптация студентов-первокурсников»: именно от этого во многом зависело наполнение содержанием процессной составляющей проектной деятельности. Авторы исходили из нижеследующих определений ключевых понятий.

Академическая адаптация студента – это процесс приобщения студента к условиям вузовского образовательного процесса, в результате чего он становится субъектом образовательной деятельности и новых отношений в университетской среде. В ее основе лежат противоречия между требованиями, предъявляемыми условиями новой среды, и готовностью личности студента к ним на основе предшествующего опыта. Разрешение данных противоречий путем перестройки деятельности и поведения личности студента, а также регулирующего влияния объективных факторов, обусловливает динамику и результативность процесса обучения, показателями которой выступают качественные изменения в структуре личности студента и моделях ее поведения в новой ситуации.

Профессиональная предадаптация студентов-первокурсников – понятие, отражающее процесс формирования у студентов первого курса общепрофессиональных компетенций в процессе изучения социально-гуманитарных и общепрофессиональных дисциплин на основе методов контекстного обучения (А.А. Вербицкий), а также специальных научно- и учебно-организационных профориентационных мероприятий.

Актуальность научного исследования и необходимость совершенствования работы по академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов-первокурсников обусловлена рядом факторов.

Во-первых, в соответствии со стратегией формирования и развития ключевых компетенций в процессе образования, сформулированной и принятой Советом Европы

на симпозиуме «Ключевые компетенции для Европы» (Берн, 1996 г.), современный человек, в частности специалист, должен обладать социальными, поликультурными, коммуникативными, технологическими и когнитивными компетенциями. Когнитивные компетенции сформулированы как способность учиться на протяжении жизни, в качестве основы непрерывного обучения в контексте как личной профессиональной, так и социальной жизни. Когнитивные компетенции в специальных исследованиях и руководящих документах определяются как академические. В связи с этим необходимость формирования академических компетенций на ранних этапах обучения приобретает особую актуальность, в особенности в контексте вступления Республики Беларусь в Болонский процесс.

Во-вторых, возросшими требованиями к современному специалисту, заложенными в соответствии с компетентностным подходом в образовательные стандарты Республики Беларусь для получения высшего образования последнего поколения (2013 г.). В данных стандартах формирование академических компетенций определено в качестве обязательного требования для всех специалистов. Они предполагают совокупность знаний, умений и навыков будущего специалиста самостоятельно проектировать, управлять и организовывать учебную и исследовательскую деятельность как в период обучения в вузе, так и в последующей профессионализации.

В-третьих, проблема исследования актуализируется также и некоторыми трудностями современной молодежи в выборе профессии, связанными с ее установками на личностный смысл ценности образования, в т.ч. высшего, в формировании собственной профессионально-образовательной траектории «школа – вуз – рынок труда». На ориентацию молодежи на ценность и смысл высшего образования значительно влияют такие социальные факторы, как конъюнктура рынка труда, престижность профессии, доступность и качество высшего образования и др.

В-четвертых, современные условия труда и запросы работодателей формируют новые требования к специалистам, происходит рост значения общепрофессиональных и надпрофессиональных компетенций специалиста, гармонично дополняющих специальные профессиональные компетенции и дающих будущему специалисту ключ к успешной профессиональной карьере. Эти качества формируют основу компетенций универсального специалиста, востребованность которого на рынке труда все больше возрастает. Это специалист, который с одинаковым успехом может совмещать в себе несколько профессий или обладать компетенциями для решения задач в разнообразных отраслях. Все это делает весьма актуальной проблему академической адаптации и профессиональной предадаптации первокурсников.

В-пятых, актуальность темы обусловлена также противоречием, в которое попадают вчерашние учащиеся, становясь первокурсниками. Новые методы и формы обучения в высшей школе, в особенности методы самостоятельной работы, требуют от вчерашних учащихся новых академических компетенций, которым, к сожалению, не обучают (или слабо обучают) в школе. В специальных исследованиях эту проблему отмечают как дефицитарность академических компетенций современных студентов. Прежде всего речь идет о таких академических компетенциях как читательская, информационная (навыки работы с информацией и информационно-компьютерная компетентность), компетенции академического чтения и письма.

В-шестых, необходимость академической адаптации и профессиональной предадаптации на первом курсе будущих специалистов предопределена вызовами современного информационного общества и отвечает требованиям международных и национальных стандартов высшего образования. В самом общем виде это требование определено как *академическая грамотность*, под которой понимают совокупность специаль-

ных навыков и компетенций, связанных с освоением и передачей информации, владением методами трансформации информации из одного состояния в другое в процессе обучения на всех его этапах, с последующей трансформацией данной компетентности в дальнейшей профессиональной деятельности.

В понятии «академическая грамотность» отражается сама суть новой парадигмы образования, которая характеризуется следующими факторами:

1) смещение основного акцента с усвоения значительных объемов информации на овладение способами, методиками и технологиями непрерывного приобретения новых знаний и умения учиться самостоятельно;

2) освоение навыков высокой информационной и читательской культуры работы с любой информацией; самостоятельного, продуктивного и инновационного типа мышления в противоположность репродуктивному.

Формирование академической грамотности (академической компетентности) будущих специалистов должно начинаться с первых их шагов на пути к будущей профессии. Актуальность исследуемой проблемы явилась основанием создания на юридическом факультете Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина специального проекта по академической и профессиональной предадаптации первокурсников, который действует с 2015 г. по настоящее время.

В соответствии с проектом на факультете определены:

✓ целевые направления проектной деятельности: а) формирование академической грамотности студентов первого курса, б) формирование общепрофессиональной компетентности первокурсников, в) создание условий для профессиональной предадаптации первокурсников;

✓ учебные и внеучебные формы работы по формированию академических и общепрофессиональных компетенций первокурсников;

✓ субъекты взаимодействия в процессе профессиональной предадаптации первокурсников из числа организаций-заказчиков, с которыми заключены договоры о взаимодействии при подготовке кадров: Главное управление юстиции Брестского облисполкома, Прокуратура Брестской области, Управление Следственного комитета Республики Беларусь по Брестской области, Брестское областное унитарное предприятие «Управление жилищно-коммунального хозяйства», адвокатское бюро «ПравоВиК», частное предприятие «Юридическое бюро Олега Панина» и др.;

✓ целевая группа учащихся средних специальных учреждений образования для реализации ряда внеаудиторных профессионально-ориентированных научных и учебно-воспитательных мероприятий;

✓ формы участия представителей органов студенческого самоуправления, в частности Совета СНО факультета, в процессе академической адаптации и профессиональной предадаптации первокурсников;

✓ тематика постоянно-действующего учебно-методического семинара для преподавателей юридического факультета по проблемам академической адаптации и профессиональной предадаптации первокурсников;

✓ формат мониторинга студентов, в том числе иностранных обучающихся, по вопросам их академической адаптации к условиям университетской среды;

✓ система академической адаптации и профессиональной предадаптации первокурсников юридического факультета, обеспечивающая формирование у них академических и общепрофессиональных комптетенций.

Цели проекта:

1) учебно- и организационно-методическое обеспечение, поддержка и сопровождение студентов первого курса юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина в их профессиональном самоутверждении и самоактуализации;

2) формирование у студентов младших курсов ценностных мировоззренческих ориентаций и представлений о социальной значимости будущей профессиональной деятельности;

3) создание на факультете образовательной среды для академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов-первокурсников.

Задачи проекта:

1) совершенствование управления процессом академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов первого курса юридического факультета (планирование соответствующих мероприятий, отчеты об их выполнении, рассмотрение вопросов на заседаниях кафедр совета факультета, совета студенческого научного общества);

2) развитие у студентов-первокурсников академических и общепрофессиональных компетенций на основе организации специального теоретического и практического обучения как в рамках специальных дисциплин вузовского компонента, так и курсов по выбору или факультативов;

3) проведение внеаудиторных профессионально-ориентированных научных и учебно-организационных мероприятий для студентов I курса;

4) организация научно- и учебно-методических семинаров для преподавателей кафедр факультета по теоретическим и методическим вопросам академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов-первокурсников;

5) координация научно-организационных и профориентационных мероприятий, проводимых совместно с учащимися Брестского филиала ЧУО «Колледж бизнеса и права», филиала «Политехнический колледж» УО «Брестский государственный технический университет», УО «Брестский государственный торгово-технологический колледж» (по согласованию в соответствии с существующими договорами между университетом и указанными учреждениями образования о подготовке специалистов с высшим образованием на базе среднего специального образования в сокращенные сроки обучения по юридическим и экономическим специальностям);

6) мониторинг процесса академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов первого курса юридического факультета, в том числе иностранных обучающихся, по отдельной программе.

Целевая аудитория:

1) студенты I курса, в том числе иностранные обучающиеся, специальностей «Правоведение» и «Бизнес-администрирование» юридического факультета Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»;

2) учащиеся старших курсов Брестского филиала ЧУО «Колледж бизнеса и права», филиала «Политехнический колледж» УО «Брестский государственный технический университет», УО «Брестский государственный торгово-технологический колледж».

Направления проектной деятельности:

1. Управление процессом академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов первого курса юридического факультета.

Особую роль в реализации цели и задач проекта имеет постоянное заслушивание на заседании совета факультета вопросов академической и профессиональной пре-

дадаптации студентов младших курсов, в особенности из числа иностранных обучающихся. Совет СНО юридического факультета ежегодно проводит серию профориентационных мероприятий со студентами I курса: «Значение научно-исследовательской деятельности студента в профессиональном становлении юриста/менеджера-экономиста», «Особенности социально-личностных компетенций менеджера-экономиста», «Гражданская позиция юриста как социально-личностная компетенция», «Требования к юристам как компетентным специалистам в Туркменистане» и т.п.

2. Развитие у студентов-первокурсников академических и общепрофессиональных компетенций на основе организации специального теоретического и практического обучения в рамках специальных дисциплин вузовского компонента и курсов по выбору студента или факультативов.

На факультете на I курсе на всех специальностях и формах обучения преподается спецкурс вузовского компонента «Методология учебной и научно-исследовательской деятельности студента». Цель спецкурса – ознакомить обучающихся с особенностями учебной и научно-исследовательской деятельности студентов в высшем учебном заведении, с системой высшего образования, со структурой учебного плана конкретной специальности, академическими компетенциями студента университета и современными стратегиями академического чтения и письма, стимулирование потребности студентов в самообразовательной деятельности и саморазвитии с последующим ее преобразованием в профессиональную потребность.

С 2016–2017 учебного года для студентов I курса специальностей «Правоведение» и «Бизнес-администрирование» юридического факультета введены факультативы:

1. «Культура профессиональной деятельности юриста». Цель факультатива – на основе знаний, полученных студентами в процессе изучения ими социально-гуманитарных и общепрофессиональных дисциплин, сформировать у них представление о культуре профессиональной деятельности юриста; освоение современных стандартов и образцов профессиональной культуры с учетом специфики приобретаемой квалификации; приобретение навыков по оптимальному использованию норм служебного и речевого этикета.

2. «Профессиональная культура менеджера-экономиста». Цель факультатива – освоение студентами современных стандартов и образцов профессиональной культуры с учетом специфики приобретаемой квалификации.

3. «Техника юридического письма». Цель факультатива – формирование у студентов I курса специальности «Правоведение» компетенций в области культуры юридического письма (этика, язык и особенности оформления юридического текста).

3. Внеаудиторные профессионально-ориентированные научные и учебно-организационные мероприятия.

Ниже перечислены отдельные, ставшие традиционными, профессионально ориентированные научно- и учебно-организационные мероприятия для студентов I курса юридического факультета: научно-методическая конференция-презентация «Значение научно-исследовательских компетенций в практической деятельности юриста» с участием работников прокуратуры Брестской области; факультетский студенческий научно-практический семинар для студентов младших курсов «Современные стратегии выбора и описания методологического аппарата студенческой научной работы»; областной учебно-методический семинар «Работа с теоретическими источниками по праву при написании курсовых и дипломных работ»; семинар-презентация «Знание закона – основа успешной карьеры юриста» с участием специалистов Регионального центра правовой информации Брестской области; профориентационное мероприятие «Они служат

закону, правде и справедливости» с участием номинантов по Брестской области разных лет премии «Фемида» общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов»; областные Рождественские студенческие научные чтения «Профессиональная культура специалиста: особенности формирования через учебную и научно-исследовательскую деятельность студента»; ежегодная в период проведения «Недели знаний» презентация кураторов и старшекурсников «Наши успешные выпускники» и др. В мероприятиях участвуют учащиеся Брестского филиала ЧУО «Колледж бизнеса и права», филиала «Политехнический колледж» УО «Брестский государственный технический университет», УО «Брестский государственный торгово-технологический колледж» [2].

4. Организация научно- и учебно-методических семинаров для преподавателей кафедр факультета по теоретическим и методическим вопросам академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов-первокурсников.

Ежегодно учебно-методическая комиссия факультета организует для преподавателей межфакультетские и факультетские учебно-методические семинары «Научно-методические и практические проблемы организации учебной работы с иностранными обучающимися»; «Обучение студентов современным стратегиям академического чтения»; «Актуальные проблемы адаптации студентов I курса к образовательному пространству университета» и т.п.

5. Мониторинг процесса академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов первого курса юридического факультета, в том числе иностранных обучающихся.

В течение учебного года мониторинг процесса академической адаптации и профессиональной предадаптации студентов I курса юридического факультета, и в частности иностранных обучающихся, проводится дважды. Цель мониторинга – определение мотивационных установок студентов первого курса на учебную и научно-исследовательскую деятельность, их готовности к университетским формам организации учебного процесса, выявление динамики и резервов для совершенствования процесса их академической адаптации. Результаты мониторинга заслушиваются на заседаниях кафедр и совета факультета, принимаются соответствующие решения.

Результативность проекта академической адаптации и профессиональной предадаптации первокурсников юридического факультета может быть представлена следующими показателями.

Во-первых, как показали опыт реализации проекта и наши исследования, к концу I курса у студентов формируется устойчивое представление о себе как субъекте образовательного процесса, повышается ответственность за результаты своей учебной деятельности. Субъектность студента – интегративная его характеристика как личности, предполагающая наличие у него активности и сознательности, способности к целеполаганию, способности к осуществлению самостоятельного выбора в любых учебных ситуациях, способности управления процессом достижения цели, способности к принятию на себя ответственности за результаты своей учебной деятельности. Субъектность студента в образовательном процессе является концептуальным основанием образовательных стандартов Республики Беларусь по подготовке специалистов с высшим образованием последнего поколения (2013 г.).

Во-вторых, студенты осваивают проектный метод в образовательном процессе, предполагающий выстраивание ими траектории своей учебной деятельности и управление процессом ее реализации на весь период обучения на основе знания структуры учебного процесса, знакомства с учебными планами подготовки специалиста. Форми-

руется мотивация и осваиваются формы по выполнению объема часов, выделяемых на самостоятельное изучение дисциплин, а также внеаудиторных видов учебной и научно-исследовательской деятельности студента.

В-третьих, зафиксирована динамика повышения успеваемости студентов I курса. Например, абсолютная успеваемость студентов I курса юридического факультета за первый семестр 2016–2017 учебного года возросла на 2,8 % по сравнению с соответствующим периодом 2014–2015 учебного года (начало проекта), а также на 8 % возросло качество успеваемости.

В-четвертых, усвоенные первокурсниками академические и общепрофессиональные компетенции, как показывают результаты мониторинга, в дальнейшем способствуют успешному усвоению ими специальных профессиональных компетенций.

В-пятых, участие студентов в мероприятиях проекта способствует формированию у них компетенций академического чтения, повышается их информационная и читательская грамотность вследствие усвоения ими современных типов, видов и форм работы с учебными, научными и деловыми текстами.

В-шестых, фиксируется сформированность компетенций академического письма, вследствие чего повышается качество студенческих научных работ.

В-седьмых, на II курсе повышается активность участия студентов в научно- и учебно-организационных мероприятиях.

В-восьмых, в процессе реализации мероприятий проекта у первокурсников формируются компетенции дискурсивных практик, столь важных в профессиональной деятельности юриста и менеджера-экономиста.

В-девятых, повышается культура методологического мышления первокурсников, формируются навыки методологии научного аппарата исследовательской и практической деятельности будущего юриста и менеджера-экономиста.

В-десятых, уменьшаются сроки академической адаптации студентов заочной сокращенной формы получения высшего образования, большая часть из которых – бывшие учащиеся средних специальных учреждений образования, составляющие внешнюю целевую аудиторию данного проекта.

Заключение

1. Результативность реализации на юридическом факультете Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина проектного подхода по академической адаптации и предпрофессиональной адаптации первокурсников показала его эффективность.

2. Академическая адаптация и предпрофессиональная адаптация студентов I курса является важным и необходимым этапом подготовки современного успешного специалиста.

3. В ходе реализации проекта выявлена необходимость дальнейшего совершенствования критериев оценки и показателей измерения уровня сформированности у студентов I курса академических и общепрофессиональных компетенций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Займист, Г. И. Обучение будущих юристов академическим компетенциям [Электронный ресурс] / Г. И. Займист, Е. Н. Григорович // Вучон. зап. Брэсц. ун-та : зб. навук. прац. – 2014. – Ч. 1. Гуманітар. і грамад. навукі. – Вып. 10. – С. 55–60. – Режим доступа: http://lib.brsu.by/node/849; Займист, Г. И. Академическая адаптация иностранных студентов (из опыта юридического факультета БрГУ имени А. С. Пушкина) [Элек-

тронный ресурс] / Г. И. Займист, Е. Н. Григорович // Вучон. зап. Брэсц. ун-та : зб. навук. прац. – 2015. – Гуманітар. і грамад. навукі. – Вып. 11. – С. 97–102. – Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/files/vesnik/vuchonyya_zapiski._-vypusk_-11._-_ch._1._-2015.pdf; Займист, Г. И. Академическая грамотность будущих специалистов: проблема формирования соответствующих компетенций [Электронный ресурс] / Г. И. Займист, Е. Н. Григорович // Вучон. зап. Брэсц. ун-та : зб. навук. прац. – 2016. – Ч. 1. Гуманітар. і грамад. навукі. – Вып. 12. – С. 150–157. – Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/files/vesnik/vuchonyya_zapiski._ch._1._gumanitarnyya_i_gramadskiya_navuki._-2016.pdf; Григорович, Е. Н. Практикоориентированный подход в обучении как инструмент повышения конкурентоспособности выпускников юридического факультета / Е. Н. Григорович, Т. А. Горупа // Выш. шк. – 2015. – № 4. – С. 28–31; Григорович, Е. Н. Инновации в организации учебного процесса как условие подготовки конкурентоспособного специалиста / Е. Н. Григорович // Подготовка конкурентоспособного специалиста в современных условиях : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию БрГУ им. А. С. Пушкина, Брест, 27–28 окт. 2015 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под общ. ред. Н. Н. Сендера. – Брест : БрГУ, 2016. – С. 33–35; Займист, Г. И. Ценность современного высшего образования [Электронный ресурс] / Г. И. Займист // Аксиологические и антропологические проблемы образования и воспитания студенческой молодежи : сб. науч. работ / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Г. И. Займист, П. П. Крусь, А. В. Климович. – Брест : Изд-во БрГУ, 2016. – С. 15–19. – Режим доступа: http://lib.brsu.by/node/1203.

2. Значение научно-исследовательских компетенций в практической деятельности юриста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brsu.by/div/znachenie-nauchno-issledovatelskih-kompetentsij-v-prakticheskoj-deyatelnosti-yurista; Факультетский студенческий научно-практический семинар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brsu.by/div/fakultetskij-studencheskij-nauchno-prakticheskij-seminar; 2-й Обл. учеб.-метод. семинар для студ. младших курсов на тему «Работа с теоретическими источниками по праву при написании курсовых и дипломных работ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brsu.by/div/oblastnoj-uchebno-meto-dicheskij-seminar-dlya-studentov; IX Межфакультет. Рождествен. студенч. науч. чтения «Профессиональная культура специалиста: особенности формирования через учебную и научно-исследовательскую деятельность студента» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brsu.by/div/ix-mezhfakultetskie-rozhdestvens-kie-studencheskie-nauchnye-chteniya; Наши успешные выпускники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/files/law/01.06.2016_vypuskniki.-yurfak_-_kopiya_2_0.ppt.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2017

Zaimist G.I., Grigorovich E.N. **Academic Adaptation and Professional Pre-adaptation of First-Year Students (Experience of Law Department of Brest State University Named after A.S. Pushkin)**

The article considers the system of academic adaptation and professional pre-adaptation of first-year students, as well as of foreign students studying at Law faculty of Brest State University named after A.S. Pushkin according to the directions and work forms in management, learning and educational aspects, presented in project activity of the faculty since 2015 to the present time.

УДК 378.016=111

Н.В. Иванюк
канд. пед. наук, доц., доц. каф. иностранных языков
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ivaniuknv@yandex.by

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗА

Рассматриваются некоторые теоретические и практические аспекты формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов. Уточняется понятие «иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция», анализируются компоненты данной компетенции, обосновывается необходимость формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей вуза.

Введение

В условиях глобализации и информатизации, когда интенсивность экономического, научного и культурного взаимодействия постоянно повышается, современному специалисту приходится ориентироваться в потоке знаний и уметь выделять полезную для себя информацию. Однако эта информация не всегда существует на родном для него языке, поэтому знание иностранного языка является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки. Предпочтение при этом отдается тем, кто владеет иностранными языками активно.

На современном этапе развития высшей школы формирование профессиональной компетенции специалиста немыслимо без интеграции в общую систему языкового образования. В связи с этим назрела необходимость пересмотра, а также трансформации традиционных целей и задач обучения иностранным языкам.

В настоящее время практическая цель обучения иностранным языкам в вузе заключается в усвоении студентами правил функционирования системы языка в процессе иноязычного общения, в развитии у них способности организовать свою речевую деятельность адекватно ситуации общения, в ознакомлении с особенностями национальной культуры, норм и правил поведения, системы ценностей, принятых в стране изучаемого языка. Практическая цель обучения иностранным языкам предполагает также включение иноязычной речевой деятельности в контекст профессиональной деятельности будущего специалиста, поэтому она тесно связана с профессиональной целью обучения иностранному языку, которая заключается в формировании умений профессионального и делового общения в предполагаемых коммуникативных ситуациях.

Процессы реформирования высшей школы, переход на новые программы вызвали необходимость уточнения и дополнения понятия «иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция». Являясь компонентом всей системы формирования профессиональной компетентности будущего специалиста, иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция обладает четкой структурой и должна быть проанализирована как система, состоящая из структурных элементов.

Прежде чем выделить структурные единицы, образующие систему иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции, необходимо уточнить само понятие.

Коммуникативный аспект понятия «коммуникативная компетенция» исследуется многими отечественными и зарубежными учеными (И.Л. Бим, И.А. Зимняя, М.Н. Вятютнев, Н.И. Гез, Е.И. Пассов, В.В. Сафонова, Г. Пифо, Дж. Савиньон, Д. Хаймз, Д. Равен и др.). В силу этой причины существует множество различных мнений относительно ее структуры, так же как и значительное количество дефиниций исследуемой компетенции. Мы полагаем, что причинами являются многоаспектность данной категории, а также особенности перевода термина «коммуникативная компетенция». Выражение «communicative competence» в переводе с английского языка означает «коммуникативная компетентность» и «коммуникативная компетенция». Мы придерживаемся мнения о необходимости разделения понятий «компетентность» и «компетенция», поскольку понятие «компетентность» может быть определено как способность человека к практической деятельности, а «компетенция» – содержательная сторона этой способности в виде знаний, умений, навыков [1].

Преподавание дисциплины «Иностранный язык» на нелингвистических специальностях высшего учебного заведения предполагает развитие наряду с коммуникативной компетенцией иноязычной коммуникативной компетенции студентов. Так, некоторые российские исследователи (И.А. Зимняя, Н.И. Гез, Г.И. Богин, Е.И. Пассов и др.) характеризуют иноязычную коммуникативную компетенцию только как способность понимать и продуцировать большое количество предложений с помощью языковых знаков, в то время как зарубежные ученые (Дж. Равен, Н. Хомский) придают данному понятию более широкое значение, включая в его структуру следующие компоненты: лингвистический, социолингвистический и прагматический [2]. При этом лингвистический компонент представляет собой фонологические, лексические и грамматические знания и умения. Социолингвистический компонент представлен социокультурными условиями использования языка. Прагматический компонент предполагает порождение речевого акта [3].

Дж. Савиньон анализирует четыре составляющие исследуемой компетенции: грамматическую, социолингвистическую, компенсаторную и компетенцию речевой стратегии [4]. Д.Р. ван Эк рассматривает лингвистический, социолингвистический, стратегический, социокультурный, дискурсивный и социальный компоненты [5]. Д.Р. ван Эк характеризует дискурсивную компетенцию как умение организовывать языковой материал в связный текст. Стратегическая (Д.Р. ван Эк), или компенсаторная (Дж. Савиньон), компетенция определяется как умение использовать вербальную и невербальную коммуникативные стратегии с тем, чтобы компенсировать недостаток знаний грамматического строя языка. Социокультурная компетенция представляет собой знание национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка и умение пользоваться ими в процессе коммуникации. Социокультурная компетенция – это компетенция, направленная на достижение межкультурного понимания. В.В. Сафонова в структуре иноязычной коммуникативной компетенции выделяет языковую (грамматическую, лингвистическую), речевую (прагматическую, стратегическую, дискурсивную), социокультурную компетенции [1]. Ряд исследователей не только анализируют коммуникативную компетенцию с позиции языковых знаний, умений и навыков, но и акцентируют внимание на их ситуативном употреблении в учебной, научно-исследовательской, социально-бытовой, профессиональной и других сферах общения.

В связи с этим целесообразным является обращение к исследованиям, рассматривающим коммуникативную компетенцию применительно к профессиональной подготовке будущих специалистов различного профиля. Так, В.Ф. Аитов связывает ино-

язычную коммуникативную компетенцию с готовностью и способностью будущего специалиста, не изучающего иностранный язык на лингвистическом факультете, применять полученные знания для осуществления иноязычной межкультурной коммуникации [6]. По мнению Т.М. Балыхиной, коммуникативная компетенция – это «способность посредством языка и социокультурных знаний устанавливать межличностное общение в профессиональной (учебной, научной, производственной) сфере и ситуациях человеческой деятельности» [7]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что иноязычная коммуникативная компетенция может быть представлена как единство языковых и речевых средств, а также способность их использовать в различных сферах деятельности и коммуникативных ситуациях.

Мы полагаем, что необходимо детально рассмотреть понятие «профессиональная компетенция» и проанализировать различные подходы к его трактовке. Исследованием данной категории занимались А.А. Бодалев, И.Ф. Исаев, А. К. Маркова, Н.В. Кузьмина и др. Н.В. Кузьмина ограничивает профессиональную компетенцию специалиста рамками совокупности свойств личности и выделяет следующие ее составляющие: специальная компетентность, методическая компетентность, социально-педагогическая компетентность (сфера коммуникаций), дифференциально-психологическая компетентность, аутопсихологическая компетентность (достоинства и недостатки собственной деятельности и личности) [8]. А.К. Маркова рассматривает профессиональную компетенцию как более широкое понятие в двух ее аспектах: как психическое состояние специалиста, позволяющее ему действовать самостоятельно, и как обладание умениями выполнять профессиональные функции [9]. Л.М. Митина в исследовании профессиональной компетенции делает акцент на профессиональных знаниях, при этом не умаляя роли личностного фактора при определении данного понятия. В структуре профессиональной компетентности Л.М. Митина выделяет деятельностную, коммуникативную, личностную подструктуры [10]. Если Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.М. Митина характеризуют отдельные аспекты труда и личностные характеристики специалиста, то В.А. Хуторской в понятие «профессиональная компетенция» включает обобщенные способы действий, обеспечивающие продуктивное, эффективное выполнение профессиональной деятельности.

Итак, на основе анализа понятий «иноязычная коммуникативная компетенция» и «профессиональная компетенция» считаем целесообразным определять иноязычную профессионально-коммуникативную компетенцию как сложный профессионально-личностный языковой ресурс обучающихся, обеспечивающий коммуникацию в заданной речевой ситуации (при этом необходимым условием является соблюдение речевых норм) и позволяющий регулировать коммуникативное поведение в сфере профессиональной коммуникации. Структуру иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции составляют следующие элементы:

1) коммуникативный (корректное использование языковых единиц в соответствии с задачами профессиональной коммуникации);

2) профессиональный (система специальных знаний, умений и навыков);

3) рефлексивный (анализ ситуаций профессионального коммуникативного общения);

4) когнитивный (общепрофессиональные знания, умения и навыки и владение иностранным языком);

5) психологический (формирование у студентов готовности к осуществлению того или иного вида профессиональной деятельности).

Опыт показывает, что заинтересованность в изучении предмета, иностранного языка в частности, значительно возрастает, если обучающийся осознает его значимость и четко представляет себе возможности его использования в будущей практической деятельности, когда целью обучения становятся умения и навыки, которые в перспективе будут способствовать повышению конкурентоспособности и шансов на успех в науке, бизнесе либо другой профессиональной деятельности.

Не вызывает сомнения тот факт, что необходимым условием для овладения иностранным языком в качестве средства профессионального общения являются лингвистические и лингвострановедческие знания. Обладая определенным запасом лингвистических знаний, полученных в средней школе, студенты углубляют и совершенствуют свои языковые знания с целью усвоения максимально большего количества лексических и грамматических единиц, необходимых для устной и письменной иноязычной коммуникации. Вместе с тем знакомство с географическим положением, историческим развитием, политическим и экономическим устройством, культурой и искусством, традициями общественной жизни стран изучаемого языка также является важным условием социокультурной подготовки специалиста, на основе которой будет осуществляться профессиональная коммуникация [11].

Важную роль в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку играют когнитивно-коммуникативные умения, к которым следует отнести чтение и аудирование. Когнитивный характер указанных рецептивных умений обусловлен необходимостью осуществления умственных действий, направленных на преодоление, как лексико-грамматических, так и лингвострановедческих, а также стилистических трудностей. Известно, что в процессе понимания аутентичных текстов происходит выполнение ряда мыслительных операций, которые способствуют интеллектуальному развитию обучаемых. В процессе обучения чтению и аудированию студенты не только получают новую информацию практически о всех сферах жизни стран изучаемого языка, но и расширяют уже имеющиеся знания в различных областях науки и техники, образования и культуры, экономики и политики.

Одним из важных элементов способности эффективного использования иностранного языка с целью извлечения и передачи информации является совершенствование и доведение до автоматизма коммуникативных умений и навыков в новых коммуникативных ситуациях. К основным навыкам относятся: стандартные навыки говорения, чтения, аудирования и письма; знание лексических единиц и навыки использования правил, которые дают возможность трансформировать эти единицы в высказывания; умение пользоваться языковыми средствами в соответствии с целями, местом, временем и сферами коммуникации; умение планировать свое речевое поведение и строить последовательные, логичные и аргументированные высказывания; умение анализировать коммуникативные ситуации, принимать адекватное данным ситуациям решение относительно своего речевого поведения, а также способность пользоваться вербальными и невербальными элементами собственного речевого опыта с тем, чтобы суметь компенсировать существующие недочеты в знании иностранного языка; умение пользоваться как устными, так и письменными формами речевой деятельности.

Возможности использования иностранного языка специалистами (юристами, экономистами, географами, биологами и др.) в сферах профессиональной коммуникации широки, следовательно, предусмотреть и охватить их всецело в процессе преподавания иностранного языка в вузе не представляется возможным. Однако, проанализировав многочисленные публикации отечественных и зарубежных ученых и методистов,

можно определить круг наиболее важных, а значит, и обязательных для включения в программу сфер общения, а именно: социально-культурная, общественно-политическая, повседневно-бытовая и профессиональная. При этом под профессиональной подразумеваются научная, производственная и коммерческая сферы общения. Необходимо отметить, что каждая из сфер профессиональной коммуникации проявляется в конкретных ситуациях общения, которые определяют условия взаимодействия участников, их социальные роли и функциональные обязанности. В связи с этим перед преподавателем встает задача моделирования на занятиях как можно большего количества различных ситуаций устного и письменного общения, которые будут способствовать подготовке студентов к реалиям их будущей профессиональной деятельности и включению в процесс иноязычной профессиональной коммуникации.

Моделирование на занятиях по иностранному языку – это воспроизведение ситуации и условий общения, а также профессиональных контактов специалистов с целью развития иноязычной компетенции. Использование моделирования обеспечивает возможность формирования и совершенствования профессиональных умений и навыков в условиях, максимально приближенных к реальным условиям коммуникации. Моделирование при этом представляет собой имитирование существующей системы иноязычного общения посредством создания специальных моделей. В данных моделях воспроизводятся принципы организации и функционирования системы иноязычной коммуникации.

В методической системе обучения иностранному языку на основе имитационно-игрового общения содержание обучения представлено как обобщенная модель естественной коммуникации, участники которой обладают определенными умениями и навыками иноязычного общения, а также способны соотносить языковые средства с нормами речевого поведения, свойственными носителям изучаемого языка.

В виду того, что изучить язык специальности и сформировать соответствующие ему коммуникативные умения и навыки отдельно от составляющих профессиональную компетенцию специалиста фактологических данных практически невозможно, обучение профессионально ориентированному языку должно учитывать тематическую обусловленность используемых учебных материалов. Поскольку иностранный язык изучается на I–II курсах неязыковых специальностей вуза, во избежание проблем содержательного плана целесообразно ограничиться темами общепрофессионального и общенаучного характера, связанными с будущей профессией студентов. При этом критерием отбора тем выступают их соответствие поставленным целям обучения и доступность в когнитивном плане. Так, учебная программа по иностранному языку для географического факультета предусматривает следующие темы: «География как наука. Отрасли географии», «Из истории географических открытий», «Известные географы», «Географическая характеристика Республики Беларусь», «Экономика Беларуси», «География Великобритании», «Экономика Великобритании», «Географическая характеристика США», «Человек и окружающая среда», «Экологические проблемы». В каждом из разделов возможно подразделение на несколько подтем. Однако в целом содержание учебных материалов должно соответствовать следующим методическим требованиям: быть доступным, последовательным, коммуникативным и системным; развивать основные речевые навыки (чтение, аудирование, говорение и письмо).

Необходимо также отметить, что характерной особенностью изучения языка будущей профессии является сложность усвоения значительного количества терминологической лексики и понятий, относящихся к различным сферам профессиональной деятельности. Несомненно, изучение специальной лексики, семантико-функциональных,

структурно-функциональных, морфолого-синтаксических, функционально-стилистических, текстуальных и других особенностей языка специальности представляет когнитивную значимость для обучаемых. Однако за короткий период изучения иностранного языка в вузе студентам не представляется возможным изучение всей специальной терминологии. Полагаем, что развитие способности студентов пользоваться специальными словарями, глоссариями, справочниками в поиске значений незнакомых слов и выражений является более значимым умением, развитию которого стоит уделить особое внимание. Считаем необходимым также остановиться на системе упражнений, выполняемых как на практических занятиях, так и в процессе самостоятельной внеаудиторной учебной деятельности.

Мы разделяем мнение Р.К. Миньяр-Белоручева о том, что «система упражнений является основой системы обучения и отличается научностью, взаимообусловленностью упражнений, их доступностью, повторяемостью речевых действий, языкового материала, коммуникативной направленностью» [12]. Основным требованием, предъявляемым к упражнениям при профессионально-ориентированном обучении иностранному языку, являются соответствие целям и задачам обучения, дифференцированность в зависимости от видов развиваемых умений и навыков, от характера репродуктивности либо продуктивности, направленность на отработку действий и операций с языковым и с речевым материалом.

Неотъемлемой частью учебного процесса в курсе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку на нелингвистических специальностях является контроль степени сформированности определенных коммуникативных умений и навыков, выявление и устранение недочетов в знаниях, а также определение динамики познавательной деятельности обучаемых. При этом основной целью итогового контроля является выявление соответствия знаний студентов конечным программным требованиям к владению иностранным языком, которые заключаются в наличии у студентов иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции, т.е. в овладении умениями делового и профессионального иноязычного общения в предполагаемых ситуациях научной, производственной, информационной деятельности, а также профессиональной деятельности.

Заключение

Таким образом, основным требованием к содержанию обучения иностранному языку студентов нелингвистических специальностей вуза должна являться направленность на их успешную профессиональную самореализацию, что может быть обеспечено наличием комплекса компетенций, ведущую роль среди которых играет иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция. Формирование и развитие данной компетенции у студентов – длительный и трудоемкий процесс, который предполагает овладение ими знаниями, умениями и навыками, объединенными в следующие структурные элементы названной компетенции: коммуникативный, профессиональный, рефлексивный, когнитивный, психологический.

Знание и учет структурных элементов иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции дает возможность не только продумать содержание и определить основополагающие принципы обучения иностранному языку в высшем учебном заведении, но и разработать технологию обучения иностранному языку в рамках специальных дисциплин образовательных программ нелингвистических специальностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафонова, В. В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / В. В. Сафонова ; Моск. ин-т развития образоват. систем. – М., 1992. – 47 с.

2. Красильникова, Е. В. Иноязычная коммуникативная компетенция в исследованиях отечественных и зарубежных ученых [Электронный ресурс] / Е.В. Красильникова. – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/2009_1g/41.pdf. – Дата доступа: 11.10.2017.

3. Жетписбаева, Б. А. Компоненты иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей / Б. А. Жетписбаева, Ж. Г. Шайхызада, Е. А. Костина // Вестн. КарГУ. – 2015. – № 6. – С. 43–46.

4. Savignon, S. J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice / S. J. Savignon. – USA : McGraw-Hill, 1997. – 206 p.

5. Van Ek, J. A. Vantage / J. A. Van Ek, J. L. Trim. – Cambridge : University Press, 2002. – 176 p.

6. Аитов, В. Ф. Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов: на примере неязыковых факультетов педагогических вузов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / В. Ф. Аитов ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – 48 с.

7. Балыхина, Т. М. Содержание и структура профессиональной компетенции филолога : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Т. М. Балыхина ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2000. – 52 с.

8. Кузьмина, Н. В. Методы исследования педагогической деятельности / Н. В. Кузьмина. – Л. : ЛГУ, 1970. – 114 с.

9. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М. : Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. – 308 с.

10. Митина, Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности : учеб.-метод. пособие / Л. М. Митина. – М. : МПСИ, 2002. – 400 с.

11. Тентекбаева, Ж. М. Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам студентов экономических специальностей / Ж. М. Тентекбаева, Т. В. Парий // Вестн. КарГУ. – 2016. – № 8. – С. 24–28.

12. Миньяр-Белоручев, Р. К. Методический словник. Толковый словарь терминов методики обучения языкам / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Стелла, 1996. – 144 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.10.2017

Ivaniuk N.V. **Linguistic and Didactic Formation Basis of Foreign Language Professional Communicative Competence of the Students of Non-Linguistic Specialties**

The article deals with some theoretical and practical aspects of development of students' foreign language professional communicative competence. The notion «professional communicative competence» is specified. The author describes the components of foreign language professional communicative competence and stresses the necessity of its development while teaching foreign language at non-linguistic specialties of the university.

УДК 316

M. Szczepański
dr socjologii, asystent katedry marketingu i przedsiębiorczości wydziału urządzania Politechniki Białostockej
e-mail: m.szczepanski@pb.edu.pl

«DYLEMAT WIĘŹNIA» W KONTEKŚCIE TEORII GIER

Artykuł analizuje jeden z najpopularniejszych modeli teorii gier – dylemat więźnia. Autor wychodzi poza sztywne ramy modelu matematycznego. Ukazuje możliwy wpływ różnych aspektów na przebieg gry. Najistotniejsza okazuje się iterowana (powtarzalna) forma gry. Dzięki niej możliwe jest uzyskanie w grze równowagi opartej na kooperacji.

Wstęp

Dylemat więźnia jest jednym z najpopularniejszych modeli wypracowanych przez teorię gier. Ilustruje on pojęcie dylematu społecznego. Dylematy społeczne są sytuacjami, w których występuje silny konflikt interesów, i zarazem sytuacjami, w których każdy, z biorących w nich udział, aktorów wpływa na bieg zdarzeń, alokacje zysków i strat, ale w stopniu niewystarczającym, by tylko własnymi działaniami bieg ten uczynić dla siebie korzystnym [3, s. 244]. Sytuacje społeczne mają postać dylematów w następujących okolicznościach, gdy wśród różnych dostępnych dla aktora działań istnieje takie działanie, które maksymalizuje jego wysłany interes, ale jeśli wszyscy aktorzy wybiorą działanie maksymalizujące własny interes, to wszyscy będą mieć gorzej, niż wtedy, gdyby wszyscy wybrali zachowanie niezgodne z maksymalizacją własnego interesu [3, s. 244].

Genezą jego nazwy «dylemat więźnia» jest historia o dwóch aresztowanych przestępcach, na których prokurator usiłuje wymusić przyznanie się do popełnionej wspólnie ciężkiej zbrodni. Przesłuchiwani są oddzielnie, ale wiedzą, że każdemu z nich składana jest taka sama propozycja. Prokurator proponuje każdemu, aby przyznał się do przestępstwa i został świadkiem koronnym – wówczas zostanie zwolniony, a jego kompan dostanie wysoki wyrok. Jeśli się nie przyzna, a zrobi to jego kompan, wówczas będzie odwrotnie. Jeśli obaj się przyznają dostaną wyroki średnio ciężkie, a jeśli konsekwentnie obaj nie będą się przyznawać, to obaj dostaną łagodny wyrok za inne przestępstwo, które prokurator jest im w stanie udowodnić.

Sytuację taką można przedstawić na schemacie (tabela).

Tabela. – Matryca gry «dylemat więźnia»

Gracz A	**Gracz B**	
	współpraca	konfrontacja
współpraca	c c	d a
konfrontacja	a d	b b

Źródło – opracowanie własne

Relacje między wartościami wypłat przedstawiają się następująco: $a < b < c < d$. Powyższy schemat przedstawia symetryczną wersję tej gry. Gra symetryczna to taka gra, w której relacje między interesami gracza A w stosunku do gracza B są takie same, jak relacje między interesami gracza B w stosunku do gracza A [3, s. 255]. Często zdarza się, że nominalnie jednakowe wypłaty mają różną wartość dla poszczególnych graczy [1, s. 123].

Więźniowie mają do wyboru dwie możliwości działania: współpracę z drugim więźniem (nie przyznanie się do winy) lub konfrontację z nim (przyznanie się). Kombinacja zastosowania tych dwu możliwości przez obu graczy, daje każdemu z nich cztery możliwe do osiągniecia wyniki:

1) nagrodę (wypłata c) za współpracę – jeśli obie strony wybiorą strategię współpracy;

2) pokusę (wypłata d) jednostronnego zwycięstwa – wybranie strategii konfrontacyjnej, gdy druga strona wybierze strategię współpracy;

3) zagrożenie (wypłata a) – wybranie strategii współpracy, gdy druga strona wybierze strategię konfrontacji;

4) karę (wypłata b) – wybranie przez obie strony strategii konfrontacji [10, s. 39; 9, s. 206].

Istotą dylematu więźnia jest sprzeczność między racjonalnością indywidualną, a racjonalnością grupową [8, s. 47]. Punkt równowagi Nasha znajduje się w polu zdrada/zdrada. Jest on jednak nieefektywny, obaj gracze bowiem mogliby osiągnąć lepszy wynik gdyby zdecydowali się na współpracę [5, s. 212]. Ponadto jeśli obaj gracze zdradzą, znajdą się w gorszej sytuacji, niż gdyby ze sobą współpracowali [5, s. 212]. Z drugiej strony chociaż współpraca jest korzystna dla obu stron, to wybór strategii współpracy nie zapewnia równowagi. Każda ze stron może zwiększyć swój zysk wybierając zdradę iść na współprace z prokuratorem. Dylemat więźnia jest wynikiem niemożności składania przez więźniów wiarygodnych obietnic [4, s. 72]. Żaden z graczy nie może maksymalizować swojej wypłaty, jeśli nie będzie miał możliwości zaufania partnerowi. Dla obu graczy zdrada jest zachowaniem dominującym, ale jej zastosowanie nie prowadzi do optymalnego rozwiązania tej gry [5, s . 212–213]. Problem i paradoks dylematu więźnia polega nie na tym, że każdy z graczy nie wie co najlepiej służy jego interesom. Polega na tym, że właśnie to wie [4, s. 61]. Opłaca się obiecać, że będzie się współpracować i nie dotrzymać słowa. Dla strony obierającej strategię gry, istotne jest zaangażowanie we współpracę drugiej strony, ale również zaangażowanie własne. Jeżeli można liczyć tylko na zaangażowanie się jednej strony, to wynikiem gry jest brak zaangażowania obu stron [4, s. 70].

Powyższy rysunek przedstawia grę «jednorazową» – incydentalną sytuację w której zaangażowane strony dokonują jednorazowych wyborów zachowań, po czym relacja między stronami ulega zakończeniu, przynajmniej jeśli chodzi o kwestię, której dotyczył konflikt. Częstokroć jednak interakcja między stronami trwa długo, a gra jest wielokrotnie powtarzana (iterowana). Każda ze stron wielokrotnie podejmuje decyzję o wybraniu jednej, bądź drugiej strategii.

Niesłychanie istotną kwestią jest to, jak poważne konsekwencje wywołuje konfrontacja interesów graczy w jednej rundzie gry iterowanej. Jak istotne efekty może przynieść równoczesne wybranie przez jedną stronę współpracy, a drugą konfrontacji. Czy nie pociągnie za sobą tak poważnych strat dla tej pierwszej, że może spowodować jej wyeliminowanie, zakończenie gry. Powyższe uwarunkowanie skorelowane jest z wartościami wyników, jakie przynosi obranie jednej, bądź drugiej możliwości działania, a zwłaszcza wzajemnymi relacjami tych wyników. Czy gracz ma wybór między większym, bądź mniejszym zyskiem, albo większą lub mniejszą stratą, czy między zyskiem i stratą, a może stratą i brakiem zysku, bądź zyskiem i brakiem zysku? Jaka jest rozpiętość możliwych do uzyskania wyników? Im ta rozpiętość jest większa, tym gracz jest bardziej zdeterminowany, aby uzyskać wyższą wypłatę bądź uniknąć straty.

Gra powoduje wzajemną zależność biorących w niej udział graczy. Ich decyzje muszą być podejmowane z uwzględnieniem działań drugiej strony [8, s. 46]. Jest to istotne zwłaszcza w warunkach gry wielokrotnie powtarzanej. Każda ze stron, planując własne posunię-

cia, musi brać pod uwagę, możliwe zachowania drugiej strony, powtarzalność gry i perspektywę jej zakończenia – jej istnienie, bądź brak. W warunkach gry iterowanej istotna staje się nie tylko teraźniejszość, ale także przeszłość i przyszłość. Pojawia się historia posunięć podjętych przez strony w poprzednich rundach. Nabyte przez strony, podczas gry, doświadczenie ma wpływ na kolejne decyzje graczy. Analiza przebiegu gry pozwala «uczyć się» partnera, stosowanej przez niego taktyki. Umożliwia konstruowanie własnej taktyki [3, s. 260]. dopasowywanie jej do ewentualnych zmian taktyki partnera. Gracze starają się przewidzieć potencjalne konsekwencje swoich działań i możliwe reakcje drugiej strony na własne zachowanie.

Pojawia się możliwość planowania prowadzenia gry w sposób wariantowy, uwarunkowany wcześniejszymi zachowaniami drugiego gracza, i oczekiwaniami dotyczącymi jego zachowania w przyszłości [11, s. 539]. Niezmiernie istotna jest, zdolność i skłonność do postrzegania przez strony sytuacji, w jakiej funkcjonują, w sposób perspektywiczny. Można o niej mówić, gdy strona potrafi i usiłuje maksymalizować uzyskiwane wyniki, nie w oparciu o jedną decyzję, ale o sekwencję decyzji. W warunkach iterowanej gry nieskończonej zaczynają mieć sens wybory, nie zawsze najkorzystniejsze dla danego gracza w krótkim okresie czasu, natomiast w wypadku, skutecznego porozumienia się i współdziałania stron, mogące przynieść dobre efekty w okresie długim. O ile w warunkach gry jednorazowej gracze zwykle starają się osiągnąć wszystko, co jest możliwe do zdobycia, o tyle w sytuacji gry iterowanej mogą zachowywać się odmiennie.

Zadawalają się mniejszymi od maksymalnych korzyściami, mając świadomość wpływu, jaki ich obecna decyzja wywrze na zachowanie drugiej strony i wielkość możliwych do osiągnięcia korzyści w kolejnych rundach gry [11, s. 545]. Stąd też zasada wybierania strategii zdrada/zdrada dość powszechna przy grze jednorazowej, przy grze iterowanej często ulega zmianie. Zwłaszcza, jeśli wiąże się z ciągłym uzyskiwaniem przez obie strony nie niższych, w porównaniu ze strategiami współpracy, wyników dodatnich, ale wyników ujemnych. Szczególnie, jeśli te wyniki kumulują się, ciągłe wzajemne zdradzanie doprowadzić może do obopólnego zrujnowania się stron. Pojawia się możliwość prowadzenia gry w stanie równowagi opartej o kooperację. Jest to tym bardziej możliwe, im:

1) mniejszy jest konflikt między interesem własnym każdej ze stron a interesem wspólnym;
2) większa jest nagroda za kooperację, w przypadku wzajemnej kooperacji;
3) większa jest kara za niekooperację, w przypadku obustronnej nie kooperacji;
4) mniejsza jest kara za nieodwzajemnioną kooperację, w przypadku gdy jedna strona kooperuje a druga – nie;
5) mniejsza jest nagroda za jednostronny indywidualizm (wypłata pokusy) [3, s. 258–9].

Za najlepszą strategię służącą oparciu rozgrywania gry «dylemat więźnia» na kooperacji uznaje się strategię «wet za wet» (tit for tet), inaczej strategię retaliacji. Sprowadza się ona do dwóch prostych zasad. W pierwszej rundzie gry należy współpracować, a w każdej następnej wybierać takie zachowanie, jakie wybrał przeciwnik w poprzedniej rundzie [5, s. 214]. Trzeba zatem odwzajemniać zarówno zachowania kooperacyjne, jak i niekooperacyjne partnera. Nie należy dokonywać na początku gry wyboru rywalizacyjnego, ponieważ na ogół prowadzi to do chęci rewanżu i tym samym do eskalacji konfliktu. Odwet powinien być brany tylko po zdradzie drugiej strony. Przy czym gracz powinien być przygotowany na przebaczenie odstępstwa od współpracy po przeprowadzeniu tylko jednego odwetu [3, s. 261–262; 5, s. 214]. Zaznaczyć należy, iż strategia ta winna być stosowana tylko, jeśli prawdopodobieństwo rozegrania kolejnej rundy gry, przekracza 2/3 [5, s. 214]. W interakcji z drugą stroną należy unikać działań wyrafinowanych, rozwiniętych i skomplikowanych. Prowadzić one mogą

do mylnych interpretacji intencji, nieporozumień i tym samym utrudniać osiągnięcie współpracy [3, s. 261–262].

Skuteczność oparcia gry na strategii retaliacji, jako środka skłaniającego strony do współpracy wynika z kilku jej cech. Strona działająca według tej strategii nigdy nie zdradza pierwsza, strategia ta zatem nie może stać się podstawą eskalacji konfliktu. Odwet brany jest dopiero po odstępstwie od kooperacji, kara za brak współpracy jest natychmiastowa. O skuteczności strategii decyduje zwłaszcza zawarty w niej mechanizm wybaczania zdrady, który, co bardzo istotne, jest oparty na naśladowaniu ruchów drugiej strony. Sednem strategii wet za wet jest karanie za naruszanie zasad współpracy w sposób na tyle dotkliwy, aby dyscyplinować drugą stronę do współpracy i jednocześnie na tyle umiarkowany, aby mimo zastosowania kary, możliwy był powrót do współdziałania stron. Strategia ta jednocześnie nagradza i karci. Daje możliwość powrotu w każdej chwili do współpracy, jeśli tylko druga strona zrobi to samo. Co niezwykle istotne strategia ma jasne, czytelne zasady [5, s. 215]. Dzięki temu może być stosowana nawet gdy strony nie mają możliwości komunikowania się. Postępowanie według niej, bez wątpliwości, winno być odczytywane jako połączenie groźby i obietnicy (stwierdzenie –«jak ty będziesz współpracował to i ja będę współpracował») [2, s. 47].

Strategia ta nie jest w żaden sposób elitarna, może być stosowana przez obie strony. Szczególnie, jeżeli gra jest symetryczna, to strategia wet za wet, ma tak samo silne oddziaływanie na obie uczestniczące w grze strony. Wzajemne stosowanie strategii reatliacji a nawet jedynie potencjalna możliwość jej zastosowania stwarza bodźce do współdziałania. Pozwala na osiągnięcie wysokiego stopnia równowagi w relacjach pomiędzy graczami [7, s. 31; 8, s. 47].

Istotnym warunkiem, który musi być spełniony jest to, aby gra nie miała oznaczonego końca, a także korzyść uzyskana przez jedną stronę poprzez odstępstwo od współpracy w jednej rundzie gry była o wiele mniejsza od strat wynikających z rozkręcenia spirali kolejnych naruszeń współpracy [11, s. 574]. Pamiętać należy, iż, jeśli liczba powtórzeń gry jest znana, jedna ze stron może celowo kooperować, aby do kooperacji skłonić partnera, a w ostatnich rundach wybrać zdradę, licząc na to, że partner dalej będzie kooperował [3, s. 260].

Zaznaczyć należy, iż reakcje na zachowania kooperacyjne lub niekooperacyjne mają pewne prawidłowości, zależne od tego, w którym momencie gry, te zachowania mają miejsce. Znacznie więcej wyborów kooperatywnych obserwuje się, gdy w grach iterowanych gracz rozpoczyna od wyborów indywidualistycznych, stopniowo zwiększając liczbę wyborów kooperatywnych, niż wtedy, gdy zaczyna od kooperacji, stając się w miarę upływu czasu coraz bardziej rywalizacyjny. W większym stopniu gracz biorący udział w grze jest skłonny współpracować z «nawróconym grzesznikiem» niż ze «świętym» który zaczął grzeszyć [3, s. 262].

Niezwykle istotnymi wskazówkami co do możliwego zachowania stron w przebiegu gry iterowanej jest ich reputacja i wiarygodność. Reputacja to sposób w jaki dana strona jest postrzegana, ugruntowana opinia o sposobie jej zachowania w określonych sytuacjach. Wiarygodność określić można jako cechę strony, wyrażającą się w poziomie zaufania, do jej deklaracji odnośnie własnego zachowania. Wiarygodność może wynikać z właściwości posiadanych przez stronę, lub jej tylko przypisywanych, może też być emanacją sytuacji w jakiej strona funkcjonuje, bądź wszystkich wspomnianych okoliczności łącznie.

Reputacja i wiarygodność są stopniowalne. Mogą być ugruntowane mocniej lub słabiej. Mogą również ewoluować, zmieniać się w czasie. Strony mogą przystąpić do gry z określoną wiarygodnością i reputacją, i starać się w oparciu o nie prowadzić grę, licząc na określone zachowania drugiego gracza. Zachowanie gracza pod czas gry również ma wpływ na jego reputację i wiarygodność. Gra iterowana umożliwia jej uczestnikom poprzez własne

postępowanie kreowanie i podtrzymywanie swojej reputacji oraz uzyskiwanie i poprawianie wiarygodności.

Uzyskanie wiarygodności sprowadza się, do wywołania u drugiej strony przekonania, że w określonych warunkach, dokona się wyboru danego sposobu zachowania, będzie się postępowało zgodnie z własnymi deklaracjami. Sedno wiarygodności tkwi w wykazaniu własnej determinacji, aby druga strona nie miała wątpliwości, że zamierza się prowadzić grę w określony sposób. Efekt taki można osiągnąć poprzez podjęcie, jeszcze przed rozpoczęciem gry, oraz podczas jej trwania, działań wpisujących się w deklarowane zachowanie, mających przy tym charakter nieodwracalny, takich z których wycofanie się byłoby trudne lub nieopłacalne. W dylemacie więźnia aby podnieść własną wiarygodność, że będzie się trwale trzymało strategii współpracy, można w jakiś sposób obniżyć własną wypłatę pokusy. W przypadku, jeśli gra ma charakter iterowany można przyjmować niskie wypłaty w kilku pierwszych rundach gry.

Powtarzalność gry prowadzi do nawiązania relacji między biorącymi w niej udział graczami [4, s. 62]. Długoterminowy charakter tych relacji, brak określenia ich kresu, implikuje konieczność koegzystencji stron a ta ugruntowuje dalsze utrzymywanie wspomnianych relacji i ich jakość, charakter. Utrwalenie stosunków i zacieśnienie współpracy między stronami, obniża prawdopodobieństwo dążenia do odstąpienia od gry przez którąkolwiek ze stron. Iteracja gry, może zatem stać się podłożem nawiązania i zacieśnienia współpracy, co z kolei przyczynia się do utrwalenia wzajemnych relacji między stronami, powoduje, że współpracują one cały czas i gra trwa nieprzerwanie. Wzmocniona zostaje powtarzalność i nieskończoność gry [4, s. 62]. Następuje pozytywne sprzężenie zwrotne. Zaaranżowanie, nawet na siłę, odgórnie, metodami administracyjnymi relacji między stronami w formie nieskończonej gry iterowanej sprzyja utrwaleniu i poprawie stosunków między graczami, czasem wręcz tę poprawę wymusza, nawet jeśli genezą nawiązania tych stosunków nie były kontakty oparte na przyjaźni.

Bardzo istotny jest poziom trwałości wzajemnych relacji i jego postrzeganie przez obie strony. Rzutować ono może na długość gry i jej nieskończoność. W wypadku, gdy pojawi się możliwość zakończenia gry, obie strony mogą zacząć dostrzegać korzyści płynące z ograniczenia współdziałania. Mogą nawet zacząć działać w kierunku ograniczenia współdziałania z obawy o to, że druga strona też tak zaczyna postrzegać sytuację. Sama możliwość postrzegania w ten sposób sytuacji przez którąś ze stron może wpłynąć na ograniczenie wzajemnego zaufania, pogorszenie stosunków i odejście os strategii współpracy.

Ważną kwestią jest forma nawiązywania i realizacji, ujętych w formę gier iterowanych, stosunków długoterminowych. Mogą one mieć postać klasycznych kontraktów sformalizowanych, wiążących umów prawnych, bądź kontraktów relatywnych – opartych o zaufanie porozumień między stronami. Realizacja kontraktów relatywnych nie jest wymuszana przez ewentualne postępowanie sądowe, ale oparta o wspólną wolę obu stron, ugruntowaną potrzebą prowadzenia ze sobą interesów, utrzymywania dobrych kontaktów [4, s. 85]. Często kontrakt relatywny jest wynikiem konieczności dopasowania się stron do istniejących okoliczności, warunków, w jakich przyszło im współfunkcjonować.

Zabezpieczenie przed odstępstwem od współpracy, strony kontraktu relatywnego mogą uzyskać poprzez doprowadzenie do sytuacji w której, każdej z nich bardziej będzie się opłacało przestrzegać porozumienia, niż je złamać. Najlepszym zabezpieczeniem jest szczere przekonanie obu stron, które uczestniczą w grze, że będzie ona dalej powtarzana [4, s. 92].

Dobre funkcjonowanie kontraktów relatywnych często jest zależne od właściwej redystrybucji uzyskanej wspólnie, w ramach gry opartej o zaufanie, korzyści. Najlepszym wyjściem jest sytuacja gdy, można ją podzielić po równo. Sytuacji takiej odpowiada symetryczny

rozkład wypłat w grze. Zawieranie i realizacja kontraktów relatywnych między nierównymi sobie stronami nie jest niemożliwe, ale trudniejsze. Możliwy jest na przykład, za obopólną zgodą, podział proporcjonalny do posiadanej przez strony siły, lub poziomu dokonanego przez każdą ze stron wkład inwestycyjnego w dane przedsięwzięcie, poniesionych na nie nakładów. Jeszcze trudniejsza sytuacja występuje, jeżeli proporcja siły, jaką dysponują obie strony, ulega zmianie w czasie gry, a jedna lub obie z nich chcą, aby znalazło to odbicie w warunkach redystrybucji uzyskiwanego dobra.

Podsumowanie

Powiązane ze sobą uwarunkowania: iteracja, wzajemna zależność stron i nie oznaczenie końca gry, wydatnie podnoszą szansę na osiągnięcie stanu równowagi gry opartego na kooperacji. Możliwość zastosowania strategii wariantowych oraz posiadanie określonej reputacji i wiarygodności, pozwala na rozszerzenie zakresu rozwiązań zapewniających równowagę w grze. Staje się możliwe ustalenie zasad koegzystencji stron, wypracowanie swoistego modus vivendi w długim okresie czasu. Uwarunkowania dylematu więźnia powodujące jego nierozwiązywalność mogą być zmienione. Kluczem do rozwiązania dylematu więźnia jest doprowadzenie do porozumienia, które zobowiąże strony do podjęcia kooperacji [1, s. 139], z możliwością kontroli realizacji tego porozumienia przez strony.

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDŁ

1. Drabik, E. Zastosowanie teorii gier w ekonomii i zarządzaniu. Optimum / E. Drabik // Studia Ekon. – 2002. – № 1.

2. Roszkowska, E. Ruchy strategiczne, czyli o wkładzie T.C. Schellinga w rozwój teorii gier Optimum / E. Roszkowska // Studia Ekon. – 2006. – № 1.

3. Grzelak Janusz, Ł. Dylematy społeczne / Ł. Grzelak Janusz // Psychologia ekonomiczna / red. Tadeusz Tyszka. – Gdańsk : Wyd. Psychol.

4. John, K. Podstawy sukcesu firmy / K. John. – Warszawa : PWE, 1996.

5. Kotłowski, I. Ruchy strategiczne / I. Kotłowski, P. Stawiński // Ekonomia. – 2003. – № 11.

6. Kozielecki, J. Czynność podejmowania decyzji / J. Kozielecki // Psychologia / red. T. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1979.

7. Mesjasz, C. Gry dla negocjatorów / C. Mesjasz // Przegląd Organizacji. – 1993. – № 1.

8. Mesjasz, C. Proste modele konfliktów i negocjacji. Teoria gier w praktyce / C. Mesjasz // Nowe Życie Gospodarcze. – 1997. – № 13.

9. Pietraś Ziemowit, J. Decydowanie polityczne / J. Pietraś Ziemowit. – Warszawa : Kraków : PWN, 1998.

10. Pietraś Ziemowit, J. Teoria gier jako sposób analizy podejmowania decyzji politycznych / J. Pietraś Ziemowit. – Lublin : UMCS, 1997.

11. Samuelson, W. Ekonomia menedżerska / W. Samuelson, G. Marks Stephen. – Warszawa : PWE, 1998.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.10.2017

Shchepanski M. **«Prisoner's Dilemma» in the Contest of the Game Theory**

The paper presents one of the most popular models of the game theory which is called the dilemma of the prisoner. The author of the paper goes beyond the rigid framework of the mathematical model. Furthermore the influence of different aspects of the game on the course of the game was presented as well. To sum up the carried out analysis proved that the iterated (repeated) form of the game is considered as the most important form of it. Hence the cooperative balance in the game can be achieved.

УДК 321.01

А.И. Лысюк
д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ailysiuk@list.ru

СЕНЕКА И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Исследуется совокупность идей Сенеки, использование которых может быть продуктивно для решения современных социальных проблем. Указывается на необходимость при принятии политических решений следовать принципу приоритетности общечеловеческих задач по сравнению с национальными, руководствуясь при этом соображениями рациональности. Важное значение при организации социальной жизни имеет также ориентация людей на определенную совокупность ценностей, в первую очередь моральных. При этом принципиальное значение имеет фактор ответственности за судьбу будущих поколений. Доказывается, что многие идеи Сенеки находят свое воплощение в национальных и локальных стратегиях устойчивого развития. Подчеркивается значимость идей Сенеки, связанных с ограничением потребления, с необходимостью действовать в соответствии с природными и прочими закономерностями.

Введение

Социальная практика отчетливо свидетельствует о нелинейности и противоречивости исторических процессов и о том, что прогрессивное развитие в одних общественных сферах может сопровождаться деградацией в других.

Наиболее болевыми точками современного мира, препятствующими достижению социальной гармонии и равновесия, являются неумолимое и неуклонное разрушение природной среды, дерационализация общественной жизни, ее виртуализация и утверждение на ее руинах «постправды», основанной на аффективности мировосприятия при исчезновении очевидных границ между истинным и ложным, аморализация общественной жизни и межличностных отношений, сопровождающаяся в эпоху постмодерна исчезновением четких различий между добром и злом, нарушением баланса между процессами глобализации и интересами национальных государств.

Современное общество стремится к преодолению этих проблем исходя из собственного понимания их остроты и содержания. С наибольшей настойчивостью, последовательностью, системностью и с высокой степенью консолидации усилий на международном и национальном уровнях этот процесс осуществляется в контексте создания и реализации стратегий устойчивого развития отдельных стран, включая и Республику Беларусь, территориальных единиц и учреждений [1, с. 48–82]. Во многих государствах существуют попытки разрешить ценностные общественные драмы (разломы) посредством набирающих силу неоконсервативных социальных революций, стремящихся к воспроизводству заложенных в традиции исторических социокультурных (цивилизационных) кодов, призванных адаптировать постматериальные ценности к современной эпохе [2]. Заметна также активизация деятельности ряда международных организаций, в первую очередь ООН, ЕС и ШОС, по преодолению противоречий между глобальным и национальным.

В контексте поиска адекватных ответов на современные социальные вызовы целесообразно обратиться к творческому наследию видного представителя римского стоицизма Луция Аннея Сенеки (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.). Рациональность такого обращения при всей его внешней нелогичности ввиду наличия «дистанции огромного размера»

между современностью и эпохой римского эллинизма обусловлена, как минимум, четырьмя соображениями.

Во-первых, сам древнеримский мыслитель в своей жизнедеятельности выходил за пределы метафизических поисков и являлся практикующим политиком. Во-вторых, он выступал продолжателем традиций античного рационализма, что позволяло ему искать и находить ответы на злободневные общественные вопросы с помощью широкого спектра интеллектуальных средств постижения человека и мира. В-третьих, Сенека был нацелен на поиск истины в рамках определенных, близких их сегодняшнему пониманию, ценностных координат (морального ригоризма и некоторых постулатов христианского вероучения), являясь предтечей Августинова «града Божия» и «дядей христианства» (Ф. Энгельс). В-четвертых, важное значение имеет и то, что он творил и действовал в эпоху динамичных социальных перемен, что характерно и для современного мира, а также был по своему мировидению космополитичен, что соответствует современным трендам глобализации.

Обращаясь к творческому наследию Сенеки, мы, разумеется, ищем не конкретные ответы на актуальные для нас конкретные вопросы, а базовые принципы и подходы, определяющие алгоритмы интеллектуального поиска, выявление которых является задачей данной статьи.

Сенека об универсальности и космополитичности социума

Несомненной, даже революционной заслугой учения Сенеки является преодоление им социального партикуляризма и восприятие мира как целого (космоса), обладающего едиными интересами, ценностями и общностью исторической судьбы. Сенека рассматривает космос как социальную систему (сверхгосударство), членами которого являются все люди, независимо от их личностного выбора, и в рамках этой космической организации они обладают естественными правами. Согласно его мировидению, «мы должны представить в воображении своем два государства: одно – которое включает в себя богов и людей; в нем наш взор не ограничен тем или иным уголком земли; другое – это то, к которому нас приписала случайность» [3, с. 89]. При этом безусловный приоритет и социальная ценность остаются за «большим государством», а отдельный человек в своей жизни должен руководствоваться следующей максимой: «Надо жить с таким убеждением: “Не для одного уголка я рожден: весь мир мне отчизна”» [4, с. 74]. Эта позиция не только предопределяет его «зону ответственности» за состояние вселенского государства, но и в своих жизненных практиках человек должен знать императивы мировых закономерностей и руководствоваться ими.

Разумеется, обычные (национальные) государства, его граждане обладают правом как «быть», так и «иметь». Однако в представлении Сенеки, земное государство является лишь слепком, отражением «вселенского града», а его интересы, следовательно, вторичны. В идеале же целесообразно, чтобы люди стремились преданно служить обоим государствам одновременно.

Подобный подход имеет принципиальное значение для решения в условиях глобализации проблем современного мира, поскольку для эффективного функционирования отдельных социальных систем необходима интеграция деятельности различных государств и народов. Поэтому совершенно закономерно создание в XX ст. различных международных объединений (организаций), которые обладают высокой степенью политической и экономической автономии, как это происходит, к примеру, в Евросоюзе. При этом необходим постоянный поиск компромисса между общими интересами вхо-

дящих в него государств и интересами «Большой Европы». Разумеется, этот поиск сложен и противоречив, что периодически приводит к кризисам наподобие «греческого дефолта» или «Брексита».

Общие (космополитичные) основания жизни человека предполагают и общую ценностную парадигму. Сенека исходит из того, что люди по своей природе – «родные друг другу», «члены одного тела», поскольку природа сотворила всех людей из одной и той же материи и для одних и тех же целей. В чем же заключается это «родство»?

Во-первых, в «родстве душ», так как душа всякого человека божественно субстанциональна и «является богом, нашедшим приют в теле человека. Такая душа может оказаться и у римского всадника, и у вольноотпущенника, и у раба» [4, с. 82]. Во-вторых, в подчинении индивида необходимости, навязанной ему извне судьбой (фатумом, мировым законом, богами, космосом), независимо от его социального положения. В-третьих, в имманентно присущей всем людям свободе как неделимом общем достоянии, взятой, правда, не в политическом, а в духовном измерении, поскольку у людей независимо от их социального статуса сферой рабства может быть лишь телесная жизнь, но «дух же сам себе господин». В природе все равны, ибо всем досталась душа – частица божества. Отсюда и осуждение рабства как социального явления. При этом эта душа может быть как непреклонной, высокой и благородной, так и наполненной противоположными качествами: «Покажи мне, кто не раб. Один в рабстве у похоти, другой – у скупости, третий – у честолюбия, и все – у страха» [4, с. 99].

Очевидно, что сегодняшние индивиды, несмотря на существенные между собой социокультурные и иные различия, обладают общностью прав, ценностей, интересов, исторической судьбы, что позволяет и вынуждать их в своих социальных коммуникациях делать акцент не на расхождениях, а на том, что их объединяет, следуя общим гуманистическим императивам.

Рациональность как инструмент организации социальной жизни

Любой сложный социальный организм нуждается в компетентности для собственной организации и самоорганизации. Сенека вслед за Платоном полагает, что именно философия как наука и способ мышления должна занять ключевое место не только в системе управления обществом, но и в личностном развитии, поскольку она выступает высшим воплощением разума, призванным «к самой высокой цели». А философы, как его носители, в состоянии придавать ему практическое прикладное значение.

В чем же выражается социальный прагматизм философии? Первое и основополагающее призвание – научить человека «жить по разуму», а именно, обрести искусство правильной жизни среди людей, поскольку знание философии подчиняет ее порядку: она управляет действиями и указывает, чему необходимо следовать, а от чего воздерживаться. Именно с ее помощью человек должен в полной мере усвоить, что из себя представляют «подобающие» и «неподобающие» действия в разных аспектах общественной жизни. Философия позволяет не просто познать истину, но и провести в этом мире четкое разделение между добром и злом. Как отмечает Сенека, «лишь одно делает душу совершенной: незыблемое знание добра и зла» [4, с. 183]. Человек, проживая среди себе подобных, должен источать благожелательность, справедливость, благочестье, совестливость и общительность, следовать умеренности и быть в состоянии противостоять различным соблазнам. В понимании Сенеки, философия должна также научить правильно относиться к жизненным благам, так как «те блага истинные, которые даются разумом, ибо и прочны, и постоянны, и не могут ни погибнуть, ни пойти в убыль…

Прочие же блага мнимые… Кто поверит мимолетным благам, тот быстро их лишится или будет ими раздавлен» [4, с. 141].

Высшая мудрость человека заключается в том, чтобы существовать сообразно природе вещей, а для этого необходим здравый смысл, энергичная воля и равнодушное отношение к материальным благам. Как справедливо отмечает Сенека, «философия требует умеренности… Слаб духом тот, кому богатство не по силам» [4, с. 39]. В современном мире подобный подход имеет принципиальное значение для противостояния идеологии и практике консюмеризма, все более поглощающей человека XX–XIX вв.

Рациональность как стиль принятия решений позволяет определить и правильную форму государства. Сенека исходит из того, что монархия, возглавляемая справедливым царем, носителем разума, может привести к процветанию государства. Его (монарха) мудрость проявляется в том, что он следует доктрине разумного милосердия, позволяющей ему обнаружить гармонию между мягкостью и строгостью, необходимой для обуздания порочной толпы, и ответственно выполнять обязанности перед гражданами государства. «Блажен тот… кто ценит человека, кто избирает наставницей природу, сообразуется с ее законами, живет так, как она предписывает… Только то подлинно совершенно, что совершенно в согласии со всеобщей природой, а всеобщая природа разумна» [4, с. 96, 263]. Философ, следуя велениям разума, должен действовать в согласии с общими законами природы, мировыми закономерностями, включая и аспект соответствия человеческих отношений божественному началу.

По утверждению Кристофера Симса, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2011 г., самой большой проблемой человечества является «невежество». В современных обстоятельствах ставка на рациональность позволяет противостоять тренду на постправду, иррационализацию мышления и чрезмерную утилитарность жизненных позиций, а следовательно, создавать применительно к конкретным условиям эффективные стратегии общественного и личностного развития.

Моральный ригоризм в контексте решения современных проблем

Очевидно, что современная эпоха – эпоха постмодерна – связана с крахом традиционных ценностей, коренившихся в христианском вероучении, что естественным образом порождает в социальной жизни уклончивость и разорванность смыслов, алогичность мышления, виртуализацию социального пространства, «рыночность» культурных образцов, эклектику жизненной позиции и др. В этих условиях, по утверждению А. Якимовича, люди утратили способность различать и противопоставлять то, что прежде было полярными противоположностями, и великие гуманистические критерии стерлись в системе образов и знаков [5, с. 16–17]. На эти процессы «наложились» процессы информационной и гибридной войн, что усилило неопределенность социальных позиций многих людей. Поэтому принципиальное значение имеет интеграция морального фактора и выработки жизненных и общесоциальных стратегий.

Что же предлагает нам Сенека? Как справедливо утверждает А. Лосев, у поздних стоиков морализм остается на первом месте, и ключевой задачей человека являлось достижение морального совершенства человека [6, с. 308, 310]. В понимании Сенеки, нравственность и разум выступают целостным образованием. Поэтому человек с необходимостью должен познать моральные законы и принципы жизни. Это познание четко и определенно указывает на то, что источником зла в человеке являются чувства, страсти, а борьба между разумом и эмоциями, чувственностью выступает основополагающей скрижалью его жизни. Именно безудержность и необузданность вышедших из-под

контроля аффектов, чувств и страстей – источник социальных пороков и преступлений, «удел трактирщиков и погонщиков ослов». Сенека указывает на то, что «наслаждения, доставляемые телом, пусты и мимолетны, а если их не обуздывать строгим воздержанием, они обратятся в свою противоположность». Подлинные же радости в жизни «дают чистая совесть, честные намерения, правильные поступки» [4, с. 65].

Наибольшим же соблазном, безусловно разрушительным для человека, выступает материальное – богатство, деньги. По утверждению Сенеки, «не только честолюбие не знает покоя, но и вообще алчность: всякий конец для нее – лишь начало… Деньги никого не сделали богатым, – наоборот, каждого они делают еще жаднее до денег…» [4, с. 136, 248]. Отсюда следует не только безусловное осуждение алчности человека, но и выдвижение алгоритма по ее локализации. Речь идет о том, чтобы «мерять все естественными желаниями», которые имеют свой предел, а природа дает все, что требуется человеку». Сенека указывает на то, что «страсть к роскоши отошла от природы… Потерялась естественная мера, ограничивающая желания необходимым; теперь желать, сколько нужно, значит слыть деревенщиной или нищим» [4, с. 195]. Вспомним в этом контексте исследование «Пределы роста», подготовленное Донеллой и Денисом Медоузами, а также материалы Римского клуба, призывающие к потребительскому ограничению и рациональному использованию природных ресурсов.

Разумеется, коренящиеся в излишней чувственности пороки, как и сегодня, обладают большой силой соблазна; они, как правило, нравятся многим людям, которые склонны всячески их защищать. Однако, по утверждению Сенеки, природа предоставила человеку достаточный объем сил для борьбы с ними. И кто избегает этой борьбы, то не потому, что «не может», а просто «не хочет».

Как же сберечь индивиду нравственную чистоту? Нужно всегда и во всем сохранять сознание нравственной нормы (совести), бичующей злые дела. Как отмечает С. Ошеров, введенное в стоицизм Сенекой «понятие совести как осознанной разумом и в то же время пережитой чувством нравственной нормы… позволило ему сохранить живую связь с действительностью… и удержаться от затягивающего беспринципного прагматизма» [6, с. 13]. Кроме этого, важное значение имеет стремление человека к ответственному индивидуальному выбору жизненной позиции.

Как отмечал А. Лосев, для поздних стоиков «дело вовсе не в красивых статуях, а в красивой человеческой личности… в том, что сам ты должен быть прекрасным домом добродетели, сам ты должен уметь построить свою моральную жизнь в виде красивейшего и искуснейше продуманного архитектурного строения [7, с. 310]. Такое, отчасти художественное, формирование в себе добродетельного человека выступает в нескольких ракурсах.

Во-первых, в необходимости следовать нравственной максиме, прописанной и у Конфуция, и в Священном Писании: «Чего не желаешь себе, не желай и другим».

Во-вторых, жить с чувством ответственности за будущие поколения. По утверждению Сенеки, «будем и мы поступать как честные отцы семейства: умножим полученное, чтобы это наследье обогащенным перешло от меня к потомкам» [4, с. 121]. Здесь наблюдается почти полное содержательное и отчасти текстуальное совпадение с пониманием устойчивого развития, выработанным созданной под эгидой ООН Международной комиссией по окружающей среде и развитию в «Докладе Брундтланд», которое понимается как развитие, «отвечающее потребностям сегодняшнего поколения, не ставящее под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности и выбирать свой стиль жизни» [8, с. 10]. Такая ориентация в полной ме-

ре соответствует базовым принципам Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. (НСУР-2030), в которой отмечается, что «системообразующим блоком функционирования белорусской модели устойчивого развития является социально ориентированное, экономически эффективное и экологозащитное развитие страны с учетом удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений» [9, с. 13].

В-третьих, происходит адекватная оценка индивидом человеческой (и своей) личности как греховной, падшей и ничтожной. Отсюда с необходимостью вытекает важность самокритики, стремление изобличить и искоренить изъяны своей души.

В-четвертых, чрезвычайно важен и взгляд на себя глазами Бога, оценка себя по Его критериям, поскольку «нет благомыслия без Бога». Сенека убеждает: «Живи с людьми так, будто на тебя смотрит Бог… В нас заключен некий божественный дух, наблюдатель и страж всего хорошего и дурного… Всякий истинный человек добра причастен божеству» [4, с. 50, 91–91]. В человеческое тело заброшены божественные семена, и человек, как добрый земледелец, должен всячески заботиться об их правильном произрастании.

Мораль человека является активной силой и стремится к своей объективации. С одной стороны, истинным поприщем добродетели, согласно Сенеки, являются действия на благо земного государства, основанные на обязанностях гражданина. С другой стороны, в человеке изначально заложены любовь и привязанность к близким и далеким людям, поскольку природа родила всех братьями и человек должен относиться к другому как к священному существу. Идея любви важна и для современного мира, в котором все сильнее утверждаются позиции индивидуализма, утилитаризма и гедонизма.

О проблеме активности социального актора

Достаточно часто (и небезосновательно) в научной литературе звучат суждения, что социальным идеалом Сенеки являлся образ мудреца, отстраненного от жизненных реалий и проблем, отгороженного от влияния внешней среды, и поэтому равнодушного к общественной деятельности [10, с. 338]. Однако в реальности картина не столь однозначная. Действительно, для стоиков характерно признание высшего первоначала, установившего природный и социальный миропорядок. В их представлении судьба (Бог, Божественный дух, провидение, природа, мировое целое) является первопричиной, детерминирующей социальные практики. Люди же не в силах изменить содержание мировых процессов, частью которых они сами являются, и не могут выйти за их пределы. Они могут только мужественно и стойко переносить предначертания судьбы и с необходимостью соизмерять свою жизнь и поступки с ее требованиями. По большому счету, то, что «предписывает» космос, неизбежно состоится.

Однако, как справедливо отмечает А. Лосев, «античность основана на соединении фатализма и героизма… Все определяется судьбой? Прекрасно! Значит, судьба выше меня? Выше. И я не знаю, что она предпримет? Не знаю. Почему же я тогда не должен поступать так, как хочу?.. Я – *герой*» [11, с. 316]. Этот героизм выступает чаще всего в виде театральной сцены, где люди являются актерами, которые появляются на ней. «Сам космос сочиняет драмы и комедии, которые мы выполняем» [11, с. 322]. Социальная активность же мыслится не только в масштабе полиса, но и всего человечества.

Стоический идеал отстраненности от социальных каверз и обстоятельств говорит в первую очередь о необходимости отдалиться социальному субъекту не от мира и его проблем, а от толпы и ее мнения. Как отмечает Сенека, «не покидает нас один по-

рок: прилаживаться к примеру большинства, смотреть не что должно, а что принято. Мы удаляемся от природы и предаемся толпе, от которой ничего хорошего исходить не может» [4, с. 214].

Активность (субъектность) человека проявляется и в том, считает Сенека, что одного знания идеи блага недостаточно, а необходима еще и активная воля к ней. Тем более, что в его философском прочтении материя инертна и мертва, способна принимать любую форму и приходить в движение по решению души как носителе божественной энергии. Сенека утверждает, что «все состоит из материи и Бога. Бог упорядочивает смешение, и все следует за ним, правителем и вожатым…То же место, что в этом мире Бог, занимает в человеке душа; что в мире материя, то в нас – тело» [4, с. 125]. Поэтому Бог, как творец человека и промысел всех его деяний, формирует его волю и активность, составляя основу мотивации и стимулирования человеческой деятельности и решая, в конечном счете, из чего, чем, каков, ради чего и по образу чего образуется та или иная вещь или явление. Очевидно, что само божество, а вслед за ней и душа человека по своей природе не могут быть пассивными и инертными.

В этой активности индивида прикладное (и принципиальное) актуальное для современного человека значение имеют несколько идей Сенеки. Во-первых, человек должен действовать в соответствии с природой, которая «сама для себя абсолют». Во-вторых, важно избегать мнения толпы, что невероятно трудно в условиях «восстания масс» и «массовизации общества». В-третьих, необходимой является и активность человека по формировании и переформатированию социального пространства в противовес современному тренду с акцентом на потребление, а не преобразование.

Заключение

На основе проведенного анализа можно с полным основанием утверждать, что целый ряд теоретических постулатов Сенеки могут выступить в качестве инструмента решения современных проблем. В первую очередь, речь идет о жизненной необходимости преодоления ценностного хаоса, представленного в парадигме постмодерна.

Кроме этого, для современного мира серьезную опасность представляет чрезмерная иррационализация, мифологизация и виртуализация общественной жизни, что императивно требует усиления рационального фактора, особенно в процессе принятия государственных решений, на чем настаивает, применительно к своей эпохе, и Сенека.

Важное значение, в первую очередь относительно повышения экологической безопасности общества и человека, а также локализации синдрома консюмеризма, имеют идеи Сенеки, связанные с ограничением потребления, что соответствует современным парадигмам устойчивого развития. В частности, речь идет о важности действовать в соответствии с природными и иными закономерностями.

В настоящее время могут быть востребованы идеи Сенеки и по причине интенсивно идущих процессов глобализации, свидетельствующих о приоритете глобальных проблем современности над национальными интересами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермоленков, В. В. Устойчивое развитие: концептуальная основа стратегий управления / В. В. Ермоленков. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2011. – 152 с.

2. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. – М. : АСТ, 2004. – 444 с.

3. История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма, 2001. – 736 с.

4. Сенека, Л.-А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии / Л.-А. Сенека. – М. : Худож. лит., 1986. – 543 с.

5. Якимович, А. К. Тоталитарная и независимая культура / А. К. Якимович // Вопр. философии. – 1999. – № 11. – С. 16–25.

6. Ошеров, С. Сенека: философ, прозаик, поэт / С. Ошеров // Сенека Л.-А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 5–29.

7. Лосев, А. Ф. Эллинистически-римская эстетика. I–II вв. н.э. / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 416 с.

8. Долгосрочное устойчивое развитие Республики Беларусь: стратегия и пути реализации / А. В. Червяков [и др.]. – Минск : Мисанта, 2016. – 280 с.

9. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 4. – С. 6–99.

10. Гегель, Г. В. Ф. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.

11. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2-х кн. / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1992. – Кн. 1. – 656 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.10.2017

Lysiuk A.I. **Seneca and Contemporary Social Challenges**

In the given article the totality of Seneca's ideas, usage of which can be productive for the solution of contemporary social problems is studied. First of all, the necessity, while making political decisions, to follow the principle of priority of universal human tasks compared to national, based on rationality is pointed out. Important role while organizing social life is played also by the orientation on certain totality of orientations – first of all, the moral ones. At the same time, crucial is the factor of responsibility for the fate of the future generations. It is proved, that many Seneca's ideas today are used in national and local strategies of sustainable development. The importance of Seneca's ideas dealing with the limitation of consumption, as well as importance to act according to natural and other objective laws is highlighted.

УДК 316.33

П.П. Крусь[1], М.Г. Соколовская[2]
[1]канд. филос. наук, доц., зав. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
[2]ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: [1]philosof@brsu.brest.by; [2]lllogos@list.ru

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНЦЕПЦИИ ПЛАТОНА

Дан анализ гендерной проблематики, изложенной в концепции Платона. Указывается на ее периферийное значение в трудах философа. Определяются некоторые идеи Платона, связанные с преодолением гендерного неравенства в древнегреческом обществе. Принципиальное значение имеет обоснование возможности допуска женщин ко всем политическим позициям, а также целесообразности совместного воспитания мужчин и женщин. Заслуживает внимания и предложенный Платоном формат построения семейных отношений, включая свободу брачного выбора и преодоления гомосексуальных отношений. Особый интерес представляет разработанная Платоном концепция любви, включающая в эрос не только индивидуальное половое влечение, но и родство душ.

Введение

В современном мире утверждение гендерного равенства является одним из ключевых элементов процессов демократизации, без которого невозможно и немыслимо прогрессивное развитие обществ, в особенности, европейских. В течение XX в. в сфере гендерной проблематики произошли существенные изменения. Если в начале столетия женщины выступали в качестве «страдательной» категории, как социально слабая и уязвимая группа, нуждаясь в мужском попечении, то в настоящее время большинство людей воспринимают их как социальных акторов, способных выступить важным агентом позитивных общественных изменений, поскольку не вызывает сомнения то, что женщины обладают огромным, зачастую неиспользуемым или недооцененным потенциалом для развития любого социума.

Для поиска ответов на вопрос, каким же образом и наиболее эффективно можно преодолеть гендерное неравенство, целесообразно обратиться к творческому наследию Платона, который, форматируя и формируя идеальное государство, с неизбежностью соприкасался с гендерной проблематикой и искал оптимальные модели ее решения. Некоторые его идеи могут быть использованы в современных социальных практиках. По поводу других его подходов к этой проблеме может быть интересной (и полезной) его аргументация. Существуют также его идеи-предложения, которые могут вызывать только наше отторжение, скепсис, поскольку не выдержали испытания историческими вызовами и обстоятельствами, например, евгеника.

Гендерное неравенство и социальная стратификация общества

Проблематика гендерного неравенства в социальной философии Платона испытывала влияние двух факторов, заложенных в древнегреческой традиции. С одной стороны, как справедливо отмечает А. Боннар, древнегреческое общество является мужским, и сквозь всю античную философскую мысль и литературу проходит струя женоненавистничества, «которая восходит к Гесиоду, который рассказывал, как Зевс, чтобы наказать людей за то, что они приняли от Прометея похищенный у него огонь, велел богам и богиням создать из сырой глины, болезненного желания, коварства и бесстыд-

ства привлекательное чудовище, женщину – западню и пропасть бездонную с крутыми стенами» [1, с. 177]. Поэтому совершенно неудивительно, что многие греки, в том числе и Платон, считали справедливым и правильным общественное устройство, при котором мужчина властвует, а женщина находится в его подчинении, поскольку первый, в их представлении, по своим качествам (и природе) явно превосходит вторую.

С другой стороны, во многих полисных государствах издревле почитались женские божества, в особенности олицетворяющие плодородие: Кибела, Деметра и др. В древнегреческой мифологии и эпосе также сохранились прекрасные женские образы Афродиты, Андромахи, Пенелопы, Антигоны и др., что способствовало утверждению позитивной феминности.

При анализе проблемы гендерного неравенства Платон в полной мере проявил тот творческий подход, на который указывал известный российский советский философ А. Лосев, отмечавший, что великий грек являлся и великим эклектиком, склонным к творческому синтезу разнородных элементов [2, с. 32]. Такой синтез Платон осуществил и относительно женского и мужского начал. Исследовательское внимание Платона к правильному решению «гендерного вопроса» было обусловлено существенным влиянием женщин на социальную жизнь, вызванным преимущественно двумя причинами. С одной стороны, женщины впечатляли своей многочисленностью, количественно превосходя мужчин как минимум вдвое. С другой стороны, по причине их (женщин) существенного и даже чрезмерного влияния на мужчин и принимаемые ими решения, что наносило, с точки зрения Платона, государству серьезный ущерб.

Проблема отношений между мужчинами и женщинами в платоновском идеальном государстве, представленном в «Государстве» и «Законах», рассматривается через формат жестких социальных иерархий. Как справедливо отмечала Е.А. Дубко, «Платон – адвокат “порядка”, стратифицированного общества, самодовлеющего, или тоталитарного, государства, теоретик иерархии и элиты» [3, с. 42]. В рамках этого «порядка» одни должны руководить, а другие безоговорочно подчиняться: благородные должны править неблагородными, старшие – младшими, мужчины – женщинами и т.д.

Платон, предлагая идеальный образец политического устройства, исходил из того принципа, что разумная общественная жизнь строится на основе дифференциации и взаимной зависимости выполняемых человеком трудовых и иных функций. Так как очевидно, что обществу в равной степени необходим, к примеру, и труд ремесленника, и ткача, и моряка, и строителя, и купца и многих других профессиональных групп, которые удовлетворяют те или иные потребности индивида.

В своем учении «о нитях», из которых изначально вьется жизнь каждого человека, обусловливая ее логику и содержание, Платон писал о природной предопределенности социальной миссии любого человека, в том числе и женщин. Т.е. пол человека – это судьба (своеобразное предвосхищение известного утверждения З. Фрейда). А поскольку мужчина «во всем превосходит женщину», то ей естественным образом отводится подчиненное место в рамках идеального государства. Отвечая же на вопрос, «способна ли женская часть человеческого рода принимать участие во всех делах наряду с мужчинами, или же она не может участвовать ни в одном из этих дел», он указывает на то, что «каждый, кто бы он ни был, должен выполнять только свое дело – согласно собственной природе» [4, с. 251]. Очевидно, что «по природе» без женщин, с одной стороны, абсолютно невозможно рождение детей и уход за ними, а с другой – на них же возлагается ведение домашнего хозяйства, организации быта, поскольку женщины прекрасно ткут, варят похлебку, пекут жертвенные лепешки и т.п.

Что же касается участия женщин в осуществлении иных функций, многие из которых исторически традицией закреплены за мужчинами, то Платон убежден, что акцент должен быть сделан не на половой принадлежности человека, а на способности женщин эффективно выполнять подобные функции. Более того, это ситуация даже не ее личного выбора, а общественного долга, исходящего, в свою очередь, из интересов государства. Платон исходит от того, что по своей природе женщина может принимать участие во всех общественных делах. Если она, к примеру, в состоянии быть воином, то не должна пренебрегать ратным делом. «Остаются ли женщины в городе или идут на войну, они вместе с мужчинами несут сторожевую службу, вместе и охотятся подобно собакам; они всячески участвуют во всем, насколько это в их силах. Такая их деятельность и является наилучшей и ничуть не противоречит природе отношений между самцами и самками» [4, с. 266]. Таким образом, правильное устройство государства предполагает, что все обычаи в нем устанавливаются в равной степени как для мужчин, так и для женщин.

Однако, согласно Платону, существует и целая система «природных» ограничителей, сужающих сферу ее социальной активности. Во-первых, женщина во всем и даже намного физически немощнее мужчины, что естественным образом ограничивает ее возможности, особенно на поле брани и при выполнении ряда других трудовых функций, требующих физической мощи: моряка, кузнеца и др. Следовательно, за женщинами необходимо закреплять виды работ более легкие, чем для мужчин.

Во-вторых, ключевой социальный закон в полисном государстве требует, чтобы несведущий или малознающий следовал за руководством разумного. Однако и в этом отношении мужчины и женщины неравноценны, так как наблюдается явное преимущество мужчин. А в силу того, что доминирующие властные позиции призваны занимать как раз мудрецы-философы, то логически происходит вытеснение женщин на политическую периферию и сужение их возможностей в сфере властных отношений. И в семейных – по той же причине.

В-третьих, ключевой добродетелью свободного гражданина является, в представлении Платона, рассудительность, т.е. способность индивида контролировать свои чувства, аффекты, страсти. Женщины же по своей природе – чрезвычайно эмоциональные существа. К тому же более скрытные, лукавые, нестабильные и беспорядочные в чувствах и поведении, что опять-таки ограничивает их социальный потенциал и вынужденно детерминирует мужское лидерство.

В-четвертых, им (женщинам) не свойственна и такая античная добродетель, как агональный дух, а также не важна риторика по причине исключения из мира большой политики. Скорее, наоборот, полагает Платон, женщины по своей природе избегают публичности, и они «привыкли жить, укрывшись в тени; если насильно вытащить их на свет, они станут оказывать всяческое сопротивление» [5, с. 259]. Подобный стиль жизни также ограничивает их социальный потенциал.

В-пятых, женщины, несмотря на все эти «природные» недостатки, в идеальном государстве Платона привлекаются к государственному управлению совместно с мужчинами. Правда, как уже выше отмечалось, только те из них (совсем немногие), кто продемонстрировал соответствующие способности. Для занятия государственных должностей устанавливается возраст: для женщины – 40 лет, для мужчины – 30. Военную службу мужчина должен нести с 20 до 60 лет, а женщина лишь после рождения детей и не старше 50 лет.

В-шестых, учитывая то, что женщина, как уже отмечалось, в состоянии участвовать в выполнении большинства общественных функций, свойственных мужчинам, государство призвано приложить максимум усилий по воспитанию необходимых для социальной жизни личностных и социальных качеств представителей обоих полов. Отсюда вытекает необходимость получения женщинами, совместно с мужчинами, мусического и гимнастического воспитания, из которых первое формирует душу, а второе – тело. Цель мусического воспитания заключается в формировании благочестия и благонравия и борьбе против вредного культа страстей, эмоциональной невоздержанности и распущенности. Все это имеет принципиальное значение для женщин, для душевной жизни которых характерны чрезмерная эмоциональность и психическая нестабильность.

В-седьмых, при всех своих недостатках и очевидности того факта, что «женская природа по своему достоинству хуже нашей» [5, с. 258], женщины, вернее, их тело, имеют для мужчин эротическую притягательность. Поэтому, по концепции Платона, особенно в «Государстве», они могут и должны выступать объектом удовлетворения интимных потребностей мужчин и даже быть для воина своеобразной наградой за проявленную доблесть. Поэтому, учитывая, что «из-за влечения мальчиков к мальчикам и девочек к девочкам, женщин к женщинам и мужчин к мужчинам проистекают несметные беды как для отдельных людей, так и для государства», разумным, по Платону, представляется принятие закона, что «мужчины не должны сходиться с юношами, как с женщинами, для любовных утех» [5, с. 319].

В конечном счете, в представлении Платона, следует избегать того отсутствия различий между женщинами и рабами, как это происходит у некоторых народов, а также ограничивать их жизнь семейными интересами и заботами. Женщины не должны вести беспорядочную жизнь, предаваясь неге и расточительности. Необходимо искать и находить середину между этими крайностями. И если это удастся, то можно будет построить в государстве счастливую жизнь.

Гендерные отношения в семье

Исходя из «природной» функциональности женщин, Платон, анализируя проблемы их отношений с представителями противоположного пола, делает акцент на семье и семейных отношениях. При этом, что принципиально, для него второстепенное значение имеет проблема построения между ними гармоничных отношений. По его убеждению, основополагающий смысл семьи – рождение детей, отчасти их воспитание. Семейный контекст предполагает и решение некоторых бытовых вопросов. Важным является удовлетворение эротических потребностей.

Несмотря на известную интимность этих вопросов, Платон исходит из того, что и эта сфера должна находиться под пристальным контролем законодателя. Поэтому, форматируя идеальное государство, А. Лосев отмечал, что его (Платона) «настоящая и максимальная полная эстетика… не иметь ничего личного, не иметь ничего интимного, не иметь никакой любви, кроме как к закону», и «нерушимое, безоговорочное и абсолютно точное выполнение закона… есть наивысшая красота и наивысшее прекрасное» [6, с. 213, 214].

В «Государстве» семейная проблематика находилась на периферии внимания Платона, поскольку жены в их традиционном понимании отсутствовали у политически господствующего сословия – философов-правителей и стражников. Утвердилась практика общности жен, что было обусловлено необходимостью преодолеть между стражниками споры и противоречия, которые часто возникают у людей из-за собственности,

ревности или по поводу детей и родственников. А также следовать «вечнотворящей природе», согласно которой человек должен оставлять после себе детей. Исходя из этого «все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок – кто его отец» [4, с. 266].

Отношения между стражниками и женщинами во многом основывались на «эротической неизбежности», на природном взаимопритяжении полов, что предполагает и появление между ними симпатии. Поэтому законодатель должен создать для них условия, чтобы они под присмотром воспитателей имели бы возможность выбрать друг друга для интимных отношений. А «раз они всегда будут общаться, встречаясь в гимнасиях и вообще одинаково воспитываясь, у них по необходимости – я думаю, врожденной – возникнет стремление соединяться друг с другом… Лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими, и что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, раз наше небольшое стадо должно быть самым отборным» [4, с. 257].

Для того чтобы обеспечить «хорошее потомство», законодатель устанавливает разумные сроки зачатия и рождения ребенка. Женщина должна рожать в период от 20 и до 40 лет, а мужчина – с 30 и вплоть до 55 лет. После этого все родившиеся дети поступают в распоряжение специально для этого предназначенных должностных лиц, «все равно мужчин или женщин», и начинается процесс государственного воспитания. В контексте этих отношений за женщиной закрепляется преимущественно характер вещи, и она выступает как атрибут коллективной собственности. Семья в традиционном значении существует только у низших сословий, что для Платона не стало объектом анализа.

В «Законах» Платон исходит от того, что социально-политический формат «Государства» не достижим для людей и доступен только для «богов и сынов богов». И он предлагает второй, более реалистический и более «очеловеченный» проект государства, в котором законодателем устанавливаются строжайшие законы, касающиеся всех аспектов жизни человека и полиса, включая брак, семью и половые отношения. Разумеется, эти законы устанавливаются исходя их высших государственных соображений и из того принципа, что отдельное, частное должно совершаться ради целого.

Какими же теперь видит Платон семейные отношения между мужчинами и женщинами? В его представлении, законодатель необходимо исходит от того, что в человеке изначально, от природы, заложен жизненный инстинкт, страстно, непреклонно, неудержимо, а зачастую и безумно, по-животному влекущий человека к продолжению рода, к тому, чтобы «порождать себя в другом» (А. Лосев). Этот инстинкт с точки зрения законодателя необходимо направить к высшему благу. Каким же образом? В первую очередь, через установление закона, требующего, чтобы соитие, предназначенное для деторождения, происходило лишь сообразно природе. Следовательно, мужчинам необходимо воздерживаться от мужского пола и «не губить умышленно человеческий род». Как отмечает В. Соловьев, в Древней Греции преобладала «пестрота Афродиты», т.е. были широко развиты гомосексуальные отношения, «главные из них считались эллином не за болезненные уклонения, а за что-то простое и естественное и даже предпочтительное тому, что мы теперь признаем за единственно натуральное» [7, с. 79]. Исходя из осознания этого факта, Платон предлагает придать этому закону, который «принесет с собой тысячи благ», статус «священного», что заставит человека безусловно ему повиноваться.

Закон также должен побудить человека «воздержаться от любовных борений, неистовств, от всякого рода прелюбодеяний», что «мужей… сделает близкими друзьями их жен… Если кто станет жить кроме как с женой, вступившей в его дом с ведома богов, путем священного брака с другими женщинами», то он лишается «всех почетных гражданских отличий как человек действительно чуждый нашему государству» [5, с. 322, 325–326].

Принципиально важен возраст вступления в брак с учетом лучшего времени зачатия ребенка. Мужчина должен жениться не позднее 35 лет. В противном случае он должен подвергаться экономическим санкциям (плата пени) и моральному осуждению. В «Законах» по сравнению с «Государством» возрастает ценность семьи и свободного (и ответственного) брачного выбора. Следовательно, он должен быть непременно осознанный, в том числе важным является знание, из какой семьи происходит супруга. Необходимо также его одобрение у разумных людей. Для обеспечения и телесной гармонии законодатель учреждает хороводные игры юношей и девушек, где они могли видеть друг друга обнаженными и соответственно найти для себя и внешне привлекательную «половинку».

Кроме этого, новобрачным принципиально важно учесть и государственный интерес, поскольку «каждый человек должен заключать брак, полезный для государства, а не только приятный ему самому», так как «государство должно быть смешано наподобие напитка в кратере, где бурлит налитое неистовое вино, а другое, трезвое божество, его сдерживает, так что получается добрый, смешанный в меру напиток, – следствие прекрасного союза вина и воды» [5, с. 249]. Впоследствии он и она должны подарить государству «самых прекрасных и наилучших детей».

При заключении брака важным являлся и экономический фактор. Поэтому если у брачующихся обнаружится стремление погони «особенно за богатством», то они должны подвергаться общественному моральному порицанию. Этой «погоне» воспрепятствует и отмена приданого. Есть и другой действенный фактор: поскольку в идеальном государстве все необходимое есть у каждого, то, в частности, у женщин возникает меньше дерзости по отношении к мужчинам, которым, в свою очередь, нет необходимости быть в «низком и неблагородном порабощении» у жен или богатых женщин.

Для Платона очевидно также, что семейные отношения являются зоной риска, и ситуация может сложиться таким образом, что муж и жена из-за сложностей своих характеров могут не подходить друг другу. В его концепции развод возможен, но только с санкции стражей законов и должностных лиц, ведающих браками. При этом допускается новое заключение брака, в том числе «ради спокойной старости и взаимных забот».

Платон неоднократно подчеркивал значимость при заключении брака «Эроса прекрасных тел». Но этот Эрос может порождать и сильные искушения. С целью воспрепятствовать их проявлению законодатель предусматривает серьезные меры наказания: «Пусть гражданин не смеет касаться никого из благородных и свободнорожденных… Если кто-то пытается изнасиловать свободнорожденную женщину или отрока, того может убить лицо, подвергнувшееся насилию, а также муж, отец, брат или сын» [5, с. 364]. При всей значимости Эроса при заключении брака Платон пишет и о важности оценки душевных свойств своего возлюбленного. Его концепция любви во многом основывались как раз на родстве и слиянии близких друг другу душ. В диалоге «Федр» Платон отмечал, что душа человека похожа на колесницу, состоящую из трех частей: возницы (разума) и двух коней – хорошего (послушного) и плохого (необузданного). И «когда перед взором возничего предстает нечто достойное любви, чувство горячит

ему всю душу и его терзают… жала возбуждения, тот конь, что послушен возничему… сдерживает свой бег, чтобы не наскочить на любимого. А другой конь… вскачь несется изо все сил… Он принуждает их приступить к любимцу с намеками на соблазнительность любовных утех» [8, с. 190]. Истинная же любовь присуща тому человеку, «у кого вожделение к телу является чем-то побочным», он «скорее созерцает, чем вожделеет, так как душой страстно стремится к душе другого человека и считает дерзостью удовлетворить свое тело телом любимого. Он стыдливо чтит рассудительность, мужество, великодушие и разумность… Мы желали бы, чтобы в государствах наших бытовал тот вид влечения, который сопряжен с добродетелью и заставляет юношу стремиться к достижению высшего совершенства» [5, с. 320].

В концепции Платона мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга. Любовь соединяет многие их противоположные качества, восстанавливая гармоничное единство. В наиболее полной мере этот подход обоснован в теории андрогинизма, согласно которой Зевс, чтобы не замышляли зла против богов, разрезал на две половинки андрогинов – существ, совмещавших в себе качества обоих полов. И с тех пор они блуждают по миру, стремясь воссоздать свою утерянную цельность и целостность. Правда, половинки эти могут быть как чисто мужские, так и женские. Идеальный вариант – их прекрасное соединение в семейном интерьере.

В этом отношении нельзя не согласиться с В. Соловьевым, утверждавшим, что у Платона «действительно человеческий путь Эрота есть тот, на котором полагается разумная мера животным влечениям – в пределах, необходимых для сохранения и прогресса человеческого рода» [7, с. 87]. В остальном же на первый план выходит интимное соединение душ, что, в свою очередь, предполагает отношения между мужчинами и женщинами, настроенными на позитивное восприятие чужой индивидуальности, ценящие прекрасное в душах выше, чем прекрасное в теле, чтобы, в конечном счете, слиться друг с другом настолько, чтобы возродить себя и породить новое существо.

Заключение

На основании проведенного анализа можно утверждать, что гендерная концепция Платона достаточно эклектична и одновременно оригинальна. В целом следуя алгоритму патриархальности и маскулинности, в значительной степени опережая свое время, он выдвинул целый ряд важных постулатов, касающихся преодоления гендерного неравенства. Во-первых, указал на необходимость доступа женщин ко всем социальным позициям в соответствие с их способностями. Во-вторых, отметил важность преодоления однополой любви и ее десакрализации. В-третьих, обосновал целесообразность совместной социализации мужчин и женщин. В-четвертых, предпринял попытку одухотворение любви, т.е. преодоления ее ориентации исключительно на эрос и подчеркнул важность в любовных отношениях родства душ и значимость чужой индивидуальности. В-пятых, указал на необходимость свободы брачного выбора и его избавление от чрезмерной меркантильности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боннар, А. Греческая цивилизация : в 3-х т. / А. Боннар. – М. : Искусство, 1991–1992. – Т. 1 : От Илиады до Парфенона. – 1991. – 269 с.

2. Лосев, А. Ф. Эрос у Платона / А. Ф. Лосев // Бытие – имя – космос. – М. : Мысль, 1993. – С. 31–60.

3. Дубко, Е. Л. Политическая этика / Е. Л. Дубко. – М. : Акад. проект, 2005. – 720 с.
4. Платон. Сочинения : в 3-х т. / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с др.-греч. Н. В. Самсонова, А. Н. Егунова, С. С. Аверинцева ; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1968–1972. – Т. 3 : в 2-х ч. – 1971–1972. – Ч. 1. – 1971. – 687 с.
5. Платон / Сочинения : в 3-х т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с др.-греч. С. Я. Шейман-Топштейн, А. Н. Егунова, С. П. Кондратьева ; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1968–1972. – Т. 3 : в 2-х ч. – 1971–1972. – Ч. 2. – 1972. – 678 с.
6. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1974. – 600 с.
7. Соловьев, В. Жизненная драма Платона / В. Соловьев // Русский эрос, или философия любви в России. – М. : Прогресс, 1991. – С. 77–91.
8. Платон / Сочинения : в 3-х т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с др.-греч. С. П. Маркиша [и др.]. – М. : Мысль, 1968–1972. – Т. 2. – 1970. – 611 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.10.2017

Krus P.P., Sokolovskaja M.G. **The Problem of Gender Equality in Platon's Conception**

In this article analysis of the gender problematics as outlined in the Plato's concept is given. Its peripheral meaning in his works is pointed out. Certain ideas of Plato dealing with overriding gender inequality in Ancient Greek society are defined. The principal meaning has the underpinning of possibility of women's access to all political positions, as well as worthwhileness of common education of men and women. Worth noticing is also the format of building family relations, which he proposes, including the freedom of matrimonial choice and overriding the homosexual relations. Of a particular interest is the concept of love developed by Plato, in which eros includes not only individual sex urge, but also the affinity of souls.

УДК 378 : 305

С.М. Храмов
канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: crimlaw@brsu.brest.by

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются сложившиеся в обществе гендерные стереотипы и пути их преодоления. Приводятся примеры последствий гендерных стереотипов. Анализируются результаты самостоятельно проведенного социологического исследования. Рассматривается опыт зарубежных стран. Делается вывод о том, что гендерные стереотипы лежат в основе дискриминаций по признаку пола.

Введение

В последние годы в Республике Беларусь особое внимание уделяется обеспечению в обществе гендерного равенства и преодолению гендерных стереотипов. В результате наша страна значительно продвинулась в решении вопросов обеспечения равных прав и возможностей всем гражданам. «Согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве 2016 г. по версии Всемирного экономического форума Беларусь занимает 30-е место из 144 государств» [1]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на 1 000 мужчин в нашей стране приходится 1 149 женщин [2, с. 16]. При этом удельный вес женщин в численности населения составляет 53,5 %. Для сравнения: в Швеции этот показатель равен 50,1 %, в США – 50,4, а в Японии – 51,4 [2, с. 208]. В Беларуси имеются достижения и по улучшению индекса материнства. Этот индекс каждый год подсчитывается международной организацией «SavetheChildren». В настоящее время Беларусь «входит в 25 (из 179) стран, благоприятных для рождения ребенка, и лидирует среди государств – участников Содружества Независимых Государств» [1].

Для дальнейшего прогресса в данной сфере необходимо преодолевать существующие гендерные стереотипы. Стереотипы по отношению к тем или иным явлениям – признак любого общества. «Стереотипы – это то, что в большой степени зависит от специфики культурного контекста» [3, с. 61]. Эти стереотипы или клише могут относиться к различным областям, сферам и признакам (например, раса, национальность, возраст, образование, специальности и т.д.). Один из наиболее отличительных признаков – гендерный. Гендерные стереотипы складываются на основе нашего восприятия людей в зависимости от их пола и дифференцированно изучаются в различных сферах знания. Например, социальной психологией [4].

Как показывают проведенные ранее исследования, «гендерные схемы являются сильнейшими ограничителями в детском поведении. Уже в 2 года дети утверждают для себя определенные типы поведения, связанные с гендерной идентичностью. Мальчик, упавший на улице и сильно ударившийся, понимает, что он, как настоящий мужчина, не должен плакать. Поэтому он закусывает губу и терпит, сдерживая слезы. Девочка, которой сильно понравился новый водяной автомат старшего брата, не позволит себе играть с ним, так как она понимает, что игрушки для мальчиков, а для нее есть куклы» [3, с. 62]. Такие стереотипы, безусловно, имеют связь с социальными традициями, воспитанием, религией, степенью толерантности населения.

За рубежом гендерные стереотипы рассматривались в работах Alice Eagly, Kay Deaux, Janet Swim и других авторов. Немалое место в исследованиях принадлежит обсуждению проблем гендерных различий в невербальной коммуникации, разделению

людей на «нашу группу» и «чужие группы» по половому признаку и проблемы избавления от предрассудков, связанных с гендерными стереотипами. Сложившиеся в социуме предубеждения относительно мужчин, женщин, их различий и общих черт – часть национальной культуры, к которой надо относиться с уважением. Но реальность заключается в том, что какими бы устоявшимися не были стереотипы, их можно изменить. Для этого необходимы осознание гендерной проблемы и воля к ее преодолению. Эти два компонента делают реальными улучшения в рассматриваемой сфере.

Гендерные стереотипы настолько прочно укоренились в сознании и в практической деятельности, что зачастую им не придается должного значения или обращается недостаточно внимания. В результате взрослые, родители и педагогические работники во многих случаях продолжают по-разному относиться к подрастающему поколению в зависимости от их пола. Это означает определенный дисбаланс гендерного равенства. Дети, в свою очередь, быстро усваивают предложенные им модели поведения. В последующем привычные гендерные роли с высокой степенью вероятности будут воспроизводиться ими по мере взросления. В настоящее время формирование этих стереотипов, которые ведут к неверному представлению у молодежи о роли представителей разных полов в общественном и личном развитию, складывается во многом искусственно. Например, под влиянием популярных фильмов, телепередач, публикаций в печати и Интернета. Необходимо отметить, что гендерные стереотипы среди студентов, а также детей дошкольного и школьного возраста не являются уникальными для Республики Беларусь. В условиях глобализации часть этих стереотипов можно найти во многих других странах, например, в Великобритании, США или Швеции. Поэтому решение данной проблемы актуально для многих государств.

Гендерные стереотипы

Для того чтобы найти пути преодоления сложившихся предубеждений в половой сфере, необходимо сформулировать основные гендерные стереотипы.

Стереотип № 1: семейные и бытовые проблемы – удел женщин. За семью и детей несут ответственность в первую очередь матери. Дело отцов – обеспечивать семью материально. В обществе прочно сформировалось стереотипное мнение о том, что именно мать обязана заниматься с детьми. Пример проявления этого стереотипа в повседневной жизни: воспитатели дошкольных учреждений и учителя средних школ ищут контакт прежде всего с матерью ребенка. Родительские собрания также чаще посещают матери. Они же в большинстве случаев осуществляют общественную деятельность по месту учебы ребенка (помощь в организации праздничных мероприятий, поздравительные программы, обеспечение школьного процесса).

Стереотип № 2: лидером всегда является мужчина, а женщина только подчиняется его воле. Она чаще всего выполняет вспомогательную роль, является ведомой. Если мужчина зарабатывает, то женщина потребляет; если мужчина – олицетворение силы, то женщина – проявление хрупкости, слабости и покорности.

Стереотип № 3: по своим профессиональным качествам женщины в большинстве профессий менее компетентны, чем имеющие такое же образование их коллеги-мужчины. Женщины недостаточно жесткие и последовательные, а также чрезмерно скромные, что мешает им добиться успеха. В связи с этим женщинам в коллективах часто отводится вспомогательная роль, например, работа секретаря. Истоки этого стереотипа следует искать еще в начальной школе. Например, многие ученицы в возрасте 7–10 лет и их родители всерьез опасаются, что не смогут овладеть математикой на таком же

уровне, как их сверстники мужского пола. Однако в ходе исследования, «проведенного в США среди девочек, обучающихся в 1–5 классах, было обнаружено, что опасения, связанные с изучением математики, можно уменьшить путем повышения квалификации женщин-учителей в области преподавания математики и борьбы со стереотипными убеждениями относительно гендерных различий в способностях учеников» [5, с. 204].

Социологическое исследование

С целью выявления дополнительных гендерных стереотипов в начале октября 2017 г. было проведено исследование среди студентов высших учебных заведений г. Бреста. Опрос по двум заранее разработанным анкетам проводился среди двух групп студентов. Всего было опрошено 34 человека в возрасте от 20 до 33 лет. Из них лиц мужского пола 26,5, женского – 73,5 %.

На вопрос «Какие черты присущи противоположному полу?» мужчины чаще всего называли «ответственность» и «красота». Также были перечислены следующие качества женщин: «вежливость», «верность», «воспитание», «доброта», «женственность», «мудрость», «обаяние», «общительность», «ответственность», «порядочность», «усидчивость», «чувство юмора». Женщины в мужчинах увидели такие качества, как «верность», «внимательность», «доброту», «дружелюбность», «интеллигентность», «мужественность», «независимость», «ответственность», «работоспособность», «самоуверенность», «серьезность», «сила», «смелость», «стрессоустойчивость», «телосложение», «терпеливость», «ум», «успешность», «храбрость», «целеустремленность», «честолюбие». (Все качества перечислены не по повторяемости, а в алфавитном порядке.)

Как видно из проведенного анализа, несмотря на существенное улучшение ситуации, гендерных стереотипов все еще остается достаточно много. И в основном они касаются женщин. Одно из заметных последствий – «неравенство в семье между мужчиной и женщиной» (цитата из анкеты респондентки. – *С. Х.*). Понимая это, одна из участниц анкетирования высказала следующую любопытную мысль: «Женщина по отношению к мужчине должна быть немного хитрее и стараться обходить “острые углы” при каких-либо разногласиях». Фактически данная позиция совпадает с одной из ключевых стратегий поведения в конфликте, а поэтому является допустимой. В противовес гендерным стереотипам в другой «женской» анкете высказана следующая позиция: «Женщина может зарабатывать больше мужчины, и она не должна сидеть только дома и воспитывать детей».

В процессе социологического исследования у мужчин и женщин полностью совпали всего 3 качества: «ответственность», «верность» и «доброта». Действительно, перечисленные качества можно назвать универсальными, относящимися к общечеловеческим ценностям. На разных полюсах стоят собственно гендерные признаки – «мужественность» и «женственность». И это естественно. В социуме основными социальными ролями женщин традиционно признаются: «мать», «жена», «хранительница очага». О мужчинах чаще всего говорят: «отец», «глава семейства», «защитник», «опора», «кормилец». Однако «Европейский суд по правам человека неоднократно указывал, что традиции, общие предположения и преобладающие социальные взгляды не являются достаточным оправданием для различного обращения» [6]. Довод о том, что женщины играют особую социальную роль в воспитании детей, основан на гендерных стереотипах [7, с. 350–366].

Последствия гендерных стереотипов

Любые стереотипы нежелательны, так как могут нанести вред интересам личности и ее правам. Именно стереотипы ограничивают возможности и мешают людям в полной мере реализовать свой потенциал. Это же касается и гендерных стереотипов, проявления которых многообразны. Они могут быть явными и скрытыми, прямыми и косвенными. В любом случае стереотипы периодически приводят к гендерной дискриминации. Стереотипы прежде всего отрицательно сказываются на равенстве полов, которое на законодательном уровне гарантировано для женщин. В результате существования гендерных стереотипов наиболее чувствительными являются следующие последствия: 1) более низкие возможности в поиске работы и трудоустройстве женщин; 2) разрыв в оплате труда некоторых категорий работников в зависимости от половой принадлежности; 3) отказ женщин от карьеры по имеющейся специальности вне зависимости от уровня профессиональной подготовки и уровня компетенции; 4) семейно-бытовое насилие.

Жертвами же семейно-бытовой преступности «в 9 случаях из 10 становились женщины, как правило жены и сожительницы, правонарушителей» [8]. Так, С. избил бывшую супругу Л. резиновой дубинкой и сбросил из окна дома на глазах дочерей. «По приговору суда С. признан виновным в угрозе убийством, когда имелись основания опасаться ее осуществления, а также убийстве с особой жестокостью Л., совершенном в 23 часа 23 октября 2016 г. в квартире дома по ул. О. в г. Г. …По сообщению УЗ “Областная клиническая больница”, Л. скончалась в 13:30 24 октября 2016 г.» [9].

Но бывают и прямо противоположные случаи, когда женщина в быту самоутверждается за счет применения силы к мужчине. Так, в 2015 г. женщины совершили 7 920 преступлений, из них 1 415 – в г. Минске [2, с. 199]. За этот же период времени 83 женщины привлечены к уголовной ответственности за убийства и покушения на убийство, 163 женщины признаны виновными в умышленном причинении тяжкого телесного повреждения [2, с. 200]. Вызывает тревогу следующий факт: с 2010 г. количество убийств, совершенных женщинами, возросло на 20,28 %. Поэтому неслучайно, что удельный вес преступлений, совершенных женщинами, в нашей стране является одним из самых высоких на территории государств – участников СНГ [10].

Гендерные стереотипы отрицательно влияют не только на женщин, но и на мужчин. Так, часть мужчин периодически испытывает давление от необходимости занимать лидирующие позиции. Это также не способствует соблюдению гендерного равенства.

Преодоление стереотипов

Для преодоления гендерных стереотипов необходимо предпринять ряд мер. Одной из таких мер могло бы стать квотирование мест в органах законодательной, исполнительной и судебной власти для равного доступа к ним мужчин и женщин.

Немаловажным является объективное освещение в СМИ роли женщин в обществе. Например, полезно больше рассказывать читателям, слушателям и зрителям о карьерах успешных женщин-руководителей, что послужит примером для молодежи. Такая информация стимулирует гендерное равенство. Нелишней будет проведение рейтинговыми СМИ информационно-просветительских кампаний для различных групп населения, включая взрослых и детей.

В сфере образования целесообразно включение в учебные программы гендерной составляющей, что позволит учитывать интересы обоих полов в процессе обучения. При этом должны активно использоваться электронные средства и новые инфор-

мационные технологии. На преодоление гендерных стереотипов направлены также меры, предпринимаемые Министерством образования Республики Беларусь. Так, новые образовательные стандарты по специальностям высшего образования первой ступени предполагают знание выпускниками моделей «мужского и женского коммуникативного поведения, языковых параметров, обусловленных гендерным диморфизмом» [13]. Аналогичные аспекты включены в новые образовательные стандарты переподготовки руководящих работников и специалистов. Например, в рамках курса «Гендерная психология» в процессе переподготовки предлагается изучить понятия «гендер» и «пол», «гендерная идентичность», «гендерная социализация», «гендерные роли», «гендерные стереотипы», «гендерные установки», «гендерный конфликт» [14].

Следует формировать положительное общественное мнение по поводу работы девушек и женщин в таких традиционно мужских сферах, как вооруженные силы, правоохранительные органы, техническая и изобретательская деятельность. Такое общественное мнение уже частично сформировано. Например, женщина-следователь, пограничник или работник таможенной службы уже давно не вызывает удивления. Занимая ответственные должности, женщины добиваются значительных успехов. Как считает юрист Д. Жук, «в Беларуси женщин-руководителей гораздо больше, чем на западе» [11].

В семейно-бытовой сфере преодоление гендерных поведенческих шаблонов возможно путем последовательного приобщения отцов к мероприятиям, касающихся их семей, распределения общих семейных обязанностей между женщинами и мужчинами. В том числе воспитания, обучения детей, проведения с ними досуга, сопровождения на кружки и спортивные секции. В семейном кругу можно договориться о поочередной проверке дневника ребенка. Так и делается во многих семьях. То же самое касается оказания помощи в подготовке домашних заданий, контроле за соблюдением распорядка дня, проведении выходных дней.

В экономической сфере преодолению гендерных стереотипов будет способствовать целевая поддержка женщин-предпринимателей. Такая поддержка могла бы быть выражена, например, в расширении возможностей кредитования с целью развития предпринимательства, налоговых преференциях и др.

Пропагандируя идеи гендерного равенства и отказа от гендерных стереотипов, необходимо задействовать весь потенциал СМИ. Аналитические статьи по этому поводу должны быть актуальными и построенными на фактическом материале, лучших практиках, данных периодического мониторинга ситуации и результатах социологических исследований.

Преодолению гендерных стереотипов способствуют изменения и дополнения в законодательство, принимаемые в процессе нормотворческой деятельности государства. Так, в последнее время в значимую сферу регулирования трудовых отношений внесены антидискриминационные дополнения и поправки. В ст. 14 Трудового кодекса (ТК) Республики Беларусь прямо запрещена дискриминация, «т.е. ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола» [12]. Новая редакция ст. 185 ТК Республики Беларусь в редакции Закона Республики Беларусь от 08.01.2014 г № 131–З закрепляет следующее положение: «Работающим женщинам независимо от трудового стажа по их желанию наниматель обязан предоставить после окончания отпуска по беременности и родам отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет» [12].

Для решения проблем преодоления последствий гендерных стереотипов полезным может оказаться также опыт других стран, например, в сфере противодействия

насилию в семье в отношении женщин. Интересен в этом плане опыт Швеции, где «насилие со стороны супруга расценивается как грубое нарушение неприкосновенности женщины и подпадает под более суровое наказание, нежели те же действия со стороны других лиц. В Австрии, Венгрии, Мексике, Португалии введена уголовная ответственность за сексуальное насилие в отношении женщин со стороны их мужей» [8]. В США практикуется выдача охранного ордера с целью защиты женщин от физического насилия. Во многих странах Западной Европы созданы и функционируют кризисные центры, которые представляют собой специальные убежища для женщин, которые подверглись домашнему насилию. Там женщинам оказывают как психологическую поддержку, так и необходимую юридическую помощь для восстановления нарушенных прав.

Заключение

1. В современном обществе все еще существуют гендерные стереотипы. Они опасны тем, что лежат в основе безосновательного оправдания дискриминации по признаку пола.

2. Преодолеть гендерные стереотипы в ближайшее время вряд ли удастся. Но существуют определенные методы, которые позволяют снизить влияние большинства из них. Прежде всего это формирование общественного мнения о том, что гендерные стереотипы являются пережитками прошлого. Это мнение формируется с помощью СМИ, выступлений специалистов, результатов научно-исследовательской работы.

3. На ранней стадии для преодоления гендерных стереотипов необходимо изменение подходов работников образования к работе с детьми и подростками. Это касается стереотипных представлений о гендерных ролях. Данный факт свидетельствует о том, что коррекции, в случае необходимости, подлежит не только поведение детей и обучающихся, но и самих работников образования.

4. Дошкольным учреждениям образования следует работать над реализацией мер противодействия традиционным гендерным ролям. В частности, девочки и мальчики, девушки и парни в процессе обучения должны иметь одинаковые возможности доступа к интересующим сферам. Это необходимо для того, чтобы учащиеся имели возможность реально развивать свои способности и удовлетворять интересы, не ограничиваясь отведенными им стереотипными гендерными ролями.

5. Преодолению гендерных стереотипов служит также обобщение положительной практики. Успешный передовой опыт, существенные результаты в сфере борьбы с гендерными стереотипами носит мотивационный, обучающий характер.

6. Гендерные стереотипы наносят вред как женщинам, так и мужчинам. Следовательно, расширение гендерных прав и возможностей членов общества выгодно всем. Это позволит любому, вне зависимости от пола, делать свой осознанный выбор в сфере обучения, трудоустройства, профессионального роста, семейной жизни без ограничений и предрассудков, налагаемых жесткими гендерными ролями и стереотипами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 февр. 2017 г., № 149 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Женщины и мужчины Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь ; отв. ред. И. И. Коношонок. – Минск, 2016. – 215 с.

3. Лефрансуа, Ги. Прикладная педагогическая психология / Ги Лефрансуа. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 416 с.

4. Аронсон, Э. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме / Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 560 с.

5. Образование для всех 2000–2015 гг.: достижения и вызовы. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ / Организация Объединенных Наций по вопр. образования, науки и культуры. – Париж : ЮНЕСКО, 2015. – 498 с.

6. Белокопытов, В. В. Некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений, совершенных женщинами [Электронный ресурс] / В. В. Белокопытов, В. М. Филиппенков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Карпец, И. И. Польза или зло? / И. И. Карпец // Смертная казнь: за или против : сб. ст. / под ред. С. Г. Келиной. – М., 1989. – С. 350–366.

8. Белокопытов, В. В. Преступность в сфере семейно-бытовых отношений: криминологические и уголовно-правовые аспекты проблемы [Электронный ресурс] / В. В. Белокопытов, В. М. Филиппенков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь, 16 июня 2017 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

10. Клим, А. М. Краткий словарь основных криминологических понятий и терминов [Электронный ресурс] / А. М. Клим, С. М. Храмов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. Жук, Д. В Беларуси женщин-руководителей гораздо больше, чем на западе [Электронный ресурс] / Д. Жук. – Режим доступа: https://bel.biz/interview/portrait/v-belarusi-zhenshhin-rukovoditelej-gorazdo-bolshe. – Дата доступа: 21.10.2017.

12. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 1 июля 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

13. Об утверждении и введении в действие образовательных стандартов по специальностям высшего образования первой ступени [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 12 июня 2008 г., № 50 : в ред. от 31.07.2017 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

14. Об утверждении образовательных стандартов переподготовки руководящих работников и специалистов [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 28 марта, 2017 г., № 28 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.10.2017

Chramov S.M. **Overcoming Gender Stereotypes in the Republic of Belarus**

In the article, gender stereotypes and ways of overcoming them are considered. Examples of the consequences of gender stereotypes are given. The results of an independently conducted sociological study are analyzed. The experience of foreign countries is considered. It is concluded that gender stereotypes can justify discrimination on the basis of gender.

УДК 316.647.6(470+571)"19"

Г.В. Жук
канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail:politolog@brsu.brest.by

ПУТЬ К ИСТИНЕ
(к 95-летию со дня рождения Александра Зиновьева)

Рассматриваются философско-социологическая позиция А.А. Зиновьева, методологические основы его социологической теории. Представлен обзор основных этапов и направлений деятельности знаменитого ученого. Анализируются основные идеи его творчества.

В этом году исполнилось 95 лет со дня рождения выдающегося мыслителя современности Александра Александровича Зиновьева. Фигура в мировой философии могучая, сложная, неоднозначная, противоречивая. В Александре Зиновьеве поражает масштаб: философ и социолог, интеллектуал-аналитик и логик, писатель и поэт. Философ-идеалист, дающий порой самые мрачные и тяжкие прогнозы. Атеист, открыто несший людям христианские ценности и бесстрашно клеймивший могущественных фарисеев и торгашей. Революционер-одиночка, правдолюбец и правдоискатель, диссидент при всех режимах и правителях, неизменный возмутитель спокойствия властей предержащих. Зиновьев никогда не шагал в ногу со строем, предпочитая говорить не то, что хотят услышать другие, а то, что думает сам и что считает необходимым сказать.

А. Зиновьев был страстным мыслителем – не кабинетным книжником. Сын многодетного костромского крестьянина, познавший все тяготы скудной послереволюционной жизни, юноша упорно тянулся к наукам. Он как бы материализовал ломоносовский тезис о «собственных Платонах». Окончив четырехлетку в российской глубинке, А. Зиновьев по рекомендации своего учителя был отправлен в Москву для получения дальнейшего образования.

В 1939 г. он поступил в московский Институт философии, литературы и истории, но после скандальных антисталинских высказываний был исключен и арестован. «Реальность, которую я видел вокруг себя, не соответствовала тем идеалам, которые мы усваивали теоретически», – говорит А. Зиновьев в одном из интервью, объясняя, что заставило его в те годы признать себя ярым антисталинистом. От дальнейших неприятностей его спасла служба в армии, куда он ушел в 1940 г. и прослужил до 1946 г. Великую Отечественную войну начал в танковом полку, а завершил в штурмовой авиации в звании капитана, с многочисленными наградами.

После войны с отличием окончил философский факультет МГУ, одновременно учась на мехмате. В 1960 г. Зиновьев защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора и стал заведовать кафедрой логики в Московском университете. Уже в этот период имя Зиновьева было символом новых идей, борьбы против догматизма.

Причиной высылки Александра Зиновьева из Советского Союза в 1978 г. стал опубликованный на Западе социологический роман «Зияющие высоты», принесший ему мировую литературную славу.

В течение двадцати одного года А. Зиновьев жил в ФРГ в Мюнхене, где занимался научным и литературным творчеством. В советском гражданстве А. Зиновьев был восстановлен лишь в 1990 г. В 1999 г. он вместе с семьей вернулся в Москву,

где прожил до 2006 г., продолжая до конца своих дней активно работать, публиковать книги и статьи, давать многочисленные интервью российским и мировым СМИ.

Для Зиновьева не было трудностей для самовыражения. Он не состоял в Союзе писателей, не был профессиональным литератором, но чувствовал себя на литературном поприще совершенно свободным, используя многочисленные литературные средства: серьезные теоретические эссе, шутки, памфлеты, фельетоны, стихи, анекдоты. Его книги сконструированы из небольших кусочков, в каждом из которых содержится та или иная оформленная идея. И главными героями его произведений являются именно идеи, а люди интересны ему в первую очередь как носители этих идей. Основным и, может быть, единственным оппонентом для него являлся он сам.

Творчество А. Зиновьева принято классифицировать как социологическую публицистику, т.е. вся социологическая концепция изложена ученым в основном в публицистической форме. «Мой первый роман – социологический по содержанию и синтетический по литературным средствам», – так он сам охарактеризовал свое амплуа. Интерес к социальным проблемам у него возник еще в ранней юности. Будучи профессиональным логиком, А. Зиновьев разработал свою логическую теорию, которую и положил в основу изучения социальных проблем. Изложение социологических идей автора нашло свое отражение в многочисленных литературных и публицистических произведениях, в первую очередь в таких книгах, как «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Коммунизм как реальность» (1981), «Кризис коммунизма» (1990), «Гибель империи зла» (1994), «Русский эксперимент» (1995), «Запад» (1996), «Глобальный человейник» (1997), «На пути к сверхобществу» (1999).

А. Зиновьев ставил своей целью изыскание истины. Из книги в книгу он повторяет, что как ученый лишен эмоций и занят лишь одним – беспощадным анализом социальной реальности: «Я принимаю все как реальность. Я не против и не за. И вижу свою задачу в одном: изучить эту реальность и описать ее... Как исследователь хочу понять эту реальность как можно лучше и построить теорию, которая дает мне возможность делать прогнозы» [1, с. 15].

Научный подход к социальным явлениям, с точки зрения ученого, означает «беспристрастное отношение к ним, отсутствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, правдивое описание изучаемых явлений, не считаясь с тем, какие чувства у людей это может вызвать» [1, с. 18].

Излагая свое понимание социальных законов, А. Зиновьев предупреждает, что тут мало признать их объективность. Проблема заключается в том, что социальные законы «суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей» [1, с. 51]. Несмотря на видимое логическое противоречие, ученый утверждает, что тут никакого противоречия нет. А. Зиновьев убежден, что необходимо различать два разных явления, а именно отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких действий. «Отдельно взятые социальные действия людей являются социально-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их нужна особая работа ума, особые познавательные операции. Применяя эти операции, исследователь должен сознание и волю людей рассматривать как объективные свойства особого рода эмпирических объектов, а именно – людей как вполне материальных существ, обладающих такими признаками, как сознание и воля. И эти признаки находятся вне сознания исследователя, не зависят в этом смысле от сознания и воли

исследователя» [1, с. 52]. Конкретные знания об объекте реальности появляются, по мнению ученого, в мышлении через процедуры перехода от абстрактного к конкретному. Одни и те же объекты выглядят различно, когда рассматриваются в связи с другими объектами (конкретные знания) и когда извлекаются из этой связи и рассматриваются в «чистом» идеализированном виде (абстрактные знания). «Когда эти знания разорваны, не образуют элементы единого процесса познания, они выглядят как логически несовместимые» [1, с. 72]. А. Зиновьев убежден, что, к сожалению, идеи метода восхождения от абстрактного к конкретному не получили признания ни в теоретической, ни в «конкретной» социологии.

Как профессионал в области логики и теории познания, А. Зиновьев знал, как эмпирически нужно исследовать общество. Законы общественности он интерпретирует как «законы экзистенциального эгоизма», а социальную организацию – как «объективный процесс, который по степени своей объективированной упорядоченности ничем не отличается от природных процессов». В то же время Зиновьев категорически не согласен с общепринятой позицией, что только социальная организация влияет на характер народа, обладающего этой организацией. Тут зависимость двусторонняя, и люди, приспосабливаясь к условиям своего социального бытия, сами в какой-то мере приспосабливают условия своего бытия к своим качествам, создают соответствующий их характеру тип социального устройства. «Западная идеология стремится убедить всех, будто социальный строй западных стран является наилучшим и годится для всех стран и народов без исключения, они не могут допустить даже намека на то, что для каких-то народов коммунистический строй предпочтительнее, что он лучше соответствует их природе» [2, с. 101]. На самом деле, как утверждает ученый, жизнь людей зависит не только от социальной организации, но и от других факторов, включая природные условия, характер человеческого материала, историческое стечение обстоятельств. Превосходство одних народов над другими нельзя сводить к превосходству их социальных организаций.

С целью изучить современные социумы А. Зиновьев детально разрабатывает свой специфический категориальный аппарат. Его категории лаконичны, образны, емки: «человейник», «предобщество – общество – сверхобщество», «катастройка», «постсоветизм» («псизм»), «феоды», «деловая сфера», «коммунальная сфера», «фактор предательства», «западнизм», «колониальная демократия» и др.

На основе выработанных им логических и философских методов А. Зиновьев изучал коммунистическое общество не через призму марксистских представлений и прожектов, а как эмпирически данный факт. У него, безжалостного сокрушителя коммунизма, достало интеллектуальной глубины и честности признать, что советская цивилизация стала естественным продолжением всего драматического хода отечественной истории. Его теория «реального коммунизма» получила признание в ученом мире. Крупнейший французский социолог XX ст. Р. Арон назвал книгу А. Зиновьева «Наука о реальном коммунизме» (1980) единственной научной работой о советском обществе. Там же, во Франции, Зиновьева наградили престижнейшей премией имени Алексиса де Токвиля за научное открытие в области социальных наук [6]. Сам А. Зиновьев считал, что «все написанное и сказанное о коммунизме в советский период в Советском Союзе и на Западе имеет мало общего с научным подходом как к учению о коммунизме, так и к реальному коммунизму» [1, с. 344]. Исследователь был убежден, что для более объективного анализа данного социального феномена важно прежде всего различать коммунизм как идеологию и коммунизм как реальность, как определенный тип со-

циальной организации человейника, а также надо различать субъективные и объективные факторы, сыгравшие роль в возникновении русского коммунизма. Советское общество А. Зиновьев представил как общество, в котором главную, определяющую роль имеют «коммунальные отношения». По признанию многих ученых, этот вывод есть философское открытие мирового масштаба [6]. Советский коммунизм сложился не сразу и изменялся со временем, проходя такие периоды своей истории, как зарождение, юность, зрелость, кризис и крах. Социолог считает грубейшей ошибкой, скорее даже умышленной фальсификацией точку зрения о естественной смерти русского коммунизма. «Русский коммунизм был молодым социальным явлением. Он еще только вступил в период зрелости, еще не проявил все заложенные в нем потенции. Его жизнь была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей и коллаборационистов. Он был убит в самом начале зрелой жизни. Широко распространенное убеждение, будто он потерпел банкротство исключительно в силу внутренней несостоятельности и изжил себя, есть бездоказательная идеологическая ложь» [1, с. 349].

А. Зиновьев болезненно отреагировал на объявленный в 80-е гг. прошлого века процесс «перестройки». С этого момента начинается второй период его социально-публицистического творчества. Объектом внимания преимущественно становятся причины краха советского коммунизма, последствия победы Запада в «холодной войне», «западнистская государственность» и «западнизация» человечества, процесс и последствия глобализации, место и перспективы России в этом процессе. А. Зиновьев дает крайне негативную оценку горбачевско-ельцинским реформам, их влиянию как на судьбу России, так и на весь мировой процесс.

В контексте анализа причин гибели советской системы особое внимание заслуживает понимание А. Зиновьевым категории «кризис». Кризисы, считает ученый, есть обычное явления в жизни всякого общества. Но кризис общества не есть еще его крах. Кризис есть уклонение от некоторых норм существования общества, но не всякое уклонение есть кризис. Кризис является таким уклонением от норм, которое возникает в результате действия внутренних закономерностей общества, причем в условиях его нормальной и даже успешной жизнедеятельности. Рассуждая о причинах кризиса, А. Зиновьев различает такие факторы, как: 1) механизм потенциального кризиса, 2) условия, в которых возможность кризиса превращается в действительность, 3) толчок к кризису. Механизм потенциального кризиса образуют те же самые факторы, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность общества (обратная сторона одной медали) [1, с. 386].

Каждому типу общества свойственен свой, характерный для него тип кризиса. Коммунистический кризис (в отличие от капиталистического экономического кризиса) заключался в дезорганизации всего общественного организма, охватил все части и сферы общества, включая идеологию, экономику, культуру, и прежде всего он охватил систему власти и управления. Советская идеология считала коммунистическое общество бескризисным. Когда на факт кризиса стало невозможно закрывать глаза, его осознали, по мнению А. Зиновьева, в извращенной форме. Вместо выяснения сущности реальных причин кризиса и их устранения, власть, лишенная логики и социологического смысла действия, лишь усугубляла ситуацию. «В брежневские годы накопились предпосылки для кризиса – созрел потенциальный кризис. Но в действительность он превратился с приходом к высшей власти Горбачева и с началом “перестройки”. Горбачевское руководство развязало кризис, дало толчок ему. Горбачев своей политикой “нажал кнопку”, и бомба кризиса взорвалась» [1, с. 389]. Среди важнейших факторов, обусловивших ги-

бель советского коммунизма, социолог называет фактор предательства высшей партийной номенклатуры [3].

В своих последних работах А. Зиновьев все чаще пишет о том, что история на современном этапе стала управляемой. Это не означает, что люди обрели способность взять под контроль условия своего существования в обществе. Наоборот, это значит, что от них теперь мало что зависит и они стали марионетками. «Сейчас в мире осуществляется организованное оглупление широких слоев населения. Свет разума, рожденный западноевропейской цивилизацией, погружается во тьму... Организованные новыми средствами, умело манипулируемые огромные массы людей, порой даже не подозревают о том, в каких социальных спектаклях они фигурируют» [4, с. 123].

Наступившую эпоху А. Зиновьев определяет не просто как посткоммунистическую, но и как постдемократическую: «Сегодня мы являемся свидетелями установления демократического тоталитаризма, или, если хотите, тоталитарной демократии» [4, с. 107]. Европейская интеграция, по его убеждению, ведет к исчезновению плюрализма внутри этого нового конгломерата в пользу наднациональной власти.

Демократия постепенно исчезает из общественной организации стран Запада. Повсюду распространяется тоталитаризм, потому что наднациональная структура навязывает государствам свои собственные законы. Эта недемократичная надстройка отдает приказы, дает санкции, организовывает эмбарго, сбрасывает бомбы, морит голодом. В области идеологии главное не идеи, а механизмы их распространения. Западная идеология комбинирует и смешивает идеи исходя из своих потребностей. Одна из таких идей – западные ценности и образ жизни являются наилучшими в мире. Западный человек, носитель этих наивысших ценностей, является, таким образом, новым сверхчеловеком. А. Зиновьев убежден, что данное явление необходимо изучать научно. Однако, исходя из своего уже зарубежного опыта, он констатирует, что в некоторых областях социологии и истории стало крайне тяжело проводить научные исследования. «Ученый, который вдруг воспылает желанием изучить механизмы демократического тоталитаризма, столкнется с неимоверными трудностями. Из него сделают изгоя. С другой стороны, те, чьи исследования обслуживают господствующую идеологию, утопают в грантах, а издательские дома и СМИ борются за право сотрудничать с этими авторами. Я это испытал на собственной шкуре, когда преподавал и работал исследователем в зарубежных университетах» [4].

В последние годы своей жизни Зиновьев неоднократно предупреждал и действующую российскую власть, и всех россиян в целом: «Целили в коммунизм, а попали в Россию... Впереди самый страшный этап антирусского проекта: он касается присутствия русских в истории человечества. Сущность этой части проекта – постепенно искажая и занижая вклад русских в историю, в конце концов исключить из памяти человечества все следы их пребывания вообще. С современными средствами это заурядная проблема» [5].

В конце жизни А. Зиновьев сформулировал один из главных своих постулатов: не столь важен государственный строй, сколь важна сама страна, ее величие, ее мощь, ее люди. Последние интервью и труды Зиновьева наполнены мечтами о новом человеке, добром и гуманном, вместо того, уже рожденного современного варвара, эгоистического, расчетливого, жестокого.

С Зиновьевым можно соглашаться или не соглашаться, споря до хрипоты, но следует признать, что именно такие характеры и такие внесистемные мыслители дают надежду на возрождение. По словам доктора философских наук В.А. Лукова, «со-

циология Зиновьева является мощнейшим орудием в подготовке социологически мыслящих людей. Она дает новые перспективы для личности, она развивает. В соединении с положениями зиновьевской социологии многое в нашем образовательном процессе вдруг приобретает новое значение» [6].

В работе «Русский эксперимент» А. Зиновьев четко формулирует свою жизненную позицию. «Опыт построения земных раев всякого рода говорит о том, что они не устраняют жизненных проблем, драм и трагедий. Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых гуманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного устройства, не устранив его достоинств. А раз так, то главным в моей жизни должна быть не борьба за преобразования общества в духе каких-то идеалов, а создание идеального общества в себе самом. По этому пути я фактически и шел до сих пор» [5].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьев, А. А. На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – М. : Астрель, 2008. – 576 с.

2. Зиновьев, А. Запад. Феномен западнизма / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1995. – 464 с.

3. Зиновьев, А. Феномен предательства [Электронный ресурс] / А. Зиновьев // Несостоявшийся проект : сб. ст. – М., 2011. – С. 149–163. – Режим доступа: https://www.litres.ru/aleksandr-zinovev/nesostoyavshiysya-proekt. – Дата доступа: 15.10.2017.

4. Зиновьев, А. От коммунизма к колониальной демократии [Электронный ресурс] / А. Зиновьев // Несостоявшийся проект : сб. ст. – М., 2011. – С. 106–132. – Режим доступа: https://www.litres.ru/aleksandr-zinovev/nesostoyavshiysya-proekt. – Дата доступа: 15.09.2017.

5. Зиновьев, А. Я мечтаю о новом человеке [Электронный ресурс] / А. Зиновьев. – Режим доступа: http://lib.aldebaran.ru/author/zinovev_aleksandr/zi-novev_aleksandr_ya_-mechtayu_o_novom_cheloveke/cover.jpg. – Дата доступа: 20.09.2017.

6. Лекторский, В. А. Александр Зиновьев – мыслитель и человек / В. А. Лекторский // Вопр. философии. – 2007. – № 4. – С. 36–93.

7. Воробьев, В. В. «Фактор понимания» – логическое завещание Александра Зиновьева / В. В. Воробьев // Логико-философские исследования / отв. ред. Ю. В. Ивлев. – М. : Центр стратег. конъюнктуры, 2013. – Вып. 6. – С. 18–27.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.10.2017

Zhuck G.V. **The Way to the Truth (to 95 Anniversary of Alexandr Zinoviev Birth)**

The article considers philosophical-sociological position of A.A. Zinoviev, methodological basis of his sociological theory. The article contains the review of the main stages and directions of the famous scientist's activity. The basic ideas of his creation are analyzed.

УДК 338

Н.В. Одиноченкова
д-р экон. наук, проф. каф. «Экономика и менеджмент»
Брянского государственного технического университета
e-mail: kaf.eim@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рассматривается проблема стабильного устойчивого экономического развития предприятий промышленности, состав и требования к его ресурсному обеспечению. Приводятся возможные варианты циклового развития, ориентирующие его планы и программы на получение синергического результата. В качестве средства слежения за ходом процесса развития и эффективности использования его ресурсного потенциала предлагается система «гибкого контроля качества развития». Рекомендуется разработанная концептуальная системно-комплексная модель осуществления ресурсного обеспечения экономических процессов, направленных на стабильное устойчивое развитие предприятий.

В экономической науке широкое распространение получила теория четырех факторов функционирования и развития предприятий. К ним относят: 1) труд (количество и качество трудовых ресурсов); 2) землю (количество и качество естественных ресурсов и полученных на их основе оборотных фондов); 3) капитал (капитальные вложения – инвестиции) и основные фонды с учетом их технологического уровня, который обеспечивается научно-техническим прогрессом); 4) предпринимательские способности (понимаются не только как хозяйственная деятельность предпринимателей, но и как хозяйственный механизм, способствующий/мешающий этой деятельности).

На уровне предприятий эти факторы называются основными фондами, оборотными фондами, трудовыми ресурсами, предпринимательством, а в совокупности факторами производства или его ресурсом. Действуя в производстве, они тесно взаимосвязаны. Так, труд является весьма эффективным, если рабочий использует более производительное оборудование, чем заменяемое, современные материалы, находится в условиях хорошей организации производства.

В теории дискуссия по поводу факторов развития состоит больше в том, как повысить эффективность их использования и на какой основе производить конкурентоспособные и стабильно пользующиеся спросом потребителей продукты.

По определению И. Шумпетера, экономическое развитие – это создание новых ценностей, благ, услуг, товаров, методов производства, рынков товаров, сырья, финансовых и трудовых ресурсов; его источником он считает инновации, а проводником инноваций в экономику – предпринимателей. Н.Д. Кондратьев высказывает мнение о том, что экономическое развитие, обусловленное только фактором предпринимательства, является недостаточно эффективным, ибо данный фактор не учитывает, в каком количественном и качественном состоянии в это время находятся производственные ресурсы. Из этого следует, что для развития важное значение имеет наличие не только общего количества обеспечивающих его ресурсов, но и качественное их состояние, определяемое, в частности, показателями продуктивности. По критерию продуктивности в существующих классификациях ресурсы делятся на низкопродуктивные, продуктивные и высокопродуктивные. Используя их в разных количественных и качественных сочетаниях, можно обеспечить:

1) рациональное соотношение разнопродуктивных ресурсов в процессах развития при оптимальных издержках;

2) развитие посредством переключения более продуктивных ресурсов с менее важных на более важные и перспективные направления без снижения результата;

3) оптимизации экономических процессов по ходу их осуществления на основе альтернативных моделей, представляющих из себя неадекватные совокупности разнопродуктивных ресурсов, путем замены одной модели на другую или включения отдельных элементов одной модели в другую.

Развитие предполагает также использование ресурсов с определенной эффективностью. Эффективными можно признать ресурсы, которые приносят удовлетворительный по количеству и качеству результат развития. Такой результат во многом достигается деятельностью, выстраиваемой на требованиях обеспечения в процессах развития минимизации издержек, максимизации выгоды от каждого вида ресурса и их синергии, достижения рационального соотношения между видами ресурсов, между издержками и доходом. Реализация этих требований эффективности, в свою очередь, требует от исполнителей экономических процессов соответствующего профессионализма, компетентности, опыта правильного распределения компонентов развития по целям и методам их достижения. Сами ресурсы, требования к ним и их продуктивные возможности составляют ресурсный потенциал, ибо под потенциалом понимаются все источники, возможности и средства, которые могут быть использованы для достижения определенной цели. Но с учетом формализации состава ресурсного потенциала и эффективности его использования, а также в силу разнохарактерности и разнопродуктивности входящих в него компонент требуется поиск научно обоснованных решений по их рациональному сочетанию в процессах экономического развития.

Решение данной задачи лежит прежде всего в формулировании требований к ресурсному потенциалу. Его можно представить как минимум двумя состояниями: как базовый ресурсный потенциал и как ресурсный потенциал, наращенный на базовый. С использования базового потенциала начинаются процессы развития. По ходу развития от цикла к циклу вместе с результатом базовый потенциал наращивается и становится базовым для последующего цикла. В дальнейшем ресурсный потенциал также наращивается, становясь базовым для очередного последующего цикла развития, и т.д. Такую последовательную динамику наращения ресурсного потенциала и его эффективности можно считать одним из основных условий, гарантирующих стабильное устойчивое развитие предприятия.

Цикловое развитие предприятий можно свести к ***четырем*** его моделям. В основу ***первой*** модели закладывается получение предприятием результата в размере, достаточном для простого воспроизводства того же результата в каждом последующем воспроизводственном цикле. В этом случае результат только воспроизводится, не наращиваясь от цикла к циклу. Также ведет себя и ресурсный потенциал. Но для каждого последующего цикла затраченный в предыдущем цикле потенциал восстанавливается в таком количестве и качестве, чтобы в целом обеспечить последующий цикл простого воспроизводства.

По ***второй*** модели в основу берется получение в каждом последующем цикле воспроизводства результата – выше предыдущего. Также ведет себя ресурсный потенциал. Т.е. происходит процесс развития с наращением результата и расширением производства за счет роста масштаба функционирования ресурсного потенциала. Источником роста масштаба потенциала может быть количественное и качественное (например, модернизация) его совершенствование.

По ***третьей*** модели также идет наращение результата и ресурсного потенциала, но более высокими, скачкообразными темпами по сравнению со вторым вариантом. Высокие темпы развития обеспечиваются в основном за счет внедрения в производство революционных научно-технических достижений. Внедрение их осуществляется в темпе, можно сказать, «быстрого времени».

Четвертая модель предполагает аналогичный третьей модели процесс, но несколько растянутый во времени, т.е. с той разницей по сравнению с вариантом «быстрого времени», что предприятие, например, не располагает достаточным ресурсом для более быстрого внедрения в практику революционных научно-технических достижений, или есть другие причины, не позволяющие это сделать.

Перечисленные модели для ресурсного потенциала могут быть представлены следующей производственной функцией:

$$\boldsymbol{PP} = \boldsymbol{f}(\Phi_o, \Phi_o, \boldsymbol{N}). \quad (1)$$

В формате развития данная функция принимает вид:

$$\boldsymbol{PP} + \Delta PP = \boldsymbol{f}(\Phi_o + \Delta\Phi_o + \Phi_{об} + \Delta\Phi_{об} + \boldsymbol{N} + \Delta\boldsymbol{N}), \quad (2)$$

а при заданном темпе развития J:

$$\boldsymbol{PPJ} = \boldsymbol{f}(\Phi_o xJ + \Phi_{об} xJ + \boldsymbol{N}x\boldsymbol{J}), \quad (3)$$

где ***PP*** – результат развития; $\boldsymbol{\Phi_o}$ – величина основных фондов; $\boldsymbol{\Phi_{об}}$ – величина оборотных фондов; N – величина трудовых ресурсов; $\Delta\boldsymbol{PP}$ – прирост результата; $\Delta\Phi_o$ – прирост основных фондов; $\Delta\Phi_{об}$ – прирост оборотных фондов; $\Delta\boldsymbol{N}$ – прирост трудовых ресурсов; ***J*** – индекс прироста результата.

Производственная функция результата развития сводится к вопросу о прибыли. Исходя из целеполагания развития эта функция будет следующей:

$$P_{стаб} = P_1 = (P_б + \Delta P_1)\ \ P_2 = (P_1 + \Delta P_2)P_3 = (P_2 + \Delta P_3)\ \ \ldots\ \ P_п = (P_{п-1}\ + + \Delta P_п) \quad (4)$$

где $P_б$ – исходная (базовая) прибыль; P_1, P_2, P_3, …, $P_п$ – прибыль, получаемая в 1-м, 2-м, 3-м, ..., п-м воспроизводственных циклах; ΔP_1,ΔP_2, ΔP_3, …, $\Delta\boldsymbol{P_n}$ – прирост прибыли, получаемой в 1-м, 2-м, 3-м, ..., ***n***-м воспроизводственных циклах.

Таким образом, устойчивое развитие предприятий зависит от того, как будут обеспечены темпы роста прибыли темпами роста ресурсного потенциала, и, наоборот, темпы роста ресурсного потенциала темпами роста прибыли. При этом надо учитывать, что практика реализации долгосрочных проектов сопряжена с различного рода «уязвимостями»:

1) зависимость от нехватки и низкой эффективности использования производственных фондов;

2) зависимость от высококвалифицированных рабочих;

3) трудности в доступности и освоении прорывных инновационных технологий;

4) сложность в реализации диффузионных новшеств;

5) неуверенность в успехе, связанная с неопределенностью и высокой динамичностью внешней среды;

6) сомнения в возможностях персонала полно владеть новыми методами управления;

7) недостаточная концентрация внимания на требовании максимальной отдачи от каждого задействованного в экономическом процессе производственного фактора;

8) нестабильность денежных потоков;

9) неполноценное взаимодействие с внешней средой (недостаточная информа-

тивность о рынках, сбои в работе с поставщиками, закрытость конкурентов, уступки в конкурентной борьбе и др.).

Таким образом, налицо большой круг внутренних и внешних потенциально противоречащих развитию факторов, требующих определенных упреждающих мер.

Так как стабильное устойчивое развитие обычно предполагает долгосрочную перспективу, то объективно ставится вопрос о качественном слежении за тем, как оно осуществляется. В настоящее время многие производственные задачи решаются построением деятельности на новых для отечественных предприятий принципах контроллинга. Их можно применить и для построения системы слежения за качеством исполнения долгосрочных планов и программ развития. За основу построения такой системы с наименованием, например, «система гибкого контроля качества развития», можно принять принципы гибкого планирования в контроллинге. По аналогии с гибким планированием сущность гибкого контроля качества развития будет заключаться в следующем. По окончании отдельных этапов развития производится сравнение запланированных для них объемов или сроков исполнения работ с фактически полученными их показателями с целью обнаружения между ними отклонения. При наличия отклонения выясняются вызвавшие его причины и принимаются меры по их устранении. В формализованном виде установление отклонения осуществляется следующим образом:

$$\Delta Q_i\ (\Delta Bp_i) = Qфакт_i\ (Bp\ факт_i) - Qпл_i\ (Bпл_i), \qquad (5)$$

где ΔQ_i (ΔBp_i) – величина отклонения фактического объема работ (срока исполнения) от планового для і-го этапа развития; $Qпл_i$ ($Bпл_i$), $Qфакт_i$ ($Bp\ факт_i$) – плановые и фактические объемы (сроки выполнения) работы для і-го этапа развития соответственно.

По рассчитанному отклонению определяется состояние хода процесса развития в позициях (точках контроля), соответствующих окончанию каждого і-го этапа. Дальше ранжируются уровни отклонений. По необходимости определяются соответствующие им виды рисков, исходя из которых устанавливается формат мер по устранению причин отклонений фактических от плановых параметров развития. Вид риска может устанавливаться для определенного интервала отклонений. Например, отклонение в пределах О – X_1 % фактически выполненного объема (срока) работы принимается предприятием допустимым риском, X_1 – X_2 % – исправимым, X_2 – X_3 % – критическим, выше X_3 % – катастрофическим. Т.е. разрабатывается шкала отклонений по видам риска, позволяющая предприятиям осуществлять принятие устраняющих отклонения мер по ситуациям, а также строить контроль за ходом исполнения долгосрочных планов и программ развития планомерно и в профилактических целях.

Вид риска каждого отдельного предела отклонений имеет отпущенный для его устранения временной период, за границами которого, если риск не устранен, он переносится в следующую рисковую группу отклонений. Это обусловлено тем, что кризис, по сути, зарождается в период финансового здоровья предприятия и потому даже по допустимым для предприятия рискам необходим постоянный за ними контроль, чтобы избежать превращения их в существенные или даже необратимые риски. Поэтому не устраненные в одних группах риски переводятся в другие группы, за которым установлен более жесткий контроль и принимаются более масштабные меры устранения.

В целом гибкий контроль отклонений полезен и тем, что, распределенный во времени, он обеспечивает обнаружение и установление их уровня на этапах, опережающий заключительный, а следовательно, позволяет предприятиям принять оперативные меры, чтобы в итоге был получен полноценный ожидаемый от проектов развития резуль-

тат. Различные варианты распределения мер по устранению отклонений можно свести к схеме, представленной на рисунке 1.

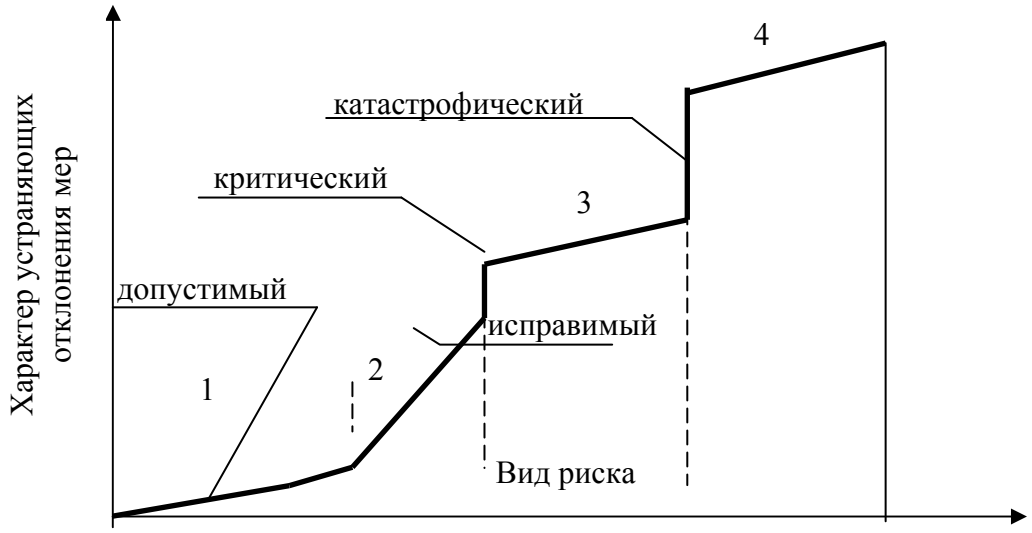


Рисунок 1. – Характер устраняющих отклонения мер в зависимости от вида риска

Схема концептуально показывает характер возможных мер, устраняющих отклонения фактически достигнутых показателей развития от программных и плановых, в зависимости от их принадлежности к определенному виду риска. Так, отклонения, квалифицированные по риску как допустимые, вызывают минимум мер, в основном заключающихся в наблюдении за ходом процесса развития, поддерживаемого направленным на выявление возможных негативных явлений контролем (кривая 1). По ходу развития отклонения могут возрастать до уровня исправимого риска, что требует принятия мер по его устранению и возврата процесса в нормальное состояние. Это предполагает принятие организационных мер, направленных на интенсификацию процесса, корректировку стратегий, включение в оборот дополнительного материального или трудового ресурса. Это могут быть также меры плановых изменений, вносимых в процесс, например, таких как исправление ошибочных решений по управлению программой/планом или скоротечное изменение финансового обеспечения (кривая 2). Во многом более масштабных и разнофакторных мер, устраняющих отклонения, требуют те из них, которые входят в группу критических и катастрофических рисков (кривые 3, 4).

В целом гибкий контроль качества развития обеспечивает прозрачность хода выполнения его программ и планов и путем оперативного вмешательства позволяет правильно регулировать и улучшать ход процесса. Он предоставляет предприятиям возможность эффективного использования своего потенциала с самого начала процесса и уйти от общих представлений об управлении процессами развития к конкретным действиям по их обеспечению. Проектируя ход всего процесса развития с включением в него гибкого контроля, предприятия могут уже на предварительной его стадии планировать предупреждающие и устраняющие отклонения меры.

Из всего вышеизложенного видно, что долгосрочное развитие предприятий, назначение которого состоит в обеспечении стабильной устойчивой их экономики, сопровождается множеством воздействующих на него разнохарактерных факторов, в том числе факторов отрицательного влияния: большой вариативностью выбора средств, на-

правленных на достижение эффективного использования отдельных и совокупности компонентов ресурсного потенциала; наличием множества уязвимостей в получении нужных от программ и планов развития результатов. Такой сложный и важный комплекс задач и средств их решения и получение правильных на них ответов объективно требует системно-комплексного подхода к подготовке, разработке и реализации программ и планов развития, содержательного и институционального переустройства их обслуживания. В этой связи предлагается ориентированная на такой подход и миссию стабильного устойчивого развития предприятий концептуальная системно-комплексная модель осуществления и ресурсного обеспечения его процессов (рисунок 2).

Рисунок 2. – Концептуальная системно-комплексная модель осуществления и ресурсного обеспечения стабильного устойчивого экономического развития предприятий

Эти и другие изложенные выше выводы и рекомендации направлены на оптимизацию деятельности предприятий в условиях новых вызовов подъема отечественной промышленности и в целом экономики страны.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.11.2017

Odinochenkova N.V. **Systematic-Comprehensive Modeling of Resource Provision of Stable Sustainable Development of Industrial Enterprises**

The problem of stable sustainable of economic development of industrial enterprises, the composition of and requirements for resource provision is considered. Possible ways to deal with cyclic development, orienting its plans and programs for obtaining a synergistic result are provided. As a means of tracking the progress of the development process and the efficiency of its resource potential the system of «flexible quality control development» is offered. The developed conceptual systematic-complex model for the delivery of resource provision of economic processes, aimed at a stable sustainable development of enterprises is recommended.

УДК 332.14

О.Я. Седель[1], Д.А. Петрукович[2]
[1]канд. техн. наук, доц., доц. каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
[2]канд. пед. наук, доц., зав. каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: [1]sedel.oleg@mail.ru; [2]dmitrypet@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Рассмотрены особенности инновационной политики Республики Беларусь и ее влияние на развитие экономического потенциала областей. Рассмотрена сущность инновационного потенциала региона и сформулированы принципы инновационного управления региональным развитием. Проанализирована структура финансирования инновационных организаций промышленности. Предложена регрессионная модель зависимости общих результатов инновационной деятельности. Выявлены факторы влияния на показатель общих результатов инновационной деятельность, обоснована их значимость. Предложены методические рекомендации для принятия управленческих решений по наращиванию объемов производства и реализации инновационной продукции и услуг.

Введение

Инновационное развитие регионов относится к стратегически важным направлениям и является актуальной управленческой задачей. Это связано с возрастанием роли инноваций, так как они оказывают непосредственное действие на ключевые макроэкономические характеристики экономического потенциала региона. Вследствие инновационных действий изменяется структура региональной экономики, инновации влияют на экономическую организацию общества, становление инновационных процессов активизирует международное сотрудничество и пвышает конкурентоспособность региональной экономики на мировом рынке; от всего этого зависит качество критериев жизнедеятельности населения.

Управление регионами в условиях инновационного становления ориентируется на новые институциональные подходы, расширение количества участвующих в принятии решений, поскольку управление экономическими ресурсами подразумевает ориентацию региональной политики на потребности бизнеса, а чтобы достичь желаемого результата, мало участия лишь государственных и местных органов в решении задач экономического развития [1]. Проведение такой политики связано с проблемой увеличения конкурентоспособности регионов и развития их инновационного потенциала, что особо существенно в условиях трансформирующейся экономики.

Решением задач макрорегулирования экономики регионов в условиях инвестиционных и инновационных преобразований считается создание таких механизмов, которые гарантировали бы формирование, сбережение и поддержание устойчивого развития региональной экономики, встроенной в мировые рынки.

Для современной экономики в условиях ее глобализации принципиальное значение имеет не столько создание новых научных и технических знаний, сколько результаты инновационной деятельности. Именно это становится важным источником экономического роста и основным средством конкурентной борьбы за потребителей. По всеобщему признанию, инновации, инновационная деятельность являются сегодня

стратегическими факторами роста и играют фундаментальную роль в экономическом развитии стран и регионов. В этих условиях происходит процесс внедрения качественно новых функций управления на уровне регионов и целых отраслей экономики, функций по руководству развитием, формированию инновационной политики.

Инновационная деятельность включает в себя не только инновационный процесс преобразования научного знания в новые виды продуктов, технологий и услуг, но и маркетинговые исследования рынков сбыта товаров, конкурентной среды, а также комплекс управленческих и организационно-экономических мероприятий, которые в своей совокупности приводят к инновациям. Для осуществления инновационной деятельности необходимо наличие инновационного потенциала предприятия, который характеризуется как совокупность различных ресурсов: интеллектуальных, материальных, финансовых, инфраструктурных; персонала, заинтересованного в инновациях; партнерских и личных связей сотрудников с НИИ и УВО; опыта проведения НИОКР; опыта управления проектами. Один из основных подходов к определению инновационного потенциала – результативный – может быть определен как завершающая часть производственного цикла и его реальные пропускные возможности, что существенно сказывается на конечном результате. Таким образом, понятие «потенциал» включает в себя источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы физическими и юридическими лицами, в том числе предприятиями, организациями, административно-территориальными образованиями, государством для решения задач, достижения целей в определенной области.

Сущность инновационного потенциала региона можно определить как качественную интегральную характеристику его способности и возможности обеспечить реализацию инновационного процесса на своей территории и достижение стратегических целей развития средствами инновационной экономики.

Главная задача развития региона состоит в улучшении конкурентных позиций его предприятий, обеспечивающих экономический рост региональной структуры и рост доходов населения. Фундаментальным фактором в определении конкурентных преимуществ являются технологические инновации, реализующиеся региональной политикой.

Также на основании рассмотренных теорий были сформулированы принципы управления развитием региона в соответствующем внешнеэкономическом и инновационном пространстве для обеспечения его эффективности:

1. Осуществление комплекса системных законодательных и организационных мер, направленных на создание общей благоприятной экономической среды, высокого уровня жизни и занятости населения региона и тем самым благоприятного инновационного климата и положительной репутации страны (бренда) в мире.

2. Разработка целевых региональных проектов и программ, направленных на организацию новых экспортно ориентированных высокотехнологичных производств и обновление действующих производств на основе новой техники и технологий производства.

3. Активизация инновационной составляющей внешнеэкономической деятельности региона, увеличение объемов производства и продаж (в том числе на экспорт) наукоемкой и высокотехнологичной продукции, обеспечение условий для разработки и эффективного внедрения новых технологий, новых видов продукции и услуг.

4. Расширение международного экономического сотрудничества по обмену новыми технологиями, формированию инновационных центров и рынков инновационной продукции и услуг, реализации региональной кластерной стратегии в сфере внешнеэкономической деятельности.

Для обеспечения перехода регионов к инновационному развитию, необходимо обеспечить эффективное взаимодействие всех участников инновационного процесса в регионе, должным образом скоординировать все этапы инновационного цикла, обеспечить преемственность и диффузию научно-технических знаний, их доступность, возможность коммерциализации и экспорта. Проблемы инновационного развития в регионах – следствие противоречий между краткосрочными целями деятельности экономических субъектов и долгосрочной отдачей от использования результатов инновационной деятельности.

Как показали проведенные нами исследования Брестского региона Республики Беларусь, на современном этапе инновационного развития экономики некоторые предприятия региона не в должной мере отвечают мировым и европейским стандартам и требованиям глобального рынка. В связи с этим ослабляется их позиции в конкурентной борьбе, что проявляется в трудностях реагирования на изменения, происходящие в рыночной среде, в проблемах с внедрением современной техники, технологий, принятии организационных решений. В Брестской области осуществляется региональная научно-техническая программа, предусматривающая разработку передовых технологий, технических средств и систем для обеспечения повышения эффективности функционирования отраслей народного хозяйства.

Однако разработка новых продуктов, методов их производства, а также производственное проектирование и другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов ведутся недостаточно. Анализируя основные показатели промышленного потенциала региона, можно сделать вывод, что проблемами развития промышленного комплекса до сих пор остаются низкая рентабельность и недостаточно высокое качество производимой продукции. Сложное финансовое положение многих предприятий препятствует росту инвестиций и не позволяет существенно обновить материальную базу производства. В качестве приоритетных направлений дальнейшего развития промышленности Брестской области могут рассматриваться выпуск новых (высокотехнологичных) видов бытовой техники, инструмента и оснастки, а также средств автоматизации; внедрение в производство высокотехнологичного (особенно для химической промышленности) и энергосберегающего оборудования; освоение и выпуск нового высокоэффективного оборудования для переработки и хранения сельхозпродукции.

Необходимо отметить также низкие темпы развития региональной внешнеэкономической инфраструктуры, отсталость и технологическую неразвитость материально-технической базы регионов, проблемы установления и защиты права собственности на нематериальные активы, низкий уровень и недостаточную эффективность информатизации региона. В регионе преобладают третий и четвертый технологический уклады (ТУ) как специфическая система экономических отношений, сформировавшихся на базе функционирования комплекса сырьевых и приоритетных промышленных секторов с соответствующей им инфраструктурой и ведущими факторами производства.

На рисунке 1 представлена структура финансирования инновационных организаций промышленности Брестской области в 2016 г.

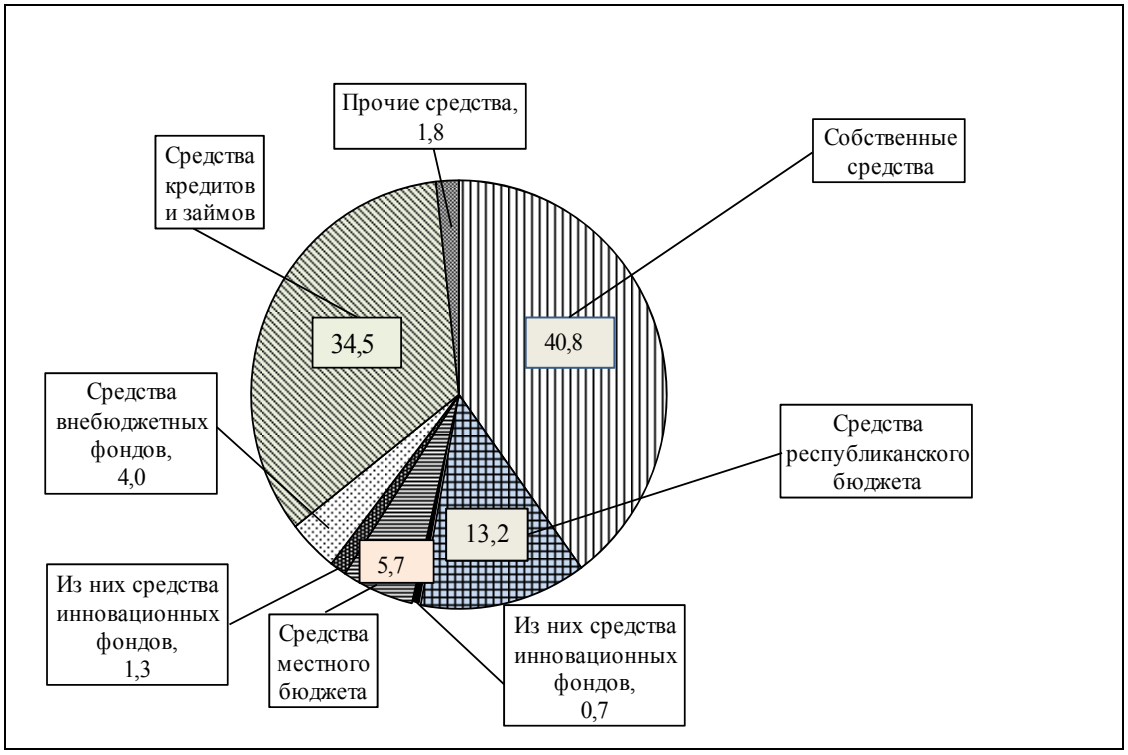


Рисунок 1. – Структура источников финансирования инноваций организаций промышленности Брестской области в 2016 г., %

Рассмотрим зависимость общих результатов инновационной деятельности предприятий и организаций Брестской области на основе сравнения их с результатами остальных областей республики и отдельно г. Минска (таблица 1).

Таблица 1. – Основные показатели результатов инновационной деятельности предприятий и организаций Республики Беларусь в 2016 г. [2]

Регион	Объем отгруженной инновационной продукции (работ, услуг), тыс. руб.	В том числе новых, произведенных для		Количество инновационно активных организаций	Затраты на инновации, тыс. руб.	
		внутреннего рынка, тыс. руб.	мирового рынка, тыс. руб.		в промышленности	в телекоммуникационной и информационной индустрии
Брестская обл.	164 636	65 630	21 289	69	13 676	5 985
Витебская обл.	3 135 488	214 638	1 966	47	203 871	3 933
Гомельская обл.	3 416 154	2 949 282	–	36	281 544	683
Гродненская обл.	339 174	133 737	1 986	30	2 990	334
г. Минск	1 617 034	836 374	31 168	79	121 241	55 422
Минская обл.	1 454 821	208 381	–	53	55 728	61
Могилевская обл.	417 219	169 485	9 036	31	100 068	2 797
Республика Беларусь	10 544 526	4 577 527	65 445	345	779 118	69 215

Будем рассматривать в качестве результирующего признака объем отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) и оказание услуг инновационного характера (признак Y), разделяя его на объем новой продукции для внутреннего рынка и для мирового рынка. В качестве признаков-факторов исследуем: 1) затраты на технологиче-

ские, организационные, маркетинговые инновации организаций, информационные технологии и деятельность в сфере телекоммуникаций и информационного обслуживания (признак X_1); 2) затраты на технологические, организационные, маркетинговые инновации в организациях промышленности (признак X_2); 3) количество инновационно активных организаций, осуществляющих затраты на технологические инновации (признак X_3).

Из таблицы видно, что по объему отгружаемой инновационной продукции Брестская область находится на последнем месте среди всех регионов. Уровень объемов инновационной продукции регионов-лидеров примерно в 20 раз больше, что требует разработки мер и конкретных управленческих решений развития инновационных производств Брестского региона.

Смоделируем зависимость результирующего признака Y (столбец 2 таблицы 1) от признаков-факторов X3, X2 и X1 (столбцы 5, 6, 7 таблицы 1 соответственно) в виде модели множественной линейной регрессии. Рассчитанные показатели регрессионной модели следующие. Уравнение множественной линейной регрессии:

$$Y = 5060{,}69X_1 + 11{,}83X_2 – 5{,}31X_3 – 13279{,}84 \quad (1)$$

Коэффициент детерминации:

$$R_2 = 0{,}98\ (2) \quad (2)$$

Значение коэффициента детерминации свидетельствует о хорошем качестве построенной модели и высокой степени аппроксимации статистических данных полученной функции линейной зависимости. Коэффициент множественной корреляции модели равен 0,99, что характеризует тесноту линейной корреляционной связи результирующего признака с множеством факторных признаков как высокую, близкую к функциональной. Таким образом, выбранные признаки-факторы оказывают существенное влияние на рассматриваемый результирующий признак.

Для выявления доминирующего фактора рассмотрим матрицу парных коэффициентов корреляции (таблица 2).

Таблица 2. – Матрица парных коэффициентов корреляции

1	2	3	4	5	6	7
2	1,00					
3	0,90	1,00				
4	0,75	0,66	1,00			
5	0,92	0,79	0,92	1,00		
6	0,99	0,93	0,76	0,91	1,00	
7	0,70	0,63	0,92	0,82	0,70	1,00

Максимальное значение парного коэффициента корреляции равно 0,99, из чего следует вывод о доминировании затрат на технологические, организационные, маркетинговые инновации в организациях промышленности в вопросе влияния на объем отгруженной инновационной продукции.

Таким образом, следует сделать вывод о необходимости совершенствования финансовой политики Брестской области с целью наращивания объемов отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) и оказание услуг инновационного характера. Для этого потребуется увеличение рассматриваемых затрат и количества инновационно активных организаций.

Внешнеэкономическая деятельность – одно из важнейших направлений развития экономики области. Выбранная стратегия развития экспорта позволила обеспечить позитивную динамику внешних поставок. Брестская область демонстрирует устойчивый рост товарооборота со странами СНГ и вне СНГ и наиболее активно работает над повышением конкурентоспособности отраслей экономики на основе технологического перевооружения производства, внедрения наукоемких и ресурсосберегающих технологий.

На рисунке 2 представлены экономические факторы, препятствующие инновациям в промышленность Брестской области.

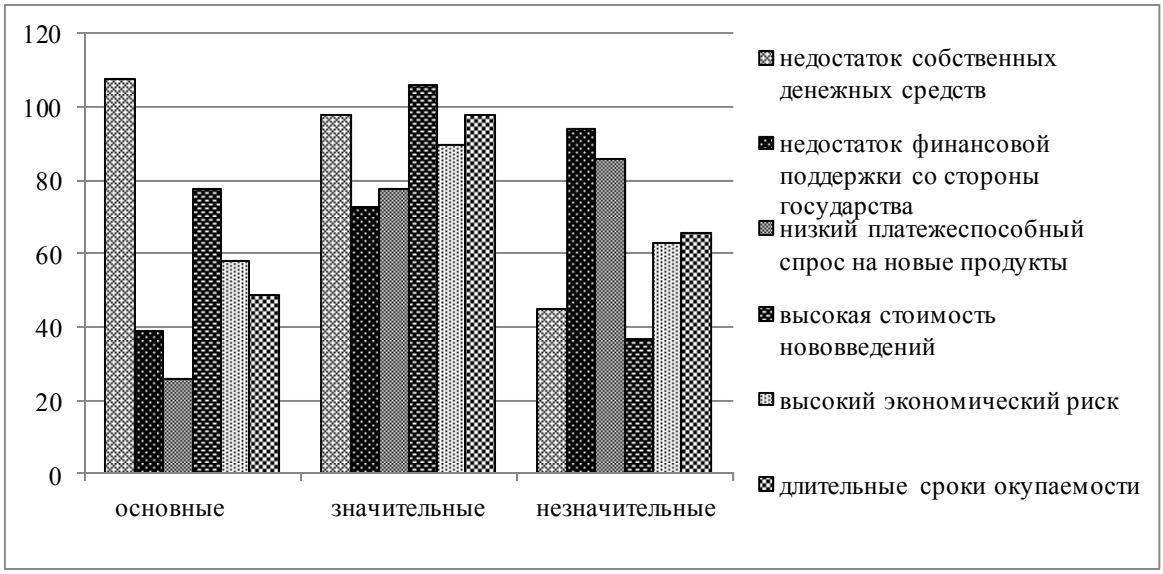


Рисунок 2. – Экономические факторы, препятствующие инновациям

На рисунке 3 показаны производственные факторы, препятствующие инновациям.

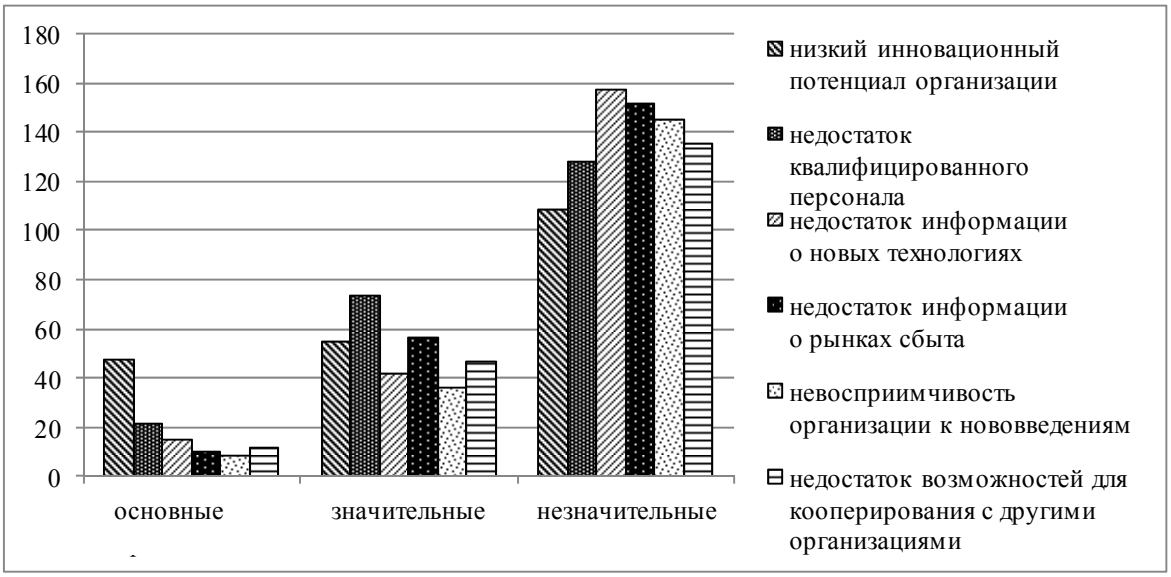


Рисунок 3. – Производственные факторы, препятствующие инновациям

Анализ структуры и динамики внутренних затрат на исследования и разработки в регионе по видам затрат позволяет выявить наметившуюся положительную тенденцию опережающего роста капитальных затрат по отношению к внутренним текущим затратам, так как в дальнейшем это будет способствовать более быстрому накоплению основных средств.

Инновационные процессы в промышленности исследуемого региона осуществляются в соответствии с государственной стратегией в научной, научно-технической и инновационной деятельности. Перевод экономики региона на рыночные условия хозяйствования и возросшая конкуренция со стороны иностранных товаропроизводителей выявили необходимость реорганизации организационных структур в промышленности в направлении диверсификации производства. Более высокую инновационную активность проявляют организации химической и нефтехимической промышленности, машиностроения и металлообработки. Проведенные исследования показали, что в последние годы макроэкономическая ситуация в республике начала значительно способствовать повышению экономической активности предприятий региона.

Связующим звеном между научно-технической сферой и производством, разработкой, изготовлением наукоемкой продукции и ее поставкой на рынок является инновационная инфраструктура, под которой следует понимать совокупность субъектов, ресурсов и средств, обеспечивающих материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обслуживание инновационной деятельности. Инновационная структура постоянно совершенствуется и пока имеет отдельные недостатки [3].

К инновационной инфраструктуре относят инновационно-технологические центры, технопарки, центры трансфера технологий, инкубаторы малого предпринимательства и другие структуры обеспечения развития малого инновационного предпринимательства и инновационной деятельности в целом. В настоящее время в Беларуси главные элементы такой инфраструктуры сформированы, однако их пока недостаточно для решения в полном объеме тех задач по переводу экономики на инновационный путь развития, которые поставлены руководством страны. Деятельность инновационных центров направлена на содействие развитию инновационного предпринимательства и коммерциализации научно-технических разработок.

Пока достаточно острой остается проблема формирования развитой инновационной инфраструктуры Брестской области, что препятствует коммерциализации и распространению результатов разработок и исследований.

Основными причинами, сдерживающими развитие инновационной инфраструктуры в регионе, являются сложные стартовые условия для начинающих фирм, сложная кредитная политика государства, отсутствие венчурного финансирования, нехватка компетентных кадров. Это говорит о том, что экономика страны и регионов пока еще не приблизилась к состоянию инновационной восприимчивости.

Анализ инновационной активности отраслей Брестской области показывает, что учет выпуска инновационной продукции производится далеко не по всем отраслям, а там, где он проводится, результат зачастую равен нулю. В полной мере инновационная активность предприятий и ее учет можно проанализировать лишь в обрабатывающей промышленности, которая занимает лидирующие позиции в Брестской области по уровню производства в валовом региональном продукте, в общем количестве занятых в области, по темпу роста производства и уровню рентабельности.

В настоящее время на различных предприятиях реального сектора экономики наблюдается острый дефицит специалистов, имеющих профессиональную подготовку в области инновационной деятельности.

Исследования показывают, что для выполнения Государственной программы инновационного развития Брестскому региону необходимо не менее 1,5 тыс. молодых специалистов и опытных практиков, руководителей высшего, среднего и низшего звена, которые должны обладать необходимыми знаниями и навыками по внедрению новых и высоких технологий в отечественное производство.

Однако система подготовки кадров для инновационной деятельности пока еще не сформирована. При детальном анализе причин такой ситуации выяснилось, что среди различных факторов, определяющих качество подготовки специалистов, весьма существенным является то, что в процессе преподавания многие педагоги ориентируются не на инновационный характер образования и трудовой деятельности, а на пассивную передачу знаний, не учитывая обучающе-исследовательский принцип в образовании.

Заключение

Таким образом, подводя итог исследования проблемы, следует сделать акцент на несовершенстве финансовой политики в Брестском регионе, отсутствии в образовательной системе средств и приемов, направленных на формирование компетентных кадров в области инновационной деятельности, неэффективность действующей инновационной инфраструктуры, присутствии лишь отдельных ее элементов, явном неумении грамотно выстраивать политику развития инновационной инфраструктуры. Необходимо совершенствовать финансовую политику Брестской области с целью наращивания объемов отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) и оказания услуг инновационного характера. Для этого потребуется увеличение затрат на технологические, организационные, маркетинговые инновации организаций промышленности и организаций информационных технологий, деятельность в области телекоммуникаций и информационного обслуживания. Требуется и увеличение количества инновационно активных организаций. При этом установлено, что пока наибольшую отдачу имеют затраты на инновации в организациях промышленности.

Для обеспечения эффективности управления развитием региона в соответствующем внешнеэкономическом и инновационном пространстве следует использовать принципы инновационности регионального развития и управления внешнеэкономической деятельностью (ВЭД). А также принцип единого информационно-инновационного пространства региона, в котором обеспечивалась бы эффективность функционирования единой цепочки инновационного цикла ВЭД: «идея – фундаментальные исследования – прикладные разработки – конструктивная доработка новаций – маркетинг внешнего рынка – рыночное планирование – опытное производство – рыночные испытания – коммерческое производство – инновационное потребление – экспорт».

В число специфических форм организации инновационной деятельности различных субъектов региональной экономики необходимо включить инновационно активные территории, или технико-внедренческие зоны (технопарки, инновационно-технологические центры (ИТЦ), центры трансфера технологий (ЦТТ), инновационные бизнес-инкубаторы).

Таким образом, для выхода промышленного комплекса Брестской области на мировой уровень эффективности производства и качества выпускаемой продукции необходимо осуществить кардинальную модернизацию производственных процессов и формирование новой структуры производственных фондов, улучшить финансовое

положение предприятий и создать реальный механизм привлечения внешних источников инвестиционных ресурсов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шашко, А. А. Инновационное развитие и повышение конкурентоспособности регионов Республики Беларусь [Электронный ресурс] / А. А. Шашко. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23053/1/tom1_4.pdf. – Дата доступа: 09.10.2017.

2. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2016 году [Электронный ресурс] : приказ Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 5 июля 2016 г., № 498-р // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/186/18611516687f8157747df7d077c2dd5f.zip. – Дата доступа: 09.10.2017.

3. Ермакова, Э. Э. Статистика инноваций в Беларуси / Э. Э. Ермакова, М. П. Мишкова // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2016. – № 1. – С. 125–131.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Sedel O.Ya., Petrukovich D.A. **Features of Innovative Policy of Regional Development of Economics**

The article considers the features of the innovation policy of the Republic of Belarus and its impact on the development of the economic potential of the regions. The essence of innovative potential of the region is considered and principles of innovative management of regional development are formulated. The structure of financing of innovative organizations of industry is analyzed. The regression model of dependence of the general results of innovative activity is offered. The factors of influence on the indicator of general results of innovation activity are revealed, their significance is justified. Methodical recommendations for making managerial decisions on increasing the volume of production and realization of innovative products and services are offered.

УДК 658.5

Н.И. Карлин[1], Е.В. Борисюк[2]
[1]д-р экон. наук, проф., зав. каф. финансов, банковского дела и страхования Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки
[2]канд. экон. наук, доц. каф. финансов, банковского дела и страхования Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки
e-mail: [1]karlin.lutsk@gmail.com; [2]lena_borysuk@ukr.net

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ УКРАИНЫ КАК ОСНОВНАЯ УГРОЗА ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Важным элементом финансовой системы Украины является государственный долг. Согласно официальным данным, он постоянно растет (в гривневом эквиваленте). В сложившейся ситуации появляется необходимость решения вопроса оптимизации управления государственным долгом. В статье охарактеризовано влияние государственного долга на экономическую безопасность Украины; определены основные направления долговой политики государства в современных условиях; проанализированы главные причины возникновения и увеличения государственного долга; выяснены основания проведения реструктуризации части государственного долга Украины в 2015 г.; описаны основные характеристики внешней задолженности. Также отмечено, что Украина в последние годы становится критически зависимой от зарубежных кредитов (прежде всего МВФ), что требует существенных изменений в фискальной политике государства. Также предложенны пути оптимизации государственного долга в целом и внешнего долга в частности.

Введение

Невзирая на некоторые позитивные сдвиги в сфере управления государственным долгом, которые состоялись в течение последних лет в Украине, необходимость решения оптимизации управления государственным долгом является чрезвычайно актуальной. Особенное значение приобретает необходимость разработки практических рекомендаций для минимизации негативных последствий государственных заимствований, для чего необходимо определить четкие стратегические задания долговой политики Украины. По нашему мнению, вне поля зрения ученых остаются проблемы, связанные с тем, насколько эффективно государство управляет своим долгом и существует ли четкая политика в этом направлении. Отдельные действия правительства скорее свидетельствуют об отсутствии долгосрочной программы управления государственным долгом, а все заимствования, которые осуществляют разные субъекты рыночных отношений, являются скорее реакцией на текущую конъюнктуру в секторах, в которых они работают, чем взвешенными решениями.

Многочисленные эпизоды долгового кризиса в разных странах мира удостоверяют, что чаще всего они были вызваны отсутствием целостной рациональной политики привлечения финансовых ресурсов, в результате чего ускорялось трудно контролируемое накопление внешней задолженности. При таких условиях возникает долговой кризис, который проявляется в несостоятельности страны-должника осуществлять полные выплаты за накопленным долгом в соответствии с начальными соглашениями. Выход из долгового кризиса предусматривает стабилизацию объемов выплат, изменение структуры задолженности, отсрочку уплаты долга или пересмотр других условий его возвращения, что важно использовать и в Украине. Оптимизация государственного долга Украины является условием обеспечения экономической безопасности страны. В условиях роста в последние годы государственного долга (в гривневом эквиваленте) важно рассмотреть сущность государственного долга и его составляющие.

В соответствии со ст. 2 Бюджетного кодекса Украины, государственный долг – это общая сумма задолженности государства, которая состоит из всех выпущенных и непогашенных долговых обязательств государства, включая долговые обязательства государства, которые вступают в действие в результате выданных гарантий за кредитами, или обязательств, которые возникают на основании законодательства или договора. Такая дефиниция не совсем соответствует определениям, которые существуют в литературе. В зарубежной финансовой науке под государственным долгом, как правило, понимают лишь финансовые долги, т.н. документально подтвержденные долги, однако требования получения пенсий будущими поколениями, т.н. неподтвержденные долги, в составе государственного долга не учитываются.

Государственный долг состоит из внешнего и внутреннего. Государственный внутренний долг Украины состоит из задолженности прошлых лет и задолженности, которая возникает вновь за долговыми обязательствами правительства. Государственный внешний долг – это долговые обязательства государства перед нерезидентами по возвращению одолженных средств (основная сумма долга) и процентов по ними. В Украине внешний долг становится основной угрозой экономической безопасности, которая делает необходимым его подробный анализ. Надо учитывать, что при росте внешнего долга страна может угодить не только в экономическую, но и в политическую зависимость от страны-кредитора. Поэтому в развитых странах парламенты устанавливают разные ограничения для внешних заимствований правительства. Кроме того, внешние заимствования берет одно правительство, а отдавать приходится другому, что может негативно отразиться на его политическом будущем. Все это происходит и в Украине.

Среди негативных явлений, связанных с увеличением государственного долга, стоит отметить такие, как:

1) нестабильность валютных курсов, которая может повлиять на возможности выполнения обязательств в определенные сроки;

2) несоответствие валюты заимствований и валюты основной части активов субъекта ведения хозяйства;

3) невозможность выполнить обязательства в результате осложнений с доступом к источникам иностранной валюты;

4) низкая ликвидность мировых финансовых рынков может снизить возможности относительно реструктуризации задолженности [1, с. 88].

Главными причинами возникновения и увеличения госдолга являются:

1) хронический дефицит Государственного бюджета;

2) превышение темпов роста государственных расходов над темпами роста государственных доходов;

3) дискреционная фискальная политика, направленная на уменьшение налоговой нагрузки без соответствующего сокращения государственных расходов;

4) расширение экономической функции государства;

5) действие автоматических стабилизаторов (циклическое уменьшение налоговых поступлений и увеличение социальных трансфертов во время экономического кризиса);

6) привлечение средств нерезидентов с целью поддержки стабильности национальной валюты;

7) влияние политических бизнес-циклов (чрезмерное увеличение государственных расходов накануне выборов с целью завоевания популярности у избирателей).

Отметим факторы, которые могут иметь позитивное влияние на экономику страны в результате роста государственного долга: ускорение темпов экономического роста и ссуды, привлеченные субъектами хазяйства и имеющие инвестиционное устремление.

До 2014 г. общие показатели состояния внешнего долга Украины не выглядели критически и угрожающими: валовой внешний долг оставался на уровне меньше ВВП страны, а совокупный долг сектора общего государственного управления и долг центрального банка (НБУ) не превышал 30 % ВВП. Однако кризис 2014–2015 гг. и предопределеный им обвал гривны повлекли резкое ухудшение относительных показателей задолженности. Стремительная девальвация гривни на протяжении 2014–2015 гг. привела к практической невозможности ориентироваться на резервы страны с целью обеспечения покрытия краткосрочных выплат по долгам, ведь в конце 2014 г. объем краткосрочных долгов едва ли не на порядок превышал объем резервов. Лишь некоторое наполнение резервов в 2015 г. определенным образом улучшило ситуацию, хотя объемы краткосрочных долгов в четыре раза превышали величину резервов. Впрочем, снижение экспорта определялось ухудшением покрытия краткосрочных долгов экспортной выручкой, и на конец 2015 г. впервые за последнее десятилетие объемы экспорта были меньше, чем выплаты по краткосрочным долгам. На сентябрь 2016 г. золотовалютные резервы Украины выросли до 15 млрд долл. США, что немного стабилизировало гривну [1, с. 33].

Для мониторинга внешних заимствований в мире используют т.н. критерии самодостаточности. Основными характеристиками внешней задолженности являются следующие: соотношение внешнего государственного долга к ВВП; внешняя задолженность в расчете на одного человека; отношение внешнего государственного долга к валютным резервам страны; соотношение валового внешнего долга и экспорта товаров и услуг; соотношение объема обслуживания текущей задолженности и экспорта товаров.

Проблемой является определение предела внешнего государственного долга и государственного долга страны в целом. Д. Коуен доказал, что размер валового внешнего долга не должен превышать 50 % ВВП. Согласно Маастрихтским критериям, предельным уровнем внешнего государственного долга является 60 % от ВВП страны. Только при таких условиях европейские страны, в том числе и Украина, могут претендовать на вступление в ЕС. На конец 2015 г. государственный долг Украины составлял 79 % от ВВП. Общая сумма государственного и гарантированного государством государственного долга составляла около 65,5 млрд долл. США (1 572 млрд гривен).

Важно остановиться на основных моментах, касающихсяся сложности управления и погашения государственного долга в Украине. Во-первых, именно на 2015 г. приходились наибольшие нагрузки на государственный бюджет по уплате внешнего валового долга. Во-вторых, доллар США в структуре валют погашения занимает первые позиции, что автоматически увеличило объем долга начиная с февраля 2015 г. в связи с девальвацией. Согласно официальным заявлениям руководства Центробанка, причиной резкого снижения курса гривни стал отказ НБУ от использования индикативного курса на валютном рынке и прекращения ежедневных индикатив-ных валютных аукционов, которые помогали абсорбировать недовольный спрос, с целью обеспечения единого курса на уровне рыночного. В этих условиях НБУ вернулся к административным способам урегулирования ситуации на рынке, что впоследствии повлекло некоторое укрепление курса гривны. В то же время дополнительное давление на курс национальной валюты оказывала практика предоставления Национальным банком кредитов рефинансирования в гривне, которая может быть охарактеризована как лишь относительно взвешенная и непрозрачная, а также недостаточный контроль за направлениями использования коммерческими банками таких кредитов. Поэтому в октябре 2016 г. в Верховной Раде Украины был поднят вопрос о снятии В. Гонтаревой с должности главы НБУ. Кроме того, коммерческие банки не возвратили НБУ 85 млрд грн. рефинансирования.

Стоит заметить, что в структуре государственного и гарантированного государством долга по группам кредиторов в Украине наибольшая часть принадлежит владельцам государственных ценных бумаг на внутреннем рынке (35,1 %). Теперь в обращении на внутреннем рынке Украины находятся казначейские обязательства с разными сроками (ОВГС от 12-месячных до 15-летних), а также облигации государственных предприятий (НАК «Нефтегаз Украины», Укравтодор и др.). Совокупный объем задолженности по выпущенным ценным бумагам на внутреннем рынке – 499,72 млрд грн. (23,74 млрд долл. США в эквиваленте). Часть владельцев государственных ценных бумаг на внешнем рынке в общей структуре госдолга составляет 29,6 % и отображает задолженность за ОВГС 2005–2015 гг. на общую сумму 383,16 млрд грн. (18,28 млрд долл. США в эквиваленте) [2, с. 1].

Один из основных индикативных показателей – соотношение государственного долга к ВВП Украины превысил максимум (60 %) и стал свыше 90 %. В сложившейся ситуации одним из альтернативных вариантов стало проведение реструктуризации части внешнего долга Украины перед внешними частными кредиторами. Так, в конце августа 2015 г. после длительных переговоров Министерству финансов Украины удалось достичь соглашения с внешними частными кредиторами по поводу реструктуризации части внешнего государственного долга. Кроме отсрочки уплаты долга последствиями реструктуризации стало принятие ряда нормативных документов в сфере управления государственным долгом, в частности, Закон Украины «О внесении изменений в Закон Украины “О Государственном бюджете Украины на 2015 год”» № 217-VIII от 02.03.2015 г.; Закон Украины «Об особенностях осуществления правовых сделок с государственным, гарантированным государством долгом и местным долгом» от 19.05.2015 г. № 436 VIII.

Расходов бюджета Украины недостаточно для решения проблем образования, медицины, обороны и др. Государство обращается к заимствованиям, наращивает долги и попадает под внешнее управление. Так, в 2014 г. расходы принятого бюджета в расчете на одного жителя в Украине составляли лишь 1 тыс. долл. США, тогда как, например, в соседней Польше – 6 тыс. долл. США, в Турции – 2,7 тыс. долл. США [3, с. 40].

В соответствии с программой управления государственным долгом в Украине на 2016 г., общие выплаты по государственным долгам, которые должны быть осуществлены в 2016 г. за счет средств государственного бюджета, оцениваются на уровне 234 260,2 млн грн., из которых 79,8 %, или 186 845,4 млн грн., – выплаты по внутреннему долгу и 20,2 %, или 47 414,8 млн. грн., представляют выплаты по внешнему долгу. В 2016 г. объем платежей на погашение государственного долга составлял 135 203,9 млн грн., из которых 121 323,7 млн грн., или 89, 7%, представляют обязательства по внутреннему долгу, а 13 880,2 млн грн., или 10,3 %, – обязательства по внешнему долгу. Объем платежей на обслуживание государственного долга на 2016 г. прогнозируется в сумме 99 056,3 млн грн. Наибольшие по объемам платежи в 2016 г. были предусмотрены на погашение облигаций внутренней государственной ссуды (ОВГС) 2013 г. в сумме 55 482,8 млн грн., ОВГС 2014 г. в сумме 24 418,8 млн грн., ОВГС в 2011 г. и 2008 г. в сумме 11 593,7 млн грн. и 11 470 млн грн. соответственно. Наибольший удельный вес в обслуживании государственного внутреннего долга в течение 2016 г. будут иметь выплаты по ОВГС 2014 г. в сумме 27 615,0 млн грн. и ОВГС 2013 г. в сумме 11 299,4 млн грн. В обслуживании государственного внешнего долга в указанный период наибольший удельный вес будут иметь выплаты по ОВГС 2015 г. в сумме 23 050,9 млн грн. и по кредитами МВФ в сумме 3 920,5 млн грн. [6].

В экономической литературе выделяют две основные формы снижения государственной задолженности: 1) уменьшение общественных расходов и 2) повышение налогов. Каждая из них имеет своих сторонников и противников в разных политических партиях. Поэтому партия, которая приходит к власти, использует свой инструментарий оптимизации государственного долга. Современная практика показывает, что для этого используют повышение непрямых налогов. В Украине в последние годы применяет постоянное повышение акцизного налога и повышение цен на энергоносители для всех потребителей, хотя это неоднозначно воспринимается населением.

Эксперты ОЭСР выяснили, что перераспределяя налоговый груз от прямых налогов (на прибыль, на доходы или ЕСВ) в пользу непрямых (НДС и акцизы) и особенно на налог на имущество, можно ускорить экономический рост. Т.е. в Украине при снижении НДФЛ, а также ЕСВ необходимо повысить налог на имущество в первую очередь состоятельных слоев населения, чтобы придерживаться принципа справедливости в налогообложении. Но важно, чтобы налог на имущество в Украине платился в зависимости от его стоимости, а не от площади. Такой подход используется в большинстве стран Европейского союза.

Украина в последние годы становится критически зависимой от зарубежных кредитов (прежде всего МВФ), что требует существенных изменений в фискальной политике государства. Проблемой является то, что Украинскому государству в современных условиях необходимо одновременно проводить две противоположные стратегии: фискальную консолидацию и фискальную децентрализацию. Первая стратегия требует сокращения государственного долга и дефицита бюджета, а вторая – расширения финансовых полномочий органов местного самоуправления, которое ведет к значительному перераспределению доходов государства в пользу местных органов власти и самоуправления. Поэтому важно найти путь оптимизации как государственных финансов, так и местных доходов и расходов. Выход мы видим в усилении контроля регионов над частью государственных расходов включая военные.

Для обеспечения экономической безопасности важно обосновать и другие финансовые мероприятия в осуществлении фискальной политики Украины на 2016–2020 гг., чтобы, с одной стороны, выполнить условия МВФ, а с другой – не повторить «греческого» варианта выхода из долгового кризиса, который затянулся на 6 лет. Важно не допустить подобного сценария в Украинском государстве, которое требует обоснованного пересмотра нового Меморандума о сотрудничестве Украины и МВФ, поскольку его выполнение приведет к сокращению совокупного спроса в нашей стране и обострению противостояния в обществе [4, с. 123].

Фискальную консолидацию следует рассматривать как совокупность мероприятий финансовой политики правительства страны, направленную на уменьшение государственного долга и бюджетного дефицита. Согласно Маастрихтским критериям, дефицит бюджета не должен превышать 3 % от ВВП страны. Учитывая нацеленность Украины на вступление в ЕС, указанные критерии должны быть основными указателями для нашей страны при проведении политики фискальной консолидации в 2016–2020 гг., поскольку после 2020 г. Украина планирует подать заявку на вступление в Европейский союз. В то же время политика фискальной децентрализации, которая реально началась в Украине с 2015 г. и обеспечила рост доходов местных бюджетов (по официальным данным, на 30–40 %), усложняет достижение Маастрихтских критериев. Выход видится в расширении сроков фискальной консолидации. Согласно исследованиям О. Крупея, такая фискальная консолидация должна характеризоваться долгосрочными действиями правительства по их реализации (5–10 лет), а их цель состоит в снижении

суммы государственного долга до уровня 40 % от ВВП. Учитывая опыт выхода из экономического кризиса Греции, ряда других стран Южной Европы – членов ЕС, трудно ожидать достижения в Украине уровня государственного долга в 40 % от ВВП в течение следующих 5–10 лет. На наш взгляд, целесообразно направить политику фискальной консолидации в Украине на показатели государственного долга не выше 60 % от ВВП, чтобы одновременно осуществлять и политику фискальной децентрализации [5, с. 26].

Возможным ориентиром для Украины могло бы стать достижение в перспективе уровня государственного долга на уровне 55 % от ВВП (как в Польше). Польский законодатель определил такое условие: при превышении государственного долга отметки 55 % от ВВП автоматически на такой же процент увеличивается базовая ставка НДС. Вместе с тем надо учитывать, что указанная норма в Польше была принята во время правления либеральной партии «Гражданская платформа». В 2015 г. к власти в стране пришла правая консервативная партия «Право и справедливость» (ПиС), которая с 2016 г. начала реализацию ряда новых социальных программ, требующих значительных расходов. Социальные мероприятия ПиС, как утверждают независимые польские эксперты, могут привести к превышению установленного уровня государственного долга страны. Вместе с тем сторонники новой социальной политики ПиС утверждают, что она позволит обеспечить повышение совокупного спроса, который будет стимулировать рост производства прежде всего на польских предприятиях. А это, в свою очередь, увеличит объем ВВП Польши и, соответственно, не позволит превысить установленного показателя государственного долга. Кроме того, социальная политика новой польской власти является более социально справедливой, чего пока не наблюдается в Украине, где доминируют либеральные подходы к фискальной консолидации, нарушающие принципы социальной справедливости.

В результате в Украине в 2015 г. значительно усилилось неравенство по уровню и/или заработка. Так, по данным Т. Пикетти, заработки 50 % самых бедных налогоплательщиков в европейских странах (2010 г.) представляли 30 %, а в Украине (2015 г.) – лишь 15 %. В скандинавских странах средняя зарплата половины налогоплательщиков представляла 70 % средней по стране, в европейских странах – 60 %, а в Украине – лишь 30 % [6]. Выходом из данной ситуации может стать ввод прогрессивной системы налогообложения в Украине. Хотя пока существует лишь минимальная ставка НДФЛ в размере 18 %.

Заключение

В условиях усиления долговых рисков правительства стран-должников пытаются принять меры, которые бы уменьшили пики выплат в краткосрочной перспективе и стабилизировали уплаты из обслуживания и выплаты основной части долга в средне- и долгосрочной перспективе, а вместе с тем добиться устойчивого экономического развития. Для этой цели могут применяться разные стратегии и методы управления погашения и обслуживания долга, в частности, рефинансирование, реструктуризация, конверсия, консолидация и др. Чаще всего сегодня используется рефинансирование и реструктуризация, с помощью которых удается погасить текущие заимствования и платежи за счет привлечения новых ресурсов. Наиболее широко для уменьшения долга используется его реструктуризация.

К сожалению, многие из описанных мероприятий в Украине не применяются. Проведенная в 2015 г. реструктуризация части внешнего долга является не очень выгодной для Украины. В данной ситуации важно сократить уровень перераспределения

ВВП и передать значительную часть расходных полномочий бюджетам разных уровней при одновременном увеличении их налоговых поступлений.

Очевидным является то, что и плюсы, и минусы роста государственного долга в Украине являются достаточно весомыми. Поэтому государству необходимо иметь инструменты, которые дадут возможность эффективно влиять на все составляющие государственного долга. Практика последних лет доказала, что четко сформулированной политики управления государственным долгом в Украине не существует. Можно также говорить, что она недостаточно эффективна, реагирует с опозданиями и не дает возможности оперативно вмешиваться в решения самых актуальных проблем, которые возникают в финансовой системе. Учитывая ситуацию, которая состояла из привлечения в первую очередь внешних ссуд в течение последних лет, стоит прогнозировать рост внешней задолженности Украины. Соответственно, будет усиливаться девальвация гривны и увеличение государственного долга по отношению к ВВП страны, что негативно будет отражаться на экономической безопасности страны и на еще больших сложностях при получении внутренних и внешних ссуд.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карлін, М. І. Суспільні фінанси в умовах демократії : курс лекцій / М. І. Карлін. – Луцьк : Вежа-Друк, 2016. – 196 с.

2. Лібанова, Е. М. Україна: глибина нерівності / Е. М. Лібанова // Дзеркало тижня. – 2016. – 1 жовт. – С. 1, 4.

3. Борисюк, О. В. Шляхи оптимізації державного боргу в сучасних умовах / О. В. Борисюк // Екон. часопис Східноєвроп. нац. ун-ту ім. Лесі Українки. – 2015. – № 1. – С. 39–43.

4. Інститут економічних досліджень та політичних консультацій. Валютна структура державного боргу України: чому частка облігацій у гривнях повинна бути збільшена [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.ier. kiev.ua.

5. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М. : Ад Маргинем Пресс. – 2016. – 592 с.

6. Борисюк, О. В. До питання реструктуризації зовнішнього боргу України / О. В. Борисюк // Екон. часопис Східноєвроп. нац. ун-ту ім. Лесі Українки. – 2015. – № 4. – С. 26–31.

7. Офіційний сайт Міністерства фінансів України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.minfin.ua.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.12.2016

Karlyn N.I., Borysiuk E.V. **National Debt of Ukraine as the Main Threat to its of Economic Security of Ukraine**

National debt is an important element of the financial system of the Ukraine. According to the official data its amount is constantly growing (in hryvna equivalent). In the present situation there is a necessity of solving the question of optimization of the control of national debt. In the article we characterize the influence of national debt onto the economic security of the Ukraine; we define the main directions of the debt policy of the state in present conditions; we analyze the main causes of the appearance and increase of the national debt; we find out the main causes of restructuring the part of the national debt of the Ukraine in 2015; we discover the main characteristics of the foreign debt. In the article we also stipulate that in recent years the Ukraine has become extremely depended on foreign loans (first of all IMF), that requires essential changes in the fiscal policy of the state. In the article we also offer the ways of optimization of the national debt in whole and the foreign debt particularly.

УДК 331.445:159.9

***Z. Ciekanowski*[1], *T. Siluk*[2]**
[1]д-р хабилитированный, зав. отделом управления внутренней безопасности Института экономики и управления Государственной высшей технико-экономической школы в Ярославе (Польша)
[2]канд. экон. наук, доц., доц. каф. туризма и страноведения Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: socgeo@brsu.brest.by

PLANOWANIE PRZEPROWADZENIA ZMIANY W ORGANIZACJI

В современной динамично развивающейся среде изменения в организации объективны и необходимы. В исследовании определены виды, генезис, обусловленность и система организационных преобразований. Особое внимание уделено процессу планирования преобразований, изучены направления изменений и проектирования их форм для реализации и укоренения в качестве эффекта модернизации. Указаны примерные модели осуществления изменений. Авторы охарактеризовали роль и функции целевой группы, осуществляющей преобразования, а также определили препятствия на пути к модернизации.

Wstęp

Zmiany organizacyjne są nieodłącznie związanie z działalnością każdego przedsiębiorstwa. Firma musi się zmieniać, bo zmienia się otoczenie, w którym funkcjonuje. Organizacja, która nie potrafi, nie chce i nie potrafi komunikować tych zmian swojemu otoczeniu, przestaje liczyć się w nowoczesnej gospodarce. Bodźcem zmierzającym do przeprowadzania zmian może być inspiracja, czyli posiadanie wizji rozwoju wynikającej z zakładania określonych zmian lub może ona być wynikową desperacji, czyli kryzysu, który wymusza konieczność przeprowadzenia modyfikacji. Niestety, ten drugi sposób jest trudniejszy, bardziej kosztowny i często spotykany w rzeczywistości. Zmiany są wpisane w funkcjonowanie organizacji, gdyż dochodzi również do zmian w środowisku, w którym ona funkcjonuje, rozwija się konkurencja, ewoluują oczekiwania klientów. Zmiany takie jak udoskonalanie produktu, rozszerzenie rynku, pozyskanie nowego segmentu konsumentów wpisane są w strategiczne plany działania organizacji i są przewidziane i zamierzone. Takie zmiany nazywane są zmianami z poziomu inspiracji.

Istota i rodzaje zmian

Istnieje wiele różnych definicji terminu zmiana, w zależności od punktu widzenia. Po pierwsze zmianę można scharakteryzować, jako każdą istotną modyfikację jakiejś części w ramach wyróżnionej całości [1, s. 392]. Po drugie jako zdarzenie, w wyniku którego stan końcowy jest odmienny od stanu początkowego [6, s. 298]. Inna definicja zmiany jest ukazana w kontekście tego, iż jest to planowana i kontrolowana modyfikacja sposobu funkcjonowania organizacji, będąca reakcją na przewidywane, bądź też zachodzące przeobrażenia w otoczeniu, mająca za zadanie podniesienie poziomu konkurencyjności i efektywności tejże organizacji [8, s. 11]. Zmiana to również funkcja systemu dążąca do doskonalenie i poprawy swej pozycji w otoczeniu, czyli celowe i świadome działanie ukierunkowane na przejście ze stanu obecnego do stanu odmiennego. Natomiast zakres i struktura dokonywanych zmian uwarunkowane są tendencjami występującymi w otoczeniu [2, s. 224].

Każda z wyżej przytoczonych definicji jest, odmienna, każda z nich reprezentuje innych sposób podejścia, lecz w rzeczywistości każda z nich ma za zadanie przekazać tą samą ideę, która najlepiej wyraża się w słowach, iż zmian to „przejście od stanu obecnego do stanu

innego (pożądanego). Zmiany w organizacji mogą być przeprowadzane w różnym zakresie. Mogą one dotyczyć całości systemu zarządzania bądź jego elementów, np. podsystemów technicznych, społecznych, czy ekonomiczno-finansowych. Ponadto, mogą obejmować różne poziomy – od organizacji jako całości, aż do pojedynczych stanowisk organizacyjnych [4, s. 497].

Istnieje wiele różnych kryteriów w oparciu o które dokonywane jest klasyfikacja poszczególnych rodzajów zmian. Zostaną przedstawione jedynie te, które są najczęściej spotykane w źródłach literaturowych, zaprezentowano je w tabeli 1.

Tabela 1. – Wybrane rodzaje zmian [7, s. 221–224]

Kryterium	Rodzaje zmiany	Charakterystyka zmiany
Przyczyna zaistnienia zmian	wewnętrzna	Związane z otoczeniem systemu
	zewnętrzna	Odnoszące się do wnętrza systemu
Przewidywalność	planowana	Wprowadzana w sposób planowany i terminowy wyprzedza oczekiwane oraz przyszłe zdarzenia
	dostosowawcza	Stanowi reakcję na zaistniałe okoliczności, pojawiające się wydarzenia
Głębokość	powierzchowna	Jest ogólna i odnosi się przede wszystkim do konieczności dostosowania się do zmian zachodzących w otoczeniu
	głęboka	Silnie przekształca istniejący stan rzeczy, a jej konsekwencje są długofalowe
Szybkość	szybka	Uzależniona jest od zaistniałych okoliczności i odnosi się do przypadków wymagających natychmiastowego reagowania
	powolna	Odnosi się do sytuacji bardzo powolnego reagowania, przy czym zbyt powolne uświadomienie celu zmiany może doprowadzić do sytuacji bezcelowości dokonywanej zmiany
Sposoby	narzucona	Wprowadzona odgórnie, bez uwzględnienia stanowiska podmiotów podrzędnych
	uzgodniona	Opiniowana i akceptowana przez wszystkie zainteresowane strony
Oddziaływania na otoczenie	psychologiczna	Odnosi się do sfery psychologicznej
	polityczna	Występuje w obszarze politycznym
	kulturalna	Zachodząca w sferze kultury
	ekonomiczna (gospodarcza)	Występująca na gruncie ekonomicznych warunków funkcjonowania
	technologiczna	Odnosi się do sfery technologicznej

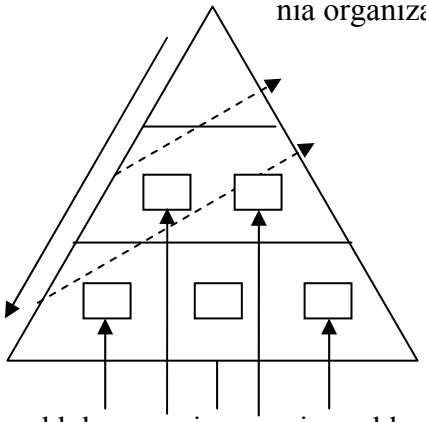
Planowanie przeprowadzenia zmiany

Zmiany w organizacjach są procesem celowym, a więc takim, w którym zakłada się określony efekt, czyli wynik zorientowany na lepsze dostosowanie organizacji do otoczenia. Tego rodzaju procesy wymagają planowania. W przypadku zmian w organizacjach, zwłaszcza o szerokim zakresie, które obejmują zmiany strukturalne i funkcjonalne proces planowania z reguły jest złożonym, a nieraz bardzo kosztownym przedsięwzięciem. Proces planowania składa się z takich etapów, jak zidentyfikowanie strategicznych problemów; diagnoza problemów; przygotowanie projektu zmiany; rekomendacja wdrożenia zmian.

W literaturze przedmiotu można zauważyć wiele sposobów planowania zmian. Znaczna część propozycji przedstawia techniczne aspekty planowania lub uwzględnia jedynie frag-

менты тего złożonego przedsięwzięcia. Proponuje się *zintegrowane podejście do planowania zmian*, której punktem wyjścia jest paradygmat zmian, przedstawiony na rysunke [5, s. 505].

Przedstawiony na rysunku 1 paradygmat nazywany jest *trójkątem transformacji.* Wyraża on zintegrowane podejście do zmian, łączące różne, oddzielne inicjatywy w spójny, ogólny program działania

Co?	Jak?
PODWÓJNE CELE Utrzymanie głównej funkcji zmiany, czyli zrealizowanie głównego usprawnienia Utrwalenie zmiany, w tym nowej kultury organizacyjnej i zachowań SZEROKI ZASIĘG Wielofunkcyjność ze zróżnicowanym podejściem do realizacji każdego z celów zmiany	1. Ustanowienie kierunku góra-dół 3. podstawowy proces przeprojektowania organizacji  2. oddolne rozwiązywanie problemów związanych z procesem zmiany (realizacja usprawnień)

Rysunek. – Zintegrowane podejście do przeprowadzenia zmiany w organizacji

Paradygmat zmiany eksponuje takie reguły postępowania:

1. *Ustanowienie kierunku góra-dół.* Działanie to polega na wykreowaniu koncepcji całej organizacji po zmianie oraz rozwinięciu warunków umożliwiających wdrożenie jej w praktyce;

2. *Oddolne rozwiązywanie problemów związanych z procesem zmiany.* W tej regule postępowanie chodzi o to, aby ludzie ze wszystkich szczebli organizacyjnych podjęli i doświadczyli rozwiązywania problemów zwartych w koncepcji zmiany oraz uczestniczyli we wdrożeniach rozwiązywanych problemów;

3. *Krzyżowy proces przeprojektowania działalności podstawowej organizacji.* Istota tej reguły polega na połączeniu w jedną całość różnych rodzajów działalności i funkcji organizacyjnych przy założeniu udoskonalenie ich realizacji.

Wyżej wyróżnione reguły stanowią jedną zwartą całość, nie należy ich traktować jako komplety oddzielnych działań [4 , s. 501–506]. Należy również dążyć do:

1) koncentrowania działań wokół celów strategicznych zmiany (pakietowanie przedsięwzięć);

2) zrównoważenie nacisku na wszystkie trzy linie «trójkąta transformacji», bez wyróżniania którejkolwiek z nich;

3) zintegrowanie działań wdrożeniowych;

4) oparcie zmiany na pracy zespołowej, który stanowi krytyczny czynnik sukcesu.

Przedstawione zasady zmiany powinny towarzyszyć całemu procesowi planowania i przeprowadzania zmiany. Proces ten można podzielić na cztery główne etapy, do których należy ustalenie kierunku zmiany; projektowanie procesu zmian; realizację przebudowy organizacji; zinstytucjonalizowanie i ukorzenienie zmian.

Ustalenie kierunku zmiany. Do kluczowych przedsięwzięć tej fazy należy:

1. Analiza organizacji i jej otoczenia. Prowadzi on do wyjaśnienia potrzeby wprowadzenia danej zmiany, przewidywanych przeszkód i potencjalnych rezultatów.

2. Wyodrębnienie struktur uczestniczących w zmianie. Przedsięwzięcie to polega na tym, aby każdy z elementów struktury, np. zakład, wydział, dział, itp., mógł uczestniczyć w wypracowaniu wspólnej wizji zmian, a także żeby był znany przepływ pomysłów i propozycji oraz ich realizacji w praktyce.

3. Przeanalizowanie doświadczeń innych przedsiębiorstw, które przeprowadziły zmianę. Polega na zachęceniu do dokonania zmiany, a także buduje odwagę i rozwija poglądy odnośnie tego, jak organizacja mogłaby się zmieniać.

Kolejnym etapem planowania przeprowadzenia zmian jest projektowanie procesu zmian. Polega ona na przełożeniu wizji zmiany na szczegółowe cele realizacyjne. Do głównych przedsięwzięć tej fazy należy:

1. Zbudowanie organizacji zajmującej się zmianą. Może to być np. komitet sterujący, zespół restrukturyzacyjne, itp. Organizacja taka będzie miała za zadanie udzielenie kierownikom liniowym pomocy w zrozumieniu celu zmiany, a następnie budowanie programów zmiany, a także wdrażanie procesu zespołowego uczenia się;

2. Skwantyfikowanie, czyli przedstawienie w liczbach, oczywiście o ile jest to możliwe, celów realizacyjnych zmiany. Chodzi o to, aby wyniki zmiany można było mierzyć, dzięki czemu cele stają się bardziej konkretne dla realizujących zmianę, jak również pomiar postępów w zmianie staje się bardziej prawdopodobny;

3. Sporządzenie mapy celów dla jednostek organizacyjnych jest pomocne zespołowi w realizacji zmiany, a także ułatwia określenie priorytetów zmiany;

4. Zaprojektowanie relacji wykonawstwo-przebudowa; mapa celów jest punktem wyjścia do ustalenia związanych ze zmianą potrzeb jednostek organizacyjnych. W fazie tej może pojawić się takie pytanie, jak: która z jednostek potrzebuje specjalnej analityki, która potrzebuje szkolenie, jakie nowe informacje powinny być dostarczone, itp.

Trzecim etapem jest realizacja przebudowy. W tej fazie «trójkąt zmiany» jest w całej rozciągłości wprowadzany w życie. Należy jednak zwrócić szczególną uwagę na planowanie sekwencyjne w miarę dokładne, elastycznie ustanawiać granice poszczególnych procesów, a także unikać chaosu jako wyniku zbyt wielu inicjatyw.

Ostatnim etapem planowania przeprowadzenia zmiany jest *zinstytucjonalizowanie i ukorzenienie zmian.* Realizacja programu przebudowy, zakładająca np. sesje strategiczne, ma na celu sprecyzowanie i ogólne zrozumienie wizji zmian. Zespoły zadaniowe, które wprowadzają tę wizję w praktyce powinny usunąć istniejące bariery skutecznego działania organizacji w przyszłości. Teraz konieczne jest zinstytucjonalizowanie zmian, a także otwarcie organizacji na nowe możliwości. W tym etapie należy zwrócić uwagę na trzy elementy, do których należy:

1. *Struktura.* Role linii i sztabu będą zdefiniowane na nowo. Należy zapewnić, aby kierownicy bardziej koncentrowali się na wartości dodanej, a mniej na funkcjach kontrolnych. Elementy tradycyjnych sztabowych funkcji, takie jak planowanie, szkolenia, zakupy przejdą do linii. Stworzone zostaną nowe zespoły, ze zróżnicowanymi umiejętnościami i rolami.

2. *Systemy*. Przede wszystkim system, który jest silnie powiązany z produkcją zostanie zmieniony na taki, który będzie zorientowany na wykonawstwo zadań rynkowych. W podobnym kierunku zostaną również przekształcone systemy motywacyjne.

3. *Kadry.* W przebudowanej już organizacji zostaną precyzyjnie określone kategorie ludzi i umiejętności, które mają służyć realizacji zadań. Niezbędne jest także jasne określenie relacji między wymaganiami a pozyskiwaniem i promocją ludzi. Powinna być zapewniona równowaga między umiejętnościami technicznymi a kierowniczymi.

Modele przeprowadzania zmian

Zmiana nie istnieje i nie ma racji bytu jako pojedynczy akt, działanie. Jest ona ciągłym i złożonym procesem, sekwencją wielu wzajemnie powiązanych zdarzeń. Wśród źródeł można znaleźć kilka modeli procesu dokonywania zmian. Do najbardziej popularnych można zaliczyć trójetapowy model procesu zmian zaproponowany przez K. Lewina [3, s. 185–186]. Model ten zaprezentowano w tabeli 2.

Tabela 2. – Model procesu zmian Kurta Lewina [3, s. 8].

ROZMROŻENIE	ZMIANA	ZAMROŻENIE
Obecne rozwiązania już nie przynoszą spodziewanych efektów jeżeli nie nauczymy się czegoś nowego, doznamy porażki	a) bezpieczne warunki do eksperymentowania, b) perspektywy umożliwiające szkolenie i praktykowanie, c) wsparcie i zachęta	a) wprowadzenie mechanizmów wspierających wynagradzanie, b) ocena efektywności, c) szkolenia

Pierwszym krokiem w modelu Lewina jest rozmrożenie. Bazuje ono na wytworzeniu w ludziach potrzeby zmiany i motywacji do jej wprowadzenie, jak również na otwarciu się przyswajania informacji płynących z otoczenia. Drugim etapem jest sama zmiana, czyli dokonanie modyfikacji, transformacji stanu pierwotnego do aktualnych warunków poprzez wdrożenie odpowiedniego, a co najważniejsze, nowego rozwiązania, przy uprzednim oczywiście jego opracowaniu i stworzenia warunków do jego wdrożenia. Cały proces zmiany odbywa się przy wsparciu tzw. agenta zmiany. Trzecim etapem jest zamrożenie. Opiera się ono na stabilizacji, wdrożeniu oraz integrowaniu dokonanych przekształceń, czyli utrwaleniu wprowadzonej zmiany przy wykorzystaniu różnego rodzaju narzędzi wspierających oraz wzmacniających [3, s. 185].

Innym modelem godnym uwagi jest czterostopniowy model procesu zmiany Jones'a, według którego proces zmian powinien dokonywać się w oparciu o następujące etapy:

1) ocena potrzeby wprowadzenia zmiany, czyli uświadomienie zaistnienia problemu, a następnie zidentyfikowanie jego źródła;

2) podjęcie decyzji o wprowadzeniu zmiany, polegające na określeniu sposobu oraz narzędzi umożliwiających osiągnięcie wyznaczonego celu ze szczególnym uwzględnieniem możliwości pojawienia się przeszkód w całym procesie;

3) wprowadzenie zmiany, czyli etap objawiający się właściwą realizacją powziętego celu;

4) ocena wprowadzonej zmiany, czyli ocena pod kątem skuteczności wdrożenia [5, s. 346].

Porównując model K. Lewina i Jones'a można zauważyć, że ten drugi zawiera dodatkowy element dotyczący oceny skuteczności przeprowadzenia zmiany, a ponadto w sposób zdecydowanie wyraźniejszy sygnalizuje konieczność poznania przyczyny zaistnienia danego problemu, będącego podstawą dokonywanej zmiany. Podczas omawiania modeli procesu

zmiany nie wolno zapomnieć o wielofazowym modelu zaplanowanej zmiany, w ramach którego wyodrębnia się następujące fazy:

1) poszukiwanie, czyli uświadomienie potrzeby zmiany, korzystanie ze wsparcia podmiotów zewnętrznych w zakresie zaplanowania i wdrożenia procesu;

2) planowanie, odnoszące się do gromadzenia informacji w celu zdefiniowania problemu, określenie celu zmiany, a także narzędzi niezbędnych do jej dokonania;

3) działanie, polegające na sformułowaniu głównych wytycznych procesu zarządzania zmianą, dokonywanie oceny wdrożonych rozwiązań oraz bieżące korygowanie planów i działań;

4) integracja, czyli implementowanie nowych rozwiązań przy wykorzystaniu odpowiednich metod i narzędzi, a także poszukiwanie możliwości dalszego doskonalenia działań [3, s. 187].

Wyżej przedstawione modele, to tylko niektóre występujące w literaturze przedmiotu. Można zauważyć, że każdy z nich składa się z etapów, w których przejścia pomiędzy poszczególnymi etapami dokonują się na zasadzie sekwencji następujących po sobie, ściśle określonych zdarzeń. Wszystko to powinno bazować na świadomym, zaplanowanym i efektywnym działaniu.

Zarządzanie zmianą

Z technicznego punktu widzenia zarządzanie zmianą jest bardzo podobne do zarządzania projektem. Zmian w organizacji jest traktowana jako szczególny rodzaj nowego produktu, który nazywa się *nowa organizacja.* Jak w przypadku każdego projektu powoływany jest jego szef, zespół lub komórka organizacyjna odpowiedzialna za realizację, przygotowany jest budżet, harmonogram działania, itp. Mimo to zarządzanie zmianą jest, z szerszego punktu widzenia, procesem szczególnego rodzaju. Proces ten w znaczny sposób narusza panujący *status quo* struktury i ludzi w danej organizacji [4, s. 507]. Modelowe podejście do konkretnej zmiany, której z reguły towarzyszy przełamanie sytuacji kryzysowych w organizacji i wymusza dokonanie zmian w różnych obszarach jej działania przedstawiono w tabeli 3.

Tabela 3. – Modelowe podejście do zmian polityki strategicznej przedsiębiorstwa [4, s. 520]

Zakres zmian	Stopień zaangażowania członków organizacji		
		Relatywnie mały	Relatywnie duży
	Relatywnie duży	A. transporterów zmian	D. zarządzanie wartościami
	Relatywnie mały	B. dyrektywny	C. tworzenie koalicji

Jak wynika z tabeli 3, w celu wyróżnienia modelowych podjeść do zmian polityki strategicznej przedsiębiorstwa, przyjęto dwa istotne dla tego procesu kryteria. Pierwszym z nich jest zakres zamierzonych zmian w polityce przedsiębiorstwa. Natomiast drugim kryterium jest zakładany przez inicjatora procesu zmian udział członków organizacji w tym przedsięwzięciu. Charakterystyki wyróżnionych podejść, aby lepiej zrozumieć zostaną przedstawione na przykładzie i według następującego schematu: opis prawdopodobnej sytuacji kierowniczej, istota podejścia oraz warunki jego efektywnego zastosowania w praktyce.

Model dyrektywny. *Przykład: Jesteś dyrektorem dużego przedsiębiorstwa przemysłowego. Po około sześciu miesiącach intensywnej pracy grupa zajmująca się planowaniem dostarcza Ci raport o pożądanych kierunkach rozwoju firmy i sposobach osiągnięcia sukcesu. Zawarte w planie informacje potwierdzają Twoje kalkulacje. Wzywasz więc swoich zastępców do Sali konferencyjnej, przedstawiasz im nową strategię i każesz im ją wdrożyć, a sam czekasz na rezultaty.*

Model ten jest silnie rozpowszechniony w praktyce. Położony jest w nim nacisk na fazę planowania radykalnych zmian. W działaniach tych bierze udział bardzo mała grupa osób z przedsiębiorstwa, do której należą głównie kierownicy i specjaliści z wybranych komórek sztabowych, rzadko kierownicy liniowi. Typowymi procedurami, wykorzystywanymi w omawianym przedsięwzięciu są w znacznej mierze procedury ekonomiczne i marketingowe. Scharakteryzowane podejście ma najlepsze zastosowanie, gdy produkcja jest mało zróżnicowana, a przedsiębiorstwo funkcjonuje w niezbyt burzliwym i przychylnym środowisku [4, s. 520].

Model transporterów zmian. *Przykład: Po otrzymaniu od Twojej grupy przygotowującej zmianę diagnoz i rekomendacji analizujesz je i podejmujesz decyzje odnośnie kierunku i technologii zmiany. Następnie, osobiście lub przy pomocy ekspertów, planujesz kluczowe zmiany w organizacji, które zwiększą szanse wprowadzenie zmiany w życie. Przykładem może być nowa struktura organizacyjna, zmiany personalne, nowe systemy informacyjne, czy też rozważenie konieczności zmian granic organizacji przez włączenie do niej nowych elementów lub połączenie się z inną firmą.*

W modelu tym, podobnie jak w modelu dyrektywnym, nacisk kładzie się na fazę planowania wizji przedsiębiorstwa i programów związanych z jej realizacją. Ponadto, nie pomija się tu fazy wdrożeń. To właśnie im mają służyć zmiany w strukturach, polityce kadrowej, czy systemach informacyjnych. Uważa się, że tego typu zmiany przełożą się na faktyczne zmiany poprzez tworzenie organizacyjnych warunków jej realizacji. W tworzenie tych warunków jest zaangażowana mała grupa pracowników, podobnie jak w modelu dyrektywnym [4, s. 521].

Model tworzenia koalicji. *Przykład: Ze swoimi zastępcami i kierownikami liniowymi wybrałeś się na tygodniowe seminarium poświęcone przebudowie firmy. Kierownicy, opierając się na przeprowadzonych przez siebie analizach, dokonują przedstawienia swojej wizji firmy. Dyskusja ma za zadanie doprowadzić do konsensusu w zakresie przyszłej misji firmy oraz jej najbliższych celów i zadań. Po powrocie każdy z uczestników seminarium przekazuje swoim zastępcom uzgodniony kierunek i kontroluje wdrażanie dokonanych ustaleń.*

W podejściu tym eksponowane są aspekty wdrożeniowe projektowanej zmiany. To właśnie spotkania kierownictwa przedsiębiorstwa, organizowane w myśl «badania w działaniu», mają za zadanie wspólne wypracowanie koncepcji zmian oraz wspólne jej wprowadzenie w życie. Intencją tego podejścia jest ukształtowanie silnej koalicji zmian, o uzgodnionych poglądach co do misji i strategii przedsiębiorstwa. Kierownicy, a zwłaszcza liniowi, mają być swoistymi przekaźnikami idei zmian, a także osobami odpowiedzialnymi za ich realizację [4, s. 522].

Model zarządzania wartościami. *Przykład: Mając długofalową wizję Twojego przedsiębiorstwa zamierzasz ją zaszczepić w organizacji poprzez modelowanie kultury organizacji w taki sposób, aby wszyscy jej członkowie uczestniczyli w podejmowaniu decyzji dotyczących wprowadzania wizji w życie. Piszesz i publikujesz «creda» organizacji, komponujesz pieść przedsiębiorstwa, tworzysz i popularyzujesz inne symbole, które, dzięki przyswojeniu w przyszłości zarówno przez robotników, jak i kierowników, spowodują akceptację celu i zjednoczenie się w działaniu.*

Jest to podejście, w którym podczas procesu formułowania i wdrażania zmiany zaangażowana jest cała załoga przedsiębiorstwa. Nacisk nałożony jest na propagowanie i przyswajanie priorytetowych, wspólnie ustalonych wartości. Zastosowani tego podejścia wymaga z reguły dłuższego czasu, inteligentnych, dobrze poinformowanych kierowników i pracowników, a także wykorzystywania bogatego zestawu technik, głównie z obszaru zarządzania potencjałem społecznym przedsiębiorstwa [4, s. 523].

Podsumowując, nie można określić, który z wyżej przedstawionych modeli jest najlepszy dla konkretnej organizacji. Każdy z nich może być efektywny, jeżeli sytuacja, w jakiej znajduje się dane przedsiębiorstwo, zostanie prawidłowo oceniona przez jego kierownictwo. Należy pamiętać, że przedstawione powyżej podejścia są typowo modelowymi koncepcjami zmian. W rzeczywistości rozwiązania zawierają elementy z różnych podejść.

Podsumowanie

Jak wynika z powyżej zaprezentowanych informacji literatura obfituje w informacje dotyczące planowania przeprowadzenia zmiany. Na początku należy przede wszystkim określić czym jest zmiana i jaka jest jej istota podczas wprowadzania w danej organizacji. Kierownicy, a także pracownicy, podczas planowanie przeprowadzenia zmiany powinny zadać sobie szereg pytań, dotyczących sposobu zmiany, dlaczego dana zmiana ma zaistnieć oraz co dzięki niej osiągnie organizacja. Na proces planowania przeprowadzenia zmiany składają się cztery etapy: ustanowienie kierunku zmian; projektowanie procesu zmian; realizację przebudowy organizacji; zinstytucjonalizowanie i ukorzenieni zmian. Rozwój wiedzy na temat funkcjonowania organizacji oraz znajomości problematyki zmian pozwala na wyciągnięcie wniosków co do sposobów realizowania zmian i na stworzenie planu przeprowadzenia zmiany. Dokonywanie różnego rodzaju modyfikacji w organizacji jest rzeczą szalenie trudną i złożoną, która wymaga od zarządzających nie tylko wiedzy o tendencjach w otoczeniu czy zachowaniu ludzi, ale również wiadomości na temat procedury wprowadzania zmian.

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDŁ

1. Griffin, R. W. Podstawy zarządzania organizacjami / R. W. Griffin. – Warszawa : PWN, 2005.
2. Kożuch, B. Nauka o organizacji / B. Kożuch. – Warszawa : CeDeWu, 2011.
3. Kożuch, B. Wstęp do teorii zarządzania / B. Kożuch. – Warszawa : Nauka–Edukacja, 1999.
4. Koźmiński, A. K. Zarządzanie. Teoria i praktyka / A. K. Koźmiński, W. Piotrowski. – Warszawa : PWN, 2006.
5. Marfo-Yiadom, E. Zasady zarządzania / E. Marfo-Yiadom. – Łódź : Wyd. Wyższej Szkoły Humanistyczno-Ekonomicznej, 2008.
6. Pszczołkowski, T. Mała encyklopedia prakseologii i teorii organizacji / T. Pszczołkowski. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1978.
7. Sokołowska, S. Organizacja i zarządzanie. Ujęcie teoretyczne / S. Sokołowska. – Opole : Wyd. Uniwersytetu Opolskiego, 2009.
8. Wendt, R. Zarządzanie zmianą w polskiej firmie / R. Wendt. – Warszawa : Zachorek, 2010.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.05.2017

Tsekanovski Z., Silyuk T. **Planning to Conduct the Changein the Organization**

In the modern dynamic environment changes in the organization are objective and necessary. This study determines the types, genesis, conditionality and the system of organizational change. Special attention is paid to the process of transformation planning, the direction of change and design of their forms for the implementation and establishment as an effect of modernization is studied. Exemplary models of implementing change are provided. The authors have described the role and functions of the task force, performing the transformations, and identified obstacles to modernization.

УДК 658.5

М.В. Варакулина
канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: varakulina@brsu.brest.by

ОЦЕНКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются особенности реализации оценки в системе управления персоналом на предприятии. Подчеркивается, что концентрация в процессе управления исключительно на оценке персонала и кадровом аудите не позволяет комплексно оценить вклад системы управления персоналом в конечные результаты, полученные предприятием. Исследуются используемые в теории и практике подходы к оценке системы управления персоналом, выявляются проблемы их использования. Затрагиваются вопросы формирования методологических подходов к оценке системы управления персоналом в контексте изменений, происходящих в современных организациях.

Введение

Проблемы управления персоналом подробно анализируются в современной теории менеджмента. Предлагаемый инструментарий является достаточно полным и объективным. Он позволяет не только проводить полевые исследования, но и делать статистические обобщения. Стоит, однако, отметить, что на протяжении существования науки управления персоналом происходило сущностное и методологическое изменение подходов к оценке данной функции. Так, изначально в теории и практике управления персоналом концентрировались преимущественно, а иногда и исключительно на оценке результатов труда работника. Например, концепция использования трудовых ресурсов предполагала именно такой подход. Считалось что труд, т.е. систему управления персоналом, необходимо оценивать через производительность труда и затраты на его оплату.

Однако по мере развития научной мысли в сфере управления персоналом происходило расширение системы показателей оценки, равно как и увеличивалось количество ее объектов. Кроме оценки труда стали исследовать состояние работника, качественные и количественные характеристики персонала организации и, наконец, сами кадровые функции, а при переходе к процессному подходу и кадровые процессы. Безусловно, расширение и усложнение объекта отразилось на методике анализа. Под методикой в управлении понимается «совокупность способов, правил наиболее целесообразного выполнения какой-либо работы» [1]. В анализе деятельности субъектов хозяйствования методика рассматривается как совокупность аналитических способов, правил исследования деятельности предприятия, подчиненных достижению поставленной цели анализа. В экономическом анализе выделяют общую и частные методики. Последние призваны конкретизировать общую методику относительно определенных отраслей или определенного объекта [1].

В условиях рынка коммерческая организация существует с целью постоянного роста ее стоимости, который возможен при согласованной работе всех подсистем: финансовой, коммерческой, производственной и, безусловно, социальной. Каждый элемент должен функционировать в оптимальном режиме. И в данном контексте важно, с одной стороны, устанавливать критерий оптимальности, а с другой – организационно определить, каким образом оценивать оптимальность функционирования. В соответствии с «управленческим кубом», реализация данных видов деятельности возложена на такие функции, как контроль, учет и анализ, поскольку они отвечают за проведение

наблюдений и проверку соответствия процесса функционирования объекта управления принятым управленческим решениям.

Рассматривая подходы к системе оценки необходимо, по нашему мнению, учитывать целевую ориентацию и субъектов (потребителей результатов) оценки. Можно выделить следующие ключевые цели и задачи, решаемые в процессе исследования системы управления персоналом:

1) выявление сильных и слабых сторон кадрового менеджмента;

2) принятие управленческих решений в сфере управления персоналом;

3) обеспечение заинтересованного партнерства между всеми участниками процессов управления персоналом.

Основными субъектами оценки системы управления персоналом предприятия выступают сотрудники кадровых служб, руководство организации, собственники, внешние партнеры, работники предприятия. Каждый из рассматриваемых субъектов характеризуется уровнем специальной подготовки в сфере кадрового менеджмента, а также целями, достичь которые он стремится. Следовательно, каждый из вышеперечисленных субъектов будет ориентирован на получение определенной конкретной информации, характеризующей результативность системы управления персоналом. Таким образом, оценка системы управления персоналом призвана прежде всего обеспечить собственников, руководство предприятия, его работников, внешних партнеров информацией для принятия конкретных решений.

В статье проведен обзор существующих подходов к оценке системы управления персоналом на современном предприятии, а также исследованы изменения, происходящие в системе управления персоналом и оказывающие влияние на подходы к ее оценке.

Оценка системы управления персоналом на предприятии

В настоящее время существует два принципиальных направления оценки управления персоналом: *оценка персонала* и *оценка системы управления персоналом*. Проблема состоит в том, что очень часто в теории, а особенно в практике управления персоналом подменяются эти два направления, и, говоря об оценке системы управления персоналом, имеют в виду лишь оценку самого персонала: его квалификации, результатов труда, потенциала. Иногда добавляют еще и оценку кадрового делопроизводства. Однако такая оценка, по нашему мнению, является оценкой не системы управления персоналом, а лишь объекта управления в системе управления персоналом на предприятии.

Оценка системы предполагает проверку соответствия ее заданным критериям. Между тем, когда говорят о социальных системах, количественные критерии оптимальности не задаются. Рассуждают о социальном эффекте и часто о невозможности оценить результативность методиками, не относящимися к экспертным. Одновременно не вызывает сомнения тот факт, что в условиях рынка даже социальные инновации оцениваются на предмет их эффективности, поскольку предполагают зачастую достаточно масштабное инвестирование. Следовательно, с позиций всех заинтересованных сторон (собственника, руководителя, работников и т.д.) система должна работать в определенном оптимальном режиме, и степень оптимальности должна быть оценена. Таким образом, в системе кадрового менеджмента должны присутствовать три вида оценки.

1. Оценка персонала (его потенциала, результатов его труда и т.д.). Проводится на трех уровнях (единичная, периодическая и текущая).

2. Оценка кадрового делопроизводства и документации (на соответствие правовым нормам, требованиям к организации документооборота на предприятии и т.д.).

3. Оценка состояния и работы системы управления персоналом и всех ее подсистем.

По нашему мнению, организациям необходимо формировать и применять методику оценки состояния системы управления персоналом, которая отвечала бы целому ряду требований, среди которых можно выделить:

1) *своевременность и гибкость* (оценка должна предоставлять всю необходимую информацию как по итогам определенного периода, так и в текущем режиме);

2) *прозрачность* (система оценки и, что немаловажно, результаты должны быть понятны не только тому, кто ее проводил, но и всем потенциальным потребителям результатов оценки);

3) система должна не только устанавливать причинно-следственные связи, но и давать им *количественную оценку*;

4) *достоверность результата* (должна иметься возможность проверки полученного результата);

5) *экономичность и простота* (система не должна быть излишне трудоемкой, желательно использовать простой инструментарий, с использованием современных информационных технологий и, главное, при временном отсутствии ответственного за оценку работника должна существовать возможность его замены, т.е. системой оценки должен быть способен овладеть не один, а несколько сотрудников организации).

С методологической позиции перечисленные критерии являются основными и наиболее часто выдвигаемыми при выборе методики анализа.

Обзор методик оценки системы управления персоналом на предприятии

Наиболее часто встречающимся видом оценки системы управления персоналом на предприятии выступает кадровый аудит. Фактически, кадровый аудит является специальным анализом кадрового состояния организации, оценкой уровня ее кадровой обеспеченности. Аудиторская проверка в области персонала осуществляется по следующим направлениям:

1. Оценка кадрового потенциала организации, качественных и количественных характеристик персонала. Наиболее часто используемыми методами выступают ассемент-центр, кейс-интервью, 360 ^{o} аттестация, социологические исследования.

2. Диагностика кадровых процессов и процедур управления, оценка их эффективности. При этом используется анализ документации, анкетирование, структурированное интервью.

Иногда под кадровым аудитом понимается исключительно проверка кадрового делопроизводства [2]. Безусловно, кадровый аудит очень важный инструмент не только наблюдения, но и управления в сфере менеджмента персонала. Более того, существующие многочисленные подходы к философии и содержанию кадрового аудита позволяют достаточно вариативно толковать его сущность. Однако исходя из задач кадрового аудита, которые формулируются в большинстве изданий по этому вопросу, его философия фокусируется на:

1) выявлении соответствия кадрового потенциала предприятия его целям и стратегии развития;

2) исследовании структуры системы управления персоналом во взаимосвязи с организационной структурой организации;

3) проверке соблюдения нормативно-правовых актов как локальных, так и более высокого уровня;

4) изучении причин трудовых конфликтов и других проблем социально-трудовой сферы, выработке рекомендаций по их разрешению, предотвращению и снижению негативного воздействия [2].

Довольно часто при раскрытии сущности и значения кадрового аудита проводятся аналогии с аудитом бухгалтерского учета как формой финансового контроля. И именно в этом, по нашему мнению, лежит принципиальное отличие кадрового аудита от других методик оценки. Аудит нацелен прежде всего на предотвращение выявления несоответствий при проведении государственных проверок и лишь затем очередь на оценку эффективности деятельности организации через эффективность системы управления персоналом. Однако, как было отмечено выше, оценка должна прежде всего ориентироваться на поиск резервов повышения стоимости компании. Философия оценки системы управления персоналом должна отражать ее значение, в том числе и исходя из эффективного развития предприятия (т.е. с экономической точки зрения) (рисунок).

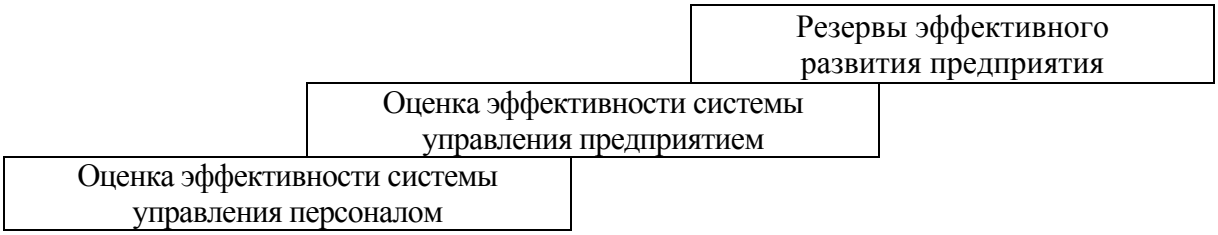


Рисунок. – Логическая модель оценки развития предприятия

В основе эффективного развития организации лежит оценка эффективности ее деятельности, позволяющая сформулировать резервы роста результативности, прибыльности. А основными факторами роста эффективности с позиций экономики предприятия выступает эффективность использования средств труда, предметов труда и, безусловно, трудовых ресурсов как основных производственных факторов. Таким образом, именно философия кадрового аудита, формулирующая его целевые установки, определяет методологию его проведения и прежде всего инструментарий, который оценивает не столько эффективность, сколько соответствие стандартам и нормативным правовым актам.

Традиционно методология кадрового аудита использует организационно-аналитические методы, социально-психологические методы и экономические методы оценки [2]. Однако основное внимание уделяется проверке документации, например, с помощью визуального изучения, проведения контент-анализа и т.д. Также используются анкетирование, наблюдение, опрос, тестирование и ряд других методов. Применяемые в кадровом аудите способы оценки с научной точки зрения проработаны и в определенных аспектах кадровой работы единственно применимы. Однако они в большинстве своем не позволяют оценить эффективность функционирования системы управления персоналом. Следовательно, организации, ориентированной на эффективное развитие, необходимо выстроить систему оценки, позволяющую через совокупность количественных и качественных показателей увязать направления ее эффективного развития с оценкой результативности системы управления персоналом.

Одной из основных проблем, которая возникает при проведении анализа системы управления персоналом на предприятии, является сложность количественного описания рассматриваемых процессов и объектов. В связи с этим среди задач, которые были нами поставлены в данной работе, выделилась необходимость поиска наиболее адекватной методики анализа, способной дать количественную оценку рассматриваемому объекту. В настоящее время сформировано несколько ключевых подходов к оценке системы управления персоналом на предприятии.

Первый подход – *экономический*, в ходе использования которого авторы акцентируют внимание на оценке экономических показателей. Так, в работах А.С. Головачева предлагается комплексная методика оценки организации труда на предприятии. Необходимо отметить, что приведенное А.С. Головачевым определение категории «организации труда» весьма близко к общепринятым толкованиям категории «управления персоналом». Более того, предлагаемая им методика оценки позволяет всесторонне оценить эффективность управления персоналом на предприятии. В своих работах ученый выделяет семь групп показателей оценки: использование рабочей силы, использование рабочего времени, качество труда, интенсивность труда, условия труда, удовлетворенность трудом и стабильность трудового коллектива [3]. Методика полностью выстроена на количественных показателях и является в этой связи достаточно объективной. Однако для проведения комплексного анализа системы управления персоналом с учетом объективных требований времени целесообразно рассматривать не только конечные результаты, но оценивать процессы и изначально заданные характеристики. Таким образом, данная методика может лечь в основу анализа системы управления персоналом при условии адаптации ее к современным требованиям.

Анализ использования персонала организации можно проводить с помощью методик, предложенных в изданиях по анализу хозяйственной деятельности [1]. Данные методики отличаются глубиной проработки возможностей использования факторного анализа, что позволяет определять причины возникающих проблем. Существенным недостатком данных методик является то, что они рассматривают только некоторые аспекты: обеспеченность персоналом, социальная защита членов трудового коллектива, использование фонда рабочего времени, производительность труда, трудоемкость продукции, эффективность использования персонала и фонд заработной платы.

Второй подход – *процессный*, предполагающий концентрацию в оценке системы управления персоналом на процессах. Например, в работе «Теория измерения управляемости хозяйственной деятельностью предприятий» доктор экономических наук, профессор О.А. Высоцкий предложил методику диагностики системы управления мотивацией на предприятии [5]. Данная методика рассматривает функцию управления мотивацией на предприятии (управления персоналом) как общую функцию влияния мотивов индивидуального характера и социального характера. Специальная функция управления мотивацией рассматривается О.А. Высоцким как функциональная взаимосвязь трех элементов: подсистемы материального стимулирования, подсистемы морального стимулирования и подсистемы управления персоналом предприятия. Каждый из элементов представляет собой совокупность реализуемых процессов.

Основными параметрами оценки материального стимулирования выступают система нормирования труда, система оценки результатов труда, система формирования основной заработной платы, система премирования и система депремирования. Основными элементами системы нематериального стимулирования в соответствии с рассматриваемой методологией выступают формирование чувства гордости у работников, оценка и мотивация возможностей работников, оценка и формирование чувства семейственности у работников, оценка и мотивация потребности в труде у работников организации, социально-психологическая работа с персоналом, оценка и формирование гарантий для работников. Последней составляющей системы комплексной оценки уровня управляемости функцией мотивации выступает, как было отмечено выше, функция управления мотивацией труда, которая оценивается параметрами: деятельность подразделения по работе с кадрами, система работы с персоналом организации и др. В процессе проведения диагностики системы управления мотивацией труда используются следую-

щие методы сбора информации: групповое анкетирование, индивидуальное анкетирование, опрос, наблюдение, изучение документов. Достоинством рассматриваемой методики является ее комплексность и ориентация на процессный подход. Однако в ней преимущество методов экспертной оценки не позволяет достичь высокого уровня объективности результатов.

Третий подход – *функциональный*, он предполагает оценку функций управления персоналом. Некоторые авторы не рассматривают комплексно оценку системы управления персоналом, а затрагивают только некоторые ее элементы. Так, например, в работе [6] поднимаются вопросы оценки уровня удовлетворенности трудом, аттестации по результатам деятельности. В.А. Спивак акцентирует внимание на аттестации рабочих мест и анализе кадрового потенциала [7]. Н.П. Беляцкий рассматривает только вопросы оценки персонала, его качественных характеристик [8]. Следует отметить, что рассматриваемые авторами методики являются достаточно актуальными и бесспорно могут использоваться в практике хозяйственной деятельности предприятий. Однако они представляют только одну из сторон оценки системы управления персоналом.

Оценка системы управления персоналом в «организациях будущего»: необходимость формирования новых методологических подходов

Анализ существующих подходов к оценке системы управления персоналом позволил нам сформулировать ряд проблем:

1) часто проверяется только документация либо состояние кадрового потенциала, эффективность работы самой системы не оценивается;

2) значительные затраты времени, что практически делает невозможным мониторинг состояния системы;

3) высокая степень формализма, ориентация в оценке на жесткие системы показателей и критерии оценки;

4) традиционные системы оценки ориентированы на классическое предприятие с жесткой организационной структурой, бумажным документооборотом, высокой степенью регламентации деятельности работников.

Фактически сегодня организации оказываются в ситуации, когда применяемые ими технологии (маркетинговые, производственные и т.д.) опережают в своем развитии, а главное в скорости этого развития, подходы, используемые в реализации целого ряда управленческих функций. Отечественные предприятия, с одной стороны, пытаются внедрять современные технологии производства, а с другой – пытаются их «встраивать» в традиционную организационную структуру, в традиционную систему управления. Наблюдаемое в последние несколько десятилетий интенсивное развитие производительных сил требует изменения подходов к организации управления ими на всех этапах общественного воспроизводства, в том числе и изменения подходов к управлению персоналом.

Решение вышеназванных проблем предполагает уход от классического восприятия системы управления персоналом как совокупности способов и методов по формированию трудового коллектива и обеспечению его эффективного использования. Современный менеджмент стоит на пороге масштабных изменений. И прежде всего это продиктовано переходом к новому технологическому укладу.

Постепенный переход к использованию глобальных телекоммуникационных информационных сетей приведет к формированию качественно новых управленческих систем. Уже сегодня мы наблюдаем рост степени автоматизации практически всех процессов (производственных, обслуживающих, управленческих). Роль человека в производственных и обслуживающих процессах постепенно сводится к реализации контроль-

ной функции. Меняются не только требования к компетенциям современного работника. По нашему мнению, происходит трансформация самой системы управления. Использования кластеров, аутсорсинговых схем требует кардинально иных подходов, в том числе и к функционированию системы управления персоналом на предприятии.

Вероятнее всего, процесс реформирования управленческих систем будет предполагать формирование виртуальных офисов, переход на полностью электронный документооборот, формирование и использование облачной инфраструктуры. В этих условиях произойдет изменение содержания работы в сфере управления персоналом на предприятии, следовательно, потребуется поиск новых методологических подходов, позволяющих оценивать систему управления персоналом в «организациях будущего». Построение системы управления персоналом на таких предприятиях потребует решения целого ряда вопросов. Прежде всего, это организация взаимодействия работников во времени. В отличие от «реального» офиса в виртуальном сложно проконтролировать, когда работник «пришел на рабочее место», сколько времени он потратил на выполнение определенной работы. Если офис объединяет работников, находящихся в разных государствах, то режим их труда и отдыха будет отличаться от того варианта, который принят в современных организациях. И это может отрицательно влиять на состояние работника, его удовлетворенность трудом.

Еще одной проблемой станет то, что у менеджера сохранится возможность контролировать лишь результат, а не ход реализации процесса. Появится проблема, которую современные исследователи называют «кризис доверия». Руководитель и сотрудники будут практически лишены возможности отслеживать и анализировать «невербальные сигналы», что существенно усложняет процесс принятия управленческих решений. Таким образом, с методологической точки зрения можно выделить несколько ключевых моментов, которые окажут влияние на оценку системы управления персоналом.

1. Изменится объект оценки. Компетенции сотрудников по-прежнему будут анализироваться, но при этом произойдет изменение их состава и, возможно, критериев, по которым они будут оцениваться. Одновременно, рассматриваемый сегодня в качестве ключевого объекта оценки процесс скорее всего не будет оцениваться либо сместится акцент в его оценке. Т.е. исследоваться будет не то, соблюдается ли установленная в карте процесса технология его реализации, а только лишь его результат. От организаций потребуется конкретно устанавливать, что является результатом эффективной реализации того или иного процесса, и задавать критерии эффективности.

2. Произойдет реорганизация уровней оценки. Практически невозможным станет мониторинг поведения работника на рабочем месте. Поскольку контакт «руководитель – подчиненный» будет осуществляться посредством использования информационных систем и перестанет быть непрерывным. Т.е. текущая оценка не позволит осуществлять модификацию трудового поведения работника в случае, если он делает что-то неверно. Это может привести к снижению результативности работы не только конкретного сотрудника, но и предприятия в целом.

3. Некоторые способы оценки будет невозможно использовать полноценно. Прежде всего это касается способа наблюдения. Т.е. оценка станет скорее всего дискретной.

4. Потребуется сформировать новую систему показателей, которые будут описывать состояние системы управления персоналом. Она должна будет учесть как изменения в самом объекте управления, так и то, что некоторые функции управления персоналом либо не будут реализовываться, либо изменится технология их реализации.

Заключение

В настоящее время существует несколько подходов к пониманию сущности оценки управления персоналом: оценка персонала, оценка кадрового делопроизводства и оценка системы управления персоналом. Целый ряд методик позволяют в той или иной степени оценить состояние системы управления персоналом или ее отдельных элементов. Следует отметить, что большинство используемых методик ориентированы на т.н. традиционные организационные системы, в то время как развитие современных технологий требует совершенно иного подхода к формированию системы управления персоналом и, следовательно, к оценке ее результативности. Изменения затронут не только объект оценки, но и методику ее проведения. Решение этих и целого ряда других вопросов должно, по нашему мнению, лечь в основу формирования методики оценки системы управления персоналом на теоретическом и практическом уровнях уже в ближайшем будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия / Г. В. Савицкая. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Минск : Новое знание, 2000. – 688 с.
2. Долин, А. Ю. Кадровый аудит : курс лекций / А. Ю. Долин. – Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2011. – 96 с.
3. Головачев, А. С. Организация, нормирование и оплата труда / А. С. Головачев. – М. : Новое знание, 2005. – 539 с.
4. Высоцкий, О. А. Теория измерения управляемости хозяйственной деятельностью предприятий / О. А. Высоцкий. – Минск : Право и экономика, 2004. – 396 с.
5. Анализ хозяйственной деятельности в промышленности : учебник / В. И. Стражев [и др.] ; под общ. ред. В. И. Стражева, Л. А. Богдановской. – Изд. 7-е, испр. – Минск : Высш. шк., 2008. – 527 с.
6. Ньюстром, Дж. В. Организационное поведение : пер. с англ. / Дж. В. Ньюстром, К. Дэвис ; под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб. : Питер, 2000. – 448 с.
7. Спивак, В. А. Управление персоналом для менеджеров / В. А. Спивак. – М. : Эксмо, 2008. – 624 с.
8. Беляцкий, Н. П. Управление персоналом : учебник / Н. П. Беляцкий. – Минск : Соврем. шк., 2010. – 448 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Varakulina M.V. **Evaluation of the Personnel Management System at the Enterprise: Theoretic and Methodological Aspect**

The article considers the features of the evaluation implementation in the personnel management system at the enterprise. It is emphasized that concentration in the management process solely on personnel assessment and personnel audit does not allow to comprehensively assessing the contribution of the personnel management system to the final results obtained by the enterprise. The article explores the approaches to the evaluation of the personnel management system used in theory and practice, reveals the problems of their use. The issues of forming methodological approaches to the evaluation of the personnel management system in the context of changes occurring in modern organizations are touched upon.

УДК 332.14

Д.А. Петрукович[1], О.Я. Седель[2]
[1]канд. пед. наук, доц., зав. каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
[2]канд. техн. наук, доц., доц. каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: [1]dmitrypet@mail.ru; [2]sedel.oleg@mail.ru

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Рассмотрено положение основных производителей пива на рынке Республики Беларусь. Установлена необходимость разработки мероприятий повышения конкурентоспособности отдельного предприятия, находящегося в процедуре банкротства (санации). Даны оценки некоторым показателям конкурентоспособности предприятия. На основании анализа показателей предложены методические рекомендации по повышению уровня конкурентоспособности предприятия, находящегося в особых условиях.

Введение

Как известно, одним из главных условий управления конкурентоспособностью предприятия является разработка методов ее анализа и измерения, что, в свою очередь, позволит управлять ее уровнем и проводить сравнительный анализ конкурентоспособности субъектов рынка. Неоднозначность существующих в современной экономике методических подходов к исследованию конкурентоспособности предприятия предопределяет и множественность используемых методов их оценки.

Принципиально все применяемые методы определения и оценки уровня конкурентоспособности предприятия могут быть объединены в следующие группы:

1) основанные на анализе сравнительных преимуществ;
2) базирующиеся на теории равновесия фирмы и отрасли;
3) построенные на основе теории эффективной конкуренции;
4) основанные на теории качества товара;
5) матричные методы оценки конкурентоспособности;
6) интегральный метод;
7) основанные на теории мультипликатора;
8) определение позиции и конкуренции с точки зрения стратегического потенциала предприятия.

Предпосылкой для завоевания предприятием прочных конкурентных позиций считается наличие сравнительных преимуществ, дающих возможность обеспечить относительно низкие затраты производства по сравнению с конкурентами. В качестве критериев оценки в рамках теории сравнительных преимуществ, кроме издержек производства, употребляются следующие: объем прибыли, норма прибыли, объем продаж, доля на рынке. Конкурентоспособность предприятия оценивают также по качеству продукции с использованием метода многоугольных профилей. Этот метод является одним из немногих, обладающих наглядностью оценки.

В качестве примера для анализа конкурентоспособности организации выбрано предприятие ОАО «Брестское пиво». Выбор предприятия для примера достаточно противоречив по логике: предприятие находится в стадии банкротства, на нем введена процедура санации. Этим и определяются особые условия проведения исследования, ре-

зультатом которого станут методические рекомендации по повышению конкурентоспособности предприятий, работающих в кризисных или предкризисных условиях.

При производстве напитков ОАО «Брестское пиво» использует высококачественный солод и хмель, а также артезианскую воду, которая проходит обработку на специальных установках (обезжелезивание, умягчение). В качестве ингредиентов, используемых для органолептических показателей напитков, которые выпускаются «Брестским пивом», используются только разрешенные Министерством здравоохранения Республики Беларусь препараты. «Брестское пиво» производит широкий ассортимент продукции. Самую большую долю в структуре ассортимента ОАО «Брестское пиво» занимает пиво (62 % от общего товарного ассортимента).

Основными конкурентами ОАО «Брестское пиво» являются: ОАО «Крыніца», ИЗАО «Пивоварни Хайнекен», ОАО «Пивзавод Оливария», ОАО «Лидское пиво», ПУП «Полоцкие напитки и концентраты». Доля данных предприятий на рынке пива Республики Беларусь в 2016 г. представлена на рисунке 1.

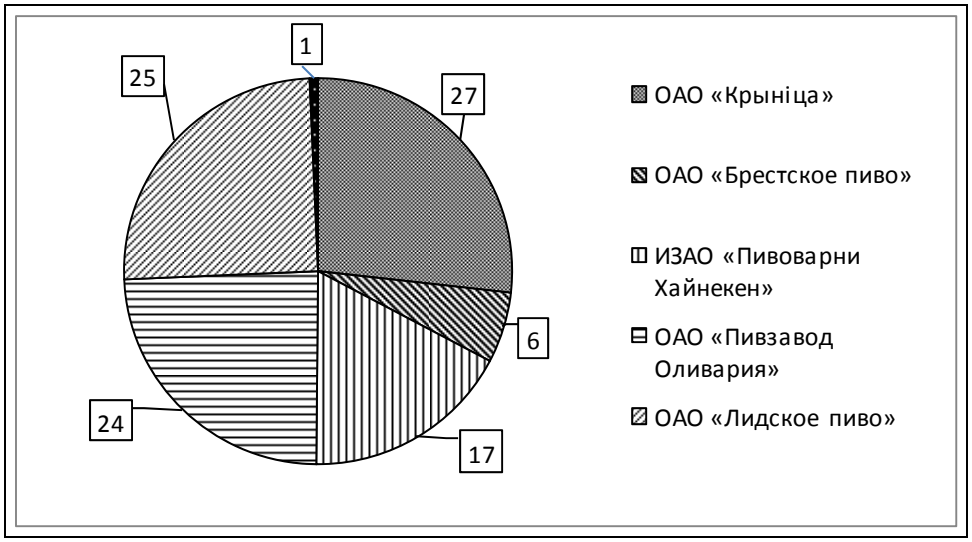


Рисунок 1. – Доля предприятий на рынке пива Республики Беларусь, %

Данные диаграммы показывают, что многие конкуренты имеют больший обхват рынка, чем ОАО «Брестское пиво». Наибольшая доля рынка принадлежит пивоваренной компании ОАО «Крыніца» – 26,7 %, а наименьшая – ПУП «Полоцкие напитки и концентраты» – 0,7 %. На долю ОАО «Брестское пиво» приходится 5,89 % рынка.

Для оценки маркетинговой среды предприятия ОАО «Брестское пиво» и разработки стратегии мероприятий по повышению конкурентоспособности предприятия был проведен SWOT-анализ внутренней и внешней среды ОАО «Брестское пиво».

Изучение данных матрицы SWOT ОАО «Брестское пиво» позволяет сделать вывод, что предприятие должно выработать такую стратегию, которая бы позволила избавиться от основных недостатков, таких как финансовая неустойчивость, зависимость от рынка потребителей, зависимость от основных поставщиков сырья, плохо развитая распределительная сеть, и предотвратить надвигающиеся угрозы. Сильные стороны предприятия, такие как хорошее техническое оснащение, конкурентоспособные цены, оперативное выполнение заказов и хорошее качество производимой продукции, позволяют устранить угрозу появления новых конкурентов, т.е. удержать свои конкурентные

позиции хотя бы на прежнем уровне. Для более эффективной работы и повышения конкурентоспособности «Брестское пиво» должно воспользоваться своими сильными сторонами и исходя из имеющихся возможностей предпринять ряд мер, среди которых:

1) стабилизация финансового положения и платежеспособности за счет продуктивной работы на внутреннем и внешнем рынке;

2) расширение рынков сбыта за счет налаживания эффективной работы распределительной сети, открытия филиалов и торговых домов за рубежом;

3) повышение качества продукции.

Для оценки конкурентоспособности продукции, производимой на ОАО «Брестское пиво», в сравнении с основными конкурентами на внутреннем и внешнем рынке также был применен метод экспертных оценок. Для сравнения были выделены следующие параметры:

1) конкуренты и их ассортимент (доля внутреннего рынка среди основных отечественных конкурентов);

2) доля экспорта среди белорусских производителей пива;

3) качество продукции;

4) средняя закупочная цена;

5) финансовое состояние;

6) доставка продукции;

7) реклама и стимулирование сбыта;

8) степень известности брендов среди покупателей.

Все данные по вышеуказанным критериям были сведены в таблицу 1.

Таблица 1. – Исходные данные для оценки сравнительных преимуществ конкурирующих предприятий

Факторы конкурентоспособности	ОАО «Брестское пиво»	ОАО «Крыніца»	ИЗАО «Пивоварни Хайнекен»	ОАО «Пивзавод Оливария»	ОАО «Лидское пиво»	ПУП «Полоцкие напитки и концентраты»
Широта ассортимента (количество видов)	16	22	17	16	20	7
Доля внутреннего рынка, %	5,89	26,77	17,48	24,18	24,98	0,7
Доля экспорта, %	9,9	63,4	1,0	2,9	19,1	1,3
Качество продукции (1–10), балл	4,6	5,0	4,7	4,7	4,6	4,3
Средняя закупочная цена, бел. руб.	1,58	1,61	1,81	1,92	1,91	1,78
Финансовое состояние (1–10), балл	4	9	8	9	8	7
Доставка продукции, (1–10), балл	8	9	8	8	9	8
Реклама и стимулирование сбыта (1–10), балл	7	9	8	9	8	6
Степень известности брендов среди покупателей (1–10), балл	8	10	9	9	9	7

Для сравнительного анализа был составлен эталонный образец предприятия по производству пива, включающий в себя лучшие характеристики: широта ассортимента – 22; доля внутреннего рынка – 26,77 %; доля экспорта 63,4 %; качество продукции – 5,0 баллов; средняя закупочная цена – 1,58 руб.; доставка продукции – 9 баллов;

степень разрекламированности продукции – 9 баллов; степень известности среди покупателей – 10 баллов.

На основе эталонного образца, было произведено нормирование показателей конкурентоспособности предприятия, путем деления показателей организации на эталонный показатель.

Таблица 2. – Нормированные показатели оценки конкурентоспособных преимуществ

Факторы конкурентоспособности	ОАО «Брестское пиво»	ОАО «Крыніца»	ИЗАО «Пивоварни Хейнекен»	ОАО «Пивзавод Оливария»	ОАО «Лидское пиво»	ПУП «Полоцкие напитки и концентраты»	Весовое значение	Sin угла между радиусами
Широта ассортимента	0,73	1	0,77	0,73	0,91	0,32	0,11	0,6293
Доля внутреннего рынка	0,22	1	0,65	0,90	0,93	0,03	0,10	0,5878
Доля экспорта	0,16	1	0,02	0,05	0,30	0,02	0,10	0,5878
Качество продукции	0,92	1	0,94	0,94	0,92	0,86	0,15	0,809
Средняя закупочная цена	1	0,98	0,87	0,82	0,83	0,89	0,15	0,809
Финансовое состояние	0,44	1	0.89	1	0,89	0,78	0,12	0,682
Доставка продукции	0,89	1	0,89	0,89	1	0,89	0,07	0,4226
Реклама и стимулирование сбыта	0,78	1	0,89	1	0,89	0,67	0,10	0,5878
Степень известности бренда среди покупателей	0,80	1	0,90	0,90	0,90	0,70	0,10	0,5878
Итого	5,60	8,98	6,82	7,22	7,46	5,38	1	–

Согласно данным таблицы 2, ОАО «Брестское пиво» имеет конкурентные преимущества только по закупочной цене. Основными недостатками является качество продукции, финансовое состояние, рекламная деятельность и деятельность по стимулированию продаж, а также степень известности брендов среди покупателей.

Качество продукции ОАО «Брестское пиво», по оценкам экспертов, находится на достаточно высоком уровне и сравнимо с качеством ОАО «Лидское пиво». Здесь в качестве экспертов будем использовать мнения независимых потребителей и специалистов, изучающих производство пива в Республике Беларусь. Такие выводы следуют из публикаций [1–3].

Финансовое состояние ОАО «Брестское пиво» гораздо хуже, чем у его конкурентов. Степень разрекламированности, известность брендов предприятия и продукции ОАО «Брестское пиво» ниже, чем у всех конкурентов. Доля внутреннего рынка ОАО «Брестское пиво» в сравнении с конкурентами незначительна.

На основе данных таблицы и их весовых значений была построена радарная диаграмма конкурентоспособности предприятий (рисунок 2), являющихся основными конкурентами ОАО «Брестское пиво».

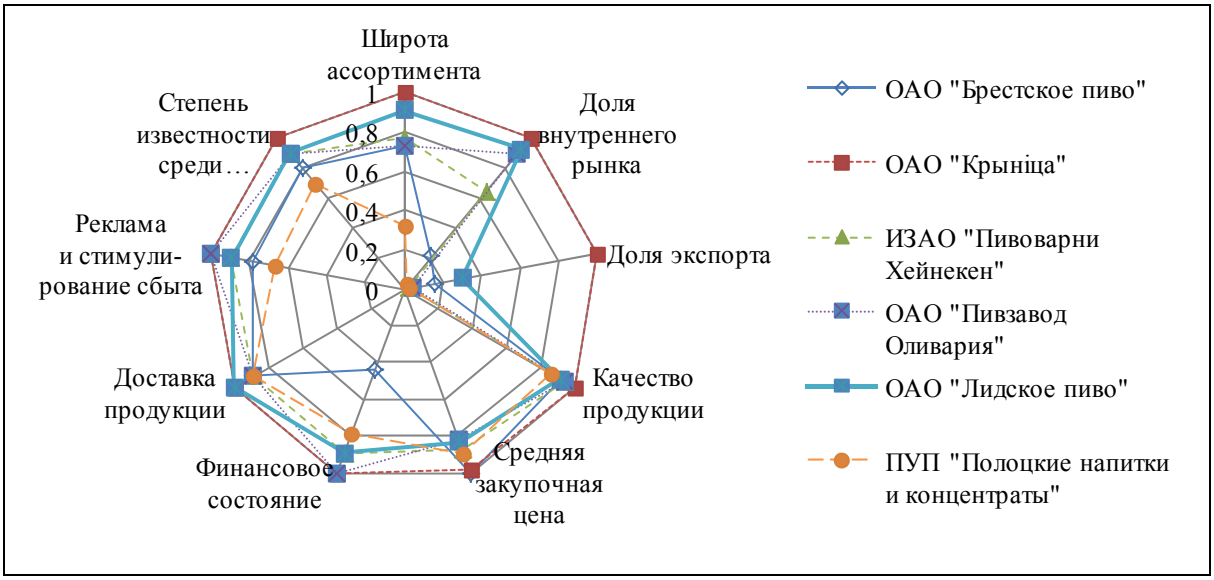


Рисунок 2. – Диаграмма комплексной оценки конкурентоспособности ОАО «Брестское пиво» и его конкурентов

Рейтинг конкурентоспособности предприятий были определены с учетом весового значения и данных таблицы 2 и формулы 1. Площадь многоугольника рассчитывалась по формуле 1 [1]; результаты были сведены в таблицу 3:

$$S = (r_1r_2\sin a_1 + r_2r_3\sin a_2 + ..+ r_4r_5\sin a_4 + r_5r_1\sin a_5)\ /2, \quad (1)$$

где S – площадь многоугольника; r_n – нормированное значение -го показателя; sin a_n – синус между радиусами -го и (n + 1)-го.

Таблица 3. – Рейтинг уровня конкурентоспособности предприятий

Предприятие	Площадь многоугольника	Рейтинг
ОАО «Крыніца»	2,84	1
ОАО «Лидское пиво»	2,01	2
ОАО «Пивзавод Оливария»	1,82	3
ИЗАО «Пивоварни Хейнекен»	1,69	4
ОАО «Брестское пиво»	1,29	5
ПУП «Полоцкие напитки и концентраты»	1,16	6

Заключение

Таким образом, согласно составленному рейтингу ОАО «Брестское пиво» по уровню конкурентоспособности находится на предпоследнем месте, Безусловным лидером на рынке пива Республики Беларусь является ОАО «Крыніца», которое имеет преимущество по всем показателям, кроме цены. На втором месте находится ОАО «Лидское пиво», которое выигрывает в первую очередь за счет большой доли внутреннего рынка и доли экспорта. Для повышения конкурентоспособности руководству ОАО «Брестское пиво» необходимо предпринять меры по улучшению своих показателей по следующим направлениям: 1) повысить качество продукции; 2) улучшить финансовое состояние; 3) улучшить маркетинговую деятельность; 4) расширить рынки сбыта.

Одним из наиболее эффективных инструментов, позволяющих наладить механизм управления повышения конкурентоспособности, является бенчмаркинг. Суть конкурентного бенчмаркинга сводится в постоянном изучении и анализе деятельности более сильных конкурентов, чтобы в дальнейшем перенять используемые ими стратегические механизмы для повышения эффективности деятельности собственного предприятия и как следствие повышения его конкурентоспособности. Использование конкурентного бенчмаркинга позволит отслеживать появление новых видов пива на рынке, уровень их качества, новые технологии в производстве, используемые конкурентами, наиболее эффективные механизмы повышения интереса потребителей к продукции предприятия.

Качество продукции является одним из основных факторов, влияющих на имидж и репутацию предприятия, поэтому для повышения своей конкурентоспособности предприятие должно регулярно вести работу по отслеживанию качества производимой продукции на всех стадиях ее производства и применять меры по его повышению. Кроме того, получить конкурентные преимущества предприятие может посредством эффективной маркетинговой деятельности, включающей маркетинговые исследования рынка, продвижение продукции, стимулирование сбыта и др.

В целях повышения конкурентоспособности ОАО «Брестское пиво» должно принимать участие в выставках, проходящих не только в Республике Беларусь, но и за рубежом. Среди предлагаемых направлений рекламной компании по повышению конкурентоспособности ОАО «Брестское пиво» важное значение имеет регулярное размещение рекламы в прессе. Эффективным средством продвижения продукции и как следствие повышения конкурентоспособности предприятия является внутримагазинная реклама. Таким образом, реализация предложенных мероприятий по оптимизации маркетинговой деятельности ОАО «Брестское пиво» позволит улучшить положение предприятия и его продукции на рынке, получить преимущества в сравнении с конкурентами и повысить свою конкурентоспособность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пивная промышленность [Электронный ресурс] / Р. Осипов [и др.] // ЗАО Инвестиционная компания ЮНИТЕР. – 2015. – Режим доступа: https://uniter.by/upload/-brewing%20industry.pdf. – Дата доступа: 01.11.2017.

2. Особенности производства. Как варят Брестское пиво [Электронный ресурс] / В. Борисевич // ООО БИНКЛБАЙ. – 2017. – Режим доступа: http://docplayer.ru/258352-99-Pivnaya-promyshlennost.html. – Дата доступа: 01.11.2017.

3. Белорусский рынок пива [Электронный ресурс] / Р. Осипов [и др.] // Beer-Mir.com. Forum. – Режим доступа: http://forum.beermir.com/viewtopic.php?t=649&-postdays=0&postorder=asc&start=0. – Дата доступа: 01.11.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Petrukovich D.A., Sedel O.Ya. **Ways to Increase Competitiveness of the Organization in Special Conditions**

The article considers the position of the main beer producers in the market of the Republic of Belarus. The need to develop measures to increase the competitiveness of an individual enterprise in the process of bankruptcy (sanation) is established. The estimation of individual indicators of enterprise competitiveness is given. On the basis of the analysis of indicators, methodological recommendations are proposed to increase the level of competitiveness of an enterprise that is in special conditions.

А.И. Забейворота
д-р юрид. наук, проф., проф. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: law@brsu.brest.by

НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ПО ПОВОДУ НОВОГО УЧЕБНИКА ПРОФЕССОРА ИГОРЯ ПОНКИНА «ТЕОРИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ»

Вышедший в сентябре 2017 г. учебник «Теория публичного управления» для магистратуры и программ «Master of Public Administration» [1], написанный известным ученым и педагогом, доктором юридических наук, профессором Игорем Владиславовичем Понкиным, не мог остаться не замеченным специалистами. Привлек этот учебник и наше внимание, дав повод для размышлений и рефлексий и побудив взяться за перо, чтобы высказать некоторые соображения.

Рецензируемый учебник заявлен как предназначенный для обучающихся по направлениям «Государственное и муниципальное управление» и «Юриспруденция» – «Правовое обеспечение государственного и муниципального управления» (квалификация «магистр»), а также по программам Master of Public Administration (MPA).

Актуальность этого учебника не вызывает никаких сомнений, поскольку, как показывает практика, сегодня высшая школа, в частности российская, испытывает острейшую потребность в высококачественных учебниках и учебных пособиях по государственному управлению, по управлению вообще.

Это уже не первый учебник И. Понкина, посвященный вопросам управления. Но по сравнению с его книгами [2; 3] рецензируемый учебник являет собой, по существу, новый самостоятельный учебно-научный продукт.

Предисловие к учебнику написал известный правовед-административист доктора юридических наук, профессор А.Б. Зеленцов. Учебник состоит из 3 частей, включающих 21 главу.

Часть I «Фундаментальные начала общей теории публичного управления» поделена на 9 глав, в которых раскрываются общие понятия науки публичного управления (общей теории публичного управления), онтологии публичного управления; фундаментальные понятия общей теории публичного управления; особенности, место и значение проблем и пределов возможного задействования правового регулирования и правового обеспечения в системе и процессе публичного управления. Рассмотрены понятия порядка и процесса в публичном управлении, вопросы сложных систем, энтропии и негэнтропии в публичном управлении. Сформулированы и в целом описаны принципы публичного управления, цели и целеполагание публичного управления, ключевые инструменты публичного управления и публичной политики. Показаны существующие модели и основные инструментальные концепты (подходы) публичного управления.

Часть II «Особенности публичного управления специфическими предметно-объектными областями и в особых условиях» относительно небольшая: один вводный параграф и две главы, посвященные основам и особенностям публичного управления городом и особенностям публичного управления в условиях военного времени.

Наиболее инновационная в учебнике (хотя такое определение применимо ко всей книге) – часть III «Теория девиантологии государственного управления», включающая 10 глав. Изложенный здесь материал затрагивает вопросы теории девиантологии государственного управления, ее предметной области, оснований и методов, особенностей и перспектив ее становления, неопределенности и рисков в государственном

управлении, патологий, дефектов и дисбалансов в государственном управлении, дефектов и дисбалансов в праве. Раскрыто содержание негативных трансформаций и состояний государства и государственного управления, а также инструментов и технологий разрушения государств, основных причин, предпосылок и детерминантов корродирования государственности. С другой стороны, автор учебника не обошел вниманием вопросов обеспечения устойчивости и мощи, резистентности и резильентности системы публичного управления, сильного государства. Раскрыто содержание некоторых подходов к проектированию, организации и реализации омологированного государственного управления. Отдельно автор останавливается на теме возможности и необходимости привлечения в теорию публичного управления методологии из других научных направлений. Эта часть, как нам видится, составляет особую ценность рассматриваемого учебника.

По каким причинам Российская империя, затем и СССР распались? Что привело к тому, что Византия не смогла устоять перед внешним врагом? Где кончается возможность государства противостоять «ударам судьбы» и ударам недругов, в результате чего оно начинает разрушаться? И что можно противопоставить таким ударам, какую «прививку» от недугов и разрушений следует сделать государству и обществу? Что делает государство сильным? Поискам ответов на эти вопросы посвящены десятки книг и статей, но наиболее примечательные, по нашему мнению, принадлежат авторству профессора И.В. Понкина. И такие материалы как раз и составили часть III учебника.

Каковы другие достоинства рассматриваемого учебника? Это сама идея его появления на свет именно в таком концептуальном замысле, отличающем этот учебник от прочих, посвященных проблемам государственного управления. Решиться на слом стереотипов (в структуре такого учебника, в расстановке акцентов), – это непросто даже для доктора наук.

Относительно концепции построения учебника отметим: сегодня для подготовки не «эффективных манагеров», а действительно высококлассных управленцев необходима системная подача информации, преподавание особенностей, содержания и возможностей технологий и процесса функционирования системы органов публичного управления. Соответственно, необходимо описание структуры этой системы, ее инструментария и технологических приемов, описание целей и принципов, исходных данных и оснований публичного управления как в статике, так и в динамике, как в спокойных нормальных условиях, так и в условиях кризисных, условиях неопределенности, в условиях войны и т.д. Т.е. речь идет о весьма разнородном, разноуровневом и очень сложном материале. Сложном не только для понимания, но и изложения. Поэтому основная проблема в написании такого рода пособия (если мы говорим о добротном продукте) заключается в обеспечении логической стройности и сбалансированности изложения материала. Смеем утверждать, что автору учебника в целом удалось успешно разрешить эту проблему, изложив материал строго научно, предельно конкретизированно и вместе с тем вполне доступно для обучающихся, хотя и на высоком уровне сложности.

При этом, на первый взгляд, работа может показаться слишком перегруженной и терминами, и сносками (мыслимое ли дело – почти две тысячи!), и общим объемом, но внимательное ознакомление с учебником легко развеивает это, оказывается, неверное впечатление. Учебник охватывает большее число важнейших тем и аспектов теории публичного управления, чем какой бы то ни было другой российский учебник по госуправлению. Причем материал по каждой теме дается в квинтэссенции, выжимке,

в емких оригинальных авторских толкованиях, а работа при всей ее содержательной насыщенности написана ясным языком, легко читаема.

В отношении необходимости кардинального изменения подготовки управленцев отметим, что это общая проблема всех государств. Широко известна притча про выпускников французской Национальной школы государственного управления (École nationale d'administration – ENA) (все сходятся во мнении, что их же и авторства): «Както раз решили выпускники ENA и бригада "работяг" провести между собой соревнование по гребле, на шлюпках по десять гребцов. Во время первой гонки "работяги" опередили выходцев из ENA на полкорпуса. Те провели исследование и, придя к выводу, что в команде нет умелых руководителей, заменили двух гребцов директором и инструктором. Во второй гонке выпускники отстали на три корпуса лодки. Они провели еще одно исследование и пришли к заключению, что у восьми гребцов нет достаточного стимула к победе. Троих гребцов они заменили руководителем отдела, его заместителем по связям с общественностью и руководителем службы по контролю за качеством. В команде осталось пять гребцов и стало пять управленцев. В третьей гонке выпускники, отстав на двадцать корпусов, решили, что вся система гребли нуждается в коренном преобразовании. И оставшиеся гребцы были заменены аудиторами. В последней гонке шлюпка ENA даже не двинулась с места. Аудиторы заявили, что овчинка не стоит выделки и гонку следует немедленно прекратить. Выпускникам ENA было все равно: они получили большие премии и были отправлены в чужие края для повышения квалификации» [3].

Вывод по результатам анализа вышеуказанного учебника И.В. Понкина таков: в «Теории публичного управления» раскрывается природа публичного управления, его нравственные, нормативно-правовые и научные основания, обоснованы цели и задачи, принципы и логика, инструментарии и концепты, модели публичного управления, особенности публичного управления в особых условиях и публичного управления специфическими объектами, выявляются проблемы государства и системы государственного управления, обоснованы тренды и перспективы развития, а также новые подходы в государственном управлении.

Учебник И.В. Понкина содержит подробную информацию и глубокий разбор всех тематических полей и сфер общей теории публичного (государственного и муниципального) управления, обладает солидным информационно-справочным потенциалом. «Теория публичного управления» И.В. Понкина – хорошо проработанное с научной точки зрения, ориентированное на реальный учебный процесс пособие, учитывающее учебно-методические аспекты преподавания дисциплин, связанных с вопросами государственного управления. И это неслучайно, поскольку автор не только ученый-теоретик, но и преподаватель, апробирующий свои материалы на учебных занятиях.

Что сказать о недостатках? Скажем, в учебнике недостает конкретных рекомендаций по наведению порядка в государственном управлении в России. Разделы, посвященные концепту хорошего (надлежащего) государственного управления и новой модели государственного управления, технологиям управления рисками, неопределенностями и ошибками в государственном управлении, – все это несколько иное, это теория, хотя и прекрасно изложенная. Мы же говорим о рецептах, стратегических и оперативно-инструментальных.

Недостатком, на наш взгляд, является и отсутствие описания моделей государственного управления, имевшие место в нашей стране ранее. И еще. Задавая на страницах 33–34 вопросы для самоконтроля, И.В. Понкин предлагает кратко охарактеризовать французскую, американскую, итальянскую, испанскую, немецкую, канадскую, британ-

скую и другие научные школы публичного управления. Но в самом учебнике ответов на эти вопросы нет. Хотя такое изложение (да еще в сопоставительном разрезе) сделало бы этот учебник более целостным.

Несмотря на отмеченные недочеты (не столь уж и существенные на самом деле для столь неординарного издания), исследуемый учебник И.В. Понкина «Теория публичного управления» для магистратуры и программ Master of Public Administration представляет собой уникальный и ценный труд, обеспечивающий совершенствование содержания и методики преподавания теории государственного и муниципального управления в сравнении с изданными ранее учебниками других авторов с ранее применявшимися подходами.

Учебник оставляет очень хорошее впечатление, приготовлен с учетом передового зарубежного и российского опыта преподавания теории государственного и муниципального управления и, безусловно, будет полезен всем тем, на кого он и рассчитан. Впрочем, названный учебник многое даст и уже сложившимся специалистам по управлению как в государственном, так и в частном секторах. Поэтому он будет, несомненно, востребован как обучающимися, так и профессорско-преподавательским составом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Понкин, И. В. Теория публичного управления : учеб. для магистрантов и программы Master of Public Administration / И. В. Понкин ; Ин-т гос. службы и упр. РАНХиГС при Президенте Рос. Федерации. – М. : Буки Веди, 2017. – 728 с.

2. Понкин, И. В. Общая теория публичного управления. Правовые основы, цели, принципы, инструменты, модели и концепты публичного управления : лекц. курс / И. В. Понкин ; Ин-т гос. службы и упр. РАНХиГС при Президенте Рос. Федерации. – М. : Буки Веди, 2016. – 252 с.

3. Понкин, И. В. Теория девиантологии государственного управления. Неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / И. В. Понкин ; Ин-т гос. службы и упр. РАНХиГС при Президенте Рос. Федерации. – М. : Буки Веди, 2016. – 250 с.

3. Кларк, С. Франция и французы. О чем молчат путеводители / С. Кларк ; пер. с англ. Ю. С. Евтушенкова. – М. : РИПОЛ классик, 2014. – С. 57–58.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.11.2017

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія зборніка навуковых прац разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць афармлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць афармлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэферате, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносак.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *С.Ф. Бут-Гусаім, К.М. Мароз, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 29.12.2017. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 29,06. Ул.-выд. арк. 21,80.
Тыраж 100 экз. Заказ № 542.
Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.
224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.